

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

TOZZER LIBRARY

X 8PL 1 Z

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY

OF THE

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY

IN EXCHANGE WITH

Gos. Russkoe geograficheskoe
obshchestvo.

Received April 21, 1933.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
по Отдѣленію Этнографіи.
т. XXX.

ПЕЧОРСКІЯ БЫЛИНЫ.

Записалъ Н. Ончуковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Н. Соколова и В. Пасторъ, Фонтанка 58.

1904.

21.96

4. 5. L. Soc. 100. 54. 2. 14. 1
Exchange gift with the
Sov. Russkoe Geograficheskoe
Obshchestvo
Dec. April 21, 1933.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.

Издано подъ редакціей члена-сотрудника Общества Н. Е. Ончукова.

Отъ собирателя.

Только благодаря поддержкѣ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ удалось мнѣ съѣздить на Печору и записать „Печорскія былины“. Поэтому, выпуская въ свѣтъ эту книгу, долгомъ своимъ считаю принести глубокую благодарность обоимъ этимъ ученымъ учрежденіемъ. Въ особенности глубоко, глубоко благодаренъ я предсѣдателю Отдѣленія Этнографіи академику *Владимиру Ивановичу Ламанскому*, который кромѣ того, что всегда способствовалъ моимъ лѣтнимъ поѣздкамъ, но и вообще первый направилъ меня на занятія этнографіей. Глубокую благодарность я долженъ выразить также академику *Алексию Александровичу Шахматову*, также принимавшему живое участіе въ моихъ поѣздкахъ и никогда не оставлявшего меня своими совѣтами. Много благодарить я долженъ *Василія Ильича Чернышева*, не только взявшагося, во время печатанія книги, по корректурнымъ листамъ, изслѣдовать языкъ Печорскихъ былинъ, но и раздѣлившаго со мной утомительный трудъ чтенія корректуръ первыхъ 12-ти листовъ текста былинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Отъ собирателя	—
II. Былинная поэзія на Печорѣ <i>Н. Олчукова</i>	I
III. Забѣтка о языкѣ Печорскихъ былинъ <i>В. Чернышева</i>	XXXVI

А. Старины Устьцылемской волости.

(А. селенія по рѣкѣ Пижмѣ).

I. Деревня Чуркина.

1. *Чуркина ѳедосья Емельяновна*.

1. Застава Богатырская (Илья Муромецъ и Сокольникъ).	5
2. Илья Муромецъ въ опалѣ	16
3. Олеша Поповичъ и сестра братьевъ Долгополыхъ	22
4. Васька Игнатьевъ	26
5. Скопинъ	33

II. Село Заможное (Замогъ).

2. *Осташовъ Анкудинъ Ефимовичъ*.

6. Вой Илья Муромца съ сыномъ	37
7. Вой Добрыни и Дуная	41
8. Соловей Будимировичъ	45
9. Фатѣнко	47
10. Садокъ	50
11. Василій Буславичъ	52
12. Бнязь Долгорукой и ключникъ	57
13. Небылица	59

VIII

13. *Чупровъ Алексѣй Васильевичъ.*

57. Потыкъ	237
58. Вдова и разбойники	245

VI. Деревня Рощинскій ручей.

59. Добрыня и змѣя	247
60. Скопинъ	251

VII. Деревня Уегъ.

15. *Вокуевъ Анисимъ Федоровичъ.*

61. Святогоръ	256
62. Илья Муромецъ и голи	257
63. Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство Добрыни	258
64. Алеша Поповичъ, Екимъ и Тугаринъ	260
65. Василій Казимировичъ	263
66. Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна	269
67. Небылица про льдину	274
68. Отрывокъ	275

VIII. Деревня Верхнее Бугаево.

16. *Шимоловъ Василій Дорофеевичъ.*

69. Чурило и невѣрная жена	276
70. Садко	278

IX. Село Среднее Бугаево.

17. *Шимолова Марія Кузьмовна.*

71. Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна	279
---	-----

Б. Старины Пустозерской волости.

X. Село Великая Виска.

18. *Шальковъ Николай Петровичъ.*

72. Потапъ Артамоновичъ	285
-----------------------------------	-----

73. Гремять Мануйловичъ, Идолъ Жидойловичъ и Анна, племяница Владимира князя	292
74. Василий Буслаевъ	297
75. Садко	301
76. Данилко Денисевичъ	305
77. Кострюкъ	307
78. Голубиная книга	308
79. Небылица про Щуку пзъ Бѣлаго озера	311

19. Дитятевъ Алексѣй Ивановичъ.

80. Иванъ Горденовъ	313
81. Скопннъ	321

20. Безумовъ Степанъ Алексѣевичъ.

82. Горе	325
--------------------	-----

21. Дитятева Прасковья Ивановна.

83. Небылица	329
------------------------	-----

XI. Деревня Бѣдовая.

22. Марковъ Павелъ Григорьевичъ.

84. Вольга Всеславьевичъ	331
85. Олеша Поповичъ, Екимъ-паробокъ и Тугаринъ	333
86. Дунай	338
87. Василий Игнатьевъ	344
88. Василий Буслаевъ въ Новгородѣ	346
89. Василий Буслаевъ въ Иерусалимъ ѣздилъ	351
90. Садко	358
91. Кострюкъ	363
92. Царь Иванъ Васильевичъ	370

XII. Деревня Пылемецъ.

23. Хабаровъ Степанъ ѳедоровичъ.

93. Михайло Карамышевъ	394
94. Василій Буслаевъ	396

XIII. Село Куя.

24. Шевелева Парасковья Ивановна.

95. Олеша Поповичъ женится	289
--------------------------------------	-----

XIV. Деревня Нарыга.

25. Никоновъ Василій Артамоновичъ.

96. Потапъ Ивановичъ 12-ти лѣтъ	394
97. Василій Буслаевъ	396
98. Кострюкъ	397
99. Князь Гагаринъ	400
100. 14-е декабря 1825 г.	401
101. Жена разбойника	401
—	
— Словарь мѣстныхъ словъ	403
— Указатель именъ	416

Былинная поэзія на Печорѣ *).

I.

Лѣтомъ 1901 г. мнѣ пришлось побывать на низовой Печорѣ. Зная, что два года назадъ г. Марковъ записалъ свои „Бѣломорскія былины“ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, а А. Д. Григорьевъ — въ Поморьѣ, я естественно поинтересовался нѣтъ-ли былины и на Печорѣ, хотя наличность ихъ тамъ однимъ изъ прежнихъ изслѣдователей-этнографовъ и отрицалась.

При первыхъ-же разспросахъ на мѣстѣ, тотчасъ выяснилось, что на Печорѣ, даже въ такомъ бойкомъ мѣстѣ ея какъ Усть-Цыльма — мѣсто центральное, больше похожее на городъ — существуютъ „старинны“, которыя поются стариками.

Захотѣлось непременно выяснить, что это за старинны такія? провѣрить не былины-ли это? А если былины, насколько въ качественномъ и количественномъ отношеніи онѣ сохранились? Сдѣлать все это было очень не трудно при большомъ добродушіи и довѣрчивости усть-цыльмовъ, хотя они всеъ погловно старообрядцы. Въ первый-же свободный день, въ воскресенье, три старика явились ко мнѣ на квартиру и когда стали пѣть старины, сомнѣнія не было, что это былины. Что былины еще очень много на Печорѣ, въ этомъ меня увѣрили на первый-же разъ. Старики говорили шутя „всеъ старинны тебѣ не переписать у насъ — бумаги у тебя не хватить“.

Однако въ то лѣто я успѣлъ записать только *семь былинъ*. Этому единственной причиной быть поздній мой пріѣздъ на Печору. Въ Усть-Цыльму я

---

*). Статья эта уже была начата въ 3—4 вып. «Жив. Стар.» за 1902 г. Въ настоящ. изложеніи она переработана и значительно сокращена.

попалъ къ Петрову дню, когда кончалась бывающая всю весну въ Усть-Цыльмѣ ярмарка, сплывали внизъ по рѣкѣ съ караванами чердынцы, поспѣвала трава на пожняхъ, раскинутыхъ по берегамъ Печоры и ея притоковъ или въ лѣсныхъ рощистяхъ, а по Печорѣ начала большими массами „идти вверхъ семга“. И всѣ усть-цыльмы, какъ и всѣ остальные печорцы, семьями въ полномъ составѣ, со старухами и ребятишками, иногда даже съ животными (лошадей и собакъ берутъ съ собой на пожни, коровъ отправляютъ со старухами за Печору, въ лѣсныя избушки на подножный кормъ), заколачивая дома отправляются изъ селеній—часть на пожни, часть на рыбныя ловли.

Привезенныя изъ лѣтней поѣздки 1901 года семь былинъ были напечатаны въ „Извѣстiяхъ Отд. русск. языка и словесности И. Академіи Наукъ“, а весной 1902 года Географическое Общество и 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ дали мнѣ средства, чтобы еще разъ съѣздить на Печору уже нарочно за былинами. Чтобы поѣздка была наиболѣе плодотворной, а запись былинъ возможно большей, нужно было пріѣхать на Печору въ такое время, когда мѣстные крестьяне совсѣмъ свободны отъ работъ. Въ этомъ отношеніи о Печорѣ нужно сказать то же, что говорится вообще о русскомъ Сѣверѣ: свободное для крестьянъ время это отъ Пасхи до Петрова дня; печорцы пріѣзжаютъ тогда съ промысловъ рыбы, возвращаются съ звѣриной ловли, вслѣдствіе распутицы не занимаются извозомъ. Всѣ тогда дома, всѣ свободны; тогда происходитъ наибольшее количество свадебъ — кладъ для этнографа, — а когда пройдетъ Печора и пріѣдутъ „съ верховъ“ каютчики-чердынцы, въ Усть-Цыльмѣ „на горкѣ“ каждый вечеръ собираются хоровады. Въ Усть-Цыльмѣ во время ярмарки перебивается постепенно вся раскинутая на огромномъ пространствѣ волость, такъ что не выѣзжая изъ этого села можно переvidать жителей всѣхъ, иногда отдаленнѣйшихъ селеній. Совершенно свободнаго для печорцевъ времени, пожалуй, меньше—отъ Пасхи до вскрытія Печоры,

т. е. время „распуты“ такъ какъ по вскрытіи рѣки часть крестьянъ сейчасъ-же начинаетъ ловить рыбу и кончаетъ это занятіе глубокой осенью, когда рѣка встанетъ. Принимая все это во вниманіе и научный къ тому-же горькимъ опытомъ лѣта 1901 года, въ 1902 г. я рѣшилъ ѣхать на Печору по зимнему пути на лошадяхъ. Но и тутъ нужно было рассчитать время такъ, чтобы пріѣхать не позже, не раньше, такъ какъ во второмъ случаѣ я рисковалъ долго прожить на Печорѣ безъ дѣла; и это непременно-бы случилось, если-бы я пріѣхалъ на Печору еще въ Великомъ посту, особенно на его послѣднихъ недѣляхъ: печорцы-старообрядцы, да и печорцы-православные, обычно очень религіозно настроенные, едва-ли-бы стали мнѣ пѣть что нибудь свѣтское въ это время. По крайней мѣрѣ, я встрѣтилъ послѣ въ Усть-Цыльмѣ старинщика, не согласившагося пѣть мнѣ даже на пасхальной недѣлѣ, а послѣ праздниковъ пѣвшаго только по воскресеньямъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 2-го апрѣля, 5-го былъ я въ Архангельскѣ, 6-го уже выѣхалъ, по самому послѣднему пути, на лошадяхъ на Печору. Мнѣ предстояло сдѣлать въ саняхъ около 800 верстъ, а время стояло самое неблагоприятное для этого: немилосердно для ранней на сѣверѣ весны палило солнце, быстро таялъ снѣгъ и быстро портились дороги, по которымъ ѣхать становилось едва возможно, а такъ какъ большая половина зимняго тракта на Печору идетъ рѣками (С. Двина, Пинега, Мезень, Цыльма), то и небезопасно: ледяной покровъ рѣкъ вездѣ освободился отъ снѣга и посинѣлъ, появились большія забереги, у самыхъ краевъ дороги зловѣще темнѣли полыньи... Сильно разбитый, сдѣлавъ въ шесть дней 800 верстъ, 12 апрѣля пріѣхалъ я на Печеру въ Усть-Цыльму, а со второго дня Пасхи могъ уже приняться за работу. Знакомствъ заводить мнѣ было не нужно: въ Усть-Цыльмѣ жили старинщики, не использованные мною еще въ прошлый мой пріѣздъ на Печору. Всю пасхальную недѣлю я записывалъ былины въ Усть-Цыльмѣ и къ концу ея, когда старинщики отчасти

поистожились, а отчасти поутомились, въ Фомино воскресенье, 21 апрѣля выѣхалъ въ селенія на рѣкѣ Пижмѣ. И выѣхалъ все еще по зимнему пути: на самыхъ послѣднихъ дняхъ страстной недѣли погода внезапно измѣнилась, подулъ вѣтеръ съ океана, выпала „перенѣва“, и свѣтлый праздникъ печорцы встрѣтили, какъ рождество, въ совикахъ и малицахъ. Съѣздить въ селенія, раскиданныя по рѣкѣ Пижмѣ, по зимней дорогѣ было очень выгодно: путь во всѣ деревни укорочался на половину и втрое сокращалось время. Побывавъ во всѣхъ деревняхъ Пижмы, кромѣ трехъ отдаленнѣйшихъ, съ небольшимъ „жиломъ“ гдѣ навѣрняка, говорили мнѣ, нѣтъ былинь, 26 апрѣля я прѣхалъ обратно въ Усть-Цыльму, гдѣ и сталъ переживать распуту, ждать вскрытія Печоры. Ждать этого „событія“ на Печорѣ, мѣняющаго совершенно ея зимнюю фізіономію, пришлось очень долго. Вычислито, что Печера въ среднемъ вскрывается 5-го мая, рѣдко она вскрывается въ самомъ концѣ апрѣля, а въ тотъ годъ въ Усть-Цыльмѣ Печора тронулась 14 мая, а ледъ пошелъ 16 мая. Въ Пустозерскѣ и др. селеніяхъ низовья, Печора тронулась 26—28 мая! Все время распуты я уже ни шагу не могъ сдѣлать изъ Усть-Цыльмы, такъ какъ гораздо раньше Печоры вскрылись маленькіе, впадающіе въ нее ручьи и рѣчки и обратясь въ стремительныя бурурны отрѣзали путь даже въ ближайшія къ Усть-Цыльмѣ деревни: мостовъ вѣдь на Печерѣ не полагается, а если такыя и есть кой гдѣ, то при отсутствіи на Печорѣ земства, дорожное дѣло находится тамъ совсѣмъ въ плачевномъ состояніи. Въ отношеніи записи новыхъ былинь все время распуты было для меня потеряно, такъ какъ усть-цылемскіе старинщики были мной всѣ использованы. Когда Печора совсѣмъ очистилась ото льда, и пришелъ первый пароходъ, я уѣхалъ изъ Усть-Цыльмы и уже все время вплоть до 4-го іюля—дня моего выѣзда съ Печеры обратно—провелъ въ разъѣздахъ, то на пароходѣ, то въ лодкѣ, то на лошадахъ, а случалось, что ходилъ и пѣшкомъ.

Двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ — Усть-

цылемская и Пустозерская, располагаются по берегамъ Печоры приблизительно на 325—330 верстахъ; Усть-Цылемская волость—кромѣ того еще по рр. Цыльмѣ, Пижемѣ и Нерицѣ, а Пустозерская — по одному селенію на рѣчкахъ Сулѣ (д. Сула) и Куѣ (выс. Порсондуй). Если къ линіи, по которой селенія обѣихъ русскихъ волостей распластались по Печорѣ, причислить линіи поселеній по рр. Цыльмѣ, Пижемѣ, Нерицѣ, Куѣ и Сулѣ, то получимъ цифру до 1.000 верстъ; конечно объѣхать всѣ селенія до одного обѣихъ русскихъ волостей было-бы очень трудно, а въ нѣкоторыя селенія попасть лѣтомъ прямо-таки невозможно, *) да въ этомъ я не видѣлъ и необходимости для моей цѣли: навѣрное извѣстно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ старинъ.

Сообщеніе по рѣкѣ Печорѣ, конечно, стало безусловно доступнѣе въ послѣднія десять лѣтъ, но все-же оно еще очень далеко, напр., даже отъ любого глухого земскаго уѣзда въ Россіи. Дѣло въ томъ, что Печора совсѣмъ еще не знаетъ тѣлѣжныхъ дорогъ, если исключить двѣ станціи (Пылевецъ-Пустозерскъ=24 в. и Пустозерскъ-Тельвиска=20 в.). Лѣтомъ ѣздить исключительно въ лодкахъ или, въ послѣднее время, на пароходѣ. Но почтовый пароходъ дѣлаетъ рейсъ въ 10 дней—во-первыхъ, во-вторыхъ, переѣздки изъ мелкихъ селеній въ таковыя-же или изъ мелкихъ въ крупныя и обратно, по прежнему, приходится совершать на очень большихъ печорскихъ лодкахъ, внизъ по водѣ на веслахъ, вверхъ — бичевой, если нѣтъ попутнаго

---

*) Напр., дер. Омелна на р. Цыльмѣ, мѣсто бывшаго Цылемскаго старообрядческаго скита (закрытъ, если судить по бумагѣ Пинежскаго духовнаго правл. отъ 20 Апр. 1851 г., хранящейся въ архивѣ Устьцылемскаго собора—въ 1851 году), весьма интересная для посѣщенія, находится въ 250 в. отъ Усть-Цыльмы. Ѣхать туда лѣтомъ нужно въ лодкахъ, на шестикахъ, 200 верстъ по совершенно незаселенной мѣстности. Земскіе ямщики туда, конечно, не повезутъ, вольнонаемные также едва-ли, а если-бы какой нибудь охотникъ и согласился проѣхать 500 в. въ лодкѣ—возьметъ очень дорого. Омелинцы, правда, приѣзжаютъ разъ въ годъ въ Усть-Цыльму за хлѣбомъ, во время приѣзда на Печору чердынцевъ, но они едва-ли согласятся везти къ себѣ посторонняго человѣка, а если и увезутъ впередъ, никакъ нельзя будетъ возвратиться обратно. Омелниной очень заинтересованъ былъ противураскольничій миссіонеръ, живущій въ Устьцыльмѣ, и все-таки въ цѣляхъ шесть лѣтъ онъ не былъ тамъ ни разу, да такъ съ Печоры и уѣхалъ.

вѣтра. Какъ только поднимается сильный вѣтеръ, такъ ѣзда по Печорѣ въ лодкахъ становится невозможной, и мнѣ не разъ приходилось подчиняться капризамъ этой сѣверной красавицы. Когда на Печорѣ поднимется сильный вѣтеръ, а это бываетъ очень часто, не только не особенно заинтересованные земскіе ямщики никуда не повезутъ васъ, но и сами печорцы въ самую горячую для нихъ рабочую пору также никуда не ѣздятъ въ лодкахъ. Въ Великой Вискѣ я видѣлъ трехъ печорцевъ, которые чуть не плакали отъ досады, сидя совершенно безъ всякаго дѣла въ Вискѣ дня четыре, а выѣхать домой не могли, хотя деревня и была всего въ 9 верстахъ. Ёхать въ вѣтеръ нельзя—все равно „прижметъ“ къ берегу, гдѣ и придется сидѣть, пока вѣтеръ не стихнетъ. Бываетъ часто, что, выѣхавъ въ хорошую погоду, но застигнутые въ пути вѣтромъ, путешественники робинзонствуютъ гдѣ нибудь на пустынномъ берегу Печоры недѣлю и больше.

Совершенно безпрепятственно мои работы по записи былинъ могли происходить только во время распуты, когда всѣ крестьяне были дома, но въ распуту я успѣлъ обследовать подробно только село Усть-Цыльму и селеніе по рѣкѣ Пижмѣ. По вскрытіи Печоры, когда я поѣхалъ въ Пустозерскую волость, многихъ изъ хорошихъ сказателей я уже не засталъ дома. Такъ два раза проѣзжая мимо дер. Абрамовской, я справлялся объ очень хорошемъ будто-бы старинщикѣ—Иванѣ Ивановичѣ Горенкѣ, но оба раза не заставалъ его дома. Пробовалъ я сѣздить на рыбную тонию и тамъ поработать. Но условія работы на тоняхъ крайне неблагопріятны, можно сказать, невозможны. Записывать былины я, напр., у костра, между двухъ лодокъ: если сидѣть близко у костра—тепло, но дымъ невыносимо ѣстъ глаза; сѣсть отъ костра дальше, нѣтъ дыму, но руки коченѣютъ отъ пронизывающаго съ океана вѣтра. Вѣтеръ рветъ листы бумаги, валить чернильницу, сыпетъ песокъ въ глаза, и того и гляди, пойдетъ дождь. Ко всему этому нужно прибавить, что человѣкъ 20—30 рыболововъ

толпятся около и своими разговорами, замѣчаніями, вопросами дѣлають работу въ конецъ невозможной. Плохо записавъ двѣ былины и получивъ насморкъ, отъ дальнѣйшихъ попытокъ записывать былины на тоняхъ я отказался. Но съ грѣхомъ поपालамъ записи еще можно дѣлать до Петрова дня. Этотъ праздникъ— послѣдній день, въ которой печорцы свободны. Теперь-же поспѣваетъ трава на пожняхъ, нужно косить; появляется въ рѣкѣ семга, нужно торопиться ловить ее: болѣе или менѣе богатая добыча семги — болѣе или менѣе сытый годъ для Печорца. Это въ Усть-Цыльмѣ. Въ Пустозерской волости многіе съ очищеніемъ Печорской губы ото льда, а съ Петрова дня всѣ безусловно заняты: или тоже ловятъ семгу или отправляются въ Печорскую губу на рыбный и звѣриный промыселъ. Вообще въ обѣихъ волостяхъ съ Петрова дня не до пѣнія старинъ.

II.

Низовую Печору въ этнографическомъ смыслѣ можно подраздѣлить на три группы: 1) на русскихъ, 2) зырянъ-ижемцевъ и 3) самоѣдовъ. Мое вниманіе привлекали, конечно, только двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ—Усть-Цылемская и Пустозерская. Самоѣды и кочевые, и осѣдлые русскихъ былины совсѣмъ не знаютъ *); зыряне-ижемцы старинъ почти не знаютъ, большинство даже не понимаетъ, что значить старина или былина. Но въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и ижемцы старины знаютъ.

---

*) Академикъ Озерецковскій говоритъ про «достопамятныя древности самоѣдскія земли въ Мезенскомъ округѣ»: «Народныя преданія, сверхъ сего правила ихъ вѣры заключаются въ старинахъ (сюдовоцъ) и въ сказкахъ (вада). Старины поютъ голосомъ, а сказки рассказываютъ просто; въ чемъ заключается исторія сего народа. Увеселительныя пѣсни (хыноцъ) поютъ и слагаютъ и мужчины и женщины». Путешествія акад. Ивана Лепехина, т. IV, стр. 204. Знающіе по самѣдски пустозеры отзывались о самоѣдахъ, какъ прекрасныхъ сказателяхъ своихъ старинъ, а также сказокъ. Отъ усть-цылема А. Чуирова и записалъ прекрасную русскую сказку, которую онъ выучилъ отъ самоѣда.

Мнѣ называли въ селѣ Сизябскѣ старика, поющаго „пѣсни про богатырей“—Илью Муромца и др. Видѣть лично мнѣ этого старика не удалось. Нѣсколько такихъ стариковъ живутъ еще по разнымъ селеніямъ въ Ижемскомъ краѣ на Печорѣ; отъ нѣкоторыхъ я лично слышалъ, что они знаютъ старины. Г. Истомина въ 1890 году удалось записать „среди зырянъ Усть-Кожвинской волости нѣсколько былинъ, распѣваемыхъ ими на ломанномъ русскомъ языкѣ“. Это заставило г. Истомина предположить, что „былины... заимствованы зырянами отъ русскихъ сосѣдей ихъ—усть-цылемовъ“. Но когда поиски г. Истомина былинъ у усть-цылемовъ не увѣнчались успѣхомъ, вопросъ о томъ, „откуда зырянами заимствованы русскія былины, остался для него (г. Истомина) не выясненнымъ“ *).

Теперь можно съ большою вѣроятностью предположить, что зыряне-ижемцы дѣйствительно заимствовали свои былины отъ своихъ сосѣдей русскихъ. Предположить это можно тѣмъ больше, что зыряне почти не имѣютъ своей поэзіи; по крайней мѣрѣ въ настоящее время они пробавляются исключительно русскими пѣснями. Но съ другой стороны, для меня большимъ сомнѣніемъ является, что весь свой пѣсенный обиходъ ижемцы заимствовали отъ своихъ сосѣдей т. е. усть-цылемовъ и пустозеровъ. Я нѣсколько разъ слышалъ, какъ поютъ ижемцы, и между ихъ пѣніемъ и пѣніемъ ближайшихъ къ нимъ усть-цылемовъ—большая разница, разница въ напѣвахъ, въ содержаніи, въ языкѣ. Пѣсни ижемцевъ—это или старинныя пѣсни среднихъ губерній Россіи („Ахъ вы сѣни“, „Я вечеръ молода“, „Снѣжки бѣлы и пушисты“), поющіяся здѣсь такими-же напѣвами, какъ и тамъ, или это совсѣмъ и не народныя, а модныя пѣсни, стихотворенія изъ книгъ, романсы, перешедшіе изъ полуинтеллигентныхъ слоевъ сначала въ мѣщанство, а потомъ и въ крестьянство: „Хазь-Булатъ удалой“, „Глядя на лучъ румяннаго заката“, „По

*) «Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ.» томъ XXVI, стр. 433—434.

синимъ волнамъ океана“, самоновѣйшая знаменитая „Разлука“ и др. „Ваньку Ключника“ ижемцы поютъ пѣсней, своимъ текстомъ совпадающей съ текстомъ подъ нынѣшними лубочными картинами и несомнѣнно оттуда взятой, въ Усть-Цылемской волости про „ключника“ поютъ старину, опредѣленно связывая его съ именемъ князя Долгорукова, а дѣйствіе приурочивая къ Москвѣ. Что заимствованія пѣсенъ ижемцами отъ усть-цылемовъ едва-ли были очень ужъ обильны,—за это-же говоритъ и старая вражда между тѣми и другими. Покойному С. В. Максиму въ 1856 году такъ рассказывалъ объ этомъ одинъ усть-цылемъ: „Ижемцы—наши супостаты, супротивники мы съ ними, *изъ старины во враждѣ* и дирались, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертоноснаго побитія дирались. Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемся промежь себя-то, миримся коекакъ. Да и то нѣтъ“... *). Едва-ли такая „до смертоноснаго побитія“ исконная вражда служила благоприятнымъ условіемъ для поэтическихъ заимствованій. Но откуда-же такимъ образомъ заимствовали свои старины ижемцы? Зыряне-ижемцы, выходцы съ рѣки Вычегды, Яренскаго у., Вологодской губерніи, могли, во первыхъ, оттуда, со своей родины, принести на Ижму былины. Затѣмъ, ижемцы, издавна отличаясь торговыми наклонностями, могли перенять старины гдѣ-нибудь при своихъ торговыхъ странствіяхъ. Но всего вѣроятнѣе мнѣ кажется слѣдующее предположеніе. Въ церковной лѣтописи ижемской церкви написано: „По устнымъ преданіямъ старожитовъ первые обитатели (Ижмы) были выходцы новгородскіе, что между прочимъ подтверждается и фамильями: Ануфриевы, Истомины, Рочевы. Затѣмъ къ этимъ выходцамъ поселились изъ Вологодской губ., Яренскаго у., деревни Глотовой-слободы два-три семейства. Эти послѣднія были зыряне, отъ которыхъ на Ижмѣ — ижемско-зырянское нарѣчіе, смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ“. Церковный лѣтописецъ

*) «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 56, 57.

(священникъ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка), говоря о выходцахъ новгородскихъ, какъ первыхъ поселщикахъ Ижмы, не говоритъ только, откуда новгородцы взялись на Ижму. Зато очень опредѣленно объ этомъ говоритъ академикъ Озерецковскій въ 1772 году: „Первые поселяне (Ижмы) были зыряне... Потомъ въ разныя времена присовокупились къ нимъ многія россійскія семьи, вышедшія изъ *Усть-Цылемской слободки*“ *). „Населеніе Ижмы, говорится въ Геогр. Слов. состоитъ изъ зырянъ, вышедшихъ изъ Вологодской губерніи, самоѣдовъ и русскихъ, говорящихъ по зырянски. Есть преданіе, что на Ижму выселились бояре отъ преслѣдованія Ивана Грознаго **). Наконецъ у Ижемскаго старожила—дьякона Сизябской церкви Петра Истомина я записалъ слѣдующее: „Первый житель поселился въ 1567 г. изъ Волог. г., Яренской округи, деревни Глотовой, изъ слободки зырянинъ, по имени неизвѣстно. Отъ него зырянскій языкъ остался въ селеніи Ижма навсегда. Къ нему пріѣхали изъ Усть-Цылемской слободки пять братьевъ Чупровыхъ, изъ новгородцевъ поселились Рочевы, еще есть поколѣніе одно изъ чудскихъ жителей, что нынѣ записаны крестьяне Поповы“. Эти данныя, основанныя на преданіяхъ, имѣютъ подъ собой уже и чисто реальную почву: зыряне-ижмцы разительно по моему отличаются отъ зырянъ Вологодской губерніи своимъ типомъ: они высоки, стройны, въ громадномъ большинствѣ бѣлокуры, съ голубыми глазами, и если-бы не языкъ ижемцевъ, въ большинствѣ совершенно нельзя было-бы отличить ихъ отъ потомковъ новгородцевъ — усть-цылемовъ. Вотъ не предки-ли русскихъ засельщиковъ Ижмы, выходцы изъ Усть-Цыльмы и занесли къ зырянамъ русскія былины? Это во первыхъ. Во вторыхъ, ижемцы, всегда разѣзжая по торговымъ дѣламъ, сами могли научиться пѣть былины на Мезени, Пинегѣ и др. мѣ-

*) «Путешествіе академика Ивана Лепехина въ 1772 году» часть IV, стр. 282, 283. О выходцахъ въ Ижму и въ Устьцыльму упоминаетъ и Максимовъ «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 118.

**) «Геогр. стат. словарь Россійск. Им.» т. 2, стр. 309.

стахъ. Въ третьихъ, въ Ижму, въ свою очередь всегда прїѣзжали кунцы изъ разныхъ мѣстъ. Озерецковскій такъ говоритъ объ этомъ: „Для покупки мягкой рухляди прїѣзжаютъ къ нимъ (ижемцамъ) изъ Яренска, Мезени, Пинеги и изъ Архангельска, а иногда изъ Москвы и съ Вологды торговые люди“ *).

Ш.

Печорскія былины я считаю нужнымъ раздѣлить на 1) старины Усть-Цылемской волости и 2) на старины Пустозерской волости, а первыя еще, кромѣ того, на старины Пижемскія и Припечорскія. Сначала скажу о причинѣ раздѣленія старинъ по волостямъ. Одиѣ и тѣ-же былины поются въ той и другой волости различно, и это относится иногда къ былинамъ распространеннѣйшимъ, напр. женитьба Дуная. Кромѣ того, нѣкоторыя былины извѣстны только въ той или другой волости: такъ въ Усть-Цылемской волости совсѣмъ не знаютъ распространенную—бой Васьки Буслаева съ новгородцами. Не знаютъ еще въ Усть-Цылемской волости былинъ Пустозерской: Вольгу, Потапа Артамоновича, Идолища и племянницу Владиміра, Ивана Горденовича, Кострюка, Горе, небылицу про щуку изъ Бѣлаго озера. Зато и въ Пустозерской волости не знаютъ былинъ Усть-Цылемскихъ: Данила Староильевича, Дмитрія Бранского, Бутмана Колыбановича, Луку Даниловича, князя Долгорукова. Нѣкоторая разница въ содержаніи одинаковыхъ старинъ и незнаніе старинщиками одной волости старинъ другой будутъ вполнѣ понятны, если вспомнить, какъ населялись эти двѣ рядомъ лежащія по одной рѣкѣ волости.

Первый засельникъ Усть-Цылемской волости былъ новгородецъ Ивашка Ластко, съ товарищемъ Власкомъ, основавшій слободу Усть-Цыльму въ 1542 г.**)

Къ новгородцамъ мало по малу стали приходиться при-

*) «Пуг. ак. Ив. Лепехина» Т. IV, стр. 284.

**) С. Максимовъ. «Годъ на сѣверѣ», т. 2 стр. 23—24.

шельцы съ Мезени, Пинеги, Кевролы, Двины и др. рѣкъ, гонимые тяготой жизни со старыхъ мѣстъ и искавшіе вольности на новинѣ. Все это были, нужно думать, или прямые новгородцы или потомки ихъ, изъ только-что отошедшей къ Москвѣ Двинской земли. Все населеніе слободки было, повидимому, изъ представителей чистой „земли“, т. е. земледѣльческаго сословія, — крестьянъ.

Совершенно не то мы видимъ въ Пустозерской волости. Такъ сказать, завязью волости былъ Пустозерскій воинный острогъ. „Острогъ былъ устроенъ въ 1499 году князьями Курбскимъ, Ушатовымъ, Заблоцкимъ, для сбора ясака съ восточныхъ самоѣдовъ *). Слѣдовательно волость Пустозерская заселилась служилыми людьми Московскаго государства, прямыми потомками которыхъ и являются нынѣшніе пустозеры. Первые русскіе засельники волости были военные люди: „здѣсь имѣли мѣстопробываніе воеводы“ **). Затѣмъ, „Городокъ (Пустозерскъ), со временъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многихъ боярскихъ фамилій, подпавшимъ подъ царскую опалу ***). Изъ лицъ опальныхъ, кромѣ многихъ малоизвѣстныхъ въ исторіи, въ Пустозерскѣ бывали лица съ крупными историческими именами: не считая протопопа Аввакума, сгорѣвшаго здѣсь со своими товарищами на кострѣ за свою идею, въ Пустозерскѣ семь лѣтъ (съ 1676—1682) выжилъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, двадцать лѣтъ прожилъ (съ 1691 по 1710 г.) князь Василій Васильевичъ Голицынъ; въ началѣ же 18 вѣка жилъ здѣсь князь Семень Щербатовъ. Эти опальныя лица пріѣзжали въ Пустозерскъ не безъ провожатыхъ и не безъ челяди; такъ бояринъ Матвѣевъ жилъ здѣсь съ сыномъ Андреемъ, а при нихъ были: учитель сына, священникъ и 30 человекъ слугъ. Вотъ какимъ пришлымъ элементомъ пополнялись быстро вымиравшіе въ

*) «Геогр. Стат. словарь Рос. Имп.» т. IV стр. 248—249. П. Н. Семенова.

**) П. Н. Семеновъ. Геогр. словарь.

***) С. Максимовъ «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 59.

суровомъ краю первые русскіе засельники. И всѣ бы они, первые засельники, вѣроятно вымерли, если бы, смѣшиваясь съ самоѣдами и зырянами *), не приспособились такимъ образомъ къ суровому краю и не образовали въ теченіе времени какъ бы особаго пустозерскаго типа, послѣ чего они окрѣпли, стали плодиться и расселяться по волости. Конечно инородцы, входившіе въ кровныя связи съ русскими, не могли не подпасть подѣ полное ихъ культурное и и религіозное вліяніе и въ совершенствѣ усваивали языкъ, религію, обычаи и преданія, но и русскіе, обильною волною воспринявшіе инородческую кровь, не могли, сохранивъ свой духовный обликъ, не попортить свой внѣшній типъ, внесеніемъ въ него инородческихъ чертъ. Выхватите изъ толпы пустозеровъ и усть-цылемовъ по одному рядовому и сразу-же бросится въ глаза большая разница: усть-цылемъ вообще выше средняго роста, строенъ, силенъ, бѣлокуръ, непремѣнно съ голубыми глазами, обладаетъ громкимъ голосомъ, подвиженъ, веселъ, словоохотливъ, добродушенъ; пустозерь всегда ниже средняго или низкаго роста, черноволося, смуглъ, глаза непремѣнно черные, съ какимъ-то особенно лаковымъ, неглубокимъ блескомъ, какой вы часто увидите и у самоѣдовъ. Пустозерь говоритъ тихимъ голосомъ, не откровененъ, себѣ на умѣ, склоненъ къ низкопоклонству и лести.

И вотъ „земля“ одной волости и „служилое сословіе“ другой отразились, казалось мнѣ, и въ былинахъ обѣихъ волостей. Усть-цылемъ поетъ старину увѣренный, что все, что въ ней изложено, было. Но, потомокъ новгородцевъ, — онъ не отличаетъ одного царя отъ другого, а въ сущности не ясно представляетъ себѣ эту власть. Идеалы его въ былинахъ не государственные и политическіе, а чисто нравственные, общечеловѣческіе. Совѣмъ не то пустозерь. Онъ твердо знаетъ, что значитъ царь, и не спутаетъ его ни съ кѣмъ. Пустозерь не запутается и въ хроноло-

---

*) До сихъ поръ указываютъ пустозеры на кр-пъ Дитяевыхъ и Безумовыхъ, какъ произошедшихъ отъ чуди.

ги: не споеть положимъ, что Костюкъ былъ въ Кіевѣ у Владиміра, или что Васька Буслаевъ жилъ въ Москвѣ. Передъ былиной онъ разкажетъ преданіе, а послѣ ея еще что нибудь дополнитъ и объяснить. Его очень интересуеъ судьба государства, царей, политическое положеніе дѣлъ и старины изъ цикла историческихъ пѣсенъ онъ особенно знаетъ и любитъ, а своевольный Васька Буслаевъ, сомнительно, пользуется-ли его сочувствіемъ. Устьцылемъ-старообрядецъ съ головой ушедшій въ религію или точнѣе въ мелкое исполненіе ея обрядовыхъ предначертаній, совсѣмъ не знаетъ даже мѣстную исторію раскола, остается какъ-то безучастенъ къ ней. Но мнѣ попадались старинщики-пустозеры, напр., Павелъ Марковъ изъ Бѣдовой или Василій Никоновъ изъ Нарыги, которые разказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто царь этотъ жилъ лѣтъ 30 назадъ, на ихъ памяти *).

Выше я говорилъ, что старины Усть-Цылемской волости можно еще подраздѣлить на старины жителей, живущихъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Пижмѣ и на ста-

---

*) Выше я говорилъ предположительно, что предки нынѣшнихъ пустозеро-московскіе служилые люди, смѣшавшіеся въпослѣдствіи съ мѣстными инородцами. Мой старинщикъ изъ Бѣдовой П. Марковъ упорно передавалъ мнѣ мѣстное преданіе, что пустозеры—новгородцы, бѣжавшіе изъ Великаго Новгорода во время извѣстныхъ казней Ивана Грознаго. Марковъ отрицалъ даже, что его родная деревня Бѣдовая—выселокъ изъ Пустозерскаго острога. Онъ утверждалъ, что Бѣдова, да и нѣкоторыя другія деревни заселились непосредственно выходцами изъ Россіи. Для подтвержденія его разказа нѣтъ данныхъ, кромѣ преданій, передаваемыхъ, правда, очень упорно и не мнѣ одному. Преданіе въ этомъ-же смыслѣ записано уже Озерецковскимъ: «Жители сей волости (Пустозерской), по объявленію ихъ, происходить отъ чуди и изъ новгородцевъ, поселившихся, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ». („Путешеств. акад. П. Лепехина“ Т. IV стр. 277). О новгородскомъ происхожденіи пустозеро-говориль и покойный В. Н. Латкинъ въ своемъ „Дневникъ путешествія по Печорѣ: „заселеніе здѣсь началось позже (12 вѣка) и, вѣроятно, тоже выходцами изъ Новгорода; сюда шли селиться... по выгодности промысловъ и для мѣны съ кочевыми народами; или оставляли берега родного Волхова во время разгрома новгородскаго“ (стр. 59)... „У пустозеро-передается преданіе, что они потомки выходцевъ изъ Новгорода; и дѣйствительно, эти люди сохранили типъ сѣверныхъ славянъ: ихъ обычаи и домашній бытъ рѣзко отличаютъ ихъ отъ типа и обычаевъ сосѣднихъ усть-цылемцевъ и ижемцевъ; и не трудно замѣтить путешественнику, что послѣдніе не родные имъ по отчизнѣ“ (стр. 60). Послѣднимъ своимъ замѣчаніемъ Латкинъ, конечно, разрушаетъ все то, что онъ воздвигъ для доказательства, что пустозеры—новгородцы, такъ какъ уже внѣ всякихъ сомнѣній, что усть-цылемцы-то именно и есть новгородцы, и если жители двухъ велостей рѣзко отличаются

рины припечорскихъ селеній. Между тѣми и другими старинами нѣтъ разницы въ ихъ содержаніи, и только одного Бутмана Колыбановича, котораго почему-то особенно любятъ пижемцы, не знаютъ припечорцы. Разница между старинами той и другой мѣстности, во первыхъ, въ *напѣвахъ*, во вторыхъ — немного *въ говорѣ*. Разница въ напѣвахъ между пижемцами и остальными усть-цылемами (т. е. жителями всей волости) да пожалуй, и всѣми русскими печорцами — велика. Дѣло въ томъ, что на Пижмѣ цѣлыхъ 114 лѣтъ *) существовалъ старообрядческій Великопоженскій скитъ. Скитъ этотъ почти сто лѣтъ былъ единственнымъ просвѣтительнымъ мѣстомъ на Печорѣ, и въ немъ не только учили грамотѣ и получали полемическія познанія старообрядцы, но тутъ же учились они и пѣть для нуждъ богослуженія, которое въ скиту свершалось благолѣпно. Теперь даже, 60 лѣтъ спустя послѣ закрытія скита, деревни Скитская и Замогильникъ, образовавшіяся на его мѣстѣ извѣстны своимъ пѣніемъ, которое тамъ по традиціи передается отъ отцовъ и дѣдовъ. Лучшіе старообрядческіе пѣвцы и справщики службъ на Печорѣ и теперь живутъ въ Замогильникѣ и Скитской; лучшіе, чѣмъ гдѣ либо въ Печорскомъ краѣ пѣвицы живутъ не только въ этихъ двухъ образовавшихся на мѣстѣ скита деревушкахъ, а и по всей рѣкѣ Пижмѣ, по всѣмъ ея деревнямъ. Если Пижма и теперь несетъ славу центра печорскаго старообрядства (на разстояніи ста верстъ живутъ 5 наставниковъ, одинъ изъ которыхъ, древній старецъ — исповѣдникъ чуть ли не всей волости, а

по типу другъ отъ друга, это значить только, что они имѣютъ не одинъ корень происхожденія. Нельзя также никакъ сблизать усть-цылемцевъ и ижемцевъ: послѣдніе зыряне, хотя, вѣроятно, и не безъ сильной струи русской крови. Противорѣчить ему и названіе всѣхъ жителей Пустозерской волости — *пустозерами*, что значить, что всѣ они вышли когда-то изъ городка Пустозерска. Совершенно также всѣ жители усть-цылемской волости называются — *усть-цылемами*, и уже навѣрно извѣстно, что всѣ они дѣйствительно потомки усть-цылемовъ.

Н. О.

*) Основанъ приблизительно въ 1730 г. выходцами съ Мезени, въ 1744 г. сгорѣлъ, но возобновился опять и закрытъ начальствомъ въ 1844 г. „Живая Стар.“ 1901 г., вып. 3-4 П. Е. Ончуковъ: „О расколѣ на низовой Печорѣ“, стр. 441.

другой ѣздить съ требами въ предѣлы Вологодской губерні), то пижемскія дѣвицы слывутъ лучшими пѣвицами на всей Печорѣ. Онѣ такъ хорошо поютъ въ сравненіи со всѣми остальными печорками, что какъ только пижемки пріѣзжаютъ во время ярмарки въ Усть-Цыльму и являются на горкѣ, усть-цылемки отходятъ прочь, уступая имъ первенство въ умѣннѣи пѣть пѣсни. Удивительно чистыми пріятными голосами, но какими-то особенными, скорѣе пѣсенными мотивами поютъ пижемцы, все равно и старики и молодые, — былины, знаютъ которыя здѣсь почти въ каждой деревнѣ. Разница въ говорѣ между пижемцами и остальными усть-цылемами и припечерцами зависитъ, вѣроятно, отъ того, что пижемцы на половину, если не больше, мезенцы родомъ, не столь отдаленнаго выхода. Рѣчь ихъ совсѣмъ не пѣвуча, какъ у устьцылемовъ, въ ней меньше цеканья, она больше литературна, и это послѣднее можетъ быть потому, что обладательница просвѣщеннаго скита — Пижма, не мало привнесла въ свою рѣчь отъ книгъ.

Выше было сказано, что Пустозерская волость не знаетъ нѣкоторыхъ старинъ Усть-Цылемской волости и наоборотъ. Является вопросъ: неужели за время четырехъ столѣтій двѣ, съ русскимъ населеніемъ рядомъ лежащая волости, не могли обмѣняться старинами? Но, во первыхъ, мы не знаемъ — когда старины попали на Печору, а во вторыхъ, дѣйствительно, двѣ сосѣднія волости мало сносились между собою, и на это были особыя причины. Дѣло въ томъ, что обѣ волости только въ послѣднее время, какихъ нибудь 40 лѣтъ, т. е. тогда, когда уже былинный эпосъ сталъ падать на Печорѣ — стали почти сходиться селеніями, раньше-же они были довольно далеки другъ отъ друга *), а такъ какъ сотни двѣ версты разстоя-

---

*) Озерецковскій въ 1772 г. говоритъ: „Домовъ въ самой Усть-Цыльмѣ 120, да въ приписанныхъ къ ней *четырехъ деревняхъ*—20“. „Путешествіе академика Ивана Лепехина“. Т. IV, стр. 280. Конечно, всѣ четыре деревни Устьцыл. волости были вблизи слободки Усть-Цыльмы, никакъ не дальше 20 версты, если не меньше, слѣдовательно, до перваго селенія пустозерской волости, Великой Виски, въ концѣ 18 вѣка было отъ Усть-Цылемской волости 200 версты.

нія приходилось по такой большой и беспокойной рѣкѣ, какъ Печора, то ничего нѣтъ удивительнаго, что сношенія были и не часты. Но главная причина незначительныхъ сношеній между пустозерами и усть-цылемами была таже, что и между послѣдними и ижемцами-зырянами, о чемъ уже было говорено выше. Причина эта была вражда изъ-за рыбныхъ угодій на Печорѣ. Въ 1856 году старикъ, бесѣдовавшій съ С. В. Максимовымъ, такъ говорилъ ему: „И теперь дѣло съ пустозерами не можетъ рѣшиться:—загребали Печорушку всю, почестъ; выселки свои понадѣлали у насъ чуть не подъ самымъ носомъ. Тако дѣло!..“*). О томъ-же говорить и г. Истомино: „граница между двумя сосѣдними волостями (Пустозерской и Усть-Цылемской) до сихъ поръ точно не установлена: размежеваніе не произведено, и эта неопредѣленность вызываетъ большія недоразумѣнія. Столкнувшись на какомъ-нибудь угоди и усть-цылема и пустозеры убѣжденно считаютъ его своей территоріей; поднимается споръ, который и рѣшается въ пользу сильнаго, нерѣдко послѣ жестокой драки“ **). Мнѣ лично, самый старый въ Усть-Цыльмѣ человѣкъ Лазарь, долго и много рассказывалъ, какъ онъ лѣтъ сорокъ тому назадъ ходилъ выборнымъ, чтобы хлопатать передъ пріѣхавшимъ на Печору „землемѣромъ“ о выгодахъ своего общества въ спорѣ двухъ волостей о границахъ. Усть-цылема дѣйствовали навѣрняка: собрали денегъ съ каждаго домохозяина и вручали ихъ Лазарю на взятки „землемѣру“. Но пустозеры были богаче усть-цылемовъ, и деньгами нельзя было ничего сдѣлать. Тогда дальновидный Лазарь познакомился „съ супругой землемѣра“ и подарилъ ей какую-то особенно дорогую и диковинную шаль. Успѣхъ былъ полный, и дѣло выиграла усть-цылема. Послѣ торжества одной волости надъ другой взаимныя столкновенія, конечно, не прекратились, и до сихъ поръ еще усть-цылема и пустозеры не особенно-то дружатъ. До сихъ поръ на тоняхъ рѣдко вмѣстѣ ловятъ

*) „Годъ на сѣверѣ“; т. 2, стр. 36—37.

**) „Предв. Отчетъ о поѣздкѣ въ Печорскій край“ стр. 17.

семгу пустозеры и усть-цылемы, а встрѣчаясь, часто ссорятся, а то и дерутся.

Можно только затронуть вопросъ: какъ попали старины на Печору? Если считать былинны-старинны произведеніемъ профессиональныхъ пѣвцовъ древней Руси—скомороховъ и отчасти каликъ, то слѣды ихъ найдутся и въ печерскихъ старинахъ, о чемъ ниже. Но очень трудно и предположить даже, чтобы калики и особенно скоморохи пробирались въ такую глушь и дичь, какъ Печора. Другое дѣло, если произведенія, перенятая отъ нихъ, заносились на Печору посредственно. Если Пустозерскъ служилъ мѣстомъ ссылки боярамъ, иногда знатнымъ, иногда даже временщикомъ, и если жили они на Печорѣ не безъ своихъ людей, то что же удивительнаго, что изъ 30 челядкѣ челяди, жившей въ Пустозерскѣ съ бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, было нѣсколько знаточковъ старинъ? Можно допустить даже, что Матвѣевъ, отправляясь въ ссылку, нарочно взялъ съ собой побольше людей, могущихъ утѣшить и развеселить его въ „суровой странѣ льда и ночи“. То же можно сказать и про Голицына, и про Щербатова, и прочихъ неизвѣстныхъ невольныхъ жителей Москвы въ Пустозерскѣ. Челядь, знавшая старины, могла быть и у воеводъ пустозерскихъ, у надсмотрщиковъ за ссыльными и другихъ служилыхъ людей такъ или иначе имѣвшихъ дѣло съ Пустозерскомъ. Былъ и еще путь, по которому старины могли очень легко переходить на Печору, и трудно рѣшить, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Этотъ второй путь—торговля сношенія съ Пустозерскомъ. Озерцовскій писалъ въ 1772 году: „Для покупки мягкой рухляди бывають въ Пустозерскѣ изъ разныхъ городовъ купцы, а больше изъ Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и Мезени, также съ Вологды, а временемъ изъ Москвы. Они прѣзжаютъ туда обыкновенно въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, а отъѣзжаютъ передъ Рождествомъ“*). Такимъ образомъ по два мѣсяца жилали здѣсь архангельскіе, вологодскіе и московскіе купцы.

*) „Путешествіе академика Ивана Лепехина“. Т. IV, стр. 277.

и все это время, конечно, уже не так были завалены дѣломъ, чтобы не оставалось времени и для забавы—для пѣнія и слушанія старинъ. Латкинъ свидѣтельствуесть, что „по сохранившемуся списку съ указа даннаго пустозерской воеводской канцеляріи видно, что въ 1574 году въ здѣшній край (въ пустозерскую волость) приходили Двиняне, Устюжане и Пенезжане промыслять моржей и окуль“ *)... Приходя сюда, они не могли не сталкиваться съ пустозерами и могли передавать имъ старины. Наконецъ, сами пустозеры прежде „производили дѣятельную торговлю съ Березовымъ на Оби“ **). А въ Сибири тоже знаютъ старины.

Вотъ пути, по которымъ могли попадать старины въ Пустозерскую волость.

Но если усть-цылемы жили во враждѣ съ пустозерами и не отъ нихъ заимствовали свои старины, то откуда? Тотъ-же Озерцовскій на свой вопросъ: „пріѣзжаютъ-ли въ Усть-Цыльму иногородцы за мягкою рухлядью и изъ которыхъ мѣсть?“ отвѣчаетъ: „Въ Усть-Цыльму пріѣзжаютъ все тѣ же, какіе и въ Пустозерскѣ“***). Но тогда почему усть-цылемы переняли не всѣ старины, какія переняли пустозеры и наоборотъ? Въ отвѣтъ на это можно предположить, что въ выборѣ старинъ отъ заѣзжихъ купцовъ у жителей той и другой волости руководило чувство симпатіи къ тому или иному герою старины и чувство вкуса, такъ что неонравившійся, напр., „Кострюкъ“ усть-цылемами и не запоминался. Кромѣ того, усть-цылемы, кромѣ продажи продуктовъ своего промысла пріѣзжимъ купцамъ, также сами вели еще торговлю съ городомъ Пинегой и съ зырянскимъ краемъ на р. Вашкѣ, Вологодской губерніи; тамъ они также могли встрѣчаться съ русскими изъ другихъ городовъ. Торговля эта была бѣлой рыбой, которую усть-цылемы добывали осенью на озерахъ и въ замороженномъ видѣ цѣлыми обозами отправляли на Никольскую ярмарку въ Пинегу и въ

*) „Дневникъ Путеш. по Печорѣ“, стр. 37, ч. II.

***) Тамъ же, стр. 58.

***) «Путеш. акад. Ив. Лепех. т. IV стр. 281.

зырянскій край. Дорога въ городъ Пинегу шла 150—200 верстъ по мезенскимъ селеніямъ, а мезенцы—извѣстные старинщики. Кромѣ того, сами мезенцы-старообрядцы, переселившись въ 1730 году на Печору, могли занести туда и старины. Была и еще возможность занесенія старинъ въ Усть-Цылемскую волость: Великопоженскій скитъ, за 100 слишкомъ лѣтъ своей жизни, не переставая, сносился съ другими центрами старообрядческаго міра. Особенно часты и обильны были сношенія скита на великихъ Пожняхъ съ знаменитыми Выгорецкими скитами *), въ Олонецкой губерніи, которую В. Θ. Миллеръ не даромъ назвалъ „Исландіей русскаго эпоса“.

IV.

Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ сохранялись и передавались былины на Печорѣ можно уже, выйдя изъ области гаданій съ большою вѣроятностью утверждать слѣдующее. Конечно, на Печорѣ не было профессиональныхъ пѣвцовъ мѣстныхъ, такъ же совершенно, какъ ихъ не было и на всемъ Сѣверѣ, т. е. не было лицъ, пѣніемъ старинъ снискивавшихъ себѣ пропитаніе. И это потому главнымъ образомъ, что на Печорѣ и особенно въ Усть-Цылемской волости, чисто крестьянской, вообще не было какихъ нибудь сословныхъ различій, исключая развѣ нѣкоторыхъ имущественныхъ — тамъ все равны. Однако слѣды пѣвцовъ-профессионаловъ найдутся и въ печорскихъ старинахъ. Правда ихъ очень не много. Петръ Поздѣвъ три изъ 11-ти спѣтыхъ миѣ старинъ (Илья и Угарище, Чурило и невѣрная жена и Васька Окуловъ) оканчивалъ такъ:

Кабы бросилъ тулово во чисто поле,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканье,
Онъ сѣрымъ-то волкамъ на востарзаніе,
Тамъ какъ синему морю на утишенье,

*) Въ дер. Скитской я нашелъ портреты двухъ выгорецкихъ столповъ благочестія: Симеона Діонисевича (Денисова) и Петра Прокопьевича; нашелъ списки посланій витѣватого поморскаго характера, обрывки рукописей поморскаго письма и пр.

Кабы всё намъ молодцамъ на послуханье,
Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

Если все вышеприведенное м. б. показываетъ на приемъ кончать такъ подходящія старины профессиональными пѣвцами, — такимъ образомъ даютъ они понять слушателямъ о концѣ старины, то предпоследній стихъ говоритъ, что пѣли старины молодцы, приемъ м. б. заимствованный отъ скомороховъ; а послѣдній стихъ не говоритъ-ли, что пѣвцы, эти, по крайней мѣрѣ, на Печорѣ, были старухи, при окончаніи своей работы полушутливо желающія себѣ долгой жизни. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, пѣвцы, какъ-бы обращаясь къ слушателямъ, называютъ ихъ „братцами“.

Страшная глушь Печоры, ея отрѣзанность отъ всей остальной Россіи и расколъ служили главными причинами, что старины до сихъ поръ удержались на Печорѣ. Заброшенная въ суровомъ климатѣ за полярнымъ кругомъ, недалеко отъ Ледовитаго океана, совершенно въ сторонѣ отъ жизни всей остальной Россіи, Печора до самаго послѣдняго времени жила укладомъ жизни и духовными интересами, по крайней мѣрѣ, конца XVII вѣка. Въ области религіозной пытливость печорцевъ не простерлась дальше споровъ между собой и съ миссіонерами о мелкой обрядности, о буквы св. писанія; огромное движеніе народныхъ массъ въ Россіи въ религіозной области въ сторону рационализма совсѣмъ не коснулось печорцевъ, осталось для нихъ непонятнымъ и чуждымъ*). Даже въ костюмахъ Печора сохранила парчевые боярскіе наряды, въ центрѣ Россіи хранящіеся только въ музеяхъ. И въ области духа—въ поэзіи, Печора оставалась вѣрна своимъ, застывшимъ во всемъ остальномъ, формахъ, и пробавлялась Богъ вѣсть когда сложенной былиной, неволью приспособ-

---

*) Мнѣ завѣдомо извѣстно, что на Верхнюю Печору, въ Чердынскій уѣздъ, Пермск. губ., проникали въ качествѣ рабочихъ на заводъ Бердышъ не то штурдисты, не то баптисты. Но ихъ не поняли, и они не имѣли успѣха. Про ученіе ихъ одинъ старообрядецъ рассказывалъ мнѣ, какъ о крайней степени нравственнаго паденія, чуть не безумія.

собляя ее къ мѣстнымъ условіямъ и, по своему, многое въ ней понимая. Печорецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже не задается вопросомъ— правда-ли все то, о чемъ поется въ старинахъ? Для большинства все удивительное и необыкновенное въ старинахъ вполне допустимо. Да и безъ вѣры въ чудесное, необыкновенное, о чемъ рассказываютъ старины, онѣ конечно потеряли-бы всякій интересъ и, м. б. давно забылись-бы. Нужно только видѣть, съ какимъ живымъ одушевленіемъ и вниманіемъ слушаютъ печорцы старины, подчеркиваютъ особенно нравящіеся имъ мѣста, объясняютъ по своему темныя или совсѣмъ непонятныя. Чудесное въ былинахъ для печорца совсѣмъ, впрочемъ, и не представляется чѣмъ-то особеннымъ. Этимъ чудеснымъ полна его дѣйствительная жизнь, міръ, его окружающій полонъ чудесъ и необъяснимостей: въ рѣкахъ и особенно озерахъ обитаютъ водяные, въ лѣсу—лѣшіе, въ собственномъ дому, за печкой, хозяйничаетъ домовою, вокругъ—оборотни, вѣдьмы, шишки, колдуны, которые—разсерди ихъ—и нынче обратятъ въ гнѣдаго тура.

Для усвоенія сотенъ и тысячъ стиховъ есть благопріятныя условія, это—большой досугъ, являющійся не какъ лѣнь или отсутствіе работы, а большой досугъ даже на самомъ важномъ дѣлѣ. Этотъ досугъ на работѣ невольно является, напр., у усть-цылемовъ на рыбной ловлѣ, производимой два раза въ годъ, лѣтомъ и осенью, причемъ оба раза ловля значительно разнится, а въ зависимости отъ этого разнится и досугъ. Лѣтомъ усть-цылемы ловятъ семгу, для чего хозяевъ по 20 по 30 и даже больше скопляются на особыхъ мѣстахъ Печоры, „тоняхъ“, гдѣ идетъ вверхъ по рѣкѣ рыба. Ловятъ семгу большимъ неводомъ, причемъ закидываютъ, соблюдая строго очередь, и если ловъ происходитъ на хорошей тонѣ, и собралось положимъ до 50 хозяевъ, то каждый ловецъ, закинувъ неводъ разъ, очереди долженъ ждать, когда закинутъ остальные слѣдующіе за нимъ 49 человекъ. Такимъ образомъ получается

большой промежутокъ совершенно свободнаго времени, и этотъ невольный досугъ у каждаго домохозяина тѣмъ больше, чѣмъ больше на тонѣ народу. Вотъ въ это-го свободное время, достигающее иногда полусутокъ, а иногда даже и больше, и поются старины. Но ловля лѣтомъ семги слишкомъ важное дѣло: отъ величины улова зависитъ весь годъ жизни усть-цылема. Время лова семги поэтому горячее, напряженное, нервное; часто оно сопровождается ссорами, иногда даже драками изъ-за очереди; часто тутъ не до старинъ. Особенно не до старинъ тогда, когда ловля происходитъ на неважной тонѣ и гдѣ, слѣдовательно, ловить немного народу, иногда такъ немного, что свободнаго времени чуть-чуть хватаетъ на отдыхъ. — Совершенно другой характеръ носить ловля рыбы осенью, на такъ называемыхъ *осеновьяхъ*. *Осеновья*—это ловля бѣлой рыбы осенью или вначалѣ зимы на озерахъ. На осеновья уѣзжаютъ обыкновенно артелями въ 6 — 7 — 10 человекъ. Уѣзжаютъ съ запасами провизіи за много верстъ отъ двора, за 100—150 и больше, гдѣ и проводятъ осеннюю распуту, а по первому снѣгу возвращаются домой. День на Печорѣ осенью и особенно зимой очень коротокъ и, проработавъ часовъ 5—6, при наступившей темнотѣ всѣ принуждены на невольный отдыхъ. Работы кончаютъ въ 5, въ 4 часа дня, а спать еще рано, разговаривать не о чемъ, дѣлиться не чѣмъ; всѣ знаютъ о каждомъ порознь всю подноготную. Вотъ тутъ-то и выступаютъ на сцену сказочники и старинщики, которыхъ, говорили мнѣ, нарочно старается, всѣми мѣрами залучить въ артель составляющей ее староста. Въ хорошемъ старинщикѣ на осеновѣ такая потребность, что старинщики пользуются нѣкоторыми преимуществами въ совершенно равноправной артели, гдѣ и староста, хлопотами котораго артель собирается, а иногда и держится, имѣетъ только нравственное, а не матеріальное преимущество; старинщики-же въ артели, повторяю, пользуются и послѣднимъ. Старинщику, напр., не поручаютъ особенно трудную часть работы, и они дѣлаютъ въ артели то,

что обыкновенно исполняютъ малолѣтніе и подростки, если таковыя есть въ артели, пользующіеся однако совершенно одинаковымъ паемъ съ остальными членами артели; при раздѣлѣ добычи старинщику, особенно угодившему своими стараніями артели, возможно, что дается и до нѣкоторой степени лучшая часть добычи; объ частыхъ угощеніяхъ старинщиковъ особенными любителями старинъ въ артели я уже не говорю: старинщика возможно чаще стараются угостить „алабышами“, а алабыши старинщику, не въ примѣръ прочимъ, особенно жирно мажутъ масломъ, чтобы голосъ былъ звонче и катился масляниѣе, а старинщикъ охотнѣе и лучше пѣлъ старины.

Къ этому можно добавить, что и вообще старинщики пользуются на Низовой Печорѣ уваженіемъ среди сельчанъ; ихъ считаютъ особенно развитыми, надѣленными какой то особенной способностью, даромъ, которымъ, пожалуй, можно и гордиться, и фраза: „о, онъ сказитель!“ служитъ большой похвалой. И только „молодяжники“ въ большихъ центрахъ, напр., въ Усть-Цыльмѣ, похожей больше на городъ, относится иногда какъ бы скептически къ старинщикамъ, Но скептицизмъ этотъ въ данномъ случаѣ особенный, не искренній, и зависитъ, во 1-хъ, просто отъ свойства русскаго человѣка надъ всѣмъ слегка посмѣяться, особенно когда дѣло происходитъ въ компаніи, а во 2-хъ, тутъ, пожалуй, сказывается зависть, къ заработку и угощеніямъ, которые получали отъ меня старинщики за свою работу, а также зависть и къ исключительному вниманію къ старинщикамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга человѣка. Что нѣсколько насмѣшливое отношеніе къ старинщикамъ отъ молодежи не искренне даже и въ Усть-Цыльмѣ, видно хотя бы изъ того уже, что въ той же Усть-Цыльмѣ мнѣ предлагали пѣть старины два молодые парня, желая заработать на „половинчикъ“. Вездѣ по другимъ всѣмъ мѣстамъ Печоры къ старинщикамъ относятся съ большимъ почтеніемъ, ихъ знаетъ непременно каждый въ своемъ селеніи, а иногда слава ихъ гремитъ на всю Печору. Правда эта слава не всегда совпадаетъ съ

дѣйствительною цѣнностью старинщика, и мнѣ не разъ приходилось разочаровываться въ старинщикахъ, о которыхъ наговорено было слишкомъ уже много. Но какъ бы то ни было, подѣзжая зимой по тайболѣ къ Усть-Цыльмѣ я еще за три станціи отъ нея занесъ въ записную книжку имена нѣсколькихъ извѣстныхъ сказителей, а въ томъ числѣ и И. И. Горенку, хотя деревня, гдѣ онъ живетъ, была отъ станціи по крайней мѣрѣ въ 250 верстахъ. Стоитъ пріѣхать только даже въ такое огромное село какъ Усть-Цыльма, какъ почти первый встрѣченный расскажетъ вамъ, кто постъ въ селѣ старины. Поэтому мнѣ мало понятно—какимъ образомъ прежніе путешественники на Печору ничего не слыхали о старинахъ. Если путешественники позапрошлаго столѣтія академики Лепехинъ и Озерецковскій и путешественникъ 40 годовъ XIX вѣка В. П. Латкинъ, какъ ѣздившій на Печору не съ этнографическими цѣлями, могли еще не спросить про старины, то ужъ совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ о старинахъ не слыхали этнографы—С. В. Максимовъ и Ѳ. М. Истомина, и особенно послѣдній, даже сознательно интересовавшійся былинами на Печорѣ*). Неуспѣхъ г. Истомина можно объяснить развѣ только, такъ сказать, методомъ его изслѣдованій: „желаніе ознакомиться съ возможно большимъ числомъ населенныхъ пунктовъ, — писалъ онъ, — вынуждало меня почти все время тратить на разѣзды... Болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ столь необходимыхъ для полнаго этнографическаго изслѣдованія края, въ особенности для составленія значительнаго собранія памятниковъ народнаго творчества, такихъ остановокъ въ нынѣшнюю поѣздку на долю мою почти не выпадало“.

Много значить, конечно, и личное умѣнье cadaго изслѣдователя входить въ сношенія съ народомъ;

---

*) «Однимъ изъ крайне интересовавшихъ меня вопросовъ въ нынѣшнюю поѣздку, былъ вопросъ о былинахъ. Названныхъ въ прошломъ году знатоковъ я вторично не засталъ дома, а разспросы мои о старинахъ, которыя они знаютъ убѣдили меня что это не былины, а рассказы и записи объ устьцылемской старинѣ... Дальнѣйшіе мои поиски былины не увѣчались успѣхомъ». «Предвар. отчетъ о поѣзд. на Печору», стр. 3.

огромное значеніе имѣеть и тотъ методъ, съ какимъ приступать къ распросамъ о старинахъ, особенно среди старообрядцевъ. А между прочимъ, онъ такъ простъ и еще 30 лѣтъ тому назадъ изложенъ въ двухъ словахъ А. Θ. Гильфердингомъ: „Программа на случай встрѣчи со старообрядцами, говоритъ Гильфердингъ, *) была у меня готова: обходиться съ ними вѣжливо, не употребляя выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ инновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ“.

Большой новостью мои открытія десятковъ былинь на Печорѣ были всей печорской бюрократической интеллигенціи: учителямъ, священникамъ, чиновникамъ, между которыми есть цѣлыхъ два — дѣйствительныхъ члена Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи... Никто и не подозрѣвалъ о существованіи былинь на Печорѣ, не подозрѣвалъ потому, конечно, что работая годы, иногда десятки лѣтъ среди народа, просвѣщая, уча, руководя имъ, эта интеллигенція очень повинна именно въ неисполненіи вышевыписанной программы Гильфердинга; служба десятки лѣтъ народу, интеллигенція эта, къ сожалѣнію, въ большинствѣ совершенно чужда народу; это какія-то двѣ отдѣльныя націи, другъ другу чуждые, другъ друга совсѣмъ не понимающія, если только не враждующія. Такъ и живутъ, обыкновенно, выказывая, съ одной стороны, — недостижимое превосходство и иногда прямое презрѣніе, съ другой, — приниженность изъ сознанія безсилія и пугливую скрытность...

Въ извѣстности старинщиковъ на всей Печорѣ нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что старины поются главнымъ образомъ на рыбныхъ ловляхъ, гдѣ скопляются иногда представители чуть-ли не всей волости. Извѣстность старинщиковъ на Печорѣ, впрочемъ, и не предста-

*) «Сборникъ II Отд. И. Ак. Наукъ», т. 59 стр. 12.

влететь чего-то особеннаго: нечего удивляться тому, что какого нибудь хорошаго сказителя знаютъ на Печорѣ, если собиратель „Бѣломорскихъ былинъ“ г. Марковъ, бывшій въ Зимней Золотицѣ, записалъ имена и фамилы особенно извѣстныхъ старинщиковъ на Мезени.

Относительно того, гдѣ старины больше сохранились—въ глухихъ-ли деревняхъ или въ селеніяхъ многлюдныхъ, казалось - бы, можно утвердительно сказать, что въ глухихъ мѣстахъ. Однако это не совсѣмъ такъ. Маленькія глухія деревушки, вдали отъ центровъ жизни, съ ихъ культурными нововведеніями, школами и пр., конечно, имѣютъ больше шансовъ для сохраненія старинъ, но это только говоря вообще. Въ частности-же можетъ быть и иначе. Все зависитъ отъ того, какъ старо каждое отдѣльное маленькое глухое селеніе, и живутъ-ли въ немъ старики. Если селеніе старинное, и въ немъ живутъ старики, навѣрное можно сказать, что въ немъ поютъ и старины, и что среди молодого поколѣнія есть будущіе старинщики; но если глухое селеніе—недавній выселокъ, старинщиковъ въ немъ обыкновенно не бываетъ; но это опять-таки въ томъ только случаѣ, если на новое мѣсто не выселились и старики. Такъ что, установя общее правило, что въ молодыхъ поселкахъ старинщиковъ нѣтъ, въ видѣ исключенія можно наткнуться на такой выселокъ, образовавшійся, можно сказать, вчера, а въ немъ живетъ прекрасный старинщикъ. Теперь возьмемъ центръ низовой Печоры—Усть-Цыльму. Это совсѣмъ почти городъ: двѣ церкви, двѣ школы, полицейское управленіе, казначейство, почта, телеграфъ, больница, квартиры крестьянскаго чиновника, мирового судьи, податнаго инспектора и пр.; въ ней всегда много пріѣзжихъ, лѣтомъ постоянная горка, зимой общественныя игры молодежи на улицахъ—вообще всѣ условія, способствующія быстрѣйшему вымиранию и полному забвенію усть-цылемами старинъ. И однако это не такъ: въ Усть-Цыльмѣ я записалъ старины отъ 9 человекъ, а на самомъ дѣлѣ старинщиковъ тамъ и еще больше,

Почему это? Причина та, что живущіе почти въ городѣ усть-цылемы поголовно всѣ, такъ-же, какъ и жители всѣхъ самыхъ маленькихъ и глухихъ селеній, заняты рыбной ловлей, являющейся для нихъ пока преобладающимъ промысломъ. И если Усть-Цыльма преобразуется въ настоящій городъ, усть-цылемы обратятся въ мѣщанъ, старины въ ней все будутъ держаться, какъ напр., въ городѣ Мезени, и удержатся онѣ до тѣхъ поръ, пока усть-цылемы съ рыбной ловли не перейдутъ на какое нибудь другое домашнее дѣло. Такъ сказать бюрократичность Усть-Цыльмы, можно сказать совсѣмъ пока не отвлекаетъ ея жителей отъ ихъ исконнаго дѣла; даже женская прислуга у чиновниковъ въ Усть-Цыльмѣ почти поголовно не мѣстная, а отчасти съ Ижмы, отчасти съ Мезени, а то и изъ Архангельска.

Несомнѣнно только одно, что населенность, бойкость и обиліе чиновниковъ въ Усть-Цыльмѣ ведетъ къ тому, что усть-цылемки-женщины уже не знаютъ старинъ. Въ самой Усть-Цыльмѣ отъ женщинъ мнѣ не пришлось записать ни одной старины, и только двѣ женщины пѣли мнѣ стихи. Совсѣмъ не то, напр. на рѣкѣ Пижмѣ, гдѣ изъ 7 пѣвшихъ мнѣ лицъ четыре были женщины. И этому объясненіе одно: усть-цылемы почти не поютъ старинъ дома, а только на рыбной ловлѣ. Дома имъ есть *идь* и *какъ* провести время: лѣтомъ, во время приѣзда чердынцевъ, каждый день горка, тутъ-же гдѣ нибудь игра въ мячъ, въ которой принимаютъ участіе и взрослые; играютъ также въ городки, борются, часто происходятъ драки, что тоже привлекаетъ много зрителей. Все это ведетъ къ тому, что дома, въ селѣ, нѣтъ ни времени, ни охоты пѣть старины, а дѣвицамъ не у кого старинамъ учиться. Да если-бы старики дома и пѣли старины, всякая дѣвушка, конечно, предпочла-бы пѣнію стариковъ горку, гдѣ она является активной участницей пѣсенъ, игръ и пр. На рыболовныхъ-же тоняхъ, гдѣ главнымъ образомъ поются старины, усть-цылемки не бываютъ. Совсѣмъ не то въ глухихъ деревняхъ, напр. на рѣкѣ Пижмѣ. Тамъ есть деревни въ 4—5—10

дворовъ, расположенныя на крутомъ берегу рѣки. Нѣтъ тамъ ни хороводовъ, ни горокъ, ни игръ, такъ какъ ко всему этому располагаетъ, и все это возможно только при большомъ количествѣ молодежи; а на Пижмѣ въ деревняхъ часто бываетъ, что есть въ одной деревнѣ дѣвушки, а парней нѣтъ: частью переженились, частью въ солдаты ушли, а то еще не подросли. Или такъ случается: въ деревнѣ 2—3 парня и одна дѣвушка — какой-же тутъ хоровадь! Нечего дѣлать, не на что смотрѣть въ свободное время и старикамъ, и вотъ они собираются въ одну избу и поютъ старины, вся деревня слушаетъ, а болѣе воспріимчивые, какъ парни, такъ и дѣвицы, перенимаютъ. Вотъ почему нѣтъ старинщицъ въ бойкомъ и огромномъ селѣ Усть-Цыльмѣ и есть они въ маленькихъ и глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ селѣ Бугаевѣ я уже опять нашелъ старинщицу, но все-же въ селеніяхъ Усть-Цыльмской волости, расположенныхъ по Печорѣ, женщины знаютъ гораздо меньше старины, чѣмъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ Пустозерской волости женщины знаютъ старины мало, но все-же мнѣ пришлось встрѣтить лично трехъ старинщицъ и объ одной замѣчательной старинщицѣ (въ с. Куѣ) слышать. Незнаніе пустозерками старинъ, я думаю, зависитъ отъ того, что положеніе женщины въ Пустозерской волости рѣзко отличается отъ того-же въ Усть-Цылемской, гдѣ женщина совсѣмъ чувствуетъ себя свободной *). Не то въ Пустозерской волости. Собираясь въ гости въ какой нибудь домъ, женщины-пустозерки всегда держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, если есть отдѣльная изба, сидятъ въ ней, если нѣтъ, стараются помѣститься хоть въ особой комнатѣ **) — условія для заучиванія старинъ, конечно, неблагоприятныя.

Заучиваются старины, вообще говоря, въ дѣтскомъ

*) „Живая Старина“ выш. 3—4 за 1901 г. См. мою статью: „О расколѣ на Низовой Печорѣ“.

**) Это строгое разобщеніе половъ, можетъ быть, еще одинъ лишній признакъ того, что пустозеры — потомки московскихъ служилыхъ людей. Древняя Русь, нравы которой долѣе веѣлъ носилъ Новгородъ, едва ли знала то, что явилось послѣ татарскаго ига въ Москвѣ.

или юношескомъ возрастѣ, когда умственная восприимчивость гораздо сильнѣе, но изъ этого общаго правила есть разительныя исключенія. Приведу примѣры: старинщикъ Петръ Поздѣевъ, сгѣвшій мнѣ старинѣ больше, чѣмъ кто либо, такъ заинтересовался моей работой, что приходилъ ко мнѣ и тогда, когда старины пѣли другіе. Однажды у меня пѣлъ Д. Дуркинъ старину о Лукѣ и змѣѣ, а Петръ Поздѣевъ былъ тутъ, и старина ему очень понравилась. Увидавшись со мной черезъ нѣсколько дней, онъ со смѣхомъ заявилъ мнѣ, не хочутъ ли я отъ него прослушать новую старину „о Лукѣ и змѣѣ“. Оказывается, что онъ, прослушавши разъ, запомнилъ старину, а когда ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, попробовалъ спѣть и спѣлъ всю отъ начала до конца. П. Поздѣеву 65 лѣтъ! Когда я былъ въ деревнѣ Чуркиной на Пижмѣ, ямщикъ мой указалъ мнѣ на Петра Агѣева, знающаго какую-то очень ужъ складную старину, такую, какую ямщикъ не слыхалъ больше нигдѣ. Пошелъ я къ Агѣеву и попросилъ спѣть. Тотъ долго отпѣкивался, а потомъ, когда согласился, сказалъ, что старину онъ не поетъ, а „читаетъ, какъ по книжкѣ“. Дѣлать нечего, я согласился и на это. Тогда Агѣевъ взялъ деревянную покрывку съ горшка, легъ на кровать и, глядя въ покрывку, какъ въ книжку, безъ запинки отбарабанилъ мнѣ лермонтовскую пѣсню про купца Калашникова. Онъ зналъ ее такъ твердо, что заинтересовалъ одного священника, тотъ слѣдилъ за нимъ по книгѣ и не нашелъ ни одного пропуска. Пѣсню 40—45 лѣтній Агѣевъ запомнилъ недавно, когда его грамотный братъ, солдатъ, читалъ раза два по книжкѣ.

Поются старины на Печорѣ многими, но учатся старинѣ не отъ многихъ, а только отъ лучшихъ пѣвцовъ. На Пижмѣ, напр., всѣ, пѣвшіе мнѣ старины, ссылались или на Васю Малаго (д. Аврамовская) или на умершую уже тетку Катю. Иногда этотъ знатокъ старинѣ служить учителемъ цѣлаго поколѣнія и цѣлой кучки деревень, не связанныхъ между собою никакимъ родствомъ. Передаются старины, такъ сказать, и по наслѣдству, отъ отца, дѣда и пр., и, въ свою

очередь, нынѣшніе старинщики передаютъ старины своимъ дѣтямъ. Такъ у Петра Поздѣва старинщикомъ былъ отецъ и вотъ изъ четырехъ его сыновей двое—Петръ и Семень поютъ старины. У Петра Поздѣва есть дѣти, изъ которыхъ сынъ Иванъ, служащій сельскимъ писаремъ, знаетъ старины. У Григорія Чупрова, по его словамъ, отецъ былъ замѣчательный старинщикъ, а сынъ Григорія, 15 лѣтній подростокъ Иванъ, грамотный, и, можетъ быть, будущій начетчикъ, знаетъ много сказокъ, интересуется и старинами, но не заучиваетъ ихъ, предпочитая читать по книгамъ. Сынъ Димитрія Дуркина перенялъ нѣкоторыя отцовскія старины.

Относительно того—падаетъ-ли былинная поэзія на Печорѣ?—можно сказать утвердительно: да, падаетъ. Еще и теперь печорская рѣчь такъ сказать пропитана старинами, и выраженія изъ нихъ, ввидѣ поговорокъ и пословицъ, можно слышать постоянно. Вотъ на улицѣ разговариваютъ парни о своихъ дѣлахъ, и одинъ изъ нихъ говоритъ: „Поди-ко съ нимъ свяжись: онъ схватитъ за руку—рука прочь, схватитъ за ногу—нога долой“. А вотъ на сельскомъ сходѣ, когда нужно было высказаться о чемъ-то, а все молчали, одинъ мужичекъ сказалъ: „у насъ, когда дѣла коснется—меньшій хоронится за средняго, средній за большого, а и отъ большого отвѣту нѣтъ“.— „Ты дари намъ чо-ли—сказалъ одинъ усть-цылемъ мѣстному богачу, который просилъ услужить,—дари намъ, такъ мы тебѣ будемъ помогать“, а тутъ-же бывшая его жена добавила: „Кунью шубу въ пятьсотъ рублей“. Даже маленькій сынишка священника часто говоритъ: А пойду я, мама, „вонъ на улицу“. Недавно еще составлялись и распѣвались цѣлыя пародіи старинъ, гдѣ дѣйствующими лицами выставались мѣстные крестьяне.

И все-таки старинная поэзія на Печорѣ падаетъ не смотря на все это. Объ этомъ говорятъ въ одинъ голосъ уже сами старинщики. Какъ только станешь спрашивать про старины, такъ все и говорятъ: „Вотъ пріѣхаль-бы ты лѣтъ 10—15 назадъ, когда былъ

живъ (такой-то). Вотъ онъ тебѣ-бы напѣлъ! А мы што“...

О паденіи былинной поэзіи говорятъ и мои личныя наблюденія. Есть еще и теперь прекрасныя старинщики и старинщицы (Авдотья Чуркина, Анисимъ Вокуевъ, Степанъ Хабаровъ, Павелъ Марковъ), но и они уже отчасти устарѣли, а отчасти, можетъ быть, не встрѣчая прежняго сочувствія и прежняго спроса на свое искусство, много забыли; Чуркина много уже путаешь, а двѣ старины спѣла совсѣмъ плохо. О большинствѣ-же нечего и говорить: путають, перевирають, извращають старины сильно. Таковъ, на примѣръ, хотя-бы спѣвшій мнѣ больше всѣхъ Петръ Поздѣевъ. Всѣ старины онъ поетъ однимъ „ясакомъ“ (напѣвъ), что хорошій былинщикъ никогда не позволитъ, да и не сумѣетъ; все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, куда онъ отнесъ даже и князя Долгорукова съ ключникомъ; во всѣ старины вноситъ однообразныя факты, фразы и цѣлыя дѣйствія, и не помня подлинныхъ слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Усть-Цыльмѣ рѣчи. Болѣе древнія старины знаютъ плохо: такъ про Вольгу я записалъ только отрывокъ, про Святогора, никто не сумѣлъ мнѣ спѣть. У многихъ старинъ не знаютъ нынчѣ конца, нѣкоторыя старины поютъ не сначала. Такъ, записывая Ваську Игнатъева, я только на третій разъ записалъ и конецъ; конецъ Данилы Староильевича я записалъ въ 4-й разъ; Бутмана Колыбановича, записавъ четыре раза, я такъ и не записалъ всего; Скопина въ Усть-Цылемской волости, мнѣ долго не могли спѣть сначала, всѣ начинали:

„Много Скопинъ по землямъ бывалъ,
Много Скопинъ городовъ видалъ“...

То-есть, начинали съ середины рѣчи Скопина на пирѣ у князя. То, что всѣ старинщики Усть-Цылемской волости начинать старину непременно съ этихъ словъ, показываетъ, что старина заучена отъ одного

усть-цылема, въ свою очередь, слышавшаго старину гдѣ-нибудь не сначала.

Итакъ былинная поэзія на Печорѣ, несомнѣнно, падаетъ и падать будетъ все больше больше съ каждымъ годомъ, такъ какъ съ каждымъ, можно сказать, годомъ развивается промышленно низовая Печора. По Печорѣ ходятъ теперь пароходы; Въ Усть-Цыльмѣ теперь телеграфъ и почта, проведенъ трактъ на Архангельскъ, а лѣтомъ совершаютъ свои рейсы и морскіе пароходы. Три года, уже какъ на Печорѣ работаютъ шведы, вырубая лѣсъ для отправки за границу; около устьевъ Печоры построили они лѣсопильный заводъ, занимающій много рабочихъ рукъ. Выросъ другой такой-же заводъ въ то лѣто, когда я былъ на Печорѣ, а на р. Ухтѣ, притокѣ Ижмы, говорятъ, шли подготовительныя работы для добычи давно извѣстной тамъ нефти. И вотъ, когда Печора покроется заводами, которые съ занятіемъ, въ качествѣ рабочихъ, мѣстныхъ крестьянъ будутъ привлекать и полчища „бродячей руси“ изъ центровъ Россіи, это нашествіе, въ концѣ концовъ, свалитъ старую культуру Печоры, а съ ея упадкомъ постепенно исчезнуть и былины. И Печора имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы съ развитіемъ на ней промышленности скоро перенять чужое и совсѣмъ обезличиться: у ней нѣтъ поддерживающаго старину элемента—на Печорѣ земледѣліе почти не имѣетъ значенія, и промыслы здѣсь, —единственный хлѣбъ насущный. Получится то-же, что я наблюдалъ на примѣръ, на р. Вишерѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ постройки перваго въ уѣздѣ—Кутимскаго горнаго завода, населеніе совершенно измѣнило свой характеръ и изъ нѣсколько грубоватыхъ, но строго честныхъ, съ патріархальными нравами лѣсныхъ и рыбныхъ промышленниковъ превратилось въ дерзкихъ и наглыхъ подсобныхъ рабочихъ горнаго завода и спилось. Можетъ быть, это и неизбѣжно, какъ одна изъ стадій промышленнаго роста страны, но это грустно.

V.

Долженъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу настоящей книги. Какія былины на Печорѣ сохранились? Въ какомъ видѣ онѣ сохранись? Вотъ тѣ два вопроса, которые были мной поставлены, когда я приступалъ къ записыванію печорскихъ былинъ. Для этого я рѣшилъ, такъ сказать, переписать по содержанію всѣ обращающіяся на Печорѣ былины и по одному разу хотя-бы и такія, которыя уже извѣстны въ массѣ пересказовъ, записывая малоизвѣстныя и совсѣмъ неизвѣстныя въ большемъ количествѣ разнорѣчій. Намѣреваясь переписать всѣ печорскія былины, я руководился тѣмъ, что былины у насъ—родъ народного творчества, наиболѣе быстро исчезающій изъ народного обихода и сохраненіе ихъ по отдѣльнымъ областямъ, какою несомнѣнно является Печора, вслѣдствіе ея полной почти изолированности отъ остальной Россіи, во всякомъ случаѣ, интересно. Въ былинахъ, извѣстныхъ въ десяткахъ пересказовъ, въ этомъ глухомъ краю я думалъ найти такіе эпизоды, штрихи, намеки, какихъ нѣтъ еще въ уже существующихъ сборникахъ былинъ, а вѣдь и самыя незначительныя намеки очень иногда цѣнны при изученіи былинъ. И я не ошибся: даже въ извѣстнѣйшей былинѣ о Василиѣ Буслаевѣ я записалъ на Печорѣ нѣчто такое, чего нѣтъ пока еще въ извѣстныхъ о немъ былинахъ, хотя, съ другой стороны, мнѣ пришлось записать не мало былинъ, гораздо худшаго качества, чѣмъ таковыя-же въ сборникахъ Гильфердинга, не говоря уже о классическомъ Киршѣ. Но если принять во вниманіе, что отъ записей былинъ «Сборника Кирши Данилова» насъ отдѣляетъ, по крайнѣй мѣрѣ, полтора-два лѣта, а отъ времени, когда записывалъ А. О. Гильфердингъ все-таки 30 съ лишкомъ, то худшее качество многихъ былинъ будетъ понятно.

У приѣма записывать старины все впередъ и впередъ по содержанію были конечно, и свои недостатки: мнѣ не пришлось вначалѣ разбирать качество пѣвцовъ, а затѣмъ, когда большая часть былевого обихода низовой Печоры была уже записана, иногда у лучшихъ старинщиковъ, за

неимѣнемъ времени мнѣ пришлось записывать только то, чего у меня пока еще не было, хотя-бы старины, уже записанныя у меня, эти послѣдніе старинщики и знали лучше. Задачу: какія старины существуютъ на Печорѣ, сдаетъ, я выполнилъ. Мнѣ хотя и не удалось видѣть всѣхъ печорскихъ старинщиковъ, но и тѣ 25 лицъ, отъ которыхъ я записывалъ старины, нужно думать, зная хотя-бы по наслышкѣ, кто какіе поетъ старины.

Сказителей старинъ, которыхъ мнѣ не пришлось видѣть, я тщательно переписалъ и списокъ ихъ, состоящій изъ 38 лицъ, интересующіеся найдутъ напечатаннымъ въ «Живой Старинѣ» за 1902 г. 3—4 вып. стр. 367—368 или въ отдѣльномъ оттискѣ моей статьи «Былинная поэзія на Печорѣ» стр. 10—11.

Долженъ сказать, что былины этого сборника за №№ 19, 24, 26, 28, 45, 47 и 57, составляющія записи, сдѣланныя во время моей первой поѣздки на Печору, были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Отд. русск. язык. и слов. Академіи Наукъ» за 1902 г. т. VII, кн. 3, а №№ 14, 34, 41, 43, 51, 66, 79 и 100 въ тѣхъ-же «Извѣстіяхъ» за 1903 г. т. VIII, кн. 3; здѣсь я счелъ ихъ нужнымъ перепечатать, чтобы сборникъ этотъ представилъ весь былевой обиходъ низовой Печоры.

Называя выпускаемую книгу «Печерскіе былины», я, конечно, не причисляю къ былинамъ въ строгомъ смыслѣ вошедшія въ сборникъ и называемыя на Печорѣ «старинками» и «былинками»—историческія пѣсни и пѣсни былевья, но я думаю, что не такъ ужъ важно, если присутствіе ихъ въ книгѣ и не отразится на ея заглавіи, которое иначе пришлось бы очень удлинить. Кромѣ того историческія и былевья пѣсни составляютъ очень незначительную часть сборника, между тѣмъ присутствіе ихъ въ книгѣ дастъ читателю сразу представленіе о томъ, что нашелъ я на низовой Печорѣ въ отношеніи эпоса.

Н. Ончуковъ.

Замѣтки о языкѣ „печорскихъ былинъ“.

Я читалъ корректуры былинъ, записанныхъ на Печорѣ Н. Е. Ончуковымъ, съ цѣлью познакомиться съ тѣмъ живымъ языкомъ, на которомъ они поются. Хотя авторъ записей прилагалъ всѣ усилія, чтобы передать точно звуки живой рѣчи — какъ это слѣдуетъ дѣлать при записи всякихъ произведеній народной словесности — тѣмъ не менѣе въ его письмѣ, какъ въ орфографіи всякаго образованнаго человѣка, есть такія стороны, которыя должны возбудить у читателя-филолога вопросъ: что значить это написаніе? произношеніе или орфографическое начертаніе? нѣтъ ли тутъ ошибки (описки или опечатки) и дѣйствительно-ли такъ говорятъ? Я находился въ исключительно выгодномъ положеніи: имѣлъ возможность получать разъясненія на подобные вопросы отъ самого Н. Е. Ончукова, который многое помнилъ и многое отмѣчалъ въ своихъ черновыхъ записяхъ подчеркиваніемъ. Въ этомъ и заключается смыслъ моего участія въ настоящемъ изданіи.

Я выписалъ и сгруппировалъ примѣры особенностей языка (сколько успѣлъ отмѣтить во время печатанія книги по корректурамъ всего текста), чтобы дать первое представленіе о говорѣ пѣвцовъ. Примѣры взяты такіе, которые привлекли мое вниманіе: или типическіе или казавшіеся мнѣ болѣе всего важными. Тѣмъ лицамъ, которыя пожелали-бы болѣе подробно изучить языкъ записанныхъ Н. Е. Ончуковымъ былинъ, я могу рекомендовать его книгу, какъ трудъ исполненный очень внимательно и добросовѣстно. При этомъ я не отношу на счетъ записыванія или записывателя немногихъ темныхъ или прямо искаженныхъ мѣстъ въ «печорскихъ былинахъ», считая небольшую порчу текста, переходящаго изъ устъ въ уста въ теченіе долгаго времени, вполне естественнымъ явленіемъ.

Въ былинахъ нерѣдки случаи употребленія рядомъ двухъ разныхъ формъ одного и того же слова. Это не нужно считать неточностью. Собиратель былинъ указываетъ на подобные варианты, какъ на сознательный стилистическій приемъ: мы съ своей стороны считаемъ это наблюдение интереснымъ и важнымъ.

Оговоримъ предварительно случаи, въ которыхъ Н. Е. Ончуковъ не передавалъ произношенія, сохраняя принятую орфографію: это сочетаніе ж и ш съ и (жирь, шить и подобн.), ч съ а и у (часто, Чурило), сохраненіе звонкихъ согласныхъ передъ глухими и въ концѣ словъ (лавка, дубъ), употребленіе лишнихъ буквъ азбуки (ъ, ь, ѣ, і, ө) и нѣкот. др.

Цифра при словахъ означаетъ страницу текста. Когда уже вся моя работа была исполнена, оказалось, что съ 276 страницы послѣдняя корректура переверстывалась: поэтому у меня должны встрѣтиться нѣкоторыя неточности въ обозначеніи страницъ, которыя отмѣчались по пред-послѣднимъ листамъ.

Звукъ *a* вмѣсто *o* находимъ въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ: 1) калпакъ 38 (и: колпакъ 289), валовъ 211, Авдотей 166 при Овдотью 168; 2) послѣ *ж*, *ш* на мѣстѣ *e*: пшаной 104, жанихъ 193, жаню 362, жалѣзныи 182 (и: залѣзную *) 117), жаребъци 109, жаребъцей 107, жамчюгомъ 153 (и: замчугъ *) 184, несчатнымъ 382, ключавоей 320, причятниковъ 374, также и *o*: жоной 294, жонѣ 276, жоребятъ 311, жониха 272.

Чередованіе *a* и *o* въ глаголахъ типа клонить—кланять очень рѣдки: покланяется 242. Обыкновенно *a* вытѣснено звукомъ *o*.

Особые случаи: камянной 97, мядвѣдемъ 173, сарцо (сердце) 340.

Любопытно, что нѣкоторые пѣвцы акаютъ въ пѣніи, напр. Дитятевъ (стр. 312), Поздѣвъ (165, 171 и мн. др. страницы) и иные. Ср. предисловіе стр. XVIII и др. Н. Е. Ончуковъ замѣтилъ однажды, что печорскіе старообрядцы и при богослуженіи нѣкоторыя слова поютъ на *a*.

*) А послѣ *з*, вѣроятно, явилось по вліянію первыхъ формъ съ *ж*.

Звукъ *o* видимъ во многихъ, преимущественно заимствованныхъ словахъ, на мѣстѣ орфографическаго *a*: Ондронъ 310, Онтоньева монастыря 346, Гогаринъ 400, колачикъ 187, колачѣмъ 265, Тороканъ (соб. имя) 144, робота (обыкновенно), кормана 79,—ъ 256, софьянъ 152, тотариновъ 55, понафиду 208, кобаки 64, у ножа припѣи серебряны 335, шолыга 336, пою 379; на мѣстѣ *e* въ словѣ два 108, доржитъ 297; послѣ *ж, ш, ч*, мягкихъ согласныхъ и *j* на мѣстѣ *e*: можетъ 112, 178, дорожоньку 223, жона 362, чоловѣческимъ 104; ёго 108, чотыри 333, полѣ 97, 107, подорожноѣ 81, синѣѣ, морѣ 359, коренѣмъ 80, управителѣмъ 213, самовольствуётъ 219, ѣдѣтъ 223 и т. под.; на мѣстѣ *ѣ* въ: вѣдрами 218 (сравн. вѣдрами Покров. у. Владим. губ.), чолуетъ 317.

Особые случаи: Небѣснаго 310, юзолочикъ (узелочикъ) 246. Древнее въ: топеръ 367, робята (много случаевъ).

Звукъ *e* часто является на мѣстѣ *a* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ во всѣхъ положеніяхъ относительно ударенія: езыкъ 25, тежихъ 34, ѣгленетце 39, стрѣлетъ 99, хозеиномъ 85, взель 106, поеса родит. п. 70 и мн. др. т. подобн.

Е на мѣстѣ древняго *ь*: пехнулъ 96.

Е на мѣстѣ *и*: лесицы 332, улечу 339.

Е не фонетическое на мѣстѣ и въ не за ни: негдѣ (нигдѣ) 201, не какую я не чую невзгодушку не надъ собой, не надъ хозеиномъ 85 и т. п.; также въ: вѣселицу 400.

Звукъ *и* является замѣстителемъ древняго *ѣ* въ корнѣ слова только въ *исъ* 135, *поисъ* 96, 132, *найстисе* 370, *симью* 390, *винчи* (вѣнцы) 391, *одіяло* 278; въ окончаніяхъ дательнаго-предложнаго падежа: на цареви-то ходитъ большомъ кабаки 59, въ чистомъ поли 49, во городи 89, ко Почѣвъ рѣки 70, на вини 74, во сти 102, на гори 166 и мн. др. т. п. Какое и въ: на кони 163 и подобн.: древнее или изъ *ѣ* рѣшить трудно.

Въ: одолила 92 и также можетъ быть древнее; срав. дрема долить (Пушкинъ).

И видимъ также на мѣстѣ *e* въ въ мѣстоименіяхъ 1-2-го лица и возвратномъ: миня 211, тибя 211, сибѣ 57, тибѣ 76, 114, нидѣлю 360, въ прилагательныхъ на *енькій*: хроминькой 53 и т. п., въ существительныхъ на *енька*: Васицька 76, въ мѣстоименіи *іе* 341, 352, въ глаголахъ перваго спряженія: можыте 54, хвастанте 169, расколыбаитце 171 и др.

т. п.; въ словахъ: типерь 376, рибятамъ 214, также на мѣстѣ а послѣ мягкой согласной: десить 159. Всѣ случаи, повидимому, передъ слѣдующей мягкой согласной; передъ твердой у насъ отмѣченъ одинъ случай: тисовую 148 (при: тесовую 276) и мн. др. стран.

Вѣроятно, по смѣшенію префиксовъ: притяжолыя 293, приогромная 311, прибогатую 321, Присвята 345.

И сохраняется въ: поимали 202.

Звукъ *и* является вмѣсто и въ началѣ словъ: ы на то 92, ы бы пой миия 104, ы ти кони побѣжали 107, ыцэ 106 и подобн. Во всѣхъ отмѣченныхъ случаяхъ ы находится послѣ предыдущаго слова, оканчивающагося на гласную и при томъ въ началѣ фразы. Поэтому его никакъ нельзя объяснить сочетаніями, какъ далыя (даль и я), нѣтыще (нѣтъ ище); но, вѣроятно: ы вынута изъ такихъ сочетаній. При томъ подобное произношеніе могло возникнуть только при окончательной потерѣ *j* передъ *и*.

На мѣстѣ *о*: солнычны 282; выздымаль 308 и др.; сысполнилось 341 (ы въ послѣднемъ словѣ изъ *ои*, какъ въ народн.: пымали).

Звукъ *у* на мѣстѣ *о*: яблуки 212, суреди 317, суредили 317, буярина 390, буѣвую 269.

Ю на мѣстѣ *е*: очюнь 326.

Согласные звуки. Очень часты случаи мѣны *ц* и *ч* (цоканье и чеканье).

Звукъ *ц* нерѣдко произносится мягко: отца 35, цяра 34, боцьки 60 и мн. др. Наоборотъ, *ч* можно услышать и твердое: чысто полѣ 97, 107. Иногда, повидимому, *ч* въ произношеніи распадается на свои элементы тш: роботшиимъ 117. Тоже бываетъ и съ *ц*: привяжетса 311, вырвитса 381. Ж и ш тверды въ говорахъ пѣвцовъ. Щ звучитъ то какъ шч, при чемъ *ч* иногда твердо, то какъ двойное твердое шш: ищэ 52 и др. (читайте: ишчэ), шчо 222 (сравни. що 223), крешшоную 80, тащыте 92. Двойное ж въ говорахъ твердо: вожжы, пріѣжжаетъ и подобн. Вмѣсто группы ждж, жж иногда видимъ жд: заѣждлетъ 35, пріѣждятъ 164 и подобн. Русское ж: межу 105, промежу 365, прежь 368, пробуждетса 73.

Спорадическіе случаи мѣны согласныхъ: благо (младого) 57, бладь (младъ) 98, бладеня (младеня,

младенца) 180; охабоцьку 44 и др. (звонкій вмѣсто глухого между двумя гласными, паропокъ 260; ковда 55; дакъ (такъ) 51 и др. (вѣроятно, старое колебаніе между д и т въ этомъ словѣ; сравните великор. да и малоросс. та); зеребчикъ (жеребчикъ) 178; чажолую 242; охвота 375 и др.

Вмѣсто ки видимъ ти въ словахъ: тить-рыба 310, на трѣхъ подтитышахъ 310.

Мягкое г, судя по произношенію собирателя былинъ, запомнившаго мѣстное произношеніе, повидимому, обращается въ j: Вольію Всеславьевича 332, Вольіина матушка 332, Вольіи Всеславьевичу 332.

Группы согласныхъ. Очень часто сочетаніе дн замѣняется нн (50, 59 и мн. др. стран.); отсюда, вѣроятно, гриня (гридня) во многихъ мѣстахъ. Употребленіе рядомъ того и другого рода сочетаній приводитъ къ ихъ смѣшенію, такъ что дн, повидимому, появляется на мѣстѣ древняго нн: * плямядница, откуда здѣшнее племяденка 170.

Околенку 327 указываетъ на диссимиляцію звуковъ нн.

На мѣстѣ бм—мм: оммылось 74 и подобн.; вв на мѣстѣ бв: овваживать 249; на мѣстѣ бн—мн: надомно 149; на мѣстѣ мн—вн: вного 51, 210, вногіе 52; на мѣстѣ чн—сн: Путятисъну 47, Микулисна 116.

Щ на мѣстѣ тч, ч въ окончаніяхъ прилагательныхъ: круписъчатой 74, крупищатой 187, кирпищаты 65 и др., (ср. кирпичатой 321), ременщаты 50, 137, ремещаты 327, 346.

Мѣстоименіе что звучитъ: що 223, шчо 222, чо 111, чѣ 383, штѣ-бы (чтобы) 143, што 289, 351.

Перестановка согласныхъ: гнѣлкою 126.

Твердость согласныхъ: конечнаго губного: церковъ 51, кровъ 60, карабъ 53, два голуба 99, голубовъ 99; твердость р: товарищи 67 и др. (часто въ разныхъ формахъ этого слова), прычиненъ 204, попрыща 206, заскрыпѣли 217, крыку 288, крычить 324; другіе случаи: воскресѣнская 50, сэрцо 289 и др., середъ лѣта 153 (также относится къ «середъ», какъ «задъ» къ «задь»), передѣ (впередѣ) 340, позадѣ 340, Владымира 289, водыця 290, сыза бобра 295, Давыдъ 309, зори утренны 309, осѣнною ночью 345, княгина (часто), государына 344.

Мягкость согласныхъ: обрюшился (обрушился) 128, 159; лёжился 43 (мягкость изъ: «лягу», «ляжешь»); борь-

цами, борьцовъ 267; руська 56, морьска вода 210, Подобьскую 242; стольнѣй 53, колокольняго 53 и др. подобн.; тольке 62, Вольгя 331, церквю 342, сильнѣе богатыри 294, карабельную 296, вольнѣй 310, больня 327; назадъ 340.

Въ Пустозерской волости смягчаются сочетанія ка, ко, ку, ху послѣ мягкой согласной: дорожинькя 352, сколькоѣ 292, Васинькю 301, хорошинькѣй 297, десяточкѣмъ 315, звѣркѣмъ 328 (чит.: звѣркѣмъ), березонькѣй 326, черькѣвъ 364, горькя 369, церкѣвныя 345 (чит.: церькѣвныя), прекраснинькѣму 366, маленькѣго 366 и т. п.; даже: Потанюшка 354; верхю 361 (чит.: верьхю), верхъ-ѣтъ 400 (чит.: верьхъ-отъ), верхѣвишша 310 (читайте: верьхѣвишша).

Вставка и пропускъ звуковъ. 1. Часто приставляется j; во Ястрахани 151, на юходъ 36, не ѣгленетце 39 и мн. др., ету 91, екой 112;

в вмѣсто отпавшаго г: восударына 69, восударевой 207, восударевомъ 59, Восподу-Богу 198; въ срединѣ слова между гласными: каравульныя 71.

Этамъ (тамъ) 298; карабель 296, мысль 290, казенью 371, ледина 274; здря 20, заздриль 341, здриль 354, во ѡгробы 327, въ долину 308, пондравились 194, строку 194; конинную 341; сохраненіе старой группы: обвѣщались (объщались) 80, откуда: овѣщайся 279, оввозами 288 (съ ассимиляціей).

Полногласіе: окольъ черева 57.

2. Отпаденіе и выпаденіе: ужли 355, Сусъ Христосъ 355, ны (оны) 398; в въ началѣ словъ: здорожали 50, ставалъ 53, сѣ (все) 89 и др. подобн.; другіе случаи: нынь (часто), почесенъ пиръ 60, овернула туромъ 101; ѣецѣ (ничего) 89, нечо 302, отшанула (отшатнула) 387; косъ 289, кресъ 41, ѣсъ 288, чесью, радосью 296, супружесво 293 и др. подобн., здраствуй 299, сонцо 310, расгилатися 327, 351, вѣшво (вѣжество) 332 вѣска (вѣстка) 371.

Удареніе; дадите 80, сидите 23, перѣкопы 291, перѣскочу 291, перѣнесу 291.

Склоненіе существительныхъ. Обращаютъ на себя вниманіе формы: изъ корени 350, пламѣ 106, времѣ 205; бладенеця 323, мѣда 348, ото сну 325, удару род. п. 347; родит. пад. на мѣстѣ дател.-предл.: ко стрѣлы 75, мужъ жены давать 100, по силы 133, во первой вины 126 и др.

т. п.; на конь сяли 315, на камню 303; не въ любѣ 334, къ матерѣ 395; на Василю 353; лѣсы 83; веселышка 305, бо-
яришка 323, ручища, ножища 89 и т. п. правильно по
среднему роду; дружбей-товарищевъ 57, друговъ 300, мѣ-
сецей 98, кущей 102, отцей 192; ногамъ (ногами) цястить
121: хвастать кони добрыма 114, помѣнелись злачны персни
251; богатырьми 138, съ гусьми, съ лебедьми 149, плецьми,
глазьми 316, буевыма палицьми 181, своима рукамы 221;
вмѣстяхъ 193; вочью, позавочью 292; слезовъ 310.

Собирательныя формы въ значеніи множеств. числа:
увидѣли каменьѣ превысокія 56, сырыя тутъ дубье рас-
шаталися 226—единственнаго числа: сыроѣ-то дубьѣ рас-
шаталосе, сухоѣ-то пеньѣ поломалосе 288, прутьѣ, лисьѣ
серебренное 327, прутьѣмъ, лисьѣмъ по земли да растилатися
327, не нашли то луды, нынѣ не каменья 360.

Прилагательныя: на конюшенѣ дворъ 112, добра
коня 34, добру коню 34; имен. ед. на ой, ей: удалой 287,
турей 74 и т. п.; родител. падежъ на ого, аго: лютого 35,
змѣинога 35, виноватого 35, сердечного 35, добраго 75, ходя-
чаго 75, средняго 52 и подоб.; рядомъ на ово, ова: турец-
ково 212, сладкова 74; по смѣшенію окончаній съ согласными
г и в получилось: бѣлоярого 190 вм. бѣлоярово, Светого-
рого 332 вм. Светогорова; отъ земли отъ невѣрныя 190,
ноги правыя 241; дружинуньку хороброу 386, отъ великою
хмелинки 392; кошочки подводной 51, сбруи лошадиной 74,
къ заставѣ великой 84, кобылой водовозной 101 и др.
подобн. формы на оей вм. ей;

именит.-вивит. множ. на ыя, ыи, ые: столики дубо-
выя 253, голи кабацкія 257, двери подвальнія 258, сходенки
дубовыя 266, якоря карабельнія 266, уста сахарныя 276,
перины пуховыя 276, очи ясныя 278, горы высокія 281,
степи Сарочинскія 281, моря синія 281, сады зеленыя 282,
могучіе плеча 267, саложки софьянныя 277, и мн. др. т. п.;
сильныя заставы 223, сильныя богатыри 340, людей рабочіихъ
53, ко теремамъ высокіемъ 322, горячими слезми 358 часто
формы творитель наго множественнаго на има; съ новыма го-
родами 97, многима народами 112 и т. п., съ хорошимя людьми
397, купецъ богатыя 50, отецъ духовныя 50, король литов-
скій 169 и подоб.

Христовому 302, Скопинова матушка 322, государевому
366, войскому 273.

Стяженныя формы: во ножны, во ручны (желѣза), во заплечныи 351, харчево и годово, нашо денежно (жалованье) 400.

Сравнительная степь на яе: чудные 275.

Склоненіе мѣстоименій и числительныхъ представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ особенностей: у мнѣ 48, у тя 48, у ся 90; тѣ (тебѣ) 91, сѣ (себѣ) 261, мнѣ (мнѣ) 103; еѣ род. п. 49, ей (еѣ) 68, собя 250, ю вин. п. 136, нѣтъ ею краше 115 (здѣсь вин. п. вмѣсто родительнаго); кимъ 97, чимъ 114, затимъ 79; этѣ 220, 223, этоя 178, ты бояра 115, ти монастыри 80, тихъ 102, вси стороны 87; съ имѣ 91, со всимѣ 188, сумками своимѣ 203; не пропей своя (своего) разума 163, мою (моему) горюшку 184; обѣма руки 74; трюхъ сажень 134; третей прутикъ 248, третье 261. Полтретьяста 363. Стяженіе въ: тако 194, котора 225. Мнѣ-кова 313, мнѣ-ка-ва 320, 347.

Глаголы. Замѣчательныя формы: берекчи, степекчи 140; искиати 282; лежилса 341, легѣшь (ляжешь) 56, сѣкѣтъ 337; увидяль 161; читѣтъ (читаетъ) 345, сочтѣтъ 212; подыте-ко 220, положтетко 357; сидячи 113; отрехнувшѣ 281; чѣлоиваль (цѣловываль) 219, выплѣивать 335; сѣли (сѣли) 315; сѣду (сяду) 334; нагонилъ 339.

Часто стяженіе гласныхъ: знашь 72, имѣшь 57, шататъ 53, сдѣламъ 51 и т. п.

Возвратн. залогъ на ся, се, са, сѣ: иматисѣ 83, сошолса 89, оправитсѣ 92 и подоб.

Сохранились старыя сложныя формы прошедшаго времени: Да е винныя цѣры да мнѣ доносили 48, прошло е 98, видѣли э, е 105, было ѣ 181 и др. подобн.; Онъ тащилъ его бы скоро вонъ на улицу, Онъ вытаскиваль бы скоро на круто крыльцо 132 и подобн. Это бы пронякло и въ формы настоящаго времени: Какъ становятъ бы нонъ скоро дубовой столъ, Какъ на столъ бы носятъ всяки кушанья 135 и т. п.

Формы совершеннаго вида въ значеніи продолженнаго дѣйствія: купилъ 304, откинетъ 325, скажотъ 365 и др. т. п.

Членъ имѣетъ формы: отъ (пирь-отъ 52, столъ-отъ 52 и т. п.), та, ту (княгину-ту 46), то (жилъ-то 58, говоритъ-то 58 и т. п.), ты (столы-ты 113), ти (болота-ти 170, ворота-ти 182), тѣ (всѣ-тѣ сходенки дубовыя 296).

Родъ. Много случаевъ, когда сказуемое прошедшаго времени стоитъ при подлежащемъ женскаго рода: корова задавилосе 96, собака волочилосе 96, смерть случилосе 99, 132, 192, накатилосе вдругъ тутъ туча темная, навалилося бы тутъ орда невѣрная 136, старушка раскачалосе 160, Марина спугалосе 194, княгина разгорѣлосе 200 и др. подобн.

Въ первыхъ друкъ примѣрахъ средній родъ объяснить нетрудно: «корова», «собака» подмѣнили старыя «коровище», «собачище». Въ другихъ примѣрахъ это объясненіе не примѣнимо.

Согласованіе въ родѣ по формѣ: Зоветь тогда слуга вѣрная... Соловей на то ей (т. е., слугѣ) отвѣтъ держаль 87, калика пошла 90 и т. п.

Особыя слова или образования: ко стремяни лошадиной 85, другой ступень 146, бѣлой куропать 278, ужъ сварили они ужину 217, пшану 290 и мн. др., харчу хлѣбнаго 314, числа смѣту нѣтъ 340, дитѣ будетъ намъ не кормилицо 80, лучишко подорожнѣ 81.

Пусть не дѣржитъ Василей всё сто рублей 300.

Число. При словахъ «народъ», «дружина» сказуемое во множест. числѣ: народъ остановилисе 149, народъ не глядятъ 150, пошли-то дружина на черленъ караль 357.

Употребленіе падежей представляетъ слѣдующія отличія: 1) форма именит. въ оборотахъ, какъ пить цыра 34, кровавить сабля 82 и др. подоб.; ты намъ больше не надобно 67, мнѣ не надо твоя золота казна, мнѣ не надо твои люди робочіе 53; 2) винит.: при мимо: мимо княгину 220; вмѣсто соплеталисе 180 и др.; дань не плачиваль 362. 3) родител. множ. числа при предлогѣ по: закопать молодца по грудей въ землю 197, нога по колѣнъ бѣла 108, по локоть *) 100 (срав. сорока локоть 117), отсѣкъ по плечъ голову 293); родит.: княгину-ту дариль да хрущатой камки 46, я радъ службы служить, службы служить, да головы сложить 296, пирь о полупира, столъ о полустола 307, есь-ле борцовъ поборотнсе 307, цего видѣли 344.

Особыя слова: ле (ли) 36, 48, 288 (въ началѣ фразы ле — ле) и мн. др., але (али) 65, 114, 220 и др. (сравн. такой

*) Изъ подобныхъ формъ, можетъ быть, произошло и наше: покаместъ въ которомъ ка изъ вин. падежа.

же союзъ въ славянскихъ языкахъ: болгарскомъ, чешскомъ, словацкомъ), есле 183, оже 164, ожъ 65, 69 и др., коло (около) 158, 167, ту 29, 30, до вмѣсто къ: веземъ ее до князя Владимира 191, долонь 307, щанъ (чанъ) 347, дочи (дочь) 193, вопрыща (вепря) 165, любы: перстянки эти ему въ любы придуть (понравятся) 125, кура 47, курия 48, трупъё (трупъ) 49, жѣребы (жеребья) 361, на радощахъ 374, одинакого (одинокого) 374; перстянки 125, перстяночки 124, перщаточка 152, рота 399, свободой 247 (слободой), бари-вался 120, волховать 159, книгу волховную 159, порозного 261, мотри (смотри) 149, робити 214, сробити 214.

На Волхову-рѣку 349, изъ Волховой-рѣки 350.

В. Чернышевъ.

А. СТАРИНЫ УСТЬЦЫЛЕМСКОЙ ВОЛОСТИ.

(А. СЕЛЕНІЯ ПО РѢКѢ ПИЖМѢ).

І. ДЕРЕВНЯ ЧУРКИНА.

І. Ѳеодосья Емельяновна Чуркина.

Это 55 лѣтняя, высокая, здоровая, со слѣдами былой красоты женщина, хозяйка самаго зажиточнаго дома въ деревушкѣ въ десятокъ домовъ. Родомъ Ѳеодосья Емельяновна изъ деревни Аврѣмовской, на Пижмѣ-же, гдѣ жилъ до послѣдняго времени ея родной дядя—Василій Авраамовичъ Чупрѣвъ, попросту Вася Малый, отъ котораго Ѳ. Е. и „поняла“ старины. Знала она старины очень хорошо и знала ихъ много, но въ послѣднія 10—15 лѣтъ за недосугомъ—у ней большое хозяйство и полонъ домъ народа—начала забывать. Однако и теперъ я долженъ ее поставить въ рядъ лучшихъ сказателей, слышанныхъ мною на Печорѣ. Ѳ. Е. грамотна, читаетъ священныя книги и потому въ ея былинахъ попадаются часто книжныя обороты, а въ ея рѣчи вообще не такъ много мѣстнаго элемента, она приближается къ книжной. Чуркина чрезвычайно дѣятельна по хозяйству,—ни одну минуту она не сидитъ безъ дѣла, а если можно дѣлаетъ два-три вразъ. Обладая яснымъ умомъ, она сейчасъ-же поняла и повѣрила—зачѣмъ мнѣ ея старины, но и тотчасъ же постаралась извлечь изъ этого возможно больше пользы: всю жизнь безъ передышки приобрѣтаетъ въ домъ—ея идеаль, въ проведеніи котораго она иногда показывасть себя не-

1*

симпатичной. Отвергнувъ, какъ совершенно вздорное, предостереженіе сосѣдокъ, что „какъ-бы отъ пѣнія ею старины не было худа“, Ѳ. Е. безпокоилась только о томъ сначала—заплачено-ли будетъ ей за труды. Моихъ увѣреній, что трудъ будетъ оплаченъ, показалось мало, и во время пѣнія первой старины она раза четыре останавливалась и говорила: „Вотъ я пою, пою, а будетъ-ли толкъ какой мнѣ?—„Будетъ, будетъ, Ѳ. Е., успокою я ее, пойте только“. Она успокоится, а черезъ полчаса опять: „Да ты дашь-ле мнѣ што? Не даромъ-ле я убиваюсь?“ Пришлось предложить плату впередъ и установить таксу за каждую спѣтую былинку, при чемъ я попросилъ, чтобы плату назначила она сама,—интересно было, какъ дорого оцѣнить свой трудъ эта, совсѣмъ въ видѣ исключенія встрѣтившаяся старинница. Плата, къ моему удивленію, назначена была совсѣмъ грошовая. Когда деньги очутились въ рукахъ Ѳ. Е. успокоилась и безъ остановокъ уже пѣла мнѣ, въ тоже время прядя шерсть и нянчась съ ребенкомъ, отъ чего было, конечно, и ей, и мнѣ не мало помѣхи. Знаетъ Ѳ. Е. старины кромѣ записанныхъ мною у ней: женитьбу Владиміра (Дунай), „Маево“ побоище, сорокъ каликъ, Данила Староильевича, князя Долгорукова; знаетъ разговоръ также „разговоръ птицъ“, который прежде пѣла съ тетрадки, теперь затерявшейся. Старины № 1 и 3 Ѳ. Е. хорошо знаетъ и спѣла прекрасно, про Скопина знаетъ уже хуже; при пѣніи этой старины она часто плакала, невольно сравнивая Скопина съ роднымъ своимъ, самымъ младшимъ сыномъ, служащимъ въ солдатахъ въ Петербургѣ. Въ старинахъ про Ваську Игнатьева и про Илью Муромца въ опалѣ, Ѳ. Е. много, мнѣ кажется, прибавляла отъ себя, по кр. м. передавала своими словами то, что не знала, какъ поется.

Застава Богатырская.

(Илья Муромецъ и Сокольникъ).

- Кабы жили на заставы богатыри,
 Недалёко отъ города—за двѣнадцать верстъ,
 Кабы жили они да тутъ петнацеть лѣтъ;
 Кабы трицеть-то ихъ было да со богатырёмъ;
5. Не видали не конного, не пѣшого,
 Не прохожого они тутъ, не проѣжжого,
 Да не сѣрой тутъ волкъ не прорыскиваль,
 Не ясенъ соколъ не пролѣтываль,
 Да не руськой богатырь не проѣжживаль.
10. Кабы трицеть-то было богатырей со богатырёмъ:
 Атаманомъ-то—старъ-казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Подутóманьёмъ Самсонъ да Колыбановичъ,
 Да Добрыня-то Микитичъ жилъ во писаряхъ,
15. Да Олеша-то Поповичъ жилъ во поварахъ,
 Да и Мишка Торопанишко жилъ во конюхахъ;
 Да и жилъ тутъ Василей сынъ Буслаевичъ,
 Да и жилъ тутъ Васинька Игнатъевичъ,
 Да и жилъ тутъ Дюкъ да сынъ Степановичъ,
20. Да и жилъ тутъ Пермь да сынъ Васильевичъ,
 Да и жилъ Родивонъ да Превысокіе,
 Да и жилъ тутъ Микита да Преширокіе,
 Да и жилъ тутъ Потанюшка Хроминькой,
 Затѣмъ Пóтыкъ-Михайло сынъ Ивановичъ,
25. Затѣмъ жилъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
 Да и былъ тутъ Чурило блады Пленковичъ,

- Да и былъ тутъ Скопинъ сынъ Ивановичъ,
Тутъ и жили два брата два родимые,
Да Лука, да Матвѣй дѣти Петровыя.... *)
30. На запинѣ-то было свѣтла деницька,
На зори-то тутъ было да ноньце на утренной,
На восходѣ-то было да красна солнышка,
Тутъ ставаётъ старой да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ ставаётъ да сынъ Ивановичъ,
35. Умывается онъ да ключевой водой,
Утираетсе онъ да бѣлымъ полотномъ,
А ставаётъ да онъ нонь передъ Господомъ,
А молитсе онъ да Господу-Богу,
А крестъ-отъ кладётъ да по писанному.
40. А поклонъ-отъ ведётъ да какъ вѣдь водитсе,
А молитву творить полну Иисову,
Самъ надѣрнулъ сапожки да на босу-ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плечѣ,
Да пуховъ-де колпакъ да на одно ухо.
45. Да и бралъ онъ нынѣ трубочку подзорную,
Да выходитъ старой да вонъ на улицу,
Да и зрѣлъ онъ, смотрѣлъ на вси стороны,
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону восточную,—
Да и стоитъ-то-де нашъ тамъ стольнѣ-Кіевъ-градъ;
50. Да смотрѣлъ онъ подъ сторону подъ лѣтнюю,—
Да стоятъ тамъ луга да тамъ зелѣныи;
Да гледѣлъ онъ подъ сторону подъ западну,—
Да стоятъ тамъ да лѣсы тѣмныи;
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону подъ сѣверну,—
55. Да стоятъ-то-де тамъ да ледены горы;
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону въ полуночи,—
Да стоитъ-то-де нашо да синѣ морѣ,
Да и стоитъ-то-де нашо тамъ чисто полѣ,
Сорочинско-де словно наше Кулігово;
60. Въ копотн-то тамъ, въ туманѣ не знай звѣрь бѣжитьъ,
Не знай звѣрь тамъ бѣжитьъ, не знай соколъ летитьъ,
Да Буянъ-ле славной островъ тамъ шатайтсе,
Да Саратовы-ле горы да знаменуютсе,

*) Больше богатырей О. Е. вспомнить не могла, какъ не старалась, но сказала, что прежде помнила всѣхъ.

- А богатырь-ле тамъ ѣдѣтъ, да потѣшается:
65. Попередн-то его да бѣжитъ сѣрой волкъ,
Позади-то его бѣжитъ черной вожлокъ,
На правомъ-то плецѣ знать воробей сидитъ,
На лѣвомъ-то плецѣ да знать бѣлой кречеть,
Во лѣвой-то рукѣ да держитъ тугой лукъ,
70. Во правой-то рукѣ стрѣлу калѣную,
Да калѣную стрѣлочку, перѣную,
Не того-же орла да сизокрылого,
Да того-же орла да сизокамьского,
Не того-же орла, которой на дубу сидитъ,
75. Да того-же орла, которой на синѣмъ мори,
Да гнѣздо-то онъ вѣтъ да на сѣрой камень.
Да подверхъ богатырь стрѣлоцку подстрѣливать,
Да и на полъ онъ стрѣлоцку не уранивать,
На полѣтъ онъ стрѣлоцку подхватывать.
80. Подѣждятъ онъ нынѣ ко бѣлу шатру,
Да и пишотъ нонь самъ да скору грамотку,
На правомъ-то колѣнѣ держитъ бумажецку,
На лѣвомъ-то колѣнѣ держитъ чернильничу,
Во правой-то рукѣ да держитъ перышко,
85. Самъ пишотъ ерлыкъ да скору грамотку,
Да подмѣтываль ерлыкъ да скору грамотку,
Да къ тому-же шатру да къ бѣлобархатному.
Да берѣтъ-то старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Да и то у него тутъ написано,
90. Да и то у него тутъ напечатано:
«Да и ѣду я нонь да въ стольнѣй-Кіевъ-градъ,
«Я громѣтъ-шурмовать да въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,
«Я соборны больши церкви я на дымъ спущу,
«Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
95. «Я печятны больши книги да во грезн стопчу,
«Чудны образы-иконы на поплавъ воды,
«Самого я князя да въ котлѣ сварю,
«Да саму я княгину да за себя возьму».
Да заходитъ тутъ старъ тутъ во бѣлой шатѣрь:
100. «Охъ вы ой есь вы дружинушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина, да заговорная!
Ужъ вамъ долго-ле спать, да нынѣ пора ставать.
Выходилъ я, старой, вонъ на уличу,

- Да и зрѣль я, смотрѣль на вси стороны,
105. Да смотрѣль я подѣ сторону восточную,—
Да и стойте-го-де нашѣ тамѣ стольнѣ-Кіевѣ-градѣ...» *)
Тутѣ скакали нынѣ всѣ руськіе богатыри,
Говорить-то-де старѣ-казакѣ Илья Муромецѣ:
«Да кого-же намѣ послать нынѣ за богатырѣмѣ?»
110. Да послать намѣ Самсона да Колыбанова,—
Да и тотѣ вѣдѣ—онѣ роду-то сонливого,
За невѣдѣ потерять свою буйну голову;
Да послать намѣ Дуная сына Иванова,—
Да и тотѣ, онѣ вѣдѣ роду-ту заплывчива,
115. За невѣдѣ потерять свою буйну голову;
Да послать намѣ Олѣшиньку Поповиця,—
Да и тотѣ, онѣ вѣдѣ роду-ту хвасливого,
Потерѣетѣ свою буйну голову;
120. Да послать-то намѣ вѣдѣ Мпшку да Торопанишка,—
Да и тотѣ, онѣ вѣдѣ роду торопливого,
Потерѣетѣ свою буйну голову;
Да послать-то намѣ два брата, два родимыя,
Да Луку де, Матвѣя, дѣтей Петровицей,—
Да такого онѣ роду-то вѣдѣ вольнѣго,
125. Они вольнѣго роду-ту, смиренѣго,
Потеряютѣ свои да буйны головы;
Да послать-то намѣ Добрынюшку Микитиця,
Да и тотѣ онѣ вѣдѣ роду, онѣ вѣдѣ вѣжлива,
Онѣ вѣжлива роду-ту, очеслива,
130. Да умѣетѣ со молодцомѣ соѣхатсе,
Да умѣетѣ онѣ со молодцомѣ розѣхатсе,
Да имѣетѣ онѣ вѣдѣ молодцу и честь воздать.»
Да уцюло тутѣ вѣдѣ ухо богатырскоѣ,
Да завидѣло око да молодецькоѣ,
135. Да и сталѣ тутѣ Добрынюшка сряжатисе,
Да и сталѣ тутѣ Добрынюшка сподоблетисе;
Побѣжалѣ нынѣ Добрыня на конюшенѣ дворѣ,
Да и бралѣ онѣ коня да всѣ семи чѣпей,
Да семи онѣ чѣпей, да семи розвезей,
140. Да и клалѣ на коня да плотны-плѣтнѣицьки,

*) Разсказъ И. Муромца, что онѣ видѣль, составляющій буквальное повторѣніе предъидущаго въ 49 стихахъ (отѣ стиха 50 до 99)—выпускается.

- Да на плотницьки клатъ да мякки войлоцьки,
Да на войлоцьки сѣдѣлышко черкальской,
Да двѣнадцать онъ вязоть подирутъ шолоковыхъ,
Да тринадцету вязоть черезхребѣтную,
145. Черезъ ту-же онъ степъ да лошадиную,
Да не ради басы да молодецькоей,
Ради крѣпости вязоть богатырьскоей;
Тутъ онъ призналъ онъ-де шапоцьку курцявую,
Онъ простилсе со всѣми руськима богатырьми,
150. Да не видно поѣздки да молодецькоей,
Только видно какъ Добрыня на коня скочилъ,
На коня онъ скочилъ, да въ стремена ступилъ,
Стремена-те ступилъ, да онъ коня стегнулъ;
Хоробра была поѣздка да молодецкая,
155. Хороша была побѣжка лошадиная,
Во чистомъ то полѣ видно курива стоить,
У коня изъ ушей да дымъ столбомъ валить,
Да изъ глазъ у коня искры сыплютсе,
Изъ нозрей у коня пламѣ мѣчется,
160. Да и сива-де грива да разстилаетсе,
Да и хвостъ-то трубой да завиваетсе.
Наѣзжають богатырь на чистомъ поли,
Заревѣлъ тутъ Добрыня да во первой наконъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ нынъ на пускъ держу,
165. Ты невѣрной богатырь дакъ поворотъ даѣшь».
А и ѣдѣтъ тотаринъ да не ѣгленетсе;
Заревѣлъ-то Добрынюшка во второй наконъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ нынъ на пускъ держу,
Ты невѣрной богатырь дакъ поворотъ даѣшь».
170. А и ѣдѣтъ тотаринъ да не ѣгленетсе;
Да и тутъ-де Добрынюшка ругатце сталъ:
«Ужъ ты гадина, ѣдѣшь, да перегадина!
Ты сорока, ты лѣтишь, да бѣлобокая!
Да ворона ты лѣтишь да пустопѣрая,
175. Пустопѣра ворона да позагуменью!
Не воротишь на заставу каравульнюю,
Ты ужъ насъ молодцовъ видно нечѣмъ считаешь?..»
А и тутъ-де тотаринъ да поворотъ даѣтъ,
Да снималъ онъ Добрынюку да со добра коня,
180. Да и даль онъ на ж . . . по отѣнышу,

- Да прибавилъ на ж... по алябышу,
Посадилъ онъ назадъ его на добра коня:
«Да поѣдь ты, скажи стару казаку,—
«Кабы што-де старой тобой замѣняется?»
185. «Самому ему со мной ище дѣлать нечево».
Да поѣхалъ Добрыня да одва живъ сидить,
Туть ѣдетъ Добрынюшка Никитѣвичъ,
Да къ тому-же къ своему да ко бѣлу шатру,
Да встрѣцётъ его да нынче старъ-казакъ,
190. Кабы старъ-де казакъ да Илья Муромицъ:
«Охъ ты ой еси Добрынюшка Никитицъ бладь!
Ужъ ты што-же ты ѣдѣшь не по старому?
Не по старому ты ѣдѣшь, да не по прежнему?
Повеся ты доржишь да буйну голову,
200. Потопя ты дѣржишь да очи ясныи».
Говорить-то Добрынюшка Никитицъ бладь:
— Наѣжжалъ я тотарина на чистомъ поли,
Зарѣвѣлъ я ему да ровно два роза,
Да и ѣдетъ тотаринъ, да не ѣгленется;
205. Кабы тутъ-де-ка я ровно ругатсе сталь,
Да и тутъ-де тотаринъ да поворотъ даѣтъ,
Да сымаль онъ меня да со добра коня,
Да и даль онъ на ж... да по отяпышу,
Да прибавилъ онъ еще онъ по алябышу,
210. Да и самъ онъ говоритъ да таковы рѣци:
«Да и што-де старой тобой замѣняется?»
«Самому ему со мной да дѣлать нечего!»—
Да и тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
215. Могуци его плеча да расхотилисе,
Ретиво его сердцѣ разгорѣцилосе,
Кабы ровно-неровно—бутьто въ котли кипить.
«Охъ вы ой еси руськіе богатыри!
Вы сѣдлайте, уздайте да коня доброго,
220. Вы кладите всю сбруню да лошадинную,
Вы кладите всю приправу да богатырьскую».
Туть сѣдлали-уздали да коня доброго,
Да не видно поѣздки да молодецькоей,
Только видно какъ старой нынѣ на коня скочилъ,
225. На коня онъ скочилъ, да въ стремена ступилъ,

- Да и прижнялъ онъ свой да нонь пуховъ колпакъ:
«Вы прощайте дружиннушка хоробрал!
Не успѣте вы да штей котла сварить,—
Привезу голову да молодецькую».
230. Во чистомъ поли, видно, курива стоитъ,
У коня изъ ушей да дымъ столбомъ валить,
Да изъ глазъ у коня искры сыплютсе,
Изъ нозрей у коня пламѣ мечетсе,
Да и сива де грива да ростилаетсе,
235. Да и хвостъ-отъ трубой да завиваетсе.
Наѣжжаётъ татарина на чистомъ поли,
Отъ того-же отъ города отъ Кіева,
Да и столько де мѣста—да за три пѣприща,
Заревѣлъ тутъ старой да во первой законъ:
240. «Ужъ я вѣрной богатырь, дакъ я на пускъ держу,
Ты не вѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь.»
А и ѣдѣтъ тотаринъ да не ѣгленетсе;
Да и тутъ старой заревѣлъ во второй законъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ я на пускъ держу,
245. Ты не вѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь».
Да и тутъ-де тотаринъ да не огленетсе;
Да и тутъ-де старой кабы ругатсе сталь:
«Ужъ ты гадина, ѣдѣшь, да перегадина!
Ты сорока ты лѣтишь, да бѣлобокал!
250. Ты ворона ты лѣтишь да пустоперая!
Пустопера ворона да по загуменью,
Не воротишь на заставу каравульную,
Ты ужъ насъ молодцовъ видно нечѣмъ считаешь».
Кабы тутъ-де тотаринъ поворотъ даётъ,
255. Отпустилъ тотаринъ да нынь сѣра волка,
Отпустилъ-то тотаринъ да черна вождока,
Да съ права онъ плеча да онъ воробышка,
Да съ лѣва-то плеча да бѣла кречета.
«Побѣжите, полетите вы нынь проць отъ меня,
260. Вы ищите сибѣ хозяйна поласкове,
Со старымъ намъ сѣждяться да намъ не брататсе,
Со старымъ намъ сѣжжятця—дакъ чья Божья помочь».
Вотъ не двѣ горы вмѣсто да столканулисе,
Два богатыря вмѣсто да тутъ соѣхалисе,
265. Да хватали они сабелки нынь вострыи,

- Да и сѣклись, рубились да чѣлы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Вострыя сабельки ихъ да изломалисе,
Изломалисе сабельки, исщербилисе;
270. Да бросили тотъ бой да на сыру землю,
Да хватали-то палицы боёвыя,
Колотились, дрались да чѣлы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Да боёвыя палицы загорѣлисе,
275. Загорѣлисе палицы распоѣлисе;
Да бросали тотъ бой на сыру землю,
Да хватали копейця да бурзомецькин,
Да и тыкались, кололись да чѣлы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
280. По насадкѣ копѣйця да изломалисе,
Изломалисе они, да извихнулисе;
Да бросили тотъ бой да на сыру землю,
Да скакали они нонь да со добрыхъ коней,
Да хватались они на рукопашецьку.
285. По старому по безчесью да по великому,
Подоспѣло его слово похвальнѣе,
Да лѣва его нога да окольздилосе,
А права-то нога и подломилосе,
Да и падалъ старой тутъ на сыру землю,
290. Да и ровно-неровно бутто сырой дубъ,
Да заскакивалъ сокольникъ на бѣлы груди,
Да и розорвалъ лату да онъ булатную,
Да и выгацилъ чинжалище, укладенъ ножъ.
Да и хочеть пороть да груди бѣлыя,
295. Да и хочеть смотрѣть да ретиво серце.
Кабы тутъ-де старой да нынь расплакалса:
«Охъ ты ой естъ Пресвята Мать Богородица!
Ты пошто этта меня нынѣце повыдала?
Я за вѣру стоялъ да Христовую,
300. Я за церкви стоялъ да за соборныя».
Вдругъ не вѣтру полоска да перепахнула,—
Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,
Да свиснулъ онъ сокольника со бѣлыхъ грудей,
Да заскакивалъ ему да на черны груди,
305. Да и розорвалъ лату да всё булатную,

- Да и вытащилъ чинжалище, укладенъ ножъ,
Да и ткнулъ онъ ему до во черны груди,—
Да въ плечи-то рука и застояласе;
Тутъ и сталь-де старой нынѣе выпрашивать:
310. «Да какой ты удалой да доброй молодецъ?»
У поганого сердцо-го заплывчиво:
— Да когда я у те былъ да на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ не роду тя, не племени.—
Да и ткнулъ старой да во второй наконь,—
315. Да въ локти-то рука да застоялосе;
Да и сталь-де старой да опеть спрашивать:
«Да какой-ты удалой да доброй молодецъ?»
Говорить-то сокольникъ да таковы рѣци:
«Да когда я у те былъ на бѣлыхъ грудяхъ,
320. Я не спрашивалъ не роду тя, не племени,
Ты ище сталь роды у мня выпрашивать.—
Кабы тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Да и ткнулъ старой да во третей наконь,—
325. Въ завѣдѣ-то рука да застояласе,
Да и сталь-то старой тутъ выпрашивать:
«Ой ты ой еси удалой доброй молодецъ!
Да скажись ты мнѣ нонѣе пожалуйста:
Да какой-ты земли, какой вотчины?»
330. Да какого ты моря, коя города?
Да какого ты роду, коя племени?
Да и какъ ты молодца именѣмъ зовуть?
Да и какъ прозываютъ по отечестви?»
Говорить-то сокольникъ да таковы рѣци:
335. — Отъ того-же я отъ камешка отъ Латыря,
Да отъ той-же я дѣвченки да златыгорки,
Она зла полениця да преудалая,
Да сама она была ище одноокая.—
Да скакаль-то старой нонь на рѣзвы ноги,
340. Прижималъ онъ его да ко бѣлой груди,
Ко бѣлой де груди, да къ ретиву сердцю,
Чѣловалъ его въ уста да нынѣ сахарныи:
«Уже ты чадо-ле, чадо да моѣ милое!
Ты дитя-ле моѣ, дитя моѣ сердцецное!»
345. Да сѣбъзжались съ твоей да мы вѣдъ матерью,

- Да на томъ-же мы вѣдь на чистомъ поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы съ ей любовь тѣлесную,
350. Да тѣлесную любовь, да мы сердечную,
Да и тутъ мы вѣдь, чадо, тебя прижили;
Да поѣдь ты нынь къ своей матери,
Привези ей ты нынь въ Стольно-Кіевъ-градъ,
Да и будешь у меня ты первой богатырь,
355. Да не будётъ тебѣ у насъ поединщиковъ».
Да и тутъ молодцы нынь разѣхались,
Да и ѣдётъ сокольникъ ко свою двору,
Ко свою двору, къ высокоу терему,
Да встрѣцятъ его матушка родимая.
360. «Ужъ ты цядо-ле, цядо мое милое!
Ужъ дитя ты моё, дитя сердечнѣе!
Ужъ ты штоже нынь ѣдешь да не постарому?
Да и конь-то бѣжитъ не по прежнему?
Повеса ты доржишь да буйну голову,
365. Потопя ты доржишь да оци ясныя,
Потопя ты ихъ дѣржишь да въ мать сыру землю».
Говорить-то сокольникъ да таковы рѣци:
— Ужъ я былъ-же нынь-нынъце да во чистомъ поли,
Ужъ я видѣлъ стару коровушку Базыкову,
370. Онъ тебя зовѣтъ блядкой, меня выbledкомъ».
Говорить-то старуха да таковы рѣци:
«Не пустымъ-де старой да похваляется,—
Да съѣжжались мы съ имъ да на чистомъ поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
375. Да не ранились мы да некровавились,
Сотворили мы съ имъ любовь тѣлесную,
Да тѣлесную любовь, да мы сердечную,
Да и тутъ мы вѣдь, цядо, тебя прижили».
А и тутъ-де сокольнику за бѣду стало,
380. За великую досаду показалосе,
Да хваталь онъ матушку за черны кудри,
Да и вызняль онъ ей выше могущихъ плечь,
Опустиль онъ ей да о кирпичатъ полъ,
Да и тутъ-де старухѣ да смерть случилосе.
385. У поганого серьцѣ-го заплывциво,

- Да заплывчиво серьцѣ-го, разрывчиво,
Да подумамъ онъ думу да промежду собой,
Да сказалъ онъ нынь слово да нынѣ самъ сибѣ:
«Да убилъ я топеря да родну матушку,
390. Да убью я, поѣду, да стара-казака,
Онъ спить нынь съ устатку да нонь съ великого».
Да поѣхалъ сокольникъ въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,
Непиваючись онъ, да неѣдаючись,
Не сыпаль-де онъ нынѣ плотного сну,
395. Да розорвана лата да нынь булатная,
Да цвѣтно его платѣ да всё истрѣпано.
Приворачиваль онъ на заставу каравульнюю,
Некого тутъ на заставы не случилось,
Не случилось-де нынь, не пригодилосе,
400. Да и спить-то одинъ старой во бѣломъ шатру,
Да храпить-то старой, какъ пороѣ шумить;
Да соскакивалъ сокольникъ да со добра коня,
Да заскакивалъ сакольникъ да нынь во бѣль-шатѣрь,
Да хваталь онъ копейцѣ да бурзومهцькое,
405. Да и ткнулъ онъ старому да во бѣлы груди;
По старому-то по счастью да по великому,
Пригодилсе-ле тутъ да золотъ-чүденъ-крестъ,—
По насадки копейцо да извихнулосе;
Да и тутъ-де старой да пробужаитсе,
410. Отъ великаго сну да просыпаитсе,
Да скакаль-де старой тутъ на рѣзвы ноги,
Да хваталь онъ сокольника за черны кудри,
Да и вызняль его выше могуцихъ плечь,
Опустиль онъ его да о кирпичать полъ,
415. Да и тутъ-де сокольнику смерть случилось;
Да и вытащилъ старой его вонъ на улицу,
Да и руки и ноги его онъ оторваль,
Розсвисталь онъ его да почисту полю,
Да и тулово свезаль да ко добру коню,
420. Да сорокамъ,-воронамъ да на расклѣванѣ,
Да сѣрымъ-де волкамъ да на ростарзанѣ.

2.

Илья Муромецъ въ опалѣ *)

Подарилъ-то де солнышко Владимиръ-князь,
Какъ тому-же Ильѣ да стару-казаку,
А дарилъ ему шубейку о петьсотъ рублей,
Говорилъ-ту-де тутъ да нынѣ старъ-казакъ:

5. «А не мнѣ были подароцьки направлены,
А направлены Дунаю сыну Ивановичу, ***)
А мнѣ видно-де нынѣ да пригодилисе». Ужъ услышели тутъ думныя бояра нынѣ,
Они писали ерлыки да скоры грамоты,
10. Доносили князю они Владимиру:
«А обхулили твои да старъ подароцьки,
Говорилъ будто старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ я цѣ, думаю, мнѣ князь дарить станѣтъ,
«Онѣ и шубку дарить мнѣ, будто у мя шубокъ нѣтъ»».
15. Тутъ призвалъ нынѣ солнышко Владимиръ князь,
Какъ тово-же вѣдь нынѣ да стара-казака,
Кабы тутъ-де-ка старъ да на опоръ пошолъ,
Кабы думныхъ бояръ да приказалъ притти,
Они сложились троица да всѣ отвѣтили:
20. «Говорилъ-то-де это еще старъ-казакъ,
Онѣ вполне говорилъ, да всѣ мы слышели». Говорить-то тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Говорилъ-же то я да не совсѣмъ-же такъ,
Они ложно доносятъ показанѣ-то,
25. Они съ клятвой на старá да пригибаютъ-же.
Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Говорилъ-то вѣдь я да промежу собой:

---

*) Эту старину О. Чуркина помнила очень плохо, только въ общихъ чертахъ, и только на усиленную мою просьбу согласилась ее пропѣть, при чемъ, когда пѣла, часто путалась и останавливалась, чтобы припомнить. При сравненіи этой старины съ предъидущей и послѣдующей разница въ обработкѣ содержанія видна сразу. По всему видно было, что старина припоминалась по времени пѣнія, а не передавалось слышанное и усвоенное ранѣе. Н. О.

**) Старина эта, говорила мнѣ О. Ч. пѣлась стариками непосредственно послѣ старины о женитьбѣ Дуная. Послѣ смерти Дуная Ильѣ М. досталась его шуба, изъ-за которой все и началось. Н. О.

- «А не мнѣ были подароцьки направлены,
«А направлены Дунаю сыну Иванову,
30. «Уже мнѣ, молодцу, видно пригодились». —
Нечему тутъ Владимиръ-князь не варуётъ:
«Послѣ дѣла-то вѣдь всякъ-же отпираетца». —
Онъ позволилъ ископать нынѣ глубоць погребъ,
Засадилъ-ту-де стара нынѣ казака.
35. Тутъ вѣдь нынѣ богатыри прогнѣвились,
Говорять тутъ вси руськіи богатыри:
«Засадилъ ты нынѣ нашего предводителя,
Мы ужъ всѣ нынѣ розойдемся и розѣдемся,
У тя пусто станеть стоеть стольно-Кіевъ-градъ».
40. Говорить-ту ему тутъ молода жона,
Кабы та-же княгина да мать Апраксія:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
На кого-же ты вѣдь нынѣ да понадѣшсе?
У тя думны бояра да знать измѣнщики,—
45. Когда не будётъ у тя надѣжды великоюй,
Они тогды-же пуце измѣнять-же». —
Нечѣму-же тутъ князь нынѣ не варуётъ.
Тутъ и выскоцилъ старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Побѣжалъ онъ по городу по Кіеву,
50. Забѣгалъ-же нынѣ онъ на царевъ кабаць,
Онъ и выпнулъ тамъ двери всѣ подвальнія,
Онъ тутъ выкатилъ три боцьки сороковоцьки,
Да крычалъ-де старой да зычнымъ голосомъ:
«Охъ вы ой еси да руськіи богатыри!
55. Ужъ вы вси-же хресьяна да православныи!
Ужъ вы вси-де нынѣ голи да кабацкіи!
Вы тащите-ткъось мни мѣру да своеруцьную,
Своеруцьную мѣру, да поварѣноцькой,
Ужъ вы пейте вина да сколько хочите,
60. Поминайте меня да добра молодца». —
Тутъ не крыкъ-ле стонть, да какъ не стонъ стонѣтъ,
Спровожаютъ тутъ удада добра молодца,
Говорить-то де тутъ да нынѣ старъ-казакъ:
«Ужъ я могъ-бы-де не сѣсь нынѣ въ глубоць погребъ,
65. Ужъ я могъ-бы побѣдить да нынѣ весь городъ,—
Повинуюся закону да государеву;
Я спдѣлъ прежь безъ ногъ да ровно тридцеть лѣтъ,

- Нынѣ опять видно минѣ да бывать Богъ судиль».
Засадил тутъ удала добра молодца,
70. Какъ захлупили плитой его желѣзной-же,
Загребли его матушкой сырой землѣй.
Тутъ и вси-же народъ да разѣзжаются,
Разѣзжаются вони, да разбѣгаются;
Ужъ разѣхались вси руськи нынѣ богатыри,
75. Они прогнѣвались на князя на Владимера,
Да на думныхъ-то бояръ да толстобрюихъ.
Какъ-то нынѣ княгиня да роздумалась,
А роздумала въ уми да промежу собой,
Ископала она нынѣ тайной подкопъ,
80. Какъ къ тому-же-ле къ старому казаку,
А снесла она ему нынѣ ременщатъ стулъ,
А снесла она свѣци да воску ярова,
Да снесла она книги старопечатныи,
Забавлялся штобы да нынѣ старъ-казакъ,
85. Штобы съ великой тоски смерть не случилосе:
А кормила-попла его тридцетъ лѣтъ.
Ужъ прошло нынѣ поры да это времени,
Миновало промежъ тѣмъ ицѣ тридцетъ лѣтъ.
90. Тутъ садилсѣ нынѣ бояра толстобрюихе,
Какъ за ти-же за столы да за дубовыи,
Они писали ерлыки, да скору грамотку,
Посылали вси по дальнимъ сторонущкамъ,
Посылали они Ковшею Безсмѣртному:
95. «Нынѣ ужъ вси разошлсѣ руськи богатыри,
Какъ пустой стоитъ у насъ стольно-Кіевъ-градъ,
Онъ пустой состоитъ да нынѣ тридцетъ лѣтъ».
Скоро скажется исторя, долго дѣитсе,
Какъ пріѣхалъ Ковшей да во чисто полѣ,
100. Нагонилъ нынѣ сплущки премножество:
Попереди-то его да сорокъ тысяцей,
По праву его, собаки, да сорокъ тысяцей,
По лѣву руку, собаки, да сорокъ тысяцей,
Позади его да числа-смѣту иѣтъ.
105. Онъ писалъ ерлыки да скору грамоту,
Выбиралъ онъ тотарина какой лучше всѣхъ,
Отсылалъ съ имъ ерлыкъ да скору грамоту.
Да цитать-де князь Владимиръ скору грамоту,

- Говоритъ онъ своей да молодой жоны,
110. Какъ своей онъ супругѣ да обручальной:
«Охъ ты ой есь княгиня да мать Апраксія!
Ты позволъ мнѣ придумать думу крѣпкую:
Кабы просить Ковшей у меня поединщиковъ,
А кого-же намъ послать будѣтъ поединщикомъ?»
115. Говоритъ-то его да молода жона:
— На кого-же ты надѣю прежь оставалса-же?
У тя есь думны бояра, да при сибѣ живутъ,
Ты подитко има нынѣ замѣнейся-же.—
Говоритъ-то тутъ князь да таковы рѣци:
120. «Ты не дѣльнѣ мнѣ да говоришь нынѣ,
Ахъ ты ой есь Опросинья, да дочь Семеновна!
Молодая княгиня да обручальня,
Ты вѣдь востра баба, да всё догадлива,
Та скажи-тко, скажи мнѣ пожалуста,—
125. Да кого-же намъ послать намъ поединщикомъ?»
Говоритъ тутъ княгиня да мать Опраксія:
— Мнѣ ночесъ што-то мало спалось—много видѣлось:
Будто живъ въ погребу да сидитъ старъ-казакъ.—
Говоритъ тутъ-де солнышко Владимиръ князь:
130. «Кабы была при сибѣ да сабля вострая,
Я срубиль-бы у тебя буйну голову—
Ужъ прошло нынѣ время ровно трицетъ лѣтъ,
Ужъ какой нынѣ этамъ живой нынѣ старъ-ка-
закъ?»
- Говоритъ ту княгиня да мать Апраксія:
135. — Я не знаю къ чему да сѣдни видѣлось,
Будто живъ сидитъ въ погребу будто старъ-казакъ».
Говоритъ-то-де солнышко Владимиръ князь:
«Какъ ты прежь будто дѣльнѣ што-ле баяла,
А ужъ нынѣ сочиняшь таку бездѣличу:
140. Ужъ и много продолжалось да поры времени,
Ужъ прошло-де топере ровно трицетъ лѣтъ,
А какой ужъ нынѣ живой да есь старъ-казакъ?»
Говоритъ ему княгиня да мать Апраксія:
— Мнѣ вѣдь зря-то нынѣ сонъ вногю не видитсе,
Што приснитсе мнѣ ночью, то и сбѣдетсе.
145. Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Ты некого не посылай, некому не приказывай,

- Ужъ нынѣ вѣдь народъ да всё невѣрной здѣсь,
Ты изволь посмотриѣть, сходить въ глубокъ погребъ,
Онъ и взáбыль не живой-ле въ погребу сидитъ.—
150. Какъ на то-де нынѣ князь да не ётслушалса,
Онъ надёрнулъ сапожки да на босу ногу,
Онъ и кунею-де шубу да на одно плечѣ,
Свой пуховъ-де колпакъ да на одно ухо,
Побѣжалъ ту-де князь да скоро-наскоро,
155. Ухватилъ онъ лопатоцьку жалѣзную,
Онъ раскидывалъ пески да всё макаръевски,
Отпружилъ онъ плиту да все желѣзную.
Ужъ и живъ-то сидитъ да нынѣ старъ-казакъ,
Онъ и зрить-ле, гледитъ да нынѣ въ гужажной лисъ,
160. Перемѣтывать листики ербовыя,
Закрычалъ-то тутъ-де солнышко Владимиръ князь:
«Ужъ и звыше ума цюдо состоялосе!»
Заревѣлъ тутъ и солнышко Владимиръ-князь:
«Ты изволь-ко Илья да ище Муромецъ,
170. Ты и выгги нынѣ къ намъ на бѣлой свѣтъ,
Ты ужъ больнѣ большой да строкъ нынѣ высидѣть».
А сидитъ-ту старой да не огленетсе.
Побѣжалъ тутъ назадъ домой Владимиръ князь,
Онъ росказывать своѣй да молодой жоны:
175. «Ужъ и зáболь-же не здря да сонъ привидѣлса,
Ищэ живъ-де сидитъ да у насъ старъ-казакъ.
Ужъ ты ой есь княгина мать Апраксія!
Ты скатайся-тко, сходи, да ты сама позови».
Побѣжала тутъ княгина да мать Апраксія,
180. Ужъ какъ кликнула княгина да во первой наконъ:
«Поизыть-ко, пожалуй, доброй молодець,
Разгони-ткосъ ты кручину да съ ретива сердца,
Ты не ради князя да ты Владимира,
Ужъ ты ради-же вѣры да ты Христовой,
185. Послужи-тко-же ты да вѣрой правой».
Кабы тутъ-де старой да нынѣ выскакивалъ,
Бутто бѣлой тутъ куропать выпархивалъ;
Онъ ступилъ по земли да нынѣ три ступья,
А услышалъ его да нынѣ доброй конъ,
190. Онъ и сорвалъ всё цѣпи да нынѣ желѣзныи,
Онъ розорвалъ всё пунки шелковыи,

- Закрычалъ-де вѣдь, заржалъ да зычнымъ голосомъ,
Прибѣжалъ онъ къ Ильѣ да къ стару казаку,
Какъ Илья-то де плачѣтъ, конь не поддавайтсе, *)
195. Ужъ какъ ровно-де пули слезы катятсе.
Говоритъ-то-де тутъ да нынѣ старъ-казакъ:
«Ужъ ты здраствуй-ко княгина да мать Апраксія!
Ужъ жива-ле моя сбруня да лошадиная,
Ужъ жива-ле моя приправа да богатырьская **)?..
- 200 Ухватилъ ту-де старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Кабы ту-же нынѣ палицу буѣвую,
Онъ свиснулъ эту палицу доброй молодець,
Улетѣла эта палица подвѣрхъ пзъ виду,
Ужъ и пала она на матушку сыру землю,
205. Подрожала нынѣ матушка сыра земля;
Ужъ уцюли нынѣ всѣ руськин богатыри:
«Ищѣ есь нынѣ въ Кіевѣ сильнѣй бѣгатырь,
Подаютъ нынѣ знакъ намъ добрымъ молодцамъ». ***)
— «Ужъ ты ой есь слуга нашъ да старъ-казакъ!
210. Извини ты пожалуй, да не прогнѣвайся,
Какъ пособитъ вамъ Богъ да Царь Небесной Свѣтъ,
Состоитъ какъ сохранны столнѣ-Кіевъ-градъ,
Вы обратно опеть, да не гостите тутъ».

Дальше Ѳ. Чуркина рассказала: «Илья Муромецъ встрѣтился съ другими богатырями въ поле и побилъ Ковшея Безсмѣрнаго. Стали послѣ этого богатыри думать—куда нынѣ ѣхати? А княгина это увидѣла, прилетѣла (т. е. прибѣжала) сама за богатырями и закланялася, зазвала ихъ въ Кіевъ. Богатыри посовѣтовали между собой и опять поѣхали къ князю Владимиру; тутъ они и стали снова жить».

---

*) Т. е. и конь не уступаетъ, тоже плачетъ.

**) «Тутъ слуги принесли все, что нужно», сказала Ѳ. Чуркина и зашла дальше.

***) «Поѣхалъ Илья Муромецъ въ поле драться съ Ковшемъ, княгина ему и говорить, извиняетсе», сказала Ѳ. Чуркина и зашла дальше.

Олеша Поповичъ и сестра братьевъ Долгополыхъ.

- А во стольнѣмъ во городѣ во Кіевѣ,
Вотъ у ласкова князя да у Владимира,
Туть и было пированьѣ-столованьѣ,
Туть про руськихъ могущихъ про богатырей.
5. Вотъ про думныхъ-то боярь да толстобрюхихъ,
Вотъ про дальнихъ-то купцеи гостей торговыхъ,
Да про злыхъ-де поленицъ да преудалыхъ,
Да про всѣхъ-де хресьянъ да православныхъ,
Да про чесныхъ-де жонъ да про купеческихъ.
15. Кабы день-отъ у насъ идѣтъ нынѣ ко вечеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу,
А столы-те стоятъ у насъ полустоломъ,
Да и ширь-отъ идѣтъ у насъ полупиромъ;
Кабы вси-де на пиру да напивалисе,
10. Кабы вси-то на чесномъ да пьяны веселы,
Да и вси-де на пиру нынѣ приросхвастались,
Кабы вси-то-де туть да прирозляпались;
Какъ иной-отъ-де хвастатъ своей силою,
А иной-отъ-де хвастатъ своей смѣткою,
20. А иной-отъ-де хвастатъ золотой казной,
А иной-отъ-де хвастатъ чистымъ серебромъ,
А иной-отъ-де хвастатъ скатнымъ жемцюгомъ,
А иной-отъ-де домоу, высокимъ теремомъ,
А иной-отъ-де хвастатъ нынѣ добрымъ конѣмъ,
25. Ужъ какъ умной-отъ хвастатъ старой матерью,
Кабы глуной-отъ хвастатъ молодой жоной.
Кабы князь-отъ сталъ по полу похаживать,
Кабы съ ножки на ножку переступывать,
А сапогъ о сапогъ самъ поколачивать,
30. А гвоздѣкъ о гвоздѣкъ да самъ пощалкивать,
А бѣлыми-ти руками да самъ розмахивать,
А злачными-ти перснени да принабрякивать,
А буйной головой да самъ прикачивать,
А жолтыми-ти кудрями да принатряхивать,
35. А ясными-ти оцями да прирозглядывать,
Тихо-смирную рѣць самъ выговаривать;

- Кабы вси-ту-де тутъ нонь приумолкнули,
Кабы вси-ту-де тутъ нонь приудрогнули:
«Охъ вы ой есь два брата родимыя,
40. Вы Лука-де Матвѣй дѣти Петровичи!
Ужъ вы што сидитѣ будто не веселы?
Повѣся вы держите да буйны головы,
Потопя вы дѣржите да очи ясные,
Потопя вы держите да въ мать сыру землю.
45. Развѣ пирѣ-отѣ-ле для васъ да всё нечесенъ былъ?
Да поднощычки для васъ были не вѣжливы,
А не вѣжливы были, да не ѣчесливы?
Ужъ какъ винны-то стаканы да не доходили,
Але пивны-то цѣры да не доносили?
50. Золота-ле казна у васъ потратилась?
Але добры-ти кони да приуѣжжены?»
Говорятъ два брата, два родимыи:
— Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Ужъ пирѣ-отѣ для насъ право чесенъ былъ,
55. А поднощычки для насъ да были вѣжливы,
Ужъ какъ вѣжливы были и очесливы,
Кабы винны стаканы да намъ доносили,
Кабы пивныя-ти цѣры да къ намъ доходили,
Золотая казна у насъ да не потратилась,
60. Какъ и добрыхъ намъ коней не заѣздити,
Какъ скаченъ намъ жемцюгъ да всё не выслуга,
Кабы чистоё серебро не похвальба,
Кабы есть у насъ дума да въ ретивомъ серпѣ:
Кабы есть у насъ сестра да всё родимая,
65. Кабы та-же Анастасья да дочь Петровична,
А не хто про ей неznать, право не вѣдаетъ,
За семима-те стѣнами да городовыми,
За семима-ти дверьми да за жолѣзными,
За семима-те замками да за нѣмецкима.—
70. А уцоло тутъ вѣдь ухо да богатырьскоё,
А завидяло око да молодецькоё,
Тутъ ставаётъ удалой да доброй молодець,
Изъ того-же изъ угла да изъ передняго,
Изъ того-же порядку да богатырьскаго,
75. Изъ за того-же изъ за стола середняго,
Какъ со той-же со лавки, да съ дубовой доски,

- Молодые Алёшенька Поповиць младъ;
Онъ выходитъ на сѣреду кирпичать полъ,
Становилсе ко князю да ко Владимиру:
80. «Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-ко, позволь мнѣ слово вымолвить,
Не позволишь-де за слово ты сказнить меня,
Ты сказнить, засудить, да голову сложить,
Голову-де сложить, да ты подъ мець склонить».
85. Говорить-то де тутъ нынѣ Владимиръ князь:
— Говори ты, Олѣша, да не упадывай,
Не единого ты слова да не уранивай.—
Говорить тутъ Олѣшинька Поповиць младъ:
«Охъ вы ой есь два брата, два родимьи!
90. Вы Лука-де, Матвѣй дѣти Петровици!
Ужъ я знаю про вашу сестру родимую,—
А видалъ я, видалъ, да на руки сыпаль,
На руки я сыпаль, уста чѣлбиваль».
Говорять-то два брата, два родимьи:
95. — Не пустымъ-ле ты Олѣша да похваляишсе?—
Говорить тутъ Олѣшинька Поповиць младъ:
«Охъ вы ой еси два брата, два родимья!
Вы бѣжите-ко нынѣ да вонъ на улицу,
Вы бѣжите-тко скорѣ да ко свою двору,
100. Ко свою вы двору, къ высокоу терему,
Закатайте вы комъ да снѣгу бѣлого,
Ужъ вы бросьте-ткосъ въ окошечко косявчато,
Припадите вы ухомъ да ко окошечку,—
Ужъ какъ чѣ ваша сестра тутъ говорить станѣтъ».
105. А на то-де робята не ѣтслушались,
Побѣжали они да вонъ на улицу,
Прибѣжали они да ко свою двору,
Закатали они комъ да снѣгу бѣлого,
Они бросили Настасѣ да во окошечко,
110. Какъ припали они ухомъ да ко окошечку,
Говорить тутъ Настасѣ да доць Петровицьна:
«Охъ ты ой еси Олѣшинька Поповиць младъ!
Ужъ ты што рано идѣшь да съ весела пиру?
Развѣ пирь-отъ-ле для те право не чесенъ былъ?
115. Развѣ поднощычки тебѣ были не вѣжливы?
А не вѣжливы были да не очесливы?»

- Кабы тутъ-де робятамъ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
А хоцють они вести ей во чисто полѣ. *)
120. Кабы тутъ-де Олѣшинькѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе.
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь мнѣ позволь, сходить посвататься,
Ты позволь мнѣ позвать да стара-казака,
125. Ты позволь мнѣ—Добрынюшку Никитиця,
А робята-ти вѣдь роду-ту вѣдь вольнѣго,
Ужъ какъ вольнѣго роду-ту смиренѣго).
Ужъ позволилъ имъ солнышко Владимиръ-князь,
Побѣжали тутъ робята скоро-наскоро,
130. Они чеснымъ порядкомъ да стали свататься.
Подошли тутъ и руськи да три богатыря,
А заходятъ во гриню да во столовую,
Они Богу-ту молятсе по ючѣному,
Они крестъ-отъ кладуть да по писанному,
135. Какъ молитву говорятъ полну Исусову,
Кабы кланяютсе да на вси стороны,
А Луки да Матвѣю на особицу:
«Мы пришли нынѣ, робята, къ вамъ посвататься,
Кабы съ чеснымъ порядкомъ, съ весела пиру,
140. А не можно-ле какъ да дѣло сдѣлати?
А не можно-ле отдать сестра родимая?»
Говорить тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Не про насъ была пословиця положена,
А и намъ, молодцамъ, да пригодиласе:
145. «Кабы въ первой вины да, бывать, Богъ простить,
А въ другой-то вины да можно вамъ простить,
А третья-то вина не надлежитъ ищѣ».
Подавалъ тутъ онъ вѣдь царю зелена вина,
Не великую, не малу—полтора ведра,
150. Да припалнивалъ мѣду тутъ да сладкого,
На закуску калачъ да бѣль крупищатой;
Подавають они царю да обѣмá рукми,
Поблишешинько они къ имá да придвигаются,

---

*) Дальше Ѳ. Чуркина знала старину уже не такъ твердо и шѣла не совсѣмъ увѣренно.

- Понижешенько они имъ да покланяютсе,
155. А берутъ-то-де царю единой рукой,
А какъ пьютъ-ту-де царю къ едину духу,
Кабы сами они за царой да выговариваютъ:
«А оммыло-де нашо да ретиво сердце.
Звеселило у насъ да буйну голову».
160. Веселымъ-де пиркомъ, да они свадебкой,
Какъ повыдали сестру свою родимую,
За того-же Олѣшиньку Поповиця.

4.

Васька Игнатъевъ.

- Пролежала, просвистала да быстра рѣченька,
По прозванію-ту рѣченька Смородина,
Она усѣмъ-то пала въ Волгу матушку:
Волга матушка рѣка да подъ Казань она пошла,
5. Подъ Казань она пошла, пошла подъ Вастряхань,
Она усѣмъ-то пала да во синѣ морѣ.
По синю-то морю да тутъ карабъ бѣжитъ,
Баско-хорошо карабъ да изукрашенной,
Кабы носъ-де, корма да подзолочена;
10. Мѣсто глазъ-то его да было врѣзано,
Какъ по чѣлому камню да самоцвѣтному;
Мѣсто рѣсницъ-то его было приклеено,
Какъ по цѣлому бобру да по осистому;
Мѣсто бровей-то его было прибivano,
15. Какъ по чѣлой лисичѣ да бурнастой;
Мѣсто ушей-то его было привязано,
Какъ по цѣлому волку да по рыскучему;
Мѣсто хвоста-то его было повѣшено,
Какъ по цѣлому звѣрю да по заморскому.
20. А карабль-отъ бѣжитъ да какъ соколъ летитъ,
А и рыщетъ карабль по звѣриному,
Кабы хоботы-то мецѣтъ по змѣиному.
Да не флюгаръ на деревѣ шатайтсе,
Будто лютая змѣя да извивается.
25. Да бѣжали, выбѣгали два гнѣды тура,

- Да на стрѣцю имъ туриця, да родна матушка:
«Ужь вы здраствуйте туры, да дѣти малыя!»
— Ужь ты здраствуй туриця, родна матушка!—
«Ужь вы гдѣ-же туры да были-побыли?»
30. — Ужь и были мы вѣдь, матушка, во Шахавѣ,
Да погулели, сударына, во Ляховѣ,
Сарочинско чисто полѣ да впоперѣкъ прошли,
Стольной Кіевъ мы градъ да изъ конца въ конецъ,
Некакого мы вѣдь цюда-та не видѣли,
35. Только видѣли чудышко не малое,
Да не малое чудо, да превеликое:
Да серѣдка мы ноци, да середь тѣмной,
Да середка мы ноценьки осѣнной,
Отворилесе ворота, да городовыя,
40. Выходила дѣвица да младо-красная,
Да въ одной она рубашецкѣ безъ пояса,
Да въ однихъ она чеблѣтахъ безъ цюлоциковъ,
Выносила она книгу да лисъ евангелье,
Забродила она да во Пучевѣ рѣку,
45. Забродила она да по колентъ въ воды,
Да ищѣ того поглубже—дакъ до горлышка,
Становилась ко камешку ко сѣрому,
Да и клала она книгу да на сѣрой камень,
Да стояла она тутъ отъ зари до зари,
50. Да читала она книгу отъ доски до доски,
Да и сколько читала, вдвое плакала.—
Говорила имъ матушка родимая:
«Охъ вы ой еси туры да златорогія!
Не дѣвица выходила, да Богородиця,
55. Она цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Она цюетъ на Кіевомъ великую:
Да и Скурла-де царь да подымантъсе,
Да со тѣмъ-же со сватушкомъ со Куршакомъ,
Да со тимъ-же со зетелкомъ со Миршакомъ,
60. Нагонилъ онъ въ чисто поле силы множество:
Попередн-то его да сорокъ тысецей,
По праву его, собаки, да сорокъ тысецей,
По лѣву руку, собаки, сорокъ тысецей,
Позади-то его да числа-смѣту нѣтъ;
65. Поселилса онъ тутъ да нынѣ въ чистомъ полѣ,

- Хорошо-де собака да шатры выставилъ,
Хорошо онъ, татаринъ, да верхи выкрасилъ,
Да и самъ онъ тутъ по силушки похаживать,
Да и самъ онъ тутъ силушку разглядывать,
70. Да садилса-де Скурла да за дубовой столъ,
Онъ писалъ ерлыки, да скору грамотку,
Выбиралъ онъ тотарина какой больше всѣхъ,
Выбиралъ онъ тотарина какой толще всѣхъ,
Да и выбралъ такого да превеликаго,
75. Да и туша-то его да всё коса сажень,
Да коса-де сажень, сажень печатная,
Да и плеча-то его дакъ махова сажень,
Головище у его сильнѣй пивной котѣль,
Да ушища у его какъ царски блюдища,
80. А глазищи его какъ пивны чашища,
А ручища его какъ сильны граблища,
А ножища у его какъ сильны кичижища,
А и самъ онъ ему тутъ наговаривать:
«Да и ѣдь ты черезъ пашенки посѣенны,
85. «Черезъ тѣ-же мелки да переулоцьки,
«Черезъ стѣны тѣ ѣдь да городовыя,
«У воротъ ты не спрашивай приворотниковъ,
«У дверей ты не спрашивай придверниковъ,
«Да и ставъ ты коня серѣдка улицы,
90. «Не привязывай коня ты, не приказывай.
«Заходи ты во гриню во столовую,
«Ужъ ты Богу не молись, да ты челомъ не бей,
«Ты челомъ не бей, не кому не кланейся,
«Ужъ ты выложъ ерлыкъ да на дубовой столъ;
95. «Какъ ты выложишь ерлыкъ, дакъ такъ и вонъ поди,
«Такъ и вонъ поди, скоре назадъ гони.»
Тутъ подходитъ солнышко Владимиръ-князь,
Да читать онъ ерлыкъ да скору грамоту,
Да и то у собаки написано,
100. Да и то у собаки напечатано:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дашъ городъ добромъ, дакъ я добромъ возьму,
Ты не дашъ городъ добромъ, дакъ я боёмъ возьму,
Я великой-ле дракой, да кроволитыицёмъ:
105. Я соборны больши церкви да вси на дымъ спущу,

- Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги во грезѣ стопчу,
Чудны образы иконы да на полавѣ воды,
Самого я князя да въ котлѣ сварю,
110. Да саму я княгину да за себя возьму».
Говоритъ-же тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Охъ ты ой еси княгина да мать Опраксія!
Ужъ ты дума моя да была крѣпкая,
Ужъ ты слово моё да было тайное,
115. Ужъ ты вострая баба, да всё догадлива,
Пособи-ко ты мнѣ да думу думати,
Да скажи-тко минѣ да ты пожалуста:
Да кого-же намъ послать нынѣ поединщикомъ?»
Говоритъ тутъ княгина да мать Опраксія:
120. — Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты сходи-тко, ты поди да на царевъ кабакъ,
Кабы нѣтъ-ли тамъ какого руського богатыря.—
А на то-де нынѣ князь да не отслышалса,
Побѣжалъ нынѣ Владимиръ да на царевъ кабакъ,
125. Да и стрѣтилась ему первая застава,
Да и сталъ тутъ-де князь нынѣце выпрашивать:
«Кабы кто-ле есь гулять на царевомъ кабакѣ,
Да на томъ-же кружалѣ да восударевомъ?»
Говоритъ ему первая подсушинка:
130. — Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты не съ нами думу думаешь—съ боярами.—
Побѣжалъ-де нынѣце князь да онъ опять впередъ,
Кабы стрѣтилась ему серенная подсушинка,
Да и сталъ тутъ князь нынѣце выпрашивать:
135. «Кабы кто-же есь гулять на царевомъ кабакѣ?
Да на томъ-же кружалѣ да восударевомъ?»
Говоритъ ему серенная подсушинка:
— Ты не съ нами думу думаешь, съ боярами.—
Да пошолъ тутъ князь нынѣце опять впередъ,
140. Да и стрѣтилась послѣдняя подсушинка,
Да и сталъ тутъ-де князь нынѣце выпрашивать:
«Ужъ и нѣтъ-ли кого на царевомъ большомъ кабакѣ?»
Говоритъ ему послѣдняя подсушинка:
— Кабы есть ту да Васинька Игнатьевичъ,
145. Онъ пропилсе, промоталсе да всё до нитоцьки,

Не креста у его нѣтъ, не пояса,
Онъ вѣдь спитъ ту на печькѣ, да на муравленкѣ,
Да подь тѣмъ-же подь краснымъ подь трубнымъ
окномъ,

Наступаютъ ему да третьи сутоцьки.—

150. Побѣжалъ тутъ князь нынѣ опять впередъ,
Да приходитъ-то князь да на царевъ кабакъ,
Да добралса до Васиньки Игнатъевица,
Да Василей-отъ спитъ, да какъ порогъ шумитъ,
Да и сталь тутъ князь его побуживать,
155. Да и сталь онъ тутъ его покликивать:
«Охъ ты ой еси Васинька Игнатъевицъ!
Тибѣ долго-же спать, да все пора ставать».
Да и будить его да во первой законъ,
Да и будить его да во второй законъ,
160. Да и будить его да во третей законъ,
Да и тутъ-де Василей да пробужаитсе,
Отъ великого сна да просыпаецце,
Говоритъ ту-де князь да таковы рѣчи:
«Охъ ты ой еси Василей сынъ Игнатъевицъ!
165. Приходи ты во гриню да во столовую,
Пособи ты минѣ да думу думати».
Говоритъ-то Василей сынъ Игнатъевицъ:
— Не креста у меня нѣту, да нынѣ не поеса,
Да пропилса я, промоталса, да весь до ниточки.—
170. Да и скоро-де князь-отъ крестъ-отъ выкупилъ.
Говоритъ ту-де Васинька Игнатъевичъ:
«Ты поди ты домой да я вѣдь самъ приду».
Да пошоль-де тутъ князь да нынѣ домой назадъ,
Да стрѣцеютъ они да добра молодца,
175. Да того-же они Василья сына Игнатъева,
Да сажали его да за дубовой столъ,
Подносили-де цяру да зелена вина,
Не велику не малу да полтара ведра.
Да завидѣли тутъ думныя бояра толстобрюхѣ,
180. А и это имъ порато да за бѣду стало:
«А кака эка честь сѣдни Васинькѣ Игнатъеву?»
А и тутъ нецѣ князь говоритъ не смѣтъ,
Говоритъ-то Васинька Игнатъевичъ:
— Да ещо-ли я вамъ, Васинька, понадобится?—

185. Говорять-то бояра да толстобрюхін:
«Гибѣ сказано вѣдь, Васиенька, отказано!»
Да спросилъ тутъ Васька да во второй законъ:
— Да ищѣ-ле я, Васиенька, понадобитсяъ?—
Говорять-то бояра толстобрюхіе:
190. «Тебѣ сказано вѣдь, Васиенька, отказано».
Повторилъ тутъ Васька во третьей законъ:
— Не ищѣ-ле вамъ вѣдь Васиенька понадобитсяъ?—
Говорять ту бояра да толстобрюхін:
«Гибѣ сказано вѣдь, Васиенька, отказано».
195. А и князь-отъ ничего говоритъ ни смѣтъ.
Кабы тутъ-де вѣдь Васиенькѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Тутъ сѣдлалъ онъ, уздалъ да коня доброго,
Тутъ не видно поѣздки молодецкой,
200. Только видно Василю на коня скочилъ,
На коня-то скочилъ, да онъ коня стегнулъ,
Какъ пріѣхалъ тутъ-де Васиенька Игнатъевичъ:
«Какъ и ѣду-ле я съ вами*) въ стольно-Кіевъ-градъ,
Я громѣтъ-шурмовать да стольно-Кіевъ-градъ,
205. Мы повыбѣемъ-де всю силу да самолучшую,
Ужъ мы тѣхъ-же бояръ да толстобрюхінхъ,
Только тотъ съ вами залогъ да я положу нынѣ:
Штобы оставить князя да со княгиною,
Да и царской дворечъ, да церкви Божіи».
210. Состоялася война да тутъ великая,
Кабы бьютъ по всему да какъ по городу,
А князя дворечъ да оставанце.
Говорятъ ту-де Скурла да таково слово:
«А не ложь-ле ты это да придумалъ-же?»
215. Заскочилъ-то Василей во гриню во столовую,
Да хваталъ онъ столешенку кедровую,
Да вызнѣлъ ей нынѣ выше могущихъ плечъ,
Да змолился ему да тутъ Владимиръ-князь:
«Ты оставь на покаянне грѣхомъ тяжкіимъ,
220. Не убей-же ты во гринѣ князя Владимира».
Опустились у Василя да руки бѣлыя,
Кабы выскоцилъ Василей да вонъ на улицу,

*) съ татарами.

- Да хваталь онъ вѣдь трубоцьку да говорливую,
Заревѣль, завопѣль зычнымъ голосомъ:
225. «Да пора намъ надошла да нынѣ шабашити».
Тутъ бросали всю нынѣ орудію,
Кабы стали совѣтъ они совѣтовать,
Кабы стали они да думу думати,
Кабы стали дѣлать да золоту казну,
230. Да и Васиньку стали да тутъ обдѣливать.
Говорить тутъ одинъ да изъ тотарь ище:
«Охъ ты ой еси нынѣ да ты-ле Скурла царь!
У бою у насъ Василей да всѣхъ вѣдь больше былъ,
У дѣлу нынѣ сталъ да онъ вѣдь меньше всѣхъ».
235. Говорить ту-де нынѣ да ищѣ Скурла царь:
— У мня есь ищѣ сабелька не кровавлена,
Надѣлю по Васильевой по шеѣ я.—
А и это нынѣ Василью да за бѣду стало,
За великую досаду да показалося:
240. «У меня есь-же вѣдь сабелька запасная,
Надѣлю я по Скурлатыной по шеюшкѣ».
Да хваталь онъ и сабельку нынѣ вострую,
Да на ту руку махнѣтъ—тутъ и улица,
На другу руку махнѣтъ—переулоцекъ,
245. Да и сколько онъ бьетъ, вдвое конемъ топчѣтъ,
Да и бился онъ тутъ да трои сутоцьки,
Не одного изъ нихъ да не помиловалъ,
Да и всѣхъ нарушилъ да до единого.
Тутъ подходитъ-то солнышко Владимерь-князь:
250. «Охъ ты ой еси Василей да сынъ Игнатъевичь!
Заходи-тко ты во гриню да во столовую,
Да садись-ко ты нынѣ да за дубовой столъ,
Хлѣба-соли ты ись, да нынѣ квасу пить,
Бывать хочетса тибѣ и опохмелитсе,
255. Бывать хочетса тибѣ и опочинутце».

Тутъ Ѳ. Чуркина разсказала словами: «Заходилъ Василей во гриню во столовую, мыль руки бѣлыя, простилсе (извинилсе) князю Владимиру—расплакался: неладно надѣлалъ. Тутъ посадилъ его князь и стали пировать—помирились».

5.

Скопинъ.

...«Да и много Скопинъ да по землямъ бываль, *)
Кабы много Скопинъ городовъ бираль,
Да не взявши отъ города не отъѣжживаль,
Не боялся Скопинъ да двадцети полковъ,

5. Двадцети пяти полковъ, да полковъ тысечныхъ;
Да Малютина князя во служенье браль,
Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки,
Чашки-ложки, я, мыть, да повареноцьки».
10. Да и это Малюты да за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Побѣжала Малюта да дочь Скурлатьевна:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ золоты ключи,
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ кованы ларьци,
15. Ты позволь мнѣ сходить да во темны погребы,
Ты позволь мнѣ налить цяру зелена вина,
Да вчера мы вѣдь съ кумушкомъ кумилисе,
Да сегодня вѣдь хресника проздравить надъ».
20. — Охъ ты ой еси Малюта дочь Скурлатьевна!
Да повѣрены тебѣ золоты ключи,
Да повѣрены тебѣ да темны погребы.—
Побѣжала Малюта дочь Скурлатьевна,
Наливала она цяру зелена вина,
25. Наливала не малу, да полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютого,
Да положила она сала змѣинога,
Да подноситъ Скопину сыну Ивановичу,
Поближешинько она да придвигайтсе,
30. Понижешинько она да поклоняйтсе:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынъ Ивановичъ!
Ужъ ты выкушай цяру да зелена вина».

---

*) Только съ этихъ словъ знаетъ О. Чуркина старину про Скопина, такъ же какъ и многіе другіе сказатели Устьцылемской волости. Въ Пустозерской волости эту старину знаютъ сначала.

- По краямъ-то у цяры да ровно ключъ кипить,
По середкѣ у цяры ровно огонь горить.
35. Да беретъ-то Скопинъ цяру единой рукой,
Да и самъ-де за цярой выговаривать:
«Охъ вы ой есь, дружинушка хоробая!
Вы хоробая дружина да заговорная!
Ужъ вы руськіе могуціе богатыри!
40. Ужъ какъ пить мнѣ-ка цяра—живому не быть,
А не пить мнѣ-ка цяра дакъ виновату быть.
Ужъ я выпью какъ цяру да зелена вина,
Вы тащыте меня да вонъ на улицу,
Посадите меня вы на добра коня,
45. Привезите меня да ко добру коню,
Спроводите коня да ко свою двору,
Пусть и знать про меня да родна матушка». Кабы вышилъ Скопинъ цяру зелена вина,—
Покатилася съ плечъ буйна головушка,
50. Да свалилася она да на широку грудь,
Кабы ниже она стала могуцихъ плечъ.
Тутъ увидѣли руськіе богатыри,
Потащили его да вонъ на улицу,
Посадили его да на добра коня,
55. Привезали его да ко добру коню,
Спроводили коня да ко свою двору,
Ко свою двору, высоко терему.
Какъ увидѣла матушка родимая,
Какъ и ѣдетъ Скопинъ да сынъ Ивановичъ,
60. Да выскакивала она да на красно крыльцо,
Да стрѣцала она сына сердцеьного:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынъ Ивановичъ!
Да дитя ты мое, дитя родимое,
Да ты цядо мое, цядо мое сердечное,
65. Ужъ ты што-же нынъ ѣдешъ да не по старому,
Не по старому ты ѣдешъ, да не по прежнему,
Повѣся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да оци ясныя,
Потопя ты ихъ держишь да въ мать сыру землю».
70. Говорить то Скопинъ да сынъ Ивановичъ:
— Охъ ты ой еси матушка родимая!
Матера ты Омельфа Тимофеевна!

- Ужъ я былъ у князя да на чесномъ пиру,
Прибезчестилъ молоду да дочь Скурлатьевну,
75. Воспромолвилъ-же я да нынъ такую рѣчь:
«Ужъ я много Скопинъ по землямъ бывалъ,
«Ужъ я много Скопинъ да городовъ биралъ,
«Да не взявши отъ города не отъбѣживалъ,
«Не боялся Скопинъ да двадцети полковъ,
80. «Двадцети пети полковъ, да полковъ тысячныхъ,
«Да Малютина-князя во служенъе бралъ,
«Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки.»
Подавала она мнѣ цюру зелена вина,
Не великую не малу, да полтара ведра,
85. Да положила она тутъ зелья лютого,
Да положила она тутъ сала змѣиного,
Да и вышилъ я цюру да зелена вина.
Охъ ты ой еси матушка родимая!
Да бѣжи ты скоре нынъ по попа-отця,
90. По попа-де, отця, да по духовного,
У меня есь на душѣ да три тяжкихъ грѣха».
Розорвала тутъ матушка родимая,
Да и вси тутъ, всѣ пунки шолковыя,
Да снимала она его со добра коня,
95. Побѣжала старуха да скоро-наскоро,
Привела она попа-отця духовного,
Да сказалъ онъ ему да три тяжкихъ грѣха,
Да заключилса у его тутъ говорунъ-езыкъ.
Кабы тутъ-де старухи да за бѣду стало,
100. За великую досаду да показалосе,
Заскакивала она да на добра коня,
Да гонила она да въ стольной-Кіевъ-градъ,
У воротъ она не спрашивать приворотничковъ,
У дверей она не спрашивать придверничковъ,
105. Забѣждаетъ она на улицу широкую,
Да въ крылечко клюкой стала поколачивать:
«Да подай-ко, подай, князь, виноватого,
Ужъ и худо потребилъ дитя сердечного,
Какъ того-же Скопина сына Иванова:
110. Наливала Малюта цюру зелена вина,
Не велику не малу, полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютаго,

- Да положила она сала змѣинога».
- А и тутъ Малюта нынѣ на юходѣ ушла.
115. А садился тутъ солнышко да за дубовой столѣ,
Онѣ писалѣ ерлыки да скоры грамоты,
Разсылалѣ онѣ по городу по Кіеву,
Розыскать Малюту дочѣ Скурлатѣевну.
А на то-де старуха была догадлива,
120. А сама-де старуха въ сугонѣ поѣхала,
Да выдернула она нынѣ сырой дубѣ,
Уколотила она Малюту доцѣ Скурлатѣевну. *)
А увидѣла старуха да стара-матера,
Какѣ слетѣлись-де нынѣ два ворона,
125. А одинѣ-то-ле воронѣ да царя бѣлого,
А другой отѣ-де воронѣ да царя черного,
Они бьются-дерутся, пуще ратятся,
Ни которой другого побѣдить не могутъ нынѣ.
А змолился-ле воронѣ да царя бѣлого:
130. «Помоги-ты мнѣ старушка, да стара бабушка,
Потребити мнѣ вѣдѣ ворона, мнѣ вѣдѣ черного,
Ужѣ я сдѣлаю тебѣ добро великое».
Да натегивала старуха нынѣ тугой лукѣ,
Зарежала-то стрѣлоцѣку калѣную,
135. Да подстрѣлила ворона невѣрного.
Да слеталѣ нынѣ воронѣ по живу воду,
Да и отдалѣ старухѣ, да старой бабушкѣ;
Помазала она сына нынѣ любимого,
Помазала она его во первой наконѣ,
140. Помазала она его во другой наконѣ,
Да плеснула она ему на бѣло личо,
Стрепенулса Скопинѣ да сынѣ Ивановичѣ;
Кабы тутѣ-де Скопинѣ да пробужаитсе,
Отѣ великого сну да просыпайтсе;
Да скакалѣ-то Скопинѣ на рѣзвы ноги:
145. «Ужѣ я долго-де спалѣ, да всеѣ пора ставатѣ».

---

*) Отсюда, сказала мнѣ О. Чуркина, она вѣла старину въ первый разѣ, но какѣ поютъ другіе, прежде слыхала.

II. СЕЛО ЗАМЕЖНОЕ (ЗАМЕГЪ).

2. Анкудинъ Ефимовичъ Осташевъ.

Высокій, здоровый, плечистый старикъ 78 лѣтъ, уроженецъ Замега и старообрядецъ по рожденію, но въ видѣ рѣдкаго исключенія въ этихъ мѣстахъ—утратившій вѣру отцовъ. 20 лѣтъ безъ перерыва „Анкуха“, какъ зовутъ его на Печерѣ, находится при православной церкви въ его деревнѣ; сначала онъ служилъ въ ней сторожемъ, теперь и старостой, и сторожемъ вмѣстѣ. Отъ раскола постепенно онъ отсталъ, и теперь каждый годъ исповѣдуются и причащаются. Прежде службы при церкви 20 лѣтъ кряду ходилъ по Печорѣ съ чердынскими судами отъ Балбанскаго носу до Якши и обратно (тысячи три версты!). Ходилъ сначала въ бичевникахъ, *шійской*—переднимъ бурлакомъ, затѣмъ лоцманомъ. Во время своихъ странствованій видѣлъ много всякаго народа, причемъ было, конечно не до соблюденія обрядностей раскола. Это-то и подготовило его переходъ въ православіе—чрезвычайно рѣдкій случай на Печорѣ, повторяю. Отчасти во время своихъ странствій, отчасти дома онъ научился и старинамъ, нѣкоторыя слышалъ въ Пустозерскѣ. Онъ очень добродушенъ, сейчасъ-же согласился пѣть, только совсѣмъ не могъ пѣть безъ водки, къ которой сильно приверженъ, опять-таки отъ временъ бурлачества-же. Всѣ его старины очень коротки, онъ много изъ нихъ выпускаетъ, невольно, конечно, хотя поетъ очень гладко,—стариннымъ „ясакомъ“.

6.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Да стояли-де на заставы богатыри,
Да ни много ѣни—петнацеть лѣтъ;
Але старъ-то казакъ былъ на бѣльшани,
А Добрынюшка Микитичъ былъ во писаряхъ,

5. Да и Васишка Буслаевъ былъ во кашникахъ,
Да два брата Долгополыи во конюхахъ.
Да ни хто-ко туды нонь не прохаживаль,
Кабы черной-ле воронъ да не пролетываль.
Да ставають ёни ютромъ ранешинько;
10. Да ставаль старъ-казакъ утромъ ранешинько,
Надеваль онъ сапожки да на босу ногу,
Свою кунью-ту шубу на одно плечё,
Свой пуховъ-де калпакъ да на одно ухо,
Кабы браль-то-ле трубоцьку подзорную,
15. Выходиль-де вѣдь онъ да на юлицу,
Заходиль онъ на рели да превысокиа,
Онъ смотрѣль-ле теперь да во чисто полё.
Не гора-ле въ чистомъ полѣ знаменуется,
Не богатырь-ле ѣздитъ да потѣшаеця,
20. Подъ правой-то ногой дакъ бѣжитъ сѣрой волкъ,
Подъ лѣвой-то ногой дакъ молодой выжлокъ,
На правомъ-то плечѣ сидитъ ясень соколъ,
На лѣвомъ-то плечѣ сидитъ бѣлой кречеть;
Калену-ле онъ стрѣлоцьку пострѣливать,
25. Да и на поль-де стрѣлку да не юранивать.
Слѣзывать-то старой дакъ на сыру землю,
Онъ увидѣль ярлыкъ дакъ скору грамоту,
Онъ взялъ-де ярлыкъ да скору грамотку,
Заходиль-то старой да во бѣлой шатѣрь,
30. Говориль-то старъ-казакъ да Илья Муромецъ:
«Охъ вы ой еси дружинушка хоробрая!
Ашъ вамъ полно-ко спать, да пора ставать,
Отъ великого сну да пробужатисе,
Отъ великой хмелины да просыпатисе.
35. Ты ставай-ко Добрынюшка Микитиць бладь,
Ты считай-ко ярлыкъ, да скору грамоту».
Да ставаётъ Добрынюшка Микитиць бладь,
Блюцовой-де водой да умываетця,
Полотѣнышкомъ самъ да утирается,
40. Онъ берётъ-де ярлыкъ да скору грамоту,
Отъ цитаётъ, дѣтина, да усмѣхаеця:
«Ужъ у старой собаки да голову срублю,
«Я Добрынюшку Микитиця возьму въ писари,
«Я и Ваську Буслаева во кашники,

45. «Да два брата Долгополыхъ возьму въ конюхи».
Кабы тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Онъ уздалъ-де сѣдаль да коня доброго,
Онъ поѣхалъ за сокольникомъ въ чисто полѣ,
50. Онъ наѣхалъ на сокольника въ чистомъ полѣ,
Закрычалъ тутъ старой дакъ зычнымъ голосомъ:
«Ахъ ты ой еси ворона да пустопѣрая!
Да куда ноньце лѣтншь, да куды путь держншь?
За невидь ты потеряешъ буйну голову».
55. Да на то ноньце сокольникъ не ѣгленетце:
Закрычалъ тутъ старой да во второй наконъ:
«Ужъ ты ой еси ворона пустопѣрая!
Ты куда ноньце летишь, да куды путь держишь?
За невидь ты потеряешъ буйну голову».
60. А оттуль-же сокольникъ да поворотъ даѣтъ,
Да съѣжжались со старымъ, да они встрѣтились,
А ударилъ сокольникъ да Илью Муромца,
Онъ не выпалъ едва изъ сѣдлышка;
Оттуль-же ѣни дакъ разъѣжжались,
65. Какъ съѣхались они да во второй наконъ,
Какъ ударилъ старъ-казакъ да сокольничка.
Тутъ вѣдь вышибъ его изъ сѣдлышка;
А скакали тутъ ѣни да на сыру землю,
Какъ хватались они дратця въ рукопашную,
70. Они бились какъ, дрались да двои сутоцѣн.
Какъ каки-то-ле тяжки грѣхи попутали,
Какъ права нога стара-казака да окатилосе,
Да лѣва его нога да подломилосе.
Какъ садился сокольникъ да на бѣлы груди,
75. Онъ вымалъ-то чинжалнице булатенъ-ножъ,
Онъ хотѣлъ-то пороть да груди бѣлыя,
Въ заведи его рука да застоялосе;
Замахнулса сокольникъ да во второй наконъ,
Да въ локтю его рука да застоялоса.
80. Тутъ змолился, старой дакъ Господу Богу:
«Охъ ты ой есь Присвета Матерь Богородица!
Я стоялъ ноньце за вѣру за христовую,
Я стоялъ ноньце за церкви православныя,
Я стоялъ-ле за иконы да за цюдныя,

85. Ты повыдала поганому едолицу.
У стара-казака да силы прибыло;
Онъ не бѣль-то-ле куропать выпархиваль,
Кабы старъ-де казакъ ноньце выскакиваль,
Онъ бросаль-то сокольника на сыру землю,
90. Онъ садилса къ ему да на бѣлы груди:
«Охъ ты ой еси удалой да доброй молодець!
Ты коей нонь земли, коей вотчины?
Коего ты отца, да коей матери?
Кабы какъ тебя, дѣтина, да именѣмъ зовутъ?»
95. Говорить-то сокольникъ да таково слово:
— Когда былъ я у тя дакъ на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашиваль ни имени, ни вотчины,
Я хотѣлъ нонь пороть твои бѣлы груди,
Ты пори ноньце мои, право, бѣлы груди.—
100. Говорить ему старой да во второй наконъ:
«Охъ ты ой еси удалой доброй молодець!
Ты коей ноньце земли, да коей вотчины?
Коего-же ты отца, да коей матери?»
— Отъ того-же я отъ камѣшка отъ Латыря,
105. Да отъ той-же я отъ матушки Златыгорки,
Какъ зовутъ меня, право, сокольникомъ.—
Говорить ему старой да Илья Муромецъ:
«Охъ ты ой еси удалой доброй молодець!
Ты вѣдь будешь нынѣ мнѣ да не поклѣпной сынъ:
110. Мы дрались съ твоей матушкой родимой,
Мы дрались-ле съ ею да ровно три года,
Мы одинъ-ле другого да нынѣ не ранили,
Мы не ранили одинъ, дакъ не кровавили,
Ужъ мы сдѣлали любовь съ ею сердцецную,
115. Да сердцецную любовь, да нынѣ тѣлесную.»
Говорилъ-ле старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ты зачѣмъ-же вѣдь выѣхаль во чисто поле?
Молодѣшинѣкъ выѣхаль, зеленѣшинѣкъ,
Кабы выѣхаль-ле ты да лѣтъ семнацети,
120. Дакъ и небыло-бы тебѣ въ поли поединщика.»
Кабы тутъ-же ѣни да распростилисе,
Какъ поѣхаль сокольникъ да онъ назадъ домой.
Пріѣзжаеть онъ къ своей матушкѣ родимой,
Говорить своей матушкѣ родимой:

125. «Ужь какъ стара собака да похваляетца:
Будто ты ему топере да ноньце суца блядь,
А какъ я ему да ноньце выбледокъ?»
Говорить ему матушка родимая:
— Не пустыми вѣдь старой-отъ похваляетца,
130. Ты вѣдь будѣшь ему да не поклѣпной сынъ.—
Кабы тутъ-же сокольнику за бѣду стало,
За велику-ле досаду показалосе,
Онъ убилъ свою матушку родимую.
Онъ поѣхалъ топере да во чисто полѣ,
135. Ко тому-же шатру да Ильи Муромцю,
Онъ и брать-то копейцо бурзомецкое.
Какъ о ту ноньце пору, да какъ о то время,
Кабы старъ-казакъ спить, дакъ порогъ шумить,
Кабы ткнулъ-де сокольникъ Илью Муромца,
140. Да попаль-де ему, право, въ чуденъ кресъ.
Кабы тутъ-де старой да пробужаетсе,
Онъ выскакивалъ старой дакъ изъ бѣла шатру,
Онъ хваталь-ле сокольника за черны кудри,
Да бросаль-же его ноньце о сыру землю,
145. Да срубилъ-же ему да буйну голову.

7.

Бой Добрыни и Дуная.

- Ай да первая побзка да молодецкая.
Хоробра была побзка да молодецкая,
Да не видѣли побѣжку да лошадиную,
Только видѣли въ чистомъ поли курива стоитъ,
5. Курива-ли стоитъ, дакъ дымъ столбомъ валить;
Выѣжжалъ-ле тутъ Добрыня на чисто полѣ,
Онъ брать-то-ле трубоцьку подзорную,
Осмотрѣлъ на четыре да на дальни стороны,
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону подъ западну:
10. Тамъ стоять-де топере да лѣсы темныя;
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону подъ сѣверну,
Тамъ стоять-де топере да леденны горы;
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону восточную,

Тамъ стоитъ дакъ и нашъ да стольнёй Кіевъ-
градъ;

15. Онъ смотрѣль-де подь сторону подь лѣтнюю,
Онъ завидѣль въ чистомъ полѣ черной шатѣрь,
Онъ черной-де шатѣрь, да чернobarхатной.
Думучійсь-то Добрынюшка роздумалсе:
«Какъ у нашего царя было у бѣлого,
20. У нашихъ-то руськихъ богатырей,
Кабы были-ле шатры бѣлополотнены,
Туть стоитъ нонѣце черной, да чернobarхатной».
Пріѣждяль туть Добрыня ко черну шатру,
Привезаль онъ коня да ко сыру дубу,
25. Заходилъ-то Добрыня да во черной шатѣрь,
Розоставлены столы туть бѣлодубовыя,
Розоставлены вѣдра да зелена вина,
Розоставлены бадьи да съ медомъ сладкіимъ,
Розоставлена посуда да все хрустальняя,
30. Туть лежалъ-де ярлыкъ, да скоро грамота:
«А кабы кто нонѣце въ моёмъ шатру попьѣтъ-
поѣсь,
«Какъ попьѣтъ-де поѣсь, право, покушаетъ,
«Не уѣхать живому изъ чиста поля».
А оттуль-же Добрыня да поворотъ даѣтъ,
35. Онъ поѣхаль назадъ да въ стольнёй Кіевъ-градъ,
Добѣжалъ-то Добрыня до Несей рѣки,
Онъ поилъ-де коня да во Несей рѣки,
Думучісь-то Добрынюшка роздумалсе:
«Я пріѣду теперь да въ стольнёй Кіевъ-градъ,
40. Кабы стануть богатыри да спрашивать,
Кабы стануть-же руськіе вывѣдывать,
Ужъ я што имъ скажу, што повѣдаю?
То не чесь мнѣ хвала молодецькая».
Какъ оттуль-же Добрыня поворотъ даѣтъ,
45. Пріѣждяль-то Добрыня да ко черну шатру,
Привезаль онъ коня да ко сыру дубу,
Заходилъ туть Добрыня да во черной шатѣрь,
Онъ напилса, наѣлся, туть накушался,
Приломаль онъ туть посудушку хрустальнюю,
50. Приломаль онъ-де вѣдра зеленымъ виномъ,
Приломаль онъ бадьи да съ медомъ сладкіимъ,

- Розрывалъ онъ тутъ да весь черной шатёръ,
 Розбросалъ онъ шатёръ да почисту полю.
 Онъ лёжился тутъ спать да на сыру землю.
55. Какъ о ту-же о пору, о то времицько,
 Приѣжжалъ тутъ Дунай да изъ чиста поля,
 Онъ завидѣлъ свой шатёръ не постарому:
 Вся приломана посудушка хрустальная,
 Всѣ приломаны вѣдра съ зеленымъ виномъ,
60. Всѣ приломаны бадьи съ медомъ сладкіимъ,
 Весь розорванной его да черной шатёръ,
 Какъ увидѣлъ онъ Добрыню на сырой землѣ,
 Вынималъ-де онъ сабельку булатную,
 Онъ хотѣлъ-то срубить да буйну голову,
65. Думучись-то-ле самъ дакъ призадумалсе:
 «Какъ сонно́го-то губить, дакъ ровно мёртвого,
 То не чесь будётъ хвала да молодецкая,
 А не выслуга будетъ да богатырская».
 Розбудилъ онъ Добрынюшку Мигитица,
70. Хваталисе они дратца на рукопашецку,
 Они билисе, дрались да трои сутоцьки.
 Какъ о ту нынѣ о пору, да о то время,
 Кабы старъ-ле казакъ да Илья Муромецъ,
 Выѣзжалъ старъ-казакъ да во чисто полѣ,
75. Какъ со тѣмъ-же Олѣшинькой Поповицомъ,
 Говоритъ старъ-казакъ дакъ Илья Муромецъ:
 «Ой ты ой есь Олѣшинька Поповицъ братъ!
 Слѣзываетъ ты теперица со добра коня,
 Припадай-ко къ землѣ да юхомъ правымъ,
80. Не стучитъ-ле-де-ка матушка сыра земля,
 Не дерутца-ле гдѣ руськіе богатыри;
 Кабы два нонѣе руськихъ, дакъ помирить надо,
 Кабы два нонѣе невѣрныхъ дакъ прогонить надо,
 Кабы руськой съ невѣрнымъ, дакъ пособить надо».
85. Припадалъ-то Олѣша да ухомъ правымъ:
 — Какъ не гдѣ нонъ не стучитъ да мать сыра
 земля.—
- Какъ скакаль-то старой да со добра коня,
 Припадалъ онъ ко матушкѣ сырой землѣ,
 Тамъ стучитъ-ле вѣдъ матушка сыра земля,
90. Да подъ той-же сторонушкой восточной;

- Какъ прямой-то дорогой ѣхать мѣсяцы,
Выѣзжалъ-то старъ-казакъ да ровно въ три часа.
Закричалъ старъ-казакъ да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси удалы добры молодцы!
100. Вы объ цѣмъ деритесь, дакъ объ цѣмъ ратитесь?
Развѣ на земли-то стало да нынѣ юзко вамъ?
Кабы дѣ-неба-то стало да нонѣце низко вамъ?»
Они то нонѣце дерутса, не варуютъ,
Они пуще дерутса, пуще ратятса,
105. Да скакаль-де старой дакъ со добра коня,
Онъ хваталь-де обѣхъ нонѣце въ охабоцкы:
«Охъ вы ой еси удалы да добры молодцы!
Вы объ цѣмъ нынѣ деритесь, да объ цѣмъ рати-
тесь?»
- Кабы сталъ ему Дунай нонѣце высказывать:
110. — Я вѣдь за морѣмъ нонѣце жилъ, да за синѣимъ,
Я за синѣимъ жилъ за Варальскѣимъ,
У того-же я Семѣна Лиховитого,
Я вѣдь три года жилъ да ровно въ конюхахъ,
Да и три года жилъ да право въ столъникахъ,
115. Да и три года жилъ я въ поннощычкахъ,
Да прошло-же тому время ровно девять лѣтъ,
Я вѣдь выжилъ всю посудушку хрустальную,
Я выжилъ-ле вѣдра да зеленымъ виномъ,
Я выжилъ-ле бадьи да съ мѣдомъ сладкѣимъ,
120. Да я выжилъ-ле столы бѣлодубовыя,
Да и выжилъ шатѣръ да чернobarхатной.
Захотѣлось мнѣ-ка ѣхать во свою землю,
Во свою-ле землю, нонѣце на родину,
Я поѣхаль нонѣ топерѣ да во свою землю,
125. Выѣждяль я топерь да на чисто полѣ,
Я поставиль свой шатѣръ да на чисто полѣ,
Розоставиль я столы бѣлодубовыя,
Розоставиль я вѣдра да зеленымъ виномъ,
Розоставиль я бадьи да съ мѣдомъ сладкѣимъ;
130. Захотѣлось мнѣ-ка съѣздить за ѣхвотою,
Написаль я ерлыкъ да скоро грамоту:
«Кабы хто нынѣце въ моѣмъ шатрѣ попьѣтъ-поѣсь,
«Какъ попьѣтъ-де поѣсь, право покушаетъ,
«Не уѣхать живому изъ чиста поля».

135. Говоритъ имъ старъ-казакъ да Илья Муромецъ:
— Тѣ спасибо нонь Дунай да сынъ Ивановиць,
Не оставляшь свой шатѣрь безъ угрозъ ты молодец-
кѣихъ,
Тѣ спасибо-ле Добрынюшка Микитичъ младъ,
Не боишься ты угрозъ да молодецкѣихъ.—

8.

Соловей Будимировичъ.

- Пролежала-ле, просвитала-ле мать быстра рѣка,
По прозванью-ле рѣцинька Смородина,
Она усьемъ-ле пала да въ Волгу матушку.
Кабы Волга-то матушка подъ Казань ушла,
5. Да еще того подальше, да нонь подъ Вастрахань,
Кабы усьемъ-то пала да во синѣ морѣ.
По синѣму-то морю бѣжитъ черлень карабль,
Баско-хорошо караблѣкъ да изукрашенъ былъ,
Кабы весь-то караблѣкъ да по звѣриному,
10. Да на мѣсто ёцей-то было врѣзано,
По тому-же по камню да самочвѣтному;
Да на мѣсто бровей было прибivano,
Да по черной лисичѣ да по бурнавчетой;
Да на мѣсто юшей было прибivano,
15. Да по красной лисичѣ да по берѣзовкѣ;
Да на мѣсто-то хвоста было прибivano,
Да по сѣрому волку да по рыскучему;
Есь построенной въ караблицьки черной чердакъ,
Въ чердаки-то-ле кроватоцька тисовая,
20. Кабы построена кроватоцька да слоновыхъ костей,
Кабы ноги у кроватки да зубовыхъ костей,
На кроватоцькѣ перинушка пуховая,
Кабы кладено зголовицо косяцато (такъ!),
Одяло тутъ лежитъ да черныхъ соболей.
25. Тутъ лежалъ-ле, Соловей да Будимировичъ,
Онъ лежалъ-ле, бѣжалъ да за синѣ море,
Онъ во ту-же во землю да во Литовскую,
Ко тому-же королю земли Литовскеой,

- Кабы свататься на Яннушкѣ Путятишны.
30. Да не флигуръ-оть на деревци шатантсе,
Какъ не люта-ле змѣя дакъ извиваетса,
Прибѣгалъ-то Соловей да за синѣ море,
Забѣгалъ онъ во тихія во гавани,
Опускалъ-де онъ парусы полотнены,
35. Да металлъ-же вѣдь якори булатныя,
Онъ клалъ-де вѣдь сходни да коньцемъ на землю,
Кабы тутъ-же Соловей да снаряжайтса,
Кабы тутъ-же Соловей да сподобляйтсе,
Какъ берѣтъ онъ подароцьки не малыя;
40. Кабы бралъ-то подароцькѣ лисиць пару,
А другой-оть нонь подароцькѣ—куницъ пару,
Кабы сорокъ сороковъ дакъ—черныхъ соболей,
А княгини-то бралъ дакъ хрущатой камки,
Хрущатой камки право сорокъ аршинъ.
45. Тутъ пошоль-ле Соловей да Будимировиць,
Впереди-то-ле Солóвьюшка сукно стелятъ,
Позади-то-ле Солóвья во трубу вертятъ,
Онъ дарилъ-то царя да нонь подароцькомъ,
Кабы первой-оть подарокъ—куницъ пару,
50. А другой-ле подарокъ да лисиць пару,
Кабы сорокъ сороковъ да чѣрныхъ соболей,
Да княгину-ту дарилъ да хрущатой камки.
Кабы тѣ ему (князю) подарки да приглянулися,
Кабы тѣ ему подарки да прилюбилися,
55. Говорить ему король земли Литовскія:
«Ахъ ты ой еси удалой да добрый молодець,
Ты торгуй-ко моей земли безъ пошлины.»
Говорить ему Соловей да Будимировиць:
— Я не торгъ торговать, да не товаръ продавать,
60. Я приѣхалъ посвататся на Яннушкѣ,
Какъ на той-же на Яннушкѣ Путятишной.—
Да оттуль-же Соловей да поворотъ даѣтъ,
Какъ идѣтъ то Соловей да на черленъ карабъ,
Приказалъ-то своимъ людемъ робочимъ:
65. «Розснстите вы карабль да по хорошему».
Какъ стоялъ тутъ Соловей да цѣлы суточки,
Увидала тутъ-ле Яннушка черленъ карашъ,
Заходила тутъ-ле Яннушка на черленъ карашъ,

Увидалъ ее Соловей да Будимировичъ:

70. «Я хотѣлъ-де нонь по Яннушку посла послать,
Я хотѣлъ по Путятисьну вѣдь самъ бѣжать,
Какъ тепере-ле Яннушка сама пришла,
Какъ сама ёна пришла, да прикатилася;
Охъ вы ой еси мои люди робочіе!
75. Вы вымайте-ко якори булатныя,
Подымайте-ко парусы полотнены,
Мы побѣжимъ-ко тепере во свою землю,
Во свою-же землю, ноньце на родину».

9.

Фатѣнко.

- Ай во стольнѣмъ во городѣ во Кіѣвѣ,
Кабы было-ле пированьѣ-столованьѣ,
Да про многія князи, да про богатырей;
Тутъ сидѣли-то двѣ жоны, дакъ двѣ боярони,
5. Какъ одна-то была Маринка Чусова вдова,
А друга была Овдотья да дочь Облудишна,
Они пили-то, ѣли, потѣшались,
Промежду они собой дакъ проклаждались;
Наливала тутъ Овдотья да зелена вина,
10. Подавала-ле Маринки да Чусовой вдовѣ,
Какъ сама она за чарой да слово молвила:
«Ищѣ што-же намъ людьми дакъ засылатисе,
Ищѣ што-же намъ людьми дакъ замѣнетисе,—
У меня-то вѣдь есть дакъ бладь-ясень-сокольъ,
15. Бладь-ясень-сокольъ, да сынъ Фатенушко,
У тебя-де вѣдь есть да право бѣла-лебедь,
Не можнó-ле какъ вѣдь намъ да нынѣ родъ
свестн».
- На ѣтмахъ Маринка царю ту отводила:
Какъ сама ёна за царой да слово молвила:
20. — Кабы есть у тя кура-то подслѣпая,
Какъ по городу ходитъ да всё юродуетъ,
Кабы звали у его отца-та цюдищѣмъ,
Прозовутъ нынѣ его право верблудищемъ».

- Кабы тутъ-же Евдотѣ да за бѣду стало,
25. За велику ей досаду показалосе,
Да ставала Овдотѣ да со чесна пиру,
Да пошла она тепереце назадъ домой,
Повѣся-ле идѣтъ дакъ буйной головой,
Потопя-ле дѣржитъ дакъ да очи ясныя,
30. Очи ясныя держитъ дакъ въ мать сыру землю.
Увидаль-де ее дакъ бладь-ясенъ соколь,
Бладь-ясенъ-то соколь да сынъ Фатенушко,
Онъ встрѣцѣетъ свою мать родимую:
«Ахъ ты ой еси матушка родимая!
35. Ужъ ты давеца пошла дакъ ёчунь весела,
Кабы ноньце идѣшь очюнь не весела:
Разѣ мѣсто тебѣ было не по разуму?
Разѣ стольнички у тебя были не вѣжливы?
Да поднощички были не очесливы?
40. Разѣ винны-то цѣры да не доносили?
Але пивныя стаканы да не доносили?»
Говоритъ ему матушка родимая:
— Кабы мѣсто-то мнѣ было по разуму,
Кабы стольнички были у мя вѣжливы,
45. Да поднощички были у меня очесливы,
А и пивны-ти стаканы да мнѣ доносили,
Да е винныя цѣры да мнѣ доносили:
Мы сидѣли двѣ жоны, дакъ двѣ боярони,
Наливала я цѣру дакъ зелена вина,
50. Подавала я Маринки Чусовой вдовы,
Какъ сама-ле я за цѣрой да слово молвила:
«Какъ у мя-ле ноньце есь да бладь-ясенъ-соколь,
«Бладь-ясенъ-соколь да сынъ Фатенушко,
«Какъ у тя-ле есь право бѣла-лебедь,
55. «Не можно-ле намъ тепереце да родъ свести?»
На ётмахъ она цѣру ту отводила,
Да сама она за цѣрой да слово молвила:
«Кабы есь у тя куря-то подслѣпная,
«Какъ по городу ходитъ да все юродуётъ,
60. « Она кой день зерно найдѣтъ—сыта живетъ,
«Она кой день не найдѣтъ—на то голодна,
«Кабы звали-те отца да ноньце цюдищемъ,
«Прозовутъ-ле его ноньце верблюдищемъ.»

- Кабы тутъ-ле Фатенку за бѣду стало,
65. За велику-ле досаду да показалося,
Онъ юздалъ-де, сѣдлалъ да коня доброго,
Онъ двѣнадцеть-де подпругъ лошадиныхъ,
Онъ тринадцету клалъ черезхребетницу,
Какъ не для ради басы, да ради крѣпости,
70. Не оставилъ бы его да конь въ чистомъ поли.
Пріѣзжалъ онъ къ Маринкину ко терему,
Закрычалъ тутъ Фатенко да зычнымъ голосомъ:
«Ужь ты ой еси Маринка да Чусова вдова!
Ужь ты дай мнѣ-ка въ поли да поединщика,
75. Ты не дашь мнѣ-ка въ поли да поединщицка,
Я вѣдь скрою твой теремъ да по ёкошечкамъ.»
У Маринки-то было да нынь деветь сыновъ,
Какъ деветь-де сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Говорила имъ Маринка да яснымъ соколамъ:
80. — Охъ вы ой еси мои да ясны соколы!
Вы пойдите за Фатенкомъ да во чисто поле.—
Говорять-ле еѣ да ясны соколы:
«Мы не ѣдемъ за Фатенкомъ во чисто поле,
Какъ Фатенкова смерть да ёчунъ страшная.»
85. Говорить-то Маринка да яснымъ соколамъ:
— Я бы лучше носила да нынь деветь камней,
А не тѣхъ-бы носила да я деветь сыновъ,
Я бы бросила камни да во синѣ-морѣ,
Кабы сдѣлалась кошоцька подводная,
90. Да подводная кошоцька розбойная,
Да розбила-бы Фатенка да на синѣмъ мори».
Да нехто не поѣхалъ да во чисто полѣ,
Пріѣзжалъ-то Фатенко да изъ чиста поля,
Закрычалъ-то Фатенко да зычнымъ голосомъ:
95. «Охъ ты ой еси Маринка да Чусова вдова!
Выходи-ко ты теперь да вонъ на юлицу.»
Акъ не вышла она да вонъ на юлицу,
Онъ вѣдь скрылъ у ей теремъ да по ёкошечкамъ,
Да вытаскивалъ Маринку да вонъ на улицу,
100. На одну-ле ногу сталъ, да другу оторвалъ,
Да остатки трупѣ да жеребчу за хвостъ.

10.

Садокъ.

- Есь устроена въ Новѣ-гради мать-божья-черковь,
Со всыма она со чудныма иконами,
Со всыма она со попами да со духовныма.
Какъ на ту-же на славу да на великую,
5. Собиралисе народу да много множество,
Собиралисе купци гости торговья,
Собиралисе попы ѣтцы духовныя,
Кабы былъ тутъ садокъ купецъ богатыя,
Какъ служили тутъ ѣбенню да воскресэнскую.
10. Отходила-ле ѣбедня да воскресэнская,
Выходилъ-ле народъ да вонъ на юлицу,
Оставалисе купци гости торговья,
Оставалисе попы отцы духовныя,
Говорить тутъ Садокъ купецъ богатыя:
15. «Я въ Новѣ-градѣ товары да всѣ повикуплю,
Да на матушку на Волховъ да всѣ повивожу,
Кабы тридцеть-ле караблей понагружу».
Говорить ему попъ отецъ духовныя:
— Тѣ въ Новѣ-градѣ товары всѣ не выкупить,
20. Да на матушку на Волховъ да всѣ не вывозить.—
Говорить ему Садокъ купецъ богатыя:
«Ужъ я бьюсь нонь съ тобой да о великъ закладъ,
Да не ѣ сто рублей, да не ѣ тысячъ,
Ужъ я бьюсь о своей да буйной головы».
25. Они билися съ попомъ да ѣ великъ закладъ,
Да не ѣ сто рублей да не ѣ тысячъ,
Они билися о своихъ буйныхъ головушкахъ.
Выходилъ-ле тутъ народъ да вонъ на юлицу,
Выходили купцы гости торговые,
30. Выходили попы отцы духовные,
Какъ пошоль-ле какъ попъ, да онъ домой пришоль,
Онъ садился-ле дома да на ременщатъ стуль,
Онъ писалъ ерлыки да скоры грамоты,
Штобы скоро нынъ везли товаръ во Новѣ-Городъ,
35. Да скоро нынъ везуть товаръ во Новѣ-Городъ,
Здоровжали товары да во Новѣ-Градѣ.

- Начинаетъ нынѣ Садокъ право товаръ купить,
Кабы брать-то Садокъ дакъ право день поры,
Кабы брать-то Садокъ дакъ и другой поры,
40 Кабы брать-то Садокъ дакъ всю недѣлюшку,
Въ Новѣ-Градѣ товару да вного множество.
Какъ пошелъ-де Садокъ въ мать-божью-церковъ,
А просилъ ю святитель золотой казны,
Обѣщалса онъ построить да мать-божью-церковъ,
45. Со всѣма де со чудныма со иконами,
Со всѣма со попами да со духовныма.
У Садка-ле казны да вдвое прибыло,
Начиналъ-де Садокъ нонѣце товаръ купить,
Онъ и брать-де Садокъ да право день поры,
50. Онъ и брать-де Садокъ да всю недѣлюшку,
Онъ повыкупили товары въ Новѣ-Городѣ,
Онъ на матушку на Волховъ да повывозилъ,
Кабы тридцеть-ли кораблей да всѣ понагрузилъ.
Побѣжалъ тутъ Садокъ да за синѣ-морѣ,
55. Выбѣгалъ тутъ Садокъ да на синѣ-морѣ.
Середито-ле моря да право синего,
Становилса у Садка право черлень карабъ,
Говоритъ тутъ Садокъ купецъ богатя:
«Охъ вы ой еси мои люди робочіе,
60. Вы возьмите-ко щупалы предолгія,
Вы бросьте-ко щупалы въ синѣ морѣ,
А нѣту-ле кошоцьки подводной».
Кабы брали ѣни щупалы предолгія,
Да бросали они щупалы въ синѣ море,
65. Дакъ нѣту вѣдъ кошоцьки подводной,
Да подводной вѣдъ тутъ кошоцьки розбойной.
Говорилъ тутъ Садокъ купецъ богатя:
«Ахъ вы ой еси мои люди робочіе!
Ужъ вы дѣлайте-ко жеребьи калиновы».
70. Ёни дѣлали вѣдъ жеребьи калиновы,
Да метали ѣни жеребьи калиновы,
Да кому-же идти да во синѣ-морѣ;
Какъ повыпалъ нонѣце жеребей самому Садку,
Говоритъ-то Садокъ купецъ богатя:
75. «Кабы намъ-ле эти жеребьи не жеребьи.
Ужъ мы сдѣламъ-ко жеребьи малиновы».

- Они сдѣлали вѣдь жеребьи малиновы,
Да бросили они жеребьи въ синѣ море,
Да повыпаль-ле жеребей самому Садку,
80. Змолилсе Садокъ да Господу Богу:
«Обѣщалса я построить да мать-божью-черьковъ
Со всѣма-ле я чудныма иконами».
Какъ наклаль-то-ле Садокъ да золотой казны,
Онъ спускаль-то казну да во синѣ море:
85. «Понеси-ко, ты, Микола, да золоту казну!»
Какъ положиль Садокъ да на синѣ море,
Понесло его сундукъ да по синю морю,
Побѣжалъ-ле его да право черлень карабъ.

11.

Василій Буслаевъ *).

- Ай во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
Какъ было пированьѣ-столованьѣ,
Какъ про вногіе князи, всё про бояра,
Какъ про злыхъ поленичъ да преюдалыхъ;
5. Кабы день-отъ идѣтъ право ко вечеру,
Кабы солнышко катится ко западу,
Кабы пиръ-отъ идѣтъ о полупира,
Кабы столъ-отъ идетъ о полустола,
Княженеческая радость полурадости,
10. Кабы солнышко по горенкѣ похаживаѣтъ,
Тихосмирную рѣчь да выговариваѣтъ:
«Ахъ вы ой еси удалы добры молодцы!
Ищѣ хто вы мнѣ сослужите нонь служобку?
А не малую вѣдь службу, не великую,—
15. Кабы съѣздить во ту землю во невѣрную,
Какъ свезти королю да нынче пошлину».
Какъ большой-отъ хронитце за средняго,
Кабы средней хранитце за меньшого,

*) Представляя изъ себя по дѣйствию, въ главномъ, Василя Казимирова былина эта имѣетъ въ началѣ, а также и весь конецъ Василя Буслаева; послѣднимъ-же именемъ все время величалъ А. Осташевъ и героя быliny. Н. О.

- Какъ отъ меньшого нонь право отвѣту нѣтъ.
20. Изъ того стола изъ середняго,
Изъ того порядку изъ передняго,
Тутъ ставаль дѣтина на рѣзвы ноги,
Говориль-ле тутъ да таково слово:
«Ужъ я радъ за царя да нонь службу служить,
25. Кабы службу-ле служить—головы сложить».
Говорить ему солнышко Владимиръ-князь:
— Тебѣ много-ле надо людей робочихъ?
Тебѣ много-ле надо черныхъ караблей?—
Говорить ему Васинька Буслаевичъ:
30. «Мнѣ не надо твоя да золота казна,
Мнѣ не надо твои люди робочіе,
Только надо мнѣ право черленъ карабъ,
Да надо два брата, два названья,
Одного-же Потанюшку-ту хромого,
35. Да другого Микитушку Широкова.»
Кабы скоро тутъ робята снарежаютца,
Кабы скоро они да сподобляютца.
Какъ походятъ робята на черленъ карабъ,
Вотъ заходятъ они да на черленъ карабъ,
40. Вотъ прощаются на четыре дальни стороны,
Какъ князю со княгиной на ёсобицу:
«Вы прощайте-ко право люди добрыя!
Не бывать вѣдь намъ будѣть да на светой Руси,
Не видать намъ будеть да стольнѣй-Кіевъ-градъ,
45. Не слыхать намъ вѣдь звону колокольнаго,
Не слыхать намъ пѣтя-четья церковного».
Кабы скоро тутъ робята сподобляютца,
Кабы Васинька сталъ право ко парусу,
А Микитушка сталъ право ко якорю,
50. А Потанюшка хроминькой ко вороту,
Побѣжали тутъ робята за синѣ морѣ.
Выбѣгали они да за быстрой субой,
Кабы начело ихъ право покачивать,
А покачивать начело, пошатывать,
55. Какъ Микита широкой подъ уножь упаль,
Кабы Васинька Буслаевичъ на уножь паль,
Какъ Потанюшка хроминькой кормой шатать,
Какъ кормой-де шатать, парусъ поправлявать.

- Перебѣжали робята за быстрой субой,
60. Забѣгали во тихія во гавани,
Опускали-де парусы полотнены,
А метали-де якоря булатные,
Кабы клали-де сходни коньцемъ на землю.
Кабы тутъ-де робята снарезаютсе,
65. Кабы скоро робята сподобляютсе,
Какъ берутъ-ле тепере да золоту казну,
Золоту-ле казну да ноньце пошлину,
Какъ пошли они ко царишшу ко Батуишшу,
Понесли ему золоту казну нонь пошлину,
70. Какъ скоро идутъ они ко городу,
Какъ приходятъ къ палатамъ бѣлокаленнымъ,
Какъ скоро идутъ да на круто крыльцо,
Кабы скоро въ палаты бѣлокаменны,
Говоритъ-то вѣдь Васинька Буслаевичъ:
75. «Охъ ты гой есь царишшо Абатуишшо!
Ты примай-ко отъ насъ да золоту казну,
Золоту-де казну да ноньце пошлину.»
Говоритъ имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Какъ сослужите вы службу я приму казну,
80. Не сослужите службы—головой срублю;
Кабы есь у меня въ полѣ трицеть три колышка,
Какъ на всѣхъ-то на колышкахъ по головушкѣ,
А на трехъ-то-ле колышкахъ нѣтъ головушекъ,—
Я повѣшу ваши буйные головушки.
85. Кабы есь у мня въ поли право три бойца,
Кабы можете побороть—я казны возьму,
Какъ неможите побороть—головой срублю.
Говоритъ ему Васинька Буслаевичъ:
«Я надѣюсь на спаса Вседоржителя,
90. На другого на брата на названого,
На тово-же Потанюшку на хромова».
Тутъ походятъ робята во чисто полѣ,
Какъ ко тѣмъ-же борьцамъ да преюдалемъ,
Какъ Потанюшка-то хроминькой прихрамывать,
95. На одну-ту ногу нониця припадывать,
Говоритъ-то Потанюшка-то хроминькой:
«Ужъ ты какъ мнѣ прикажешъ нонь боротися—
Со всѣма-ле мнѣ вдругъ, ле по единому?»

- Говорить ему Василей Буслаевичъ:
100. — Ковда есь у тя юдаця молодецкая,
Ты бери ихъ всѣхъ трехъ до единого». —
Какъ берётъ его Потанюшка-то хромнѣйкой,
Какъ одного-то бралъ во праву руку,
Какъ другого-то бралъ во лѣву руку,
105. А вѣдь третьяго бралъ право въ охабоцьку,
Подымалъ онъ вѣдь ихъ выше головы,
Опускалъ онъ о матушку сыру землю,
Кабы тутъ вѣдь имъ всѣмъ да смерть случилось.
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
110. «Охъ ты ой есь царишшо, ты Батуишшо!
Ты примай-ко отъ насъ да золоту казну.»
Говорить имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Вы сослужите ище службу—я приму казну:
Кабы есь у мя въ поли право тугой лукъ,
115. Какъ которымъ стрѣляла дочь любимая,
Кабы можете владѣть дакъ я приму казну.—
Говорить ему Васинька Буслаевичъ:
«Я надѣюсь на Спаса Вседоржителя,
На другога на брата на названова,
120. На тово-же Микитушку Широкова». —
Кабы скоро несутъ да право тугой лукъ,
Подъ одинъ-отъ конечъ тридцетъ тотариновъ,
Подъ другой-отъ конечъ тридцетъ тотариновъ,
А тетивку несутъ тридцетъ тотариновъ,
125. Калену стрѣлу несутъ тридцетъ тотариновъ.
Какъ приходитъ Микита ко тугу луку,
Онъ берётъ-то вѣдь лукъ во лѣву руку,
А тетивку берётъ да во праву руку,
Прижималъ онъ колѣномъ право правымъ,
130. Полетѣли отъ лука мелки дребезги.
Какъ отгуль они пошли да ко Батуишшу,
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
«Ты примай-ко ётъ насъ да золоту казну.»
Говорить имъ царишшо нонь Батуишшо:
135. — Я наложу нонь вамъ да еще службоцьку:
Кабы есь у мя дочь любимая,
Какъ горазна играть да въ мелки шахматы.—
Какъ сядилися играть да въ мелки шахматы,

- Какъ со тою со царскою со дочерью,
140. Кабы разъ Васька ступилъ, да другой ступилъ,
Какъ третьей ступилъ—ей больше некуда;
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
«Ужь ты ой еси царишшо, ты Батуишшо!
Ты примай-ко ётъ насъ золоту казну»,
145. Ты не примешъ казну—у тя голову сорву.»
Говорить имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Охъ вы ой еси удалы добры молодцы!
Я приму отъ васъ топере золоту казну.—
Они дали ему да золоту казну,
150. Какъ пошли ёни робята на черленъ карабъ,
Обирали они сходенки дубовыя,
Повымали якоря новы-булатныя,
Подымали паруса-бѣлополѣтнены,
Побѣжали робята во свою землю.
155. Побѣжали тутъ робята по синю морю,
А увидѣли камень превысокия,
Кабы сдумали робята тутъ потѣшитсе,
Приворѣтили робята ко крутой горы,
Заходили тутъ робята на круту гору,
160. Тутъ лежитъ кось-глава да человѣческа,
Поколотилъ-то вѣдь Васинька Буслаевичъ:
«Охъ ты ой кось-глава человѣческа!
Кабы руська глава дакъ схоронить надо,
Какъ погана глава дакъ мы погалимсе,
165. Ты зачѣмъ-же лежишь креста по лѣву руку?»
Говорить кось глава человѣческа:
— Охъ ты ой есь ты Васинька Буслаевич!
Ты вѣдь самъ ноньце легѣшь креста по лѣву руку.—
Кабы стали робята-та поскакивать,
170. Какъ поскакивать стали съ камня на камень,
Какъ выскакивалъ Васинька побольше всѣхъ,
Кабы стали скакать да задомъ наперѣдъ...

Тутъ, оставивъ пѣть, А. Осташевъ досказалъ словами:
«скочилъ съ заду на передъ, палъ на камешокъ, разломалъ
свою буйну головушку, чѣ больше? Больше не знаю».

12.

Князь Долгорукой и ключникъ.

- Кабы жилъ-ле тутъ да Долгорукой князь,
Онъ держаль при сибѣ да блады ключника,
Онъ держаль-ле его да ровно трицеть лѣтъ,
Онъ и пиль-де и ѣль да съ одного стола,
5. Да повѣрена ему вся золота казна,
Золота-ле казна да княженеческа,
Да повѣрены ему нонь золоты ключи,
Золоты-ле ключи да кованы ларьци.
Онъ по часту-ле ходилъ да на царевъ кабакъ,
10. Онъ по вногу-ле пьетъ да зелена вина,
Онъ не чашками пьетъ, да не братынями,
Онъ-де вѣдрами пьетъ, дакъ полувѣдрами,
Онъ откатывать боцьки да сороковоцьки,
Да на ту-же на площадь да на широкую,
15. Да на ту-же дорогу да прямоѣжжую.
Онъ поиль-ле дружьей-товарищевъ,
Онъ поиль-ле голей да все кабацкихъ,
Изъ ума-то-ле дѣтина да выпиваетсе,
Изъ рѣчей самъ дѣтина да вышибаетсе:
20. «Я живу у князя да ровно тридцеть лѣтъ,
Мнѣ повѣрена теперь да золота казна,
Мнѣ повѣрены теперь золоты ключи,
Золоты-ле ключи, да кованы ларьци,
Я со княземъ-то живу да равно трицеть лѣтъ,
25. Со княгиной я живу да равно три года,
У княгины на колѣняхъ да вноги сиживаль,
Ужь я въ пазухи руки да вноги дярживаль,
Я пониже-ле пупа, да околъ чѣрева».
А услышали бояра да толстобрюхѣ,
30. Доносили-ле князю да Долгорукому,
«Охъ ты ой еси ты нашъ да Долгорукой князь!
Не имѣешь ты не сына, да не дочери,
Да имѣешь ты при сибѣ бладога ключника,
Онъ по часту-ле ходитъ да на царевъ кабакъ,
35. Онъ по вногс-ле пьетъ да зелена вина,
Изъ ума-то-ле дѣтина да выпиваетсе,

Изъ рѣчей-то дѣтина вышибается:

- «Я живу-ле у князя да ровно тридцеть лѣтъ,
«Со княгиней я живу да ровно три года,
40. «У княгини на колѣняхъ да вного сиживаль,
«Ужь я въ пазухи руки да вного дярживаль,
«Я пониже-ле пупа, да околь черева».
Говорить-то-ле имъ да Долгорукой князь:
— Охъ вы ой еси мои люди придворныя!
45. Вы подите-ко, ведите младого ключника.—
Привели-ле къ ему младого ключника,
Допросиль-ле его да Долгорукой князь,
Говорить-ле ему да млада ключничекъ:
«Я живу-ле у тебя да ровно тридцеть лѣтъ,
50. Со княгиной я живу да ровно три года».
Говорить то теперъ да Долгорукой князь:
— Ужь вы ой еси мои люди придворныя!
Вы состройте-ко рели да превыеокія.—
Какъ и сдѣлали ѣни рели превысокія,
55. Кабы дѣлали петелку пеньковую,
Повели они да млада ключничка.
Повели-ле тутъ тепере да млада ключничка,
Говорить-то-ле имъ да млада ключничекъ:
«Вы позвольте-ко прощѣть да ноньце пѣсенку,
60. Да не первую пѣсенку, послѣднюю».
А запѣль-де ѣнъ пѣсенку послѣднюю:
«Ужь я жиль-то у князя да ровно тридцеть лѣтъ,
Со княгиной-то я жиль да ровно три года,
У княгини на колѣняхъ да вного сиживаль».
65. Привели его ко релямъ да превысокімъ,
Запихали какъ буйну-главу во петелки,
Доброй молодець во петелки качается,
А княгиня въ терему право кончается,
Какъ сама она тепере да приговаривать:
70. «А куда ноньце летить да млада-ясень-соколь,
Да туда-же ты лети право бѣла-лебедь».

13.

Небылица.

Ай во славномъ во городѣ во Кашинѣ,
Да было побоище престрашное:

Какъ дралися невѣстушки съ золовками,
Какъ большима боями всё мутовками,

5. Зарежали горшки да ёни пушками,
Да стрѣляли изъ за каменной стѣны, изъ за жорнова.

3. Устинья Филипповна Чупрова.

Невысокая, тшедушная, но разбитная, словоохотливая жена лѣсника, спѣла мнѣ лучше чѣмъ всё другіе странную старину про Бутмана, стихъ мученіе Егорья и пѣсню про Александра II-го. Объ ея мужѣ, Афонасьѣ въ Устцылмѣ я слышался какъ о замѣчательномъ сказителѣ, но встрѣтился съ нимъ въ недобрую для его минуту: послѣ воскресенья онъ сильно страдалъ похмѣльемъ. Къ сожалѣнію—говоря чуть не про всякого старинщика, мнѣ приходится говорить и о водкѣ—такъ она страшно вѣлася въ каждую пору народной жизни. Афанасій впрочемъ разувѣрилъ меня, что онъ знаетъ старины, про него «наплели»: онъ хорошо знаетъ пѣсни. Жена его кромѣ Бутмана, также не знаетъ больше старинъ.

14.

Бутманъ Колыбановичъ и царь Петръ
Алекѣевичъ.

Какъ про бѣннаго сказать, да про бѣлого,
Про удалого сказать, доронна молодца.—

Онъ и ходитъ-де удалой доброй молодець,
На цареви-то ходитъ большомъ кабаки,

5. На кружалѣ онъ ходитъ восударевомъ,

- Онъ и пьеть вногo дѣтина зелена вина,
Онъ не цярою пьеть, самъ не стоканами,
Онъ откатывать боцьки сороковоцьки,
Во хмелю-ту самъ дѣтина выпиваетца,
10. Изъ рѣцей-то Бутманъ сынъ вышибаетсе:
«Ужъ я силушкою ноньце царя сильне,
Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣливе.
Пригожались у царя люди придворныя,
Какъ придворныя люди—губернаторы,
15. Губернаторы, люди толстобрюхие;
Они скоро пошли, царю доносили:
«Ужъ ты ой еси надѣжа православной царь,
Ты со ярости Пѣтъ сынъ Алексѣевичъ!
У тя ходитъ на цареви большомъ кабаки,
20. На кружалѣ-то ходитъ восударевомъ,
Молодой сынъ Бутманъ да Колыбановичъ,
Онъ и пьеть вногo дѣтина зелено вино,
Онъ не цярою пьеть, да не стоканами,
Онъ откатывать боцьки сороковоцьки,
25. Во хмелю-ту дѣтина выпиваетца,
Изъ рѣцей-то Бутманъ сынъ похваляется:
«Ужъ я силушкою ноньце царя сильне,
«Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣливе.
Какъ гореця его *) кровь да расгорѣлосе,
30. Могуци его плеча да расходилисе,
Не увидѣлъ-бы надѣжа свѣту бѣлого,
Онъ послалъ-бы трехъ слугъ да немилосливыхъ,
Немилостивыхъ слугъ, да не жалосливыхъ:
«Какъ сковать его, связать, да такъ ко мнѣ тащить».
35. Какъ пошли они палачи всё буютныя (такъ!),
Подошли они Бутману, низко кланялись:
«Ужъ ты ой еси Бутманъ сынъ Калыбановичъ!
Ты пойдѣмъ ко царю да на почесенъ пиръ,
Пировать-столовать, да ѣства кушати».
40. — Вы постой-те-ко, робята, поманитесь-же,
Ужъ я выпью-же цяру зелена вина,
Я не малую цяру полтора ведра.—
Ужъ берѣтъ-то онъ цяру единой рукой,

---

*) царя.

- Выпиветь онъ цару единымъ духомъ.
45. — Не окатила эта цыра ретиво серцо,
Не звеселила эта цыря буйну голову,
Мы тыпереця пойдёмъ да на почесенъ пирь.—
Подошли они ко гринямъ богатырьскімъ,
Какъ во тѣ-же полаты бѣлы-каменны,
50. Онъ ставаль передъ цыря да на рѣзвы ноги,
Какъ на тѣ-же колѣнки богатырьскіе:
«Ужъ ты ой еси надѣжа православной цырь,
Ты со яросью Петръ Алексѣевичъ!
Ты за што меня зо вешъ, да за што требуешъ?»
55. Уже што-же я тибѣ нонѣце надѣлалъ такъ?
Уже што я тибѣ да напрокуцилъ такъ?»
Говорить-то надѣжа православной цырь:
— Ужъ ты ой еси Бутманъ сынъ Колыбановичъ!
Ужъ ты ходишь на церовомъ большомъ кабаки,
60. На кружалѣ ты ходишь восударевомъ,
Ужъ ты пѣшь-же Бутманъ да зелено вино,
Во хмелю ты, дѣтина, выпиваишсе,
Во рѣцяхъ ты дѣтина шибовать живѣшь:
«Ужъ я силушкою буду цыря сильне,
65. «Ужъ я смѣтоцькою цыря посмѣтливе».
Засажу я тебя въ стѣны каменны,
Я замкну тебя въ замки окованы,
Я сѣку-де, срублю у тебя буйну голову.—
Говорить-же Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
70. — «Ты попомни-ко, надѣжа, самъ подумай-ко,
Когда былъ ты, надѣжа, во чужой земли,
Ужъ ты былъ во земли да во поганой-же,
Какъ во той во ёрды, да во проклятой-же,
Тебя хто-же оттуль тогда повыкупилъ?»
75. Тебя хто-же оттуль тогда повыручилъ?
Тебя хто-же оттуль тогда на свѣтъ спустилъ?»
— Не пустымъ ты, дѣтина, похваляишсе!
Ужъ я много тибѣ дамъ да золотой казны,
Города тибѣ дамъ да съ пригородками,
80. Я села тибѣ дамъ да со деревнями.—
«Мнѣ не надо твоя да золота казна,
Мнѣ не надо города ' пригородками,
Мнѣ больши твои сѣла со деревнями,

- Только дай мнѣ-ка пить вина безденежно,
85. Какъ безденежно вина, да безкопеечно).
Царь писалъ ерлыки, да скоры грамоты,
Разсылалъ ерлыки на четыре стороны,
Штобы пить ему вино безденежно,
Какъ безденежно, Бутману, безкопеечно.
90. Тутъ зашолъ-де Бутманъ да во новой кабакъ,
Онъ и взялъ-ле онъ боцку подъ праву руку,
Онъ топнулъ-де въ полъ да какъ правой ногой,
Какъ разсыпалась печь, печь кирпичная,
Какъ пошолъ-де Бутманъ вонъ на улицу.
95. «Ужъ вы ой еси голи всѣ кабачкія!
У кого у васъ болятъ нынъ буйны головы,
Выходите за мной да вонъ на улицу».

Устинья Чупрова дальше старины не помнитъ, но сказала, что конецъ тутъ близко. Я списывалъ эту старину отъ четырехъ лицъ и никто какъ слѣдуетъ не могъ допѣть ее до конца. *Анна Максимова Поздѣева*, изъ села За-межного-же, досказала конецъ старины словами такъ: «Бѣлой (А. П. не разу не назвала героя Бутманомъ) пошолъ въ кабакъ, а тамъ его не спустили, онъ топнулъ ногой дверь и она разлетѣлась на четыре жеребья. Пошолъ, взялъ сороковку (бочку сорока-ведерную) и вышелъ пить съ товарищами. Допилъ до того, что опохмелиться *у Васи* стало не на што».

15.

Царь Александръ II.

- Время тяжкое приходитъ—
Французъ съ туркой воевалъ,
Съ Оглицяниной кумился,
Не могли Россію взять.
5. Не въ показанное время
Царя требуютъ въ сенотъ;
Царь не долго снарежался,
На емскихъ царь отъѣзжалъ,
Да не кому царь не сказалъ,
10. Только вѣску брату даль:

- «Пріѣзжай, братъ, поскорѣе,
Попровѣдай, братъ, меня,
Придаютъ мнѣ скору смѣртку,
Похоронятъ, братъ, меня».
15. Братъ по горницѣ идѣтъ,
Во рукахъ книгу несѣтъ,
Книга страшна и порушна—
Алексанъ пошолъ назадъ,
Во колѣсоньку садился,
20. Ко сеноту подѣзжалъ,
Ко сеноту подѣзжалъ,
Чесовымъ чesъ воздавалъ:
— Ужъ вы здравствуйте, робята,
Сенаторскіе стражи!
25. Не видали-ли, робята,
Не прошелъ-ли ефицеръ?»
Они другъ на друга зглянуть,
Говорять, что не прошелъ.
Одинъ мальчикъ чернобровой
30. Чернымъ глазикомъ повѣлъ,
Ефицеръ въ сенотъ зашолъ.

Лѣтомъ 1903 года, въ Поморьѣ, я записалъ эту пѣсню въ болѣе полномъ видѣ. Оканчивается пѣсня, записанная въ Поморьѣ, такъ:

- ...Во коляску братъ садился,
20. Ко сеноту подѣзжалъ,
Да пуховую шляпу снялъ,
Да чесовымъ чesъ воздавалъ:
Ужъ вы здравствуйте робята,
Сенаторская стража:
25. Не видали-ли робята,
Не прошелъ-ли офицеръ?
Они другъ на друга взглянуть,
Говорять, что не прошелъ.
Одинъ парень чернобровой,
30. Чёрнымъ глазикомъ повѣлъ:
«Государъ въ сенотъ зашолъ».
А Костя саблю обнажалъ,
Да чесовымъ головки снялъ,

- Да единого съ собой взялъ;
35. Трои двери проломалъ,
Да до четвертыхъ доступалъ;
Да онъ четверты проломалъ,
Да на колѣняхъ царь стоитъ,
Передъ нимъ полковникъ ходитъ:
40. — Поскорѣй царь поднишись,
Да не долга твоя жись».
Сенаторы всѣ стоятъ,
Да царю смертію грозятъ.

4. Тарасъ.

Въ Устцыльмѣ еще я наслышался объ Тарасѣ (фамилью его я забылъ записать), какъ объ очень хорошемъ сказателѣ, но когда познакомился съ нимъ, Тарасъ сказалъ, что старинъ не знаетъ совсѣмъ, а знаетъ только пѣсни. Спѣлъ онъ мнѣ только про Бутмана и то потому, что на Пижмѣ это что-то среднее между былиной и пѣсней: поютъ Бутмана совсѣмъ особымъ, приближающимся къ пѣсенному, напѣвомъ. Но и Бутмана зналъ Тарасъ нетвердо. Вообще слава сказателей не всегда соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному качеству.

16.

Бутманъ и царь Петръ.

- Во печали намъ жить не небъ кручину быть,
На дому надо ходить не набъ куражиться.
Какъ про бѣднаго сказать, будто про бѣглого,
Про юдалого сказать, дородня молодца.
5. Онъ и ходитъ на царевомъ большомъ кабаки....
Въ концѣ Тарасъ пѣлъ старину такъ:
... Онъ заходитъ Бутманъ да во царевъ кабакъ,
Тутъ лежитъ Васька на печкѣ на муравленкѣ,
Безъ креста лежитъ Васинька безъ пояса,
Онъ пропиль-де всю сбруню лошадиную,
10. Онъ-де пропиль-де Васинька лошадь добрую,

- Онъ-де пропиль-де палицу буёвую,
Онъ-де пропиль копейцо бурзомецкое,
Онъ-де пропиль-де Васинька свой тугой лукъ,
Онъ-де пропиль колчанъ каленыхъ стрѣлочекъ,
10. Опохмелиться у Васьки видно не на што,
Со похмельница у Васьки голова болитъ,
Говорить-то Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
«Ожъ вы ой есь воры чумаки, да чѣловальники!
Ожъ вы дайте мнѣ пить вино безденежно,
15. Мнѣ безденежно пить, безкопеечно».
Не даютъ ему пить вино безденежно,
Онъ топнулъ-де, Бутманъ, ноньце правой ногой,
Кабы печи кирпичаты розсыпались,
Какъ хрустальня посуда розломалосе,
20. Але боцьки съ виномъ да роскатилисе;
Онъ берётъ одну боцьку сороковоцьку,
Онъ берётъ эту боцьку самъ подъ пазуху,
Онъ выносить эту боцьку вонъ на улицу:
«Ожъ вы ой еси вы голи всѣ кабацкѣи!
25. Вы подите ко мнѣ да опохмелю васъ».
Какъ ставаётъ-де Васинька съ муравленки,
Онъ подходитъ-де къ Бутману Колыбанову;
Они пили-то, ѣли трои сутоцьки,
Они выпили одну да сороковоцьку,
30. Онъ*) и пнулъ эту боцьку правой ногой,
Розлетѣлась эта боцька на три жеребья:
— Изъ порозной-то посуды нонь не пьютъ, не
ѣдятъ**).
- ... Онъ заходитъ-то Бутманъ да во царевъ кабакъ:
«Ужъ вы ой еси воры, чумаки да чѣловальники!
35. Вы отдайте намъ съ Васькой коня доброго,
Вы отдайте всю сбрую лошадиную,
Вы отдайте доспѣхи богатырскія.»
Ему отдали, Бутману, коня доброго,
Ему отдали всю сбруню лошадиную,
40. Ему отдали доспѣхи богатырскія.
Какъ поѣхали они съ Васинькой во чисто полѣ,

---

*) Бутманъ.

**) Три раза выносилъ по бочкѣ Бутманъ и пировали они 9 сутокъ.

Они ѣдутъ по полю потѣшаются,
Какъ своими стрѣлами забавляются.

III. ДЕРЕВНЯ АВРАМОВСКАЯ.

5. Василій Аврамовичъ Чупровъ.

Это тотъ самый *Вася Малый*, на котораго всѣ указывали мнѣ какъ на лучшаго знатока былинъ на Пижмѣ; *Ө. Чуркина*, напр., его ученица. Родомъ В. А. изъ дер. Аврамовской, на Пижмѣ, но теперь живетъ въ селѣ Верхнемъ Бугаевѣ, читаетъ по покойникамъ, служитъ часы и вообще исполняетъ роль старообрядческаго наставника. Онъ очень старъ, ему 78 лѣтъ, и много старинъ онъ перезабылъ, а что помнитъ, помнитъ плохо. Отрывокъ старины про Ваську Игнатьева спѣлъ очень охотно хотя и наставникъ; въ немъ нѣтъ угрюмости замкнутости, обыкновенно наставникамъ присущей. Прозвище ему „Малый“, а онъ великъ ростомъ, съ громадной черной бородой; очень добродушенъ, непрочь потолковать о многомъ и выпить.

17.

Васька Игнатьевъ.

(Отрывокъ).

- .... «Полети-ко ты стрѣлочка калёная,
Повыше ты дерева шарового,
Пониже ты облака ходечого,
Не падай не на гору, не на воду,
5. Пади-тко ты Скурлы во черенъ шатѣрь,
Тому-же-ле Киршику во правой глазъ,
Да выйди ты стрѣлоцька лѣвымъ ухомъ».
Онъ подѣрнулъ тетивочку шолковую,
Полетѣла-то стрѣлоцька калёная,
10. Повыше она дерева шарового,
Пониже она облака ходяцяго,
Не падала не на воду не на землю,

- Да пала-ле Скурлы нонь во чернь шатёръ,
Тому-же-ле Киршику во правой глазъ,
15. Да вышла-ле стрѣлоцька лѣвымъ ухомъ.
Да и тутъ-же-ле Скурла зволивалисе,
Подходятъ ко городу ко Кіеву,
Да просятъ они да виноватого.
Говорятъ-то бояра толстобрюхіе:
20. «Кабы кто бѣду загрѣзиль, тотъ догрезивай».
Пойдетъ-то-ле Васинька воротитце,
Воротитце Васинька поклонитце,
Говоритъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ:
«Ужъ вы ой еси бояра толстобрюхіе!
25. Еще-ли я вамъ, Васинька, понадоблюсь?»
Говорятъ-то бояра толстобрюхіе:
— Тебѣ сказано, Васинька, отказано,
Тебѣ сказано: ты намъ больше не надобно.—
Пошоль-то-ле Васинька во чисто полѣ,
30. Ко тому-ле ко Скурлы сыну Смородову:
«Охъ ты ой еси Скурла царь Смородовичъ!
Прощай ты меня да во первой вины,
Принимай ты меня во товарищи,
Громѣть-шурмовать да стольнѣй Кіевъ-градъ,
35. Оставить только князя со княгиною,
Оставить-же церкви соборныя,
Оставить-же царевы больши кабаки».
Простилъ его Скурла во первой вины,
Да принялъ его да во товарищи,
40. Громѣть-шурмовать да стольнѣй Кіевъ-градъ.
Пошли-то они да въ стольно-Кіевъ-градъ,
Да увидѣли бояра толстобрюхіе:
«Да не чудо-ле, братцы, не диво-ле,
Да Васька Игнатъевъ передомъ идѣтъ!»
45. Приходятъ къ воротамъ городовымъ,
Да зыкнуль-ле Васинька Игнатъевичъ,
Да зыкнуль онъ палицей буевой,—
Улетѣли ворота во чисто полѣ.
Завалила сила въ стольно-Кіевъ-градъ,
50. Громѣли-шурмовали стольно-Кіевъ-градъ,
Да худшую силу въ пень повысѣкли,
Да лучшую силу во полонъ взяли,

- Да оставили только князя со княгиною,
Оставили только церкви соборныя,
55. Оставили царевы большіе кабаки,
Да выгнали силу на чисто полѣ.
Да сталъ-то тутъ Скурла нонь животъ дѣлить,
Да дѣлить животъ онъ на три пая.
Да былъ у его ноньце малой сынъ,
60. Говорить-ле ему да таковы рѣци:
«Охъ ты Скурла царь да сынъ Смородовичъ!
Кабы у бою, у драки Васька первой былъ,
Кабы у дѣлу, у паяу Ваську обдѣливать».
Говорить-то-ле Скурла сынъ Смородовичъ:
65. — Да есь у меня сабелька-то новая,
Да новая-та сабелька, не точена,
Не тоцена сабелька, некровавлена,
Поправлю нонь по шеи я по Васиной.—
Да тутъ-то-ле Васьки за бѣду стало,
70. За великую досаду показалосе,
Хваталь-то-ле Васинька саблю вострую,
Окровавилъ всё по шеѣ по Скурловой;
Хваталь онъ тотарина какой побольше всѣхъ,
Побольше, потолще, поедрене всѣхъ,
75. Хваталь онъ его да за рѣзвы ноги,
Да сталъ онъ по силушки похаживать,
Да сталъ онъ по силушки помахивать,
Куды онъ махнетъ, да тутъ и улица,
А назадъ поворотить—переулеча,
80. Да самъ онъ ему да приговаривать:
«Ты тонокъ на жилахъ—не вырвешсе,
Ты сухъ на костяхъ да не изломишсе.»
Онъ билса, пласталса трои суточки,
Не пиваючись, Васька, не ѣдаючись,
85. Онъ всѣхъ ихъ убилъ да до единого,
Оставилъ только силу полоненую,
Воротилъ ей назадъ да въ стольно-Кіевъ-градъ.
А пошоль-то онъ во гриню во столовую,
Ко тому-же ко князю ко Владимиру,
90. Хваталь онъ столесенку дубовую,
Хотѣлъ онъ убить князя Владимира.
Солнышко князь нонь подъ столъ упаль:

- «Охъ ты ой еси Васинька Игнатъевичъ!
Бери ты города съ пригородками,
95 Бери ты села со деревнями,
Оставь только меня нынѣ живого».
Говорить-то-ле Васинька Игнатъевичъ:
— Мнѣ не надо города съ пригородками,
Мнѣ не надо села со деревнями,
100 Только дай мнѣ-ка, Васинькѣ, такой дозволю:
Штобы пить мнѣ вино нонь безденежно,
Штобы пить мнѣ вино нонь безкопеешно.—
Да даваль ему князь нонь такой дозволю:
Штобы пить ему вино да вѣкъ безденежно.

VI. ДЕРЕВНЯ БОРОВАЯ.

6. Анна Денисовна Осташева.

Старуха 62 лѣтъ, живетъ въ Боровой; была выдана замужъ въ Устыцльму, за родню моего старинщика Петра Поздѣева, но овдовѣла и теперь опять живетъ на родинѣ. Скрытна, боязлива, послѣ долгихъ упрасиваній согласилась пѣть; хоть и очень бѣдна, но долго отказывалась отъ гонорара; пѣла хорошо, знала старину твердо.

18.

Василій Игнатъевъ.

- Не по матушки было по Невы рѣки,
Туть плыли, выплывали два гнѣды тура,
Кабы встрѣцю имъ матушка родимая:
«Ужъ вы здраствуйте, туры, да дѣти малыя!»
5. — Ужъ ты здраствуй, матушка родимая!
Кабы ты-же турица златорогая!—
«Ужъ вы гдѣ-же туры, да были-спобыли?
Вы чего-же туры да много видѣли?»
— Ожъ мы были-то, матушка, во Шаховѣ,
10. Ужъ мы были восударына, во Ляховѣ,

- Сорочинско славно полѣ поперекъ прошли,
А Куликово поле съ угла на уголъ,
Стольнѣ-Кіевъ-де градъ да изъ конца въ конецъ;
Не какого цюдышко не видѣли,
15. Только видѣли цюдышко не малое,
Какъ не малое цюдо привеликое:
Выходила тутъ дѣвица младо-красная,
Да въ одной она рубашоцькѣ безъ пояса,
Да въ одныхъ она цюлоцькахъ безъ башмациковъ,
20. Приходила она да ко Почевъ рѣки,
Да брала она книгу, да лись евангельѣ,
Приходила она да ко Почевъ рѣки,
Забродила она да по колѣнъ въ воду,
А ище того поглубже выше поеса,
25. А ище того поглубже до бѣлыхъ грудей;
Становилась ко камешку ко сѣрому,
Она клала-то книгу на сѣрь-горючь камень,
А стояла она да отъ зари до зари,
А читала она книгу отъ доски до доски,
30. Она сколько читала, вдвое плакала.—
«Охъ вы, глупые туры, да дѣти малыи!
Охъ вы глупыи туры да неразумныи!
Не дѣвица выходила да младо-красная,
Присвята Госпожа Мати-Богородиця.
35. Она цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Она цюетъ надъ Кіевомъ великую:
Кабы Скурла-де царь до подымаетсе,
Скурлыта-де-ка царь да сынъ Смородовичъ,
Со любимымъ со сватушкомъ со Коршакомъ,
40. Со любимымъ со зятѣмъ со Коньшакомъ,
Со любимымъ племенникомъ со Киршакомъ;
Объявилъ онъ, собака, да силы множество,
Впереди его, собаки, сорокъ тысецей,
По праву руку, собаки, сорокъ тысецей,
45. По лѣву руку, собаки, сорокъ тысецей,
Позади его, собаки, да числа смѣту нѣтъ.
Выѣжжалъ онъ, собака, на чисто полѣ,
Хорошо онъ, собака, да шатры выстроилъ,
Васко-хорошо, собака, да верхи выкрасилъ,
50. Во шатры-де, собака, да столы выставилъ,

- Онъ писалъ-де ерлыкъ да скору грамотку,
Выбиралъ онъ тотарина самолучшаго,
Кой получше, побольше, попроворне всѣхъ,
Кабы самъ онъ тотарину наговаривать:
55. «Ты поѣдь-ко удалой доброй молодець,
«Черезъ заставы ѣдь да карзвильныя,
«Черезъ стѣны ты ѣдь да городовыя,
«У воротъ ты не спрашивай приворотниковъ,
«У дверей ты не спрашивай придверниковъ,
60. «Станови ты коня да середь уличи,
«Не приказана коня, да не привязана,
«Заходи ты ко князю ко Владимиру,
«Заходи ты во гриню во столовую,
«Ты положъ-ко ерлыкъ да на дубовой столъ,
65. «Ты положъ-ко ерлыкъ, да скоро вонъ поди.»
Какъ увидѣлъ-то солнышко Владимиръ-князь,
Онъ увидѣлъ ерлыкъ да скору-грамотку,
Говорить-то тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ ты ой есь Добрынюшка Никитичъ сынъ!
70. Ты читай-ко ерлыкъ да скору-грамотку.»
Какъ читать-бы Добрынька усмѣхаеця:
«Какъ даютъ городъ добромъ, дакъ я добромъ возьму;
«Не даютъ городъ добромъ дакъ я боёмъ возьму,
«Какъ боёмъ-де возьму, да кроволитьчомъ,
75. «Самого-то князя я подъ мечъ склоню,
«Какъ Опраксию княгиню да за себя возьму,
«Какъ соборны ихны черкви всѣ на дымъ спущу».
Кабы это-де князю да за бѣду стало,
За досаду показалось за великую,
80. Кабы сталь-то тутъ солнышко снарежатисе,
Кабы куню-ту шубу на одно плечо,
А пуховъ-де колпакъ да на одно ухо,
Онъ пошелъ по городу по Кіеву,
Кабы стрѣчу ему большая подсушина:
85. «Ужъ ты здравствуй-де, большая подсушина!»
— Ужъ ты здравствуй-ко, солнышко Владимиръ-
князь!
- Ужъ ты што-же идѣшь да не по старому?
Повеся ты дѣржишь да буйну голову,
Потопя-де дѣржишь да очи ясны.—

90. «Охъ ты ой еси, ббольшая подсушина!
Какъ есь у меня надъ городомъ незгодушка,
Кабы есь у меня надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашь-ле наѣжжого богатыря?»
— Ужъ ты батюшко, солнышко Владимирь-князь!
95. Ты не съ нами думу думаешь, съ боярами,
Могуть они тебѣ способствовать».
А оттоль-де-ка солнышко впередъ пошоль.
Кабы встрѣту ему средня подсушина:
«Ужъ ты здраствуй-ко, средня подсушина!»
100. — Ужъ ты здраствуй-ко, солнышко Владимирь-
князь!
Ужъ ты что-же идѣшь да не по старому?
Повеса да дѣржишь буйну голову,
Потопя-де дѣржишь да очи ясныя?—
«Охъ ты ой есь, средня подсушина!»
105. Кабы есь у мя надъ городомъ незгодушка,
Кабы есь у мя надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашь-ле наѣжжого богатыря?»
— Ужъ ты солнышко, батюшко Владимирь-князь!
Ты не съ нами думу думаешь, съ боярами,
110. Могуть они тебѣ способствовать.—
А отгуль-де-ка солнышко впередъ пошоль.
Кабы встрѣту ему меньшая подсушина:
«Ужъ ты здраствуй ты, меньшая подсушина!»
— Ужъ ты здраствуй ко, солнышко Владимирь-
князь!
115. Ужъ ты што-же идѣшь не по старому?
Повеса ты идѣшь да буйну голову,
Потопя ты идѣшь да очи ясны.—
«Охъ ты ой еси, меньшая подсушина!
Кабы есь у мя на городомъ незгодушка,
120. Кабы есь у мя надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашь-ле наѣжжого богатыря?»
— Охъ ты солнышко, батюшко Владимирь-князь!
Ты поди-ко по городу по Кіеву,
На царевы ты зайди да больши кабаки,
125. На кружала ты зайди да восударевы;
Какъ на той-же на пецкѣ на муравленѣ,
Тутъ лежитъ-де удалой доброй молодець;

- Не креста у его нѣту, не поеса,
Не рубашоцьки нѣтъ на ёмъ полотненой,
130. Подъ одной онъ лежитъ да рогозиною,
Кабы всё на винѣ у ёго пропито,
Во царевомъ кабаки да всё заложено,
Онъ и спитъ нынѣ тутъ да трои сутоцьки.—
Какъ оттуль-де-ка солнышко впередъ пошоль,
135. Онъ идѣтъ-то по городу по Киеву,
Онъ заходитъ на царевы да больши кабаки,
На кружала заходитъ восударевы,
Онъ и смотритъ на печьку да на муравленку,
Онъ увидѣлъ удала да добра-молодца:
140. «Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатъевичъ!
Тебѣ полно-ле спать да нынѣ пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпатися,
Ужъ ставай ты Василей сынъ Игнатъевичъ,
145. Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою ты мнѣ, да неизмѣною.
А на то-де Василей да не ослышался,
Кабы клицѣтъ-то солнышко во второй законъ:
«Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
150. Молодой ты Василей сынъ Игнатъевичъ!
Тебѣ полно-ле спать, да нынѣ пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпатися,
Ужъ ставай-ко, Василей сынъ Игнатъевичъ,
Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой-правдою,
155. Вѣрой-правдой ты мнѣ, да неизмѣною.»
Какъ на то-де Василей не ослышелся,
Кабы клицѣтъ-то солнышко во третей законъ:
«Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатъевичъ!
160. Тебѣ полно-ле спать, да нонѣ пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпатися,
Ты ставай-ко, Василей сынъ Игнатъевичъ,
Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой правдою,
Вѣрой-правдой ты мнѣ, да не измѣною».
165. А топѣре Василей разбужаитсе,
Отъ великаго хмелю просыпаитсе,
Говоритъ-то Василей Игнатъевичъ:

- «Ужь я радъ-бы служить, хоть голову сложить,
Какъ болить-то моя буйна голова.»
170. Наливаётъ князь цяру зелена вина,
Не большую не малу въ полтара ведра,
Кабы турей-де рогъ да мѣду сладкова,
На закуску колаць да бѣль-круписъчатой,
Подаваётъ-то солнышко обѣма рукми,
175. А беретъ бы Василей единой рукой,
Кабы пьетъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговаривать:
«Не оммылось у Васьки да ретиво сердце,
Не звеселилась моя да буйна головушка».
180. А беретъ-де-ка солнышко во второй наконь,
Наливаетъ-де цяру зелена вина,
Не большую не малу полтара ведра,
Кабы турей-де рогъ да мѣду сладкого,
На закуску колаць да бѣль-круписъчатой,
А беретъ бы Василей единой рукой,
185. Кабы пьетъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговаривать:
«Не оммылось у Васи ретиво сердце,
Не звеселилась у Васи буйна головушка».
- Наливаётъ Солнышко во третей наконь,
190. Подаваётъ-то Солнышко обѣма рукми,
А беретъ-то Василей единой рукой,
Кабы пьетъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговаривать:
«Какъ оммылось у Васьки да ретиво сердце,
195. Звеселилась моя да буйна головушка,
Бы могу нынѣ служить да вѣрой правдою,—
Не креста-то у меня нѣтъ, не поеса,
Не рубашечки нѣтъ у меня полѣтненой,
Кабы нѣту-то у мня да коня доброго,
200. Кабы нѣту у меня сбруни лошадиной,
Кабы нѣту у мня приправы молодецкой,
Кабы нѣту у мня туга лука,
Кабы нѣтъ у мня стрѣлоцьки каленой,
Ужь и нѣтъ у мня палицы буѣвой,
205. Кабы нѣтъ у мня копейчо бурзомецкое,
Кабы всё на вини да у мня пропито,

- Во царевомъ кабаки да всё заложоно». Какъ пошолъ тутъ солнышко Владимирь-князь, Онъ пошолъ къ чумакамъ, да чѣловальникамъ:
210. «Охъ вы ой есь чумаки, да чѣловальники! Отдавайте всё Васинькѣ безденежно. Кабы отдали всё Васиньки безденежно, Кабы сталь-то Василей снаряжатисе, Кабы сталь-то Василей сподоблетисе,
215. Какъ сѣдлалъ онъ, уздалъ да коня доброго, Какъ сядилсѣ Василей да на добра коня, Какъ тугой-отъ-де лукъ да принаATEGиваль, Калену свою стрѣлку принаправливаль, Кабы самъ ко стрѣлы да приговариваль:
220. «Полети-ко ты стрѣлоцька калѣная, А повыше ты дерева шарового, А пониже ты облака ходячаго, Залети-ко ты стрѣлка во чисто полѣ, Залети-ко Скурлы ты да глазомъ правымъ,
225. Ужъ ты выйди-ко стрѣлка ухомъ лѣвымъ.» Какъ сядилсѣ Василей на добра коня, Погониль-де Василей во чисто полѣ, Кабы сива-то грива да растилаетсѣ, Кабы хвостъ-де трубой да завиваетсѣ,
230. Кабы изъ роту коня да пламя мечетсѣ, Изъ нозрей у коня да искры сыплотсѣ, Изъ ушей у коня да дымъ столбомъ валить. Пригониль-то Василей во чисто полѣ, Какъ прѣхаль онъ на заставу татарскую,
235. Выбираль онъ тотарина самолучшаго, Какъ получше, побольше, потолще всѣхъ, А схватилъ онъ тотарина за рѣзвы ноги, Кабы сталь онъ тотариномъ помахивать, На праву руку махнѣтъ дакъ чѣла улица,
240. На лѣву руку махнѣтъ—съ переулками: «Хоть ты тонокъ на жилахъ—не сорвешсе, Хошь и сухъ на косьи да не изломишсе». Онъ и всю тутъ силушку повыкрошилъ, Онъ и добрымъ конѣмъ да всѣхъ повытопталъ,
245. Какъ поѣхаль онъ ко князю ко Владимиру, Прѣбжжаты онъ ко князю ко Владимиру.

- Какъ заходитъ во гриню да во столовую,
Какъ садитъ его Солнышко за дубовой столъ,
Какъ поитъ-то его да зеленымъ виномъ,
250. Какъ поитъ-то его трои сутоцьки.
Собиралисе всѣ бояре толстобрюхіе,
Собиралисе ко князю ко Владимиру,
Какъ по полу Солнышко похаживать,
Тихосмирную рѣчь да выговаривать:
255. «Охъ ты ой еси удалой доброй молодець,
Молодой ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
А цего-же тибѣ да нынѣ надобно?
Ты бери-ко города да съ пригородками,
Ты бери-ко села да со деревнями.»
260. Говорить-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
— Мнѣ не надо города да съ пригородками,
Мнѣ не надо села да со деревнями,
Ты дозвожь-ко-ся мнѣ цего мнѣ надобно:
Я куды-де пойду, да куды побѣду,
265. Мнѣ-бы пити-де вино вездѣ безденежно». —
Говорять на то бояра толстобрюхіе:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано».
Говорить-то Василей таковы рѣци:
270. — Ужь ты, Солнышко, батюшка Владимиръ-князь!
А ищэ-ле я вамъ Васинька понадоблюсь?—
Говорять-то бояра во второй законъ:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано».
275. Говорить-то Василей таковы рѣци:
— А ищэ-ле я вамъ Васинька понадоблюсь?—
Говорять-то бояра во третьей законъ:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано».
280. Какъ скоциль-то Василей на рѣзвы ноги,
Онъ схватиль-то столесенки кедровыи,
Онъ убилъ всѣхъ бояръ да толстобрюхіихъ.

(6. СЕЛЕНІЯ ПО ПЕЧОРѢ).

V. СЕЛО УСТЫЦЫЛЬМА.

7. Петръ Родіоновичъ Поздѣевъ.

Это низкорослый, коренастый старикъ 65 лѣтъ. Онъ лысъ, лицо его обрамлено серебряной окладистой бородой, а глаза удивительно узкіе и какъ-то косо, по-инородчески, разставленные. Живетъ очень бѣдно, хотя кромѣ рыболовства и пашни въ ничтожныхъ размѣрахъ, какъ и всѣ устыцылемы, занимается еще чеботарствомъ. Но окостенѣлые, намерзшіеся за жизнь пальцы уже плохо его слушаютъ и Поздѣевъ можетъ брать только грубую работу: подбивать подметки и пр. Семья его состоитъ изъ жены, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ двѣ давно уже замужемъ и только третья, дѣвица, живетъ при немъ. Два сына, оба холостые, по бѣдности-же не живутъ дома: одинъ служитъ писаремъ въ одномъ изъ сельскихъ обществъ Пустозерской волости, другой работаетъ на шведской лѣсопилкѣ. Весь родъ Поздѣевыхъ старинщики: отецъ Петра былъ, говорятъ, прекраснымъ старинщикомъ, и я не отъ одного изъ пѣвшихъ мнѣ сказителей слышалъ, что это отъ Родіона Поздѣева научились они старинамъ. У Петра есть въ Устыцыльмѣ два брата и, кажется, оба старинщики. Сынъ Петра—Иванъ, сельскій писарь, списалъ мнѣ начало 10-ти старинъ и своихъ собственныхъ, и дяди Семена. Старины знаетъ, но не поетъ, а стихи и поетъ и жена Петра, Аксиныя, отъ которой я списалъ: Егорія и Александру, Алексѣя Человѣка-Божія, смерть Александра I-го и нѣсколько пѣсенъ и сказокъ. Младшая дочь Петра, грамотная Аграфена 22 лѣтъ—будущая начетчица и исправительница требъ: она и теперь ходитъ читать по покойникамъ псалтырь, учится пѣть панихидки и пр. Замужъ вѣроятно она не выйдетъ. Петръ Поздѣевъ спѣлъ мнѣ больше чѣмъ кто нибудь на Печорѣ старинъ; кромѣ напечатанныхъ здѣсь, онъ знаетъ еще: Князя Долгору-

кова, сорокъ каликъ, женитьбу Владимира, Потяка и др. Правда, старины онъ поеть плоховато, гораздо хуже, чѣмъ Ѳ. Чуркина, Вокуевъ, Марковъ и др. Всѣ старины поеть Поздѣевъ чуть-ли не однимъ „ясакомъ“, чего хорошій старинщикъ никогда не позволитъ себѣ да и несумѣеть. Все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, куда онъ отнесъ и старину про Долгорукова съ ключникомъ; во всѣ старины вносить однообразные факты, фразы и цѣлыя дѣйствія и, не помня подлинныхъ, слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Устьцыльмѣ рѣчи. Объ его исключительной памяти уже была рѣчь въ статьѣ. Петръ Поздѣевъ такъ привыкъ ко мнѣ въ два лѣта, такъ заинтересовался моею работою, что не только самъ очень охотно пѣлъ мнѣ все, что зналъ, но и очень любопытствовалъ, какъ это дѣлають другіе: иногда въ будни, а въ праздники всегда приходилъ онъ ко мнѣ послушать чужихъ старинъ.

19.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

- Во томъ во городѣ во Муромѣ,
Во томъ селѣ да Карачаговѣ,
Жилъ тутъ Иванъ сынъ Тимоѡеичъ.
У того Ивана Тимоѡеича,
5. Было у него единó чадо,
Единó чадо, да единѣнное;
Оно хворо было у него, нездоровое,
И жилъ онъ у него въ посторонной хрѡминѣ,—
Онъ тридцать лѣтъ тутъ безъ ногъ сидѣлъ,
10. И не видѣлъ свѣту бѣлого, вольного.
Во тридцатомъ году, да во послѣнни нни,
Среди-то было да ночки темныя,
Приходила ему сиротинушка убогая,
Просила милѡстыну его радї Христа.
15. Говоритъ-же ей удалой доброй молодець:

- «Ужъ ты ой еси сиротинушка убогая,
Не могу я стать, милостыни подать,
Не то—тебѣ подать, радъ самъ принять».
Эта сиротинушка убогая,
20. Вынимать ковригу дару божьяго,
Изъ кормана вымать скланной ножичекъ,
И стала эту ковригу порушивать,
Да и стала его мазать да ноги рѣзвые,
Разъ она помазала ноги рѣзвые,
25. Другой разъ помазала ноги рѣзвые.
Затимъ она помазала очи ясныя,
И сталъ тогда молодець да на рѣзвы ноги.
Ище его мазала да очи ясныя,
И увидѣлъ тогда молодець да вольной бѣлой свѣтъ;
30. И эта сиротина да тутъ потерялася.
Молодець тутъ слезно расплакался:
«Это чудо-ле, братцы, не диво-ле,
Что же надо мной это сдѣлалось,
Что надо мной состоялосе?
35. Уродъ-ле приходилъ, меня уродовалъ,
Але во снѣ мнѣ-ка это привидѣлось?
Приходилъ винно Микола мнѣ светитель».
Учулъ онъ въ сибѣ удачу молодецкую,
Учулъ силу богатырскую;
40. Сталъ онъ тутъ похаживать,
Приходилъ ко дверямъ ко широкимъ,
Двери были плотно замкнуты,
Навѣшаны были замки вѣсучіе;
Топнулъ дѣтинушка двери широкіе—
45. Разорвались замки вѣсучіе.
И вышелъ онъ вонъ на улицу
И пошелъ по своему широку двору,
Ко своему къ отцу-къ матушкѣ.
Отца-матушки дома не случилосе,
50. Ушли они чистить поле чистое,
Подъ ту подъ пашню хлѣборонную;
Онъ пошелъ имъ помогать поле чистити.
Съ отцемъ, матушкой дѣтинушка поздоровался,
На него тогда они взрадовалися.
55. И сталъ имъ помогать поле чистити,

- И сталь дубья рвать со коренѣмъ,
Говорить его тогда мать родимая,
Говорить хозяину Ивану Тимоѣичу:
«Винно дитѣ будетъ намъ не кормилицо,
60. Станетъ ѣздить винно по полю по чистому». Немного помогаль имъ молодець поле чистити,
Какъ сталь у нихъ просить благословеньица,
Да съѣздить, сходить да въ стольной Кіевъ градъ:
«Посмотрѣтъ мнѣ князя Владимира,
65. Посмотрѣтъ всѣхъ русскихъ богатырей». И просить ихъ, падать во рѣзвы ноги;
Не давають они ему благословленьица;
И падать имъ дѣтинушка во второй наконъ,
Съ буйной главы до сырой земли;
70. Не давають они благословеньица;
Падать имъ дѣтинушка во третей наконъ:
«Дадитѣ пойду и не дадите пойду». Тогда дали ему родители благословленьице
Съ буйной главы, до сырой земли,
75. И стали они тогда ему наказывать:
«Когда ты было у насъ хворо-нездоровое,
Много объ тебѣ мы обвѣщалися:
Когда будешь ты у насъ живой-здоровой,
Когда будешь ѣздить по полю по чистому,
80. Не проливай ты напрасно крови человѣческой. Стоять тогда за вѣру за крешшоную,
За ти монастыри за причестныи,
За ти за церкви да за Божіи,
За ти младенцы троедѣнныи». 85. И все это они ему наказывали,
И все это ему наговаривали.
Тогда же его отецъ батюшко,
Тотъ Иванъ сынъ Тимоѣевичъ,
Повель тогда его на конюшенъ дворъ,
90. Отдавать ему коня добраго.
Привель онъ дѣтинушку на конюшенъ дворъ,
Отворилъ двери тамъ широкіи,
Стоить тамъ да право доброй конь;
Конь стоитъ наубѣль-бѣлой,
95. Хвостъ-грива научѣрнъ-черна,

- Научерь-черна, какъ у чѣрна ворона;
Конь стоялъ на семи цѣпяхъ,
На семи цѣпяхъ, на семи развезяхъ.
Накладывалъ на него дѣтинушка узду чекмянную,
100. Разорвалъ онъ всѣ цѣпи желѣзные,
Выводилъ коня вонъ на улицу,
Накинулъ на него руку правую,
Конь засѣлъ въ землю по щѣточекъ.
Не сѣдлалъ онъ коня добраго,
105. А заскочилъ прямо на добра коня,
Побѣжалъ его нончи доброй конь.
Доѣзжать дѣтинушка до рѣки до Медвѣжины,
Напоилъ водой чистою коня добраго
И пріѣхалъ назадъ къ своему широку двору.
110. И сталъ онъ тогда заводить всѣ приправы себѣ
молодецкіе,
Сбруню себѣ богатырскую.
Пошелъ онъ сперва къ кузнецу, ко мастеру,
Сковалъ сперва палицу буюую,
По вѣсу тянетъ палица девяносто пудъ.
115. Потомъ сковалъ себѣ саблю булатную,
По вѣсу тянетъ сабля двадцать пять пудовъ.
Сковалъ копейцо буржумецкое,
По вѣсу тянетъ копейцо десять пудовъ.
И завелъ себѣ лучишко подорожноѣ,
120. Тридцать три стрѣлочки каленыи,
Каленыя, стрѣлочки, перѣныи,
Перѣныя; перышка были орлинскіе,
Не простого орла, Сикамскаго.
Сталъ тогда молодець снаряжаться,
125. Сталъ онъ тогда сподоблятися,
Сталъ уздать сѣдлать коня добраго;
И сталъ онъ сперва на коня класть плотны-плотнички,
На плотнички мякки войлочки,
А затимъ сѣдѣлышко черкальчато;
130. Подстѣгивалъ онъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Ище бралъ черезхребетницу
Черезъ степъ лошадинную,
Не простого шолку—земли греческой,
И сталъ класть всю приправу молодецкую.
135. На сѣдѣлышко черкальчето;

- И сталъ тогда залогъ закладывать:
«Не слѣзовать чтобы мнѣ со добра коня».
И другой залогъ сталъ закладывать:
«Не кровавить чтобы сабля вострая».
140. Третьей залогъ сталъ закладывать:
«Не вымать изъ налучья тугой лучекъ».
Не видѣли тогда поѣздки молодецкой,
Побѣжки лошадиной,
Только и видѣли какъ молодецъ на коня вскочилъ,
145. Да въ стремена ступилъ.
Винно въ поли курива стоитъ,
Курива стоитъ, да дымъ столбомъ валить.
Прѣжжатъ молодецъ къ ростанямъ широкимъ,
На ростаняхъ-то лежитъ да сѣрь-горючъ камень,
150. На камешкѣ подписи есть подписаны
И подрѣзи есть подрѣзаны:
«Есть тутъ три дорожечки широкіи въ столярной
Кіевъ-градъ,—
Енно́й дорогой ѣхать три мѣсеча,
Другой дорогой ѣхать два мѣсеча,
155. Есть третья дорога прямоѣзжая,
Ѣхать той дорогой полмѣсеча;
Енно́й дорогой ѣхать—женату быть,
Другой дорогой ѣхать—богату быть,
Третьей дорогой ѣхать—живому не быть».
160. Стоитъ молодецъ да призадумался:
«На что же мнѣ женату быть?
На старость женату—чужа корысть;
На что мнѣ на старость богатство?
Есть у меня богатство;
165. Поѣду я лучше по дорогѣ прямоѣзжкой, гдѣ живу́ не
быть,—
На полѣ старому смерть не писана».
Поѣхалъ молодецъ по той дорогѣ прямоѣзжкой,
Есть на ней три заставы великія:
Первая на ней застава великая—
170. Есть на ней болота дыбучіе, грязн черныя.
Росла дорожка та прямоѣзжая ровно тридцать лѣтъ,
Никто по ней не проѣзживалъ,
Ясный соколъ не пролетывалъ.

- Тогда сталь доброй молодець первой залогъ разру-
шивать,—
175. Слезаваецъ со добра коня,
Лѣвой-то рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ, мосты мостить,
Мосты мостить все калиновы,
Перекладыны кладеть дубовые.
180. Промостиль тогда грязи черныя, болота дыбучіе,
И проѣхаль доброй молодець заставку великую.
Заскочилъ тогда на добра коня
И поѣхаль въ стольной Кіевъ-градъ.
И здраво ѣдетъ поле чистое,
185. Здраво ѣдетъ лѣсы темныя,
И доѣзжаетъ до заставы великія.
Живуть тутъ мужички да Новотокмяны,
Не пропускаютъ они ни коннаго ни пѣшаго,
Не удала добра молодца,
190. Всѣхъ они бьютъ и грабятъ.
Увидѣли они удала добра молодца
И ладятъ его бить и грабити;
За его стали хвататисе;
За его стали иматисе;
195. Онъ сидить на добромъ конѣ не трехнется
И говоритъ имъ таково слово:
«За что вы меня хотите бить и грабить?
Бить вамъ меня не за что,
Взять у меня нечего;
200. Только есть у меня право доброй конь,
Конь стоитъ у меня восемьсотъ рублей;
Еще есть у меня шуба кунья,
Она стоитъ у меня семьсотъ рублей;
Ище есть у меня чуденъ-крестъ серебряной,
205. Крестъ-отъ стоитъ у меня пятьсотъ рублей».
Тутъ робята стали за него пуще хвататися,
Пуще стали иматися,
По пяти, по десяти и по двадцати пяти со стороны
хватаются.
- Сталь тогда молодець разрушивать другой залогъ:
210. Вымалъ изъ за нѣлучья тугой лучекъ,
Изъ кармана вымалъ тетивку шелковую,

- Изъ кольчужины вымалъ калену стрѣлу,
Принатегивалъ тогда право тугый лукъ,
Принаправливалъ калену стрѣлу,
215. Хочеть стрѣлнить въ землю матушку,
Самъ онъ стрѣлкѣ приговаривать:
«Лети моя калена стрѣла въ землю матушку,
Рой землю матушку до пояса,
Оборви у робятушокъ ноги резвые».
220. Полетѣла его калена стрѣла въ землю матушку,
Рыла землю матушку до пояса;
Тогда всѣ мужички устрашились,
Какъ овсяны мѣшки повалилися.
Поѣхалъ тогда молодець въ стольной Кіевъ-градъ.
225. Здраво онъ ѣдетъ поле чистое, лѣсы темные,
Подѣзжаетъ къ заставѣ великоей,
Эта застава великая—заселился тутъ Соловей Рахма-
товичъ.
- У той дороженьки широкоюй,
Свито-вито у него гнѣздо на семи дубахъ
230. И на семи пагубкахъ;
Сидѣлъ Соловей Рахматовичъ ровно тридцать лѣтъ,
Не пропускалъ не конного, не пѣшого, ни удала добра-
молодца,
Не пролетныи ясны сокола,
Убивалъ своимъ свистомъ за двѣнадцать верстъ.
235. Приѣзжаетъ удалой доброй молодець,
Услыхалъ его Соловей Рахматовичъ,
Засвистѣлъ Соловей по соловьиному,
У Старого конь учуль—палъ на окарачъ;
Бьетъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,
240. Самъ коню приговаривать:
«Охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ,
Не слыхалъ винно ты въ полѣ волчьяго воя, воронаго
гряня,
- Што падашь на окарачъ».
- Сталъ тутъ молодець принатягивать тугой лукъ,
245. Принаправливалъ калену стрѣлу,
Самъ ко стрѣлкѣ приговаривалъ:
«Ты лети-же моя калена стрѣла,
Повыше лети лѣсу темнаго,

- Пониже облака ходячаго,
250. Не падай не на воду не на землю,
Пади Сбловью во правой глазъ».
Повалился Соловей со вита гнѣзда,
Тутъ молодець коня подганиваль,
Сбловья на землю не ураниваль,
255. На подлетикѣ его и подхватываль,
Бралъ себѣ въ сѣдлышко черкальчето
И поѣхаль въ стольной Кіевъ-градъ.
У стараго конь сталъ подпинатися
И сталъ конь подпиратися.
260. Биль онъ коня по крутымъ ребрамъ,
Биль и приговариваль:
«Охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ,
Винно чуешь каку-ле невзгодушку
Надъ собой-ле, надъ хозеиномъ?»
265. И сказаль ему конь языкомъ руськимъ человѣческимъ:
— Не какую я не чую невзгодушку
Не надъ собой, не надъ хозеиномъ,
Не могу нести васъ—два богатыря.—
Тогда вставаеъ удалой доброй молодець,
270. Сымаеъ Сбловья съ сѣдельца черкальчета,
Приковываль его ко стремени лошадиной,
И поѣхаль впередъ въ стольной Кіевъ-градъ.
Ѣдетъ къ Сбловью къ широку двору,
У Сбловья было три дочери,
275. Поленицы приудалыя.
Увидали сначала Сбловья его дочери:
«Ужъ ты ой еси матушка родимая!
Ѣдетъ у насъ отецъ, мужика везетъ,
Мужикъ у стремени поскакивать».
280. Тогда бросилась жена ко окошечку косящату,
Посмотрѣла изъ трубки подзорныя:
— Охъ вы глупы дочери, неразумны!
Мужикъ-отъ ѣдетъ, отца ведетъ.—
На то были дочери догадливы,
285. Побѣжали скоро вонъ на улицу,
Заскочили на ворота на широкіе,
Затенули подворотничку тяжелую,
Хочутъ спустить ее на удала добра молодца.

- Увидалъ ихъ Соловей Рахматовичъ:
290. «Ужъ вы ой еси дочери родимые!
Не сердите вы удала добра молодца,
Просите меня на выкупку,
Давайте ему золотой казны». Соскочили дочери родимые,
295. Добра молодцу низко кланяются,
Даваютъ ему золотой казны.
Говорить удалой доброй молодець:
«Не надо мнѣ ваша золота казна,
Отмыкайте лучше всѣ погреба глубокіе,
300. Отмыкайте подвалы широкіе,
Не сидятъ-ле у васъ удалы добры молодцы». На то онѣ ему отвѣтъ держать.
Не вѣрять старой, домогается,
Говорятъ ему тогда дочери:
305. — Не можемъ отомкнуть, ключи потеряны.—
На то молодець осержается,
Приходить къ подваламъ широкимъ, дверямъ желѣз-
нымъ, замкамъ вѣсучимъ,
Стопталъ всѣ двери желѣзныя, замки вѣсучіе,
Сидятъ тамъ удалы добры молодцы;
310. Выпускалъ ихъ на вольной бѣлой свѣтъ,
А затимъ схватилъ саблю вострую
И срубилъ у дочерей буйны головы.
Сѣлъ тогда молодець на добра коня
И ѣдетъ впередъ въ стольной Кіевъ-градъ,
315. Оставляетъ добро Соловьиное,
Всѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ:
«Живите вы, удалы добры молодцы,
И всѣмъ Соловьинымъ добромъ пользуйтесь». Ёдетъ здраво поле чистое,
320. Ёдетъ здраво лѣсы темныя,
Пріѣзжаетъ тогда въ стольной Кіевъ-градъ,
Пріѣзжаетъ къ воротамъ городовымъ,
У дверей не спрашивать приворотниковъ,
У воротъ приворотниковъ,
325. Ёдетъ прямо черезъ стѣну городовую,
Черезъ ту башню наугольную,
Подѣзжать ко гриднѣ княженевскою.

О ту пору у князя у Владимера,
Завелся почесенъ пиръ.

330. Стѣзавать молодець со добра коня,
Вязётъ коня къ дубову столбу, золоту кольчу,
Заходитъ во гриню княженевскую,
Княженевскую гриню, во столовую;
Богу въ уголь добрый молодець молится
335. И кланяется во вси стороны,
Князю и княгинѣ на особицу.
Сидятъ на пиру у князя бояры толстобрюхіе и русь-
кіе богатыри,
Промежду собой разговариваютъ:
«Надо ѣхать дорога чистити;
340. Заросла дорога прямоѣзжая,
Заселился на ней Соловей Рахматовичъ,
Тридцать лѣтъ не пропускать ни коннаго ни пѣшаго,
Ни проѣзжа удала добра молодца». Сидитъ удалой доброй молодець, рѣчи выслушивать
345. И говоритъ имъ таково слово:
— Что вы сидите, толкуете,
Привезенъ у меня Сбловей Рахматовичъ,
Прикованъ у стремени лошадиной.—
Не вѣрятъ ему гости князевы.
350. Говоритъ имъ удалой доброй молодець:
«Посылайте смотрѣть слугу вѣрную». Посылалъ князь слугу вѣрную вонъ на улицу;
Побѣжала скоро слуга вѣрная,
Посмотрѣла коня добраго,
355. А у коня лежитъ собачище.
Пришла и сказала слуга вѣрная:
«Лежитъ у коня добра-молодца кака-ле собачища». Посылалъ князь слугу вѣрную
Звать собачищу въ гриню княженевскую.
360. Зоветъ тогда слуга вѣрная:
«Ой еси Сбловей Рахматовичъ,
Пожалуйте во гриню княженевскую». Соловей на то ей отвѣтъ держалъ:
— Не ваше я пью и кушаю, не васъ и слушаю,
365. Стараго я ѣмъ, пью, кушаю, его и слушаю.—
Посылать тогда князь удала добра молодца;

Зоветь доброй молодець Сбловья Рахматовича во
гриню княженевскую,

Говорять ему гости княжески:

«Заставь посвистѣть Соловья Рахматовича,

370. Мы послушаемъ его, потѣшимся».

Спросиль ихъ удалой доброй молодець:

— Какъ вамъ засвистѣть—во весь свистъ, але въ
полусвиста?—

Отвѣчали ему: «Пусть свиститъ во весь свистъ».

Говорить удалой доброй молодець:

375. — Свисни имъ, Соловей Рахматовичъ, однако въ полу-
свиста.—

Свиснулъ Соловей полусвистомъ:

Задрожала гриня княженевская,

Столы расшаталися, яства проливалися,

Бояре всѣ удристалися,

380. Князя и княгиню старой во рукахъ держать.

Вывель тогда Сбловья Рахматовича на широкой дворъ.

Стали тогда садить добра молодца за широкой столъ,

Низко кланяться, стали спрашивать:

«Откуль ты, какой, молодешинѣкъ, зеленѣшинѣкъ?»

385. Коего-ле ты отца, да коей матери?

Кабы какъ те молодца именемъ зовутъ?»

Онъ-де сталь тутъ имъ да все рассказывать:

— А того я села да Карачагова,

Изъ того изъ города изъ Мурома,

390. Какъ имени Ивана сына Тимоенча.—

Ужь какъ тутъ сидятъ всѣ на честномъ пиру:

«Ужь мы какъ его удала добра-молодца назовемъ
нонь по имени?»

Кабы быть-же Илья, больше Муромецъ».

Эта старина записана съ пересказа, а не съ голоса, только
самый конецъ, отъ словъ: «откуль ты, какой» и пр., былъ
спѣтъ.

20.

Илья Муромецъ, голи кабацкіе и Угарище.

- Кабы шла калика перехожая,
Отъ того отъ города отъ Кіѣва,
Ай на стрѣцю-ту калики доброй молодець,
О, сошолса онъ съ каликой, поздоровались,
5. Говоритъ на то удалой доброй молодець:
«Ты ужъ ой еси калика перехожая!
Ты ёткуль-ле нонь идёшь, да куды путь дёржишь?»
Ужъ на то ему калика нонь отвѣтъ доржитъ:
— Я иду ноньце изъ города изъ Кіѣва,
10. Я пошла ноньце собирать ищѣ милостыню. —
Говоритъ на то удалой доброй молодець:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
У васъ 'сѣ-ле нонь во городи по старому?
И во Кіѣви у васъ всѣ-ле нонь по прежному?»
15. Говоритъ на то ему калика, отвѣтъ доржитъ:
— И во городи у насъ да не по старому,
И во Кіѣви у насъ да не по прежному:
Заселилось вѣдь ко Князю ко Владимиру,
Кабы то ищѣ Идолищо поганоѣ,
20. Какъ не малоѣ-то Идолищо поганоѣ—
Вышину-де какъ Идолищо-то трѣхъ сажень,
Онъ-де трѣхъ сажень, да онъ печатныхъ;
Ширину-де Идолищо коса сажень,
И коса-гдѣ (такъ!) сажень да и печатная;
25. Голова то у ёго сильѣй пивной котѣль,
Кабы ушища у его какъ царски блюдища,
Кабы глазища у его какъ сильни чашища,
Кабы ручища у его какъ будто граблища,
Ужъ-бы ножища у его сильни кичинища.
30. Заселилса онъ ко князю ко Владимиру,
Какъ во ту его во гриню княженевскую,
Межъ князёмъ онъ сидитъ, да межъ внягиною,
У княгини-то держитъ да руки въ пазухи,
Онъ пониже опускать руки—околь черева;
35. Кабы князь-отъ тутъ сидитъ нецѣ говоритъ не смѣтъ.—
Ка' сказала ему калика перехожая,

- Ужъ тому-де ка' удаду добру молодцу,
Говоритъ на то удадой доброй молодець:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
40. Ты ёмменимсе со мной ты платьёмъ чвѣтнымъ.»
Говоритъ на то калика перехожая:
— Ужъ ты ой еси удадой доброй молодець!
У тебя-де нонь да платъичо хорошое,
У меня-то-де платъичо калическо,
45. Всѣ изношено у меня платьѣ, все изорвано.—
Ужъ на то де молодець не соглашается,
Говорилъ ёнъ калики во второй наконъ:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
А ёммѣнимся со мной ты платьёмъ чвѣтнымъ».
50. Ужъ на то ёпеть калика вновь отвѣтъ доржить:
— Ужъ ты ой еси удадой доброй молодець!
Ужъ на цѣ ты-ле нонь да обзадорилса?
У мня платьѣ на сибѣ да всѣ изношено.—
Говоритъ тутъ молодець да во третей наконъ:
55. «Ужъ ты ой еси калика перехожая!
Ужъ оммѣнимсе съ тобой мы платьёмъ чвѣтнымъ».
Ужъ на то ноньце калика соглашаласе,
Скиныватъ она ' себя платьѣ калическо,
Молодечъ-отъ скидыва платьѣ хорошее,
60. Онъ ростѣгивать у ся всѣ ноньце пѣнзыри,
Скиныватъ онъ ' себя платьѣ хорошое,
Отдавать свое платъицо калики-же,
Онъ берѣтъ ю калики платьѣ калическо,
Надѣвалъ на себя платьѣ калическо,
65. А калика надѣлъ платьѣ молодецкоѣ.
Они тутъ ноньце съ каликой распростилисе,
И калика оттуль ноньце впередъ пошла,
Молодечъ-отъ-де пошолъ да ' стольнѣй Кіевъ-градъ,
А идѣтъ молодець да ' стольнѣй Кіевъ-градъ,
70. Онъ заходитъ тогда да въ стольнѣй Кіевъ-градъ,
Онъ проходитъ ко цареву большу кабаку,
Ко тому-де кружалу восудареву,
Онъ становилса подъ окошечко кабачкоѣ,
Гдѣ живутъ-же чумаки да чѣловальники;
75. Становилса подъ окошечко касявчато,
Онъ крычалъ-де своимъ да зычнымъ голосомъ:

- «Ужъ вы ой есь чумаки-люди, чѣловальники!
Вы ужъ мѣрите вина мнѣ на петъсотъ рублей,
Я какъ шоль со той дорожки, я со дальнѣей,
80. Со того устатку со великого,
Кабы выпить я-де хою зелена вина,
Ужъ какъ вѣрите мнѣ вина вы на петъсотъ рублей,
Обзадорюсь молодець—куплю на тысячу».
Ужъ глядеть тутъ чумаки да чѣловальники,
85. Какъ сквозь то-де окошечко косявчето,
Дакъ сквозь ту-де околенку хрустальнойю,
Говорять де чумаки ему, отвѣтъ держать:
— Ужъ ты ой еси калика переходяя!
На тибѣ-то винно платъицо калическо,
90. Всѣ изношено у тя платъѣ, всѣ изорвано,
Мы не вѣримъ тѣ вина и на петъ денежокъ.—
И оттуль калика ноньде проць пошоль,
Онъ зашоль калика на большой кабакъ,
Тутъ сидять 'сѣ-ле, пьютъ голи кабацкiя,
95. Онъ зашоль-де, съ имá да поздоровалса:
«Ужъ вы здраствуйте вы голи 'сѣ кабацкiя!»
Говорять на то-де голи-то кабацкiя:
— Ужъ ты здраствуй удалой доброй-молодецъ.—
Говорить на то удалой доброй молодець:
100. «Юшъ вы ой еси вы голи всѣ кабацкiя!
Вы не можете-ли какъ-ле ноньде сложитьсе,
Э, не можете-ли сложитьсе по гривенкѣ,
Опохмелить меня удала-добра-молодца,
Да съ того мнѣ-ка съ устатку со великого,
105. Э, со той со дорожоцьки со дальнѣей».
И на то были-де голи 'сѣ догадливы,
Они сложились какъ 'сѣ-ле тутъ по гривенки,
Они ввели кабы тутъ нонъ зелена вина,
И не много не мало—полтара ведра,
110. Подавають тутъ удалу-добру-молодцу,
Онъ берѣтъ ету цару единой рукой,
Онъ де пѣтъ ноньце цару къ едину духу,
Онъ за цярою самъ рѣць выговаривать:
«Окатило у молодца нонъ ретивó серцо,
115. Не звеселило у молодца буйну голову».
Онъ растегиваль ю ся нонъ всѣ и панцыри,

- Скинывать онъ съ себя да ноньце чуденъ кресъ,
Ожь-бы чуденъ-отъ кресъ да былъ серебряной,
По вѣсѹ тенѣтъ кресъ его полтара пуда;
120. Отдавать-де тутъ голямъ да 'сѣ кабацкіимъ,
Онъ де самъ говорить тутъ таково слово:
«Ужь вы ой еси вы голи 'сѣ кабацкія!
Вы тащыте мой-ле нонь да право чуденъ кресъ,
Ы тащыте кресъ во лавоцьку торговую,
125. Вы заложте мой кресъ да во петъсотъ рублей».
Ы на то были-де голи 'сѣ проворныя,
Потащили они-де скоро нонь серебрянъ кресъ,
И заложили нонь кресъ его въ петъсотъ рублей,
Притащили ему денежокъ петъсотъ рублей,
130. Отдавають-де удаду добру молодцу.
Онъ какъ взялъ тутъ денежки петъсотъ рублей,
Онъ какъ сталъ тутъ пить да зелена вина,
Онъ бы сколько самъ пьетъ, вдвое голей поить;
Онъ тутъ пилъ молодець время трои сутоки,
135. Одолила тутъ его тягось тяжолая,
Забрала его хмелинушка великая,
Заходилъ ёнъ тутъ на пецьку на муравленку,
Онъ какъ заспалъ, захрапѣлъ тутъ доброй молодець;
Онъ тутъ спить и тутъ храпить, будто порогъ шумить.
140. Какъ на то-ле чумаки-воры чѣловальники,
Они стали молодца ноньце побуживать,
Кабы стали молодца нонь потресати нонь,
Ужь бы сами говорятъ ему таково слово:
«Тебѣ полно-же нонь спать, пара ставать,
145. А пара-де ставать, пара оправитсѣ».
Его разъ они будили и другой будять,
И третей-отъ разъ и шипко потресаютъ его;
Кабы тутъ молодець да пробужаитсе,
Онъ соскакивалъ со печки со муравленки,
150. Онъ схватилъ тутъ чумака да за черны кудри,
Онъ здымалъ его повыше буйной головы,
Опускалъ чумака и о кирпичатъ полъ,
Кабы тутъ чумаку и смерть случиласе.
Онъ и самъ говорилъ и таково слово:
155. «Богатырское сердце зло заплывчиво,
И заплывчиво сердѣ, и неуймчиво,

- Какъ бѣду-ту я dospѣлъ дакъ набѣ друга dospѣтъ».
Онъ выскакивалъ-бы скоро вонъ на улицу,
Пробѣгалъ-де ' подвалу-ту кабацькому,
160. Какъ ко тпмъ-де ко дверямъ да ко широкимъ,
Кабы двери ти да ноньце плотно заперты,
Они заперты-де плотно, нынъце замкнуты,
И навѣшаны замки де 'сѣ вѣсучія;
Онъ рoстворилъ 'сѣ тутъ двери 'сѣ подвальнія,
165. Пробѣгалъ-де ко подвалу-ту кабацькому,
Тамъ лежатъ 'сѣ какъ боцьки сороковоцьки,
Ужъ лежатъ ищѣ боцьки ' зеленымъ виномъ.
Онъ какъ бралъ енну боцьку подъ праву руку,
Онъ другу-ту-ле берѣтъ боцьку подъ лѣву руку,
170. И третью-ту-ле онъ боцецьку пинкомъ пинать;
Онъ вытаскивалъ на площадь на кабацькую,
Онъ растуливалъ тутъ боцьку сороковоцьку,
И ужъ самъ тутъ говорилъ да таково слово:
«Охъ вы ой еси вы голи 'сѣ кабацькія!
175. Вы несите свою мѣру—повареноцьку,
Ужъ вы пейте вина у васъ сколько мощь берѣтъ,
Мы не будѣмъ-же во городи виноваты-же».
Кабы пьютъ кабы голи всё кабацкія.
Кабы послѣ того, да послѣ этого,
180. Ужъ пошолъ тутъ цюмачѣкъ да цѣловальникъ-же,
Онъ пошолъ нонъ ко князю ко Владимиру,
Онъ пошолъ къ нему съ объявкой, жалобой ищѣ;
Онъ приходитъ нонъ ко князю ко Владимиру,
Онъ какъ князю-ту-бы началъ всё рассказывать,
185. Какъ-бы спѣрва, сначала, какъ нынъ дѣлосъ,
Говоритъ чумакъ ноньце таковы слова:
«Ужъ ты ей еси солнышко Владимиръ-князь!
У насъ што-же ноньце какъ ищѣ содѣлосъ,
Въ кабаки-то-ле нонъ да состоялосе:
190. Приходила намъ калика ко окошечку,
Ко тому-де окошечку кабацькому,
Какъ ревѣтъ у насъ калика подъ окошечкомъ,
И просила у насъ да зелена вина,
И просила вина да на петъсотъ рублей,
195. Говорила калика ищѣ таково слово:
«Ѣздорюсь я когда—куплю на тысецю!»

- Мы ювидѣли што на ей платѣ калическо,
Мы сказали ей калики перехожоей:
«Што какъ не по цѣ тебѣ дакъ ноньце вѣрити,
200. На тибѣ-то винно платицо калическо,
Мы не вѣримъ тѣ вина и на петъ денежокъ».
Заходила тутъ калика на большой кабакъ,
Тутъ сидятъ ' кабаки голи кабацкія,
Ужъ зашла она съ голѣми поздоровалась,
205. Говорила имъ калика таковы слова:
«Ужъ вы ой еси вы голи 'сѣ кабацкія!
«Вы сложитесь-ко всѣ ноньце по гривенки,
«Вы возьмите-ко-бы нонь да зелена вина,
«Опохмельте меня удала молодца,
210. «И со той меня со дальноей дорожечки,
«Со того миня съ устатку со великого».
Ужъ на то были де голи 'сѣ догадливы,
Они сложились какъ 'сѣ скоро по гривенки,
Они взяли тутъ ему да зелена вина,
215. Ужъ не мало не много полтара ведра,
Подаютъ тутъ удалому добру молодцу,
Онъ берѣтъ эту цяру единой рукой,
Онъ-бы пьѣтъ эту цяру къ едину духу,
Ищо самъ тутъ говоритъ да таково слово:
220. «Окатило у мня молодца да ретиво серцо,
«Не звеселило у мня молодца буйну голову».
Скинывалъ онъ съ себя да ноньце чуденъ кресъ,
Отдавалъ де тутъ голямъ 'сѣ кабацкіимъ:
«Вы заложте мой кресъ да во петъсотъ рублей».
225. Заложили голи кресъ нонь во петъсотъ рублей,
Какъ-де сталь пить молодець да зелено вино,
Онъ-бы сколько самъ пьѣтъ, вдвое голей поитъ;
Онъ тутъ пилъ молодець да трои суточки,
Забрала его хмелинушка великая,
230. Заходилъ онъ тутъ на печку на муравленку,
Онъ какъ заспалъ, захрапѣлъ тутъ доброй молодець.
Ужъ мы стали, чумаки, его побуживать,
Кабы стали молодца нонь потресати-же,
Пробудилсе тутъ удалой доброй молодець;
235. Онъ соскакнвалъ со печки со муравленки,
Онъ схватилъ тутъ чумака да за черны кудри,

- Онъ здымаль его выше буйной головы,
Опускаль чумака о кирпичеть поль,
Кабы тутъ чумаку да смерть случиласе,
240. Онъ зревѣль молодець да таково слово:
«Какъ бѣду-ту я доспѣль дакъ набѣ друга доспѣть!»
Онъ выскакиваль-бы скоро вонъ на улицу,
Подбѣгалъ ко подвалу ко кабачкому,
Онъ топнулъ какъ тутъ двери сѣ подвальнойя,
245. Розломилъ, розорвалъ замки вѣсучія,
Ростворилъ 'сѣ тутъ двери 'сѣ подвальнойя,
Пробѣгалъ-де ко подвалу ко кабацкому,
Тамъ лежать 'сѣ какъ боцьки сороковоцьки,
Онъ какъ бралъ енну боцьку по праву руку,
250. Онъ другу-ту-ле бралъ подѣ лѣву руку,
А третью-ту онъ-де боцецьку пинкомъ пиналъ,
Онъ вытаскивалъ на площадь на кабацкую,
И ужъ самъ тутъ говорилъ да таково слово:
«Ужъ вы ой еси вы голи всё кабацкія,
255. «Ужъ вы пейте вино да сколько моць берѣтъ,
Мы не будѣмъ-де во городи виноватые».
Кабы князь-отъ говорить тутъ таково слово:
— Ужъ я што-же ноньце могу ищѣ дѣлати?
У миня у самого да на дому бѣда.—
260. Ужъ не много тутъ-де время миновалосе,
Какъ приходитъ тутъ удалой доброй молодець,
Ко тому ищѣ ко князю ко Владимиру,
Онъ заходитъ нонъ во гриню княженевскую,
Онъ какъ Богу-ту-ле тутъ да нынѣ молитсе,
265. Онъ де кресъ-де кладѣтъ да по писанному,
И поклонъ-отъ онъ ведѣтъ да по ученому,
И молитву творить 'сѣ полну Исусову,
На вси стороны онъ нонъ де поклоняетсѣ,
И князю-ту съ княгиной на особину;
270. Какъ сидить тутъ Угарищю поганой,
А тому-де онъ Угарищу челомъ не бѣтъ,
Онъ челомъ ему не бѣтъ, да головы не гнѣтъ.
Какъ Угаринъ-отъ сидить на его зглядывать,
Кабы зглядывать сидить, на его зворачивать.
275. Молодець-отъ становилса подѣ окошечко,
И подѣ хѣрошо, подѣ красно, подѣ трубно окно;

- Принесли ноньце Угарищу попить-поисъ,
Принесли сперва коврижку дару божьяго,
Онъ на ножъ ей воткнулъ—совсемъ чѣлкою пѣхнулъ,
280. Шоки на щоку коврижку перемѣтывалъ,
Ужъ енной щокой-де короцьку вываливалъ.
Какъ сидить-ле тамъ удалой доброй молодець,
Какъ подъ хорошимъ, подъ краснымъ, подъ трубнымъ
окномъ,
Говорить-же молодець да таково слово:
285. «Ужъ ты помнишь-ле князь, да паметуешь-ле?
Кабы прежде ю васъ да ищэ дѣялось:
У попа-то у ѣтца было духовного,
Какъ была у попа корова, волочилосе,
Алавиной-де корова задавилосе,
290. Кабы этому Угарищу-же то будѣтъ».
А Угаринъ-отъ сидить, на его зглядывать,
Онъ-бы зглядывать на его сидить, зворачивать.
Принесли ищэ Югарищу поганому,
Принесли ему лебѣдоцьку не кушену
295. И не кушену лебѣдочку не рушену,
Онъ на ножъ ей воткнулъ, совсѣмъ чѣлкою пѣхнулъ,
Шоки на щоку лебѣдку переметывать,
Ужъ енной щокой косьё ищэ вываливать.
Тамъ сидить-де удалой доброй молодець,
300. Говорить опеть-де ѣнъ да токово слово:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты помнишь-ле, князь, да паметуешь-ле?
Какъ у васъ-то во городи прежде было-же:
Какъ худа-де собака волочилосе,
305. По сметьямъ собака-та шаталосе,
Какъ собака-та и косью задавилосе,
Кабы этому Угарину-же то будѣтъ».
И Угаринъ нонь сидить на его зглядывать,
Кабы зглядывать сидить, на его зворачивать;
310. Онъ и тутъ ноньце Угаринъ осержается,
Онъ схватилъ свой Югаринъ нонь булатенъ ножъ,
Онъ какъ бросилъ нонь въ удала-добра-молодца,
Онъ какъ бросилъ ножъ ему да въ груди бѣлыя;
Молодець-отъ былъ на то да былъ хватчивой:
315. Онъ схватилъ ноньце ножницѣкъ за черешокъ,

- Онъ до ся ноньце ножикъ не допускивалъ,
Говорилъ тутъ молодець да таково слово:
«Ужь ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ты велишь мнѣ-ле кровавить свою гриню-же?»
320. Говорить на то солнышко Владимиръ-князь:
— Я не знаю-ле какъ вамъ нонь присовѣтовать.—
Онъ сымаётъ, молодець, ' себя пуховъ колпакъ,
Онъ завёртывалъ колпакъ да на три югла-же,
Онъ какъ бросилъ колпакомъ ноньце въ Угарища,
325. И во ти-де его да груди чёрныя,
Повалилса тутъ Югаринъ вонъ на юлицу
И со всѣмъ-ле съ простѣнкомъ межоконнымъ;
А на то былъ молодець опеть ухватчивой,
Онъ на улицу-де скоро нонь выскакивалъ,
330. Кабы на полъ-де Югарища не уранивалъ,
На подлетикѣ его да нонь подхватывалъ,
На енну его ногу ступилъ, другу оторвалъ,
Кабы бросилъ его тулово во чысто полѣ,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканѣ,
335. Онъ сѣрымъ-то волкамъ да на востарзанѣ,
Тамъ какъ синѣму всему морю на утишанѣ,
Кабы всимъ намъ молодцамъ да на послуханѣ,
Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

21.

Рожденіе Добрыни, первые годы жизни, бой
съ Маринкой.

- А да жилъ-то-ле Микитушка Романовичъ;
Ище жилъ-то-ле Микита девеносто лѣтъ
И не съ кимъ-то, жилъ, Микитушка не спаривалъ,
Онъ съ Новыма-ле городами не говаривалъ,
5. А съ каменной-то жилъ Москвой не перечилса;
Онъ состарился, Микита-ле, приставилса.
А ёсталась у Микиты молода жона,
Молода его жона, нончи люба семья,
Ой осталася она у ёго беременна.
10. Ажь не много-ле прошло да поры-времени,

- И исполнилось-ле тутъ время сорокъ недѣль,
А сорокъ ноньце недѣль, деветъ мѣсецей,
Родила она себѣ да чада милого,
Родила она себѣ сына любимого.
15. Собира́ла она поповъ, отцовъ-духовныхъ,
Какъ крестить-де-ка своего чада милого,
Собрались тутъ попы, отцы духовныя,
Какъ крестить его у ей да цяда милого;
А ему-то ноньце имя нарѣкали-же,
20. Какъ еѣ ноньце молитву-ту давали-же,
Ай какъ дали ему-де имя ноньце Добрынюшко,
А Добрыня-де дали ноньце Микитицъ блатъ.
А ростѣтъ у ей Добрынюшка Микитицъ-же,
Кабы онъ ноньце ростѣтъ кабы-ле годъ поры,
25. А ище онъ нонь растѣтъ два года-же,
Кабы выросъ ей Добрынюшка шести годовъ;
А она стала его учить нонь въ хитру грамоту,—
Ище хто-ли-бо учитци годъ поры,
А Добрыня столь вычитца полгода-же;
30. А-ле хто-бы ноньци учитци два года-же,
А Добрыня столь вычитца въ годъ поры.
Научился 'тутъ Добрыня въ хитру грамоту,
Онъ востро ищѣ читатъ, не запинаятце,
Научилса онъ писать перомъ орлинскимъ,
35. Его варово-ле-де ходитъ рука правая.
Ай кабы тутъ его-ле да родна матушка
Отдавать его-ле князю да нонь Владимиру,
Отдавать его она да во служеньицо.
Ожъ какъ берѣтъ-де его князь да во служеньицо,
40. Онъ-де взялъ его Добрыню себѣ прислугою:
Онъ кабы три года у князя жилъ онъ въ конюхахъ,
Онъ-де три года-же жилъ онъ въ приворотникахъ,
Онъ-бы три года у князя жилъ во стольникахъ,
Онъ три года жилъ у князя въ писаряхъ.
45. Ожъ какъ прошло е'ту-де время нонь двѣнадцать лѣтъ,
Кабы сталъ просить Добрыня у князя у Владимира,
А просить у его сталъ благословеньицо:
«Ужъ ты ой еси ты князь да нонь Владимиръ-же!
Ужъ ты дай мнѣ-ка-ле нонь благословеньицо,
50. Я не хаживаль по городу по Кееву,

- Я по тѣмъ ноньце по юлочкамъ широкѣимъ,
И по тимъ-де по заюлочкамъ Маринкинымъ,
Не видалъ я ю Маринки нонь высокъ теремъ».
А какъ даль ноньце-ле князь благословеньицо,
55. А какъ даль-де-ка-ле тугой лукъ со стрѣлкою.
Онъ пошолъ ноньце по городу по Кееву,
Онъ по тимъ еще по юлочкамъ широкѣимъ,
И по тимъ по заюлкамъ по Маринкинымъ,
Онъ идѣтъ ноньце-ка стрѣлоцку пострѣливатьъ,
60. На подлѣтнкѣ ѣнъ стрѣлоцку подхватыватьъ,
Онъ какъ на полъ нонци стрѣлку не уранивалъ;
Онъ идѣтъ нонь по заюлкамъ по Маринкинымъ,
Онъ увидѣлъ ю Маринишки высокъ теремъ,
Ожъ на теремѣ у ей сидятъ на жолубахъ,
65. А на жолубахъ сидятъ два голуба;
И какъ тугой нончи лукъ онъ принатеивалъ,
Калену-де-ка стрѣлу онъ принаправливалъ,
Онъ какъ хочѣтъ ей стрѣлетъ-де этихъ голубовъ,
Его правая нога да прокатилосе,
70. Ищѣ лѣвая нога да подопнуласе,
У туга лука-де мѣтоцки побилисе,
Полетѣла гдѣ его нонь калена стрѣла,
Полетѣла она Маринки во высокъ теремъ,
А во то-де во окошечко косявчато,
75. Розломала-де околѣнку хрустальнюю,
Пролетѣла-де его нонь калена стрѣла,
А во ту-де-ка во горѣнку Маринкину,
Ожъ спорола она у ей завѣсу камчатую,
Кабы падала его нонь калѣна стрѣла,
80. Какъ къ тому ищѣ къ Маринкину милу другу,
Какъ къ тому ищѣ Змѣю, Змѣю Горыцькому,
Ищѣ пала она да во чѣрны груди,
Какъ порола его да груди чѣрныя,
Ищѣ тутъ-де-ка Змѣю да смерть случилосе.
85. Какъ выскакивала Маринка вонъ на юличу,
На своѣ ноньце она да на круто крыльцо,
Ужъ подходитъ тутъ Добрынюшка Микитичъ-бладъ,
Онъ какъ проситъ у Маринки да калену стрѣлу:
«Ужъ ты ой еси Маринка зла-люта-гроза!
90. Ты отдай-же ты мою да калену стрѣлу».

- Ужъ ты ой еси Добрынюшка Микитичъ-блатъ!
Ты застрѣлилъ моего нонци мила друга,
Ты возьми-де меня да за себя замужь,
Я отдамъ тогда тѣбѣ да калену стрѣлу.—
95. Говорить на то Добрынюшка Микитичъ-блатъ:
«Не возьму я тебя да за себя замужь,
Ты отдай-же ты мою да калену стрѣлу».
Говорить нонци Маринка-та люта гроза:
— Ты возьми меня Добрыня за себя замужь,
100. Я отдамъ тогда тебѣ да калену стрѣлу.—
Говорить на то Добрынюшка Микитичъ-блатъ:
«Я возьму когда тебя да за себя замужь,
Ужъ ты стерпишь-ле три поученьица тяжелые,
А которы-ле поученья мужъ жены давать?»
105. Ищѣ перво поученьицо тяжелое—
Ты съ тотариномъ жила нонь, обнималасе,—
По-локоть у тебя отсѣку руки бѣлыя;
А друго-то поученьицо тяжелое—
Ты съ тотариномъ жила да оплеталасе,—
110. По-колѣнъ у тя отсѣку да ноги рѣзвыя;
И третьѣ-то поученьицо тяжелое—
Ты съ тотариномъ жила да цѣловаласе,—
Какъ отрѣзать у тя нонь да губы бѣлыя;
Ты отдай лучше мою ты калену стрѣлу».
115. А ёттуль нонци Маринка да не ёслышалася,
А пошоль нонци Добрынюшка отъ терему.
Кабы эта нонь Маринка была волшебница,
А брала она съ собой книгу волшебную,
А брала она съ собой да складной ножичёкъ,
120. А спускалася она скоро да съ крута крыльця,
У Добрыни-то 'читала девети слѣдовъ
И какъ 'сякой слѣдъ ножомъ она перечертила,
Обернула она Добрыню туромъ поганимъ.
Какъ побѣжалъ-де этотъ туръ да во чисто полѣ,
125. Тамъ какъ было у Маринки-то деветъ туровъ,
Кабы этотъ прибѣжалъ ноньце десятой туръ.
Кабы была-то нончи бабушка задворенка,
Какъ были ноньце у бабушки двѣ дѣвушки,
Они были въ лѣсу брали сладки ягоды,
130. Тамъ увидали у Маринки нонь деветъ туровъ,

- Ище ходитъ у Маринки нонь десятой туръ,
Ужь десятой-отъ-ле туръ, да надъ турами туръ,
Околь дѣвушекъ тотъ туръ да нонь похаживать,
А какъ катятця у его тура горяци слѣзы.
135. А какъ эти ноньци маленьки двѣ дѣвушки,
Какъ пришли они бабушки задворенки;
Говорять-ле эти маленьки-ле дѣвушки,
Кабы сказываютъ-ле бабушки задворенки;
«Ищэ прежде у Маринки было деветъ туровъ»,
140. Кабы нонци у ей да сталъ десятой туръ,
Околь насъ-де, околь дѣвушокъ похаживать,
Только катятця у ёго да горяци слѣзы».
Какъ на то была нонь бабушка догадлива,
Надѣвала она шубейку на одно плечо,
145. Кабы брала она съ собой книжку волшебную,
Какъ брала она съ собой клюку подпорную,
Побѣжала она Маринки злой лютой грозы,
Прибѣгала она Маринки да 'высокъ теремъ,
Какъ клюкой у ее да печь нонь поколачиватьъ,
150. Какъ сама она Маринки выговаривать:
«Ужь ты ой еси Маринка зла-люта-гроза!
Ты зачѣмъ у меня овернула да млады-хресничка?
Овернула у мня туромъ его поганымъ,
Отверни у мня назадъ да млады-хресничка
155. И того у мня Добрынюшку Микитича,
Я-же, не отвернешъ ты моего ищэ хресничка—
Оверну я тя кобылой водовозной
И на весь городъ на тебѣ стануть воду возить».
Э-жъ какъ клюкой ей стала печь поколачиватьъ,
160. Какъ дрожить у ей теремъ да весь высокой-же,
А сама еще какъ тутъ ей приговаривать:
«Не отвернёшь ты моёго ноньце хресничка,
Оверну я тебя сухой волочажной,
За тобой стануть кыцьки нонь волочитисе».
165. А какъ тутъ ищэ Маринка зла-люта-гроза
Побоялася старушецьки задворенки,
Отвернула она назадъ ноньце Добрынюшку.
-

22.

Иванъ Гостиновичъ.

- Во стольнѣмъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира,
Было пированье-столованье,
На многихъ на князей, на бояровъ,
5. На многихъ кушцей, людей торговыхъ,
И на тихъ-же мѣщанъ да пригородныхъ,
И на тихъ-же хресьянъ да православныхъ,
И на тихъ-же на руськихъ богатырей.
Онъ какъ пирь-отъ снаредилъ князь, пировать стали
10. И столы-те розоставили, столовать стали;
Ищѣ всѣ тутъ на пиру всѣ напивалисе,
Ищѣ всѣ тутъ на чесномъ да наѣдалисе.
Какъ выходитъ-то солнышко Владимиръ-князь,
Онъ выходитъ-де тутъ да ко столу ищѣ,
15. Онъ подходитъ ко всѣмъ-ли людямъ добрымъ,
Говоритъ тутъ-ле солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ вы ой еси хресьяна православные!
Ужъ вы ой еси мѣщана пригородные!
Ажъ вы ой еси купцы люди торговья!»
20. Ажъ вы ой еси-де руськи всѣ богатыри!
У васъ есь-ле у кого да кони добрыя?
Кабы битце со мной нонь ѣ великъ закладъ,
А не во сти рублей, да не во тысящи,
Ѣ своей молодецькой буйной головѣ:
25. Кабы съѣздить отъ города отъ Кіева,
До того нынѣ до городи Чернигова,
Ищѣ съѣздить-бы нонь да кабы взадъ впередъ,
Межъ ённою межъ обѣннёй межъ заютреннёй;
Кабы мѣста-ле тутъ да нонь не много-же,
30. Ищѣ три девеноста ровно мѣрныхъ вѣрсть».
Кабы всѣ тутъ на пиру сидятъ приюмолкнули,
А какъ всѣ на чесномъ да приюдрогнули,
Кабы меньшей хорониться за среньяго,
Кабы среннёй хорониться за большого,
35. Какъ отъ большого князю нонь отвѣту нѣтъ.
Какъ изъ за того изъ за стола переньяго,

- Со хорошей со ловки съ дубовой доски,
И ставаётъ тутъ удалой доброй молодець,
По прозванью-ту Иванъ да сынъ Гостиновичъ;
40. Поблизешинько онъ ко князю придвигаитъсе,
Понижешинько онъ князю покланяйтъсе,
Ищэ самъ тутъ говоритъ онъ таково слово:
«Ищэ ой есь ты солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволъ мнѣ-ка нонь да слово вымолвить,
45. Не позволъ ты минѣ за слово головы сказнить,
Головы-ли сказнить, скоро повѣсити,
И не выслать-бы штобы миня въ ссылки дальнѣя,—
Я бы бьюсь нонь съ тобой да о великъ закладъ,
Я не во сти рублей бьюсь, не во тысеци,
50. О своей молодецькой буйной головы».
Кабы князь-отъ кладетъ да ноньце сто рублей,
Онъ-де сто рублей кладетъ отъ ся, со тысяцей;
Какъ ударились они тутъ о великъ закладъ,
О Иванѣ поручились руськи богатыри,
55. О князи-то поручилисе бояра всё.
Какъ ударилсѣ Иванъ тутъ о великъ закладъ,
Онъ пошолъ-де со князя со чесна пира,
Какъ идеть онъ къ своему широку двору,
Повѣся онъ доржить да буйну голову,
60. Потопя-де очи ясны въ мать-сыру-землю;
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ заходитъ къ своему коню доброму,
Онъ заходитъ ко коню да на конюшенъ дворъ,
Онъ де падаётъ коню-то во праву ногу,
65. Ищэ самъ тутъ говоритъ онъ таково слово:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я ударилсѣ вѣдь съ княземъ ё великъ закладъ,
Я не во сти рублей, да не во тысеци,
О своей я молодецькой буйной головы,—
70. Ищэ съѣздитъ отъ города отъ Кіева,
До того съѣздитъ до города Чернигова,
Межъ онною обѣнней, межъ заютренней,
Ищэ съѣздитъ-бы нонь да кабы задъ-вперѣдъ,
Ищэ мѣста-ле тутъ да нони множество,
75. А-бы три девеноста ровно мѣрныхъ вѣрсь».
Говоритъ тутъ его да право доброй конь,

- Ищэ руськѣимъ езыкомъ чоловѣчскимъ:
— Ожъ ты ой есь Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ты проси поди у князя время строцьного,
85. А ты строцьного времицька уроцьного,
А-бы на три-ни, на трои сутоцьки;
Кабы дасъ тибѣ князь да время строцьного,
Ищэ строцьного времицька, уроцьного,
Ищэ на три-де ни, на трои суточки,
90. Ты поставъ тогда на полсти меня на пуховыя,
Ты корми миня пшаной да бѣлюяровой,
Ты корми-де миня да ищэ дѣ сыта,
Ы бы пой миня, бурушка, ты дѣ-пьяна,
Проминай миня, бурушка, по трѣмъ зорямъ,
95. Э по трѣмъ-ле зорямъ да по вечернѣимъ.—
А пошолъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ просити сталъ у князя время строцьного,
Ищэ строцьного времицька уроцьного,
Кабы на три-де ни, на трои сутоцьки.
100. Какъ даватъ ему князь да время строцьного,
А шэ на три-де ни, на трои сутоцьки.
И пошолъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
105. Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
Онъ какъ ставитъ нонъ коня да своя доброго,
Онъ-де ставитъ на полсти на пуховыя,
Онъ насыпаль-ле пшаны да бѣлюяровой,
Онъ кормилъ нонѣце бурушка-ле до сыта,
Онъ поилъ-де-ка бурушка нонъ дѣ-пьяна,
110. Проминаль его бурушка по трѣмъ зорямъ,
Э по трѣмъ-де зорямъ, да по вечернѣимъ.
Ужъ приходитъ ему да время строцьное,
Ищэ строцьное времицько уроцьное,
Кабы сталъ тутъ Иванъ нонъ снаряжатисе,
115. Кабы сталъ-де Иванъ нонъ сподоблетисе,
Онъ уздалъ-де, сѣдлалъ да коня доброго,
Онъ накладывалъ на коня узду точмянную,
Онъ-де клалъ на коня да плотны-плотнички,
Ай на плотнички кладѣтъ мякки войлочки,
120. Э затѣмъ кладѣтъ сѣдѣлышко черкальское,
Онъ двѣнадцать подстѣгивалъ подпругъ полковыхъ,

- Онъ тринадцету берётъ черезхребётницу,
Черезъ сильную степь да лошадинную,
Онъ не ради-то басы, да ради крѣпости,
125. Не ёставиль штобы доброй конь въ чистомъ полѣ.
Онъ тогда снарядиль да коня доброго,
Онъ пошоль-де тогда ко Божьей церкви,
Онъ какъ самъ ноньце идётъ, съ собой коня ведётъ,
Онъ приходитъ тогда да ко Божьей церкви,
130. Онъ заходитъ тогда да во Божью черьковь,
Собралисе попы, отцы духовныя,
Какъ служить хотять заутреню воскресеньскую;
Э, тогда Иванъ пошоль скоро изъ божьей церкви,
Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
135. Ожъ какъ видѣли молодца какъ на коня скочиль,
На коня-де скочиль, какъ въ стремена ступиль,
Ужъ не видѣли побѣзки молодецкой,
Э тежолой е побѣжки лошадиной,
Только винно тамъ въ поли курева стоить,
140. Курева тамъ стоить да дымъ столбомъ валить,
Его скацётъ-ле конь, да право доброй конь,
Онъ-де съ горы-де-бы скацётъ ноньце на гору,
Онъ съ укатистой-де скацётъ на увалисту,
Онъ-де горы-де, удѣлы между ногъ берётъ,
145. По поднебесью летить, какъ ясенъ соколь;
Прѣбѣжжаетъ ко городу Чернигову,
Прѣбѣжжаетъ-де ёнъ да ко божьей черькви,
Онъ соскакиваль-де скоро со добра коня,
Какъ не вяжетъ коня, да не приказывать,
150. Онъ заскакиваль-де скоро во божью черьковь,
Какъ служатъ попы отцы духовныя,
Они служатъ-де заутреню воскресеньскую,
Онъ-де Богу-ту, Иванъ, да онъ не молитъсе,
Онъ проходитъ къ попамъ, отцамъ духовнымъ,
155. Говорить тутъ Иванъ да таково слово:
«Ужъ вы ой еси попы, отцы духовныя!
Вы пишите мнѣ ерлыкъ, да скору грамоту.»
И на то его попы скоро не ослышелись,
Написали ему ерлыкъ, да скору грамоту.
160. И оттуль-де Иванъ скоро поворотъ даётъ,
Онъ выходитъ-де скоро вонъ на юлицу,

- Онъ приходитъ-де скоро къ коню доброму,
Онъ какъ скачетъ-де скоро на добра коня,
Опеть скачѣтъ его да ноньце доброй конь,
165. Онъ-де съ горь-де ноньце скачѣтъ ноньце на гору,
Онъ съ укатистой-то скачѣтъ на увалисту,
Ыщѣ горы-удолы промежъ ногъ берѣтъ,
По поднебесью летитъ онъ какъ ясенъ соколъ,
Пріѣжжать-де ко городу ко Кіеву.
170. А ѣжжаетъ онъ тутъ да ко божьей черкви,
Онъ соскакивалъ тутъ скоро со добра коня,
Какъ оставилъ онъ коня да не привязана,
Ищѣ конь-отъ у его стоитъ шатайтесе,
Изъ ноздрей-де у коня да пламѣ огненно,
175. Изъ ушей у коня да дымъ столбомъ валитъ;
Онъ заходитъ тутъ-бы скоро во божью церковь,
Тутъ ставаютъ-де попы, отцы духовныя,
Какъ служатъ хотятъ обѣнню воскресеньскую,
Тутъ Иванъ простоялъ нонь у обѣдни-же,
180. У ѣбѣнни простоялъ у воскресеньской;
Отслужили тутъ попы, отцы духовныя,
А-бы тутъ они обѣнню воскресеньскую,
И пошли они тутъ всѣ да изъ божьей черкви,
И Иванъ-отъ пошолъ тутъ изъ божьей черкви.
185. Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
Онъ берѣтъ-де коня да за шолковъ поводъ,
Онъ идѣтъ-де къ своему широку двору,
Онъ заводитъ коня тутъ на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ его на полети на пуховыя,
190. Онъ насыпалъ ему пшены да бѣлояровой,
Онъ пошолъ тогда ко князю ко Владимиру,
И проситъ-де у князя деньги выѣзны,
Кабы выѣзны-то денѣжки, нонь выгонны.
Онъ пришолъ ноньце ко князю ко Владимиру,
195. Говоритъ-же тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты ой есь ты солнышко Владимиръ-князь,
Ты ужъ дай мнѣ-ка нонь да деньги выѣзны,
Ищѣ выѣзны мнѣ денѣжки, нонь выгонны,
Ты ужъ сто рублей мнѣ дай ноньце со тысецей».
200. Кабы князю-ту-ле тутъ нонь забѣду стало,
За великую досаду показалосе,

- Говорить на то-де солнышко Владимиръ князь:
— Ужь ты ой еси Иванъ да сынъ Гостинович!
Я накинѹ на тебя службу тяжолѹю:
205. Я какъ выпущу на твоего коня доброго,
Я какъ выпущу на его да триста жаребцей,
Ужь какъ пусь у тя бурушка нонь рѹстолочать,
Ище пусь у тя малого нонь рѹзволочать.—
Говорить ищѹ солнышко Владимиръ-князь:
210. — Ты какъ выпусти своего коня доброго,
Ищѹ выпусти его да во чисто полѹ.—
Э, пошолъ тутъ Иванъ нонь запечалилсе,
Запечалилса Иванъ, да закручинилса,
Повѣся-де доржить онъ буйну голову,
215. Потопя-де оци ясны въ мать сыру-землю,
Онъ приходитъ ко своему широку двору,
Онъ приходитъ ко своему коню доброму,
Онъ-де падаетъ коню да во праву ногу,
А жѹ самъ-же говоритъ тутъ таково слово:
220. «Ужь ты милинькой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни-жѹ винно съ тобой ноньци прощаетсе:
Выпускаетъ на тебя да князь Владимиръ-же,
Во чисто онъ полѹ да триста жаребьцей,
Ищѹ самъ тутъ говоритъ да таково слово:
225. «Ищѹ пусть у тебя бурушка тутъ рѹстолочать,
«Ищѹ пусть у тебя бурушка нонь розволочать».
Кабы бурой-отъ-ле конь да говорилъ ищѹ,
Онъ какъ руськимъ языкомъ челѹвѹческимъ:
— Ужь ты ой еси Иванъ да сынъ Гостинович!
230. Кабы эта мнѹ не служба ноньце—службишко,
Кабы служба-то-ле мнѹ всё впереди будѹтъ.—
Выпускатъ тогда Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ своего-ле нонь да коня доброго,
Побѹжалъ его нонь да право доброй конь,
235. Побѹжалъ онъ, бѹжить конь во чисто полѹ,
Кабы князь-отъ выпускалъ тамъ триста жаребьцей,
Ы ти кони побѹжали во чисто полѹ,
Прибѹгали-ле они да къ коню доброму,
Они стали тутъ какъ бурушка покусывать,
240. Они стали ноньце малого полегивать,
Кабы бурой-отъ конь тутъ осержаетьсе,

- Онъ-де бѣтъ правой ногой мать-сыру-землю,
Подрожала тутъ-то матушка-сыра-земля,
Кабы въ поли-то-де дубѣ роспаталисе,
245. И вершинами они вмѣсто соплеталисе,
И въ озерахъ вода-ти сколыбаласе,
Ищѣ кони-ти эти вси устрашилисе,
Какъ овсяны-ле мѣшки да повалилисе,
Кабы конюхи у князя одва живы стоятъ.
250. Прибѣгаѣтъ тогда нонѣце доброй конь,
Ко тому-то Ивану широку двору,
Запускать Иванъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ-бы ставить на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ опеть пшаны ему бѣлояровой,
255. И тогда Иванъ пошолъ ко князю Владимиру,
И просить опеть у ёго да деньги выѣзны,
Ищѣ выѣзны какъ денѣжки, нонъ выгонны.
Онъ приходитъ нонъ ко князю ко Владимиру,
Говорить-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
260. «Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка деньги выѣзны,
Ажъ тѣ сто рублей, нонъ со тысяцей».
А-бы князю тутъ Владимиру за бѣду стало,
За великую досаду показалосе:
265. — Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я накинѣ на тебя службу тяжолую,
Ищѣ выпущу въ чисто полѣ тридцетъ жарѣбьцей,
Кабы пусь у тя нонъ бурушка нонъ ростоличать,
Ищѣ пусь у тя бурушка нонъ розволичать.—
270. А пошолъ опять Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Запечалился Иванъ тутъ закручинилсѣ,
Повѣся идѣтъ, дѣржитъ буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны въ мать сыру землю,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
275. Онъ опеть падать бурку во праву ногу:
«Ожъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой:
Ю тя правая нога да по колѣнъ бѣла,
У тя лѣвая нога бѣла по щѣточку,
Я послѣнни-жъ винно съ тобой нонъ прощаюсе,
280. Выпускать на тя нонъ князь тридцетъ жарѣбьцей,
Ищѣ самъ-же говоритъ да таково слово:

- «Кабы пусть у тя бурушка нонь ростолочать,
Ищэ пусь у тя малого нонь розволачать».
Говорить-же его да ноньце доброй конь,
285. Ищэ руськимъ языкомъ чловѣческимъ:
— Кабы эта мнѣ не служба, ищэ службишко,
Кабы служба-то вся ищэ впереди будѣтъ.—
А бы тутъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ какъ выпустилъ своего коня доброго,
290. Побѣжалъ его конь нонь во чисто полѣ,
Кабы князь-отъ выпускать да тридцетъ жаревьцей,
Прибѣгали жаревьци да къ коню доброму,
Они стали тутъ какъ бурушка покусывать,
Ищэ стали они бурушка полегивать,
295. Ищэ бурой-отъ конь тутъ осержаетсе,
Онъ какъ бьетъ-де правой ногой мать сыру землю,
Подрожала тутъ какъ матушка сыра земля,
И какъ въ поли-то дубѣ разшаталисе,
И вершинами какъ вмѣсто соплеталисе,
300. И въ озерахъ-то вода сѣ сколыбаласе,
Кабы кони-ти ети юстрашилисе,
Какъ овсяны-ле мѣшки всѣ повалилисе,
Ищэ конюхи у князя едва живы стоятъ.
Прибѣгаѣтъ у Ивана нынѣ доброй конь,
305. Запускать-ле Иванъ коня на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ опеть на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ пшаны да бѣлоровой,
Онъ пошолъ тогда ко князю ко Владимиру:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
310. Ужъ ты дай мнѣ денѣжки нынѣ выѣзны,
Кабы выѣзны денѣжки, нонь выгонны,
Ищэ сто рублей нонѣце, со тысяцей».
Ищэ князю-ту опеть тутъ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
315. Говорить тутъ-де солнышко Владимиръ князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я ищэ на тебя наложу службу тяжолую:
Ищэ есь у мня нонь да три жаревьца,
Ищэ выпущу я ихъ на твоего коня.—
320. Какъ пошолъ-де тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Пуще старого Иванъ да закручинилса,

- Пуще старого Иванъ да запечалилса,
Повѣся идѣтъ доржить да буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны въ мать сыру землю,
325. Онъ не видитъ идѣтъ пути дорожочки,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ приходитъ къ коню да на конюшенъ дворъ,
Опетъ падать-де коню да во праву ногу:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!»
330. Я посленни-жъ винно съ тобой прощаюсе,
Выпускать на тя-де князь ноньце три жаребця». —
Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостинович!
Ужъ я знаю этихъ нонъ да какъ три жеребця:
Ужъ одинъ-отъ-ле конь мнѣ-ка названой братъ,
335. И названной-отъ мнѣ братъ ноньце при старости,
А другой-отъ ноньце конь да синѣгривой-же,
А третей-отъ-ле конь да полонѣной былъ. —
А какъ выпустилъ Иванъ да коня доброго,
Побѣжалъ его конь да во чисто полѣ;
340. Кабы князь-отъ выпустилъ три жаребця,
Прибѣгали-де ёни да къ коню доброму,
Опетъ стали они бурушка покусывать,
Опетъ стали они малого полѣгивать;
Ноньце бурой-отъ-ле конь да осержаитъсе,
345. Онъ какъ бѣтъ-ле правой ногой сыру землю,
Подрожала-де тутъ матушка сыра земля,
Кабы въ поли опеть дубѣ роспаталисе,
И вершинами-то вмѣсто соплеталисе,
Какъ въ озѣрахъ вода да сколыбаласе,
350. Кабы кони-то эти юстрашилисе,
Полонѣно-ѣтъ-конь въ полонъ убѣжалъ,
Синѣгривого коня бралъ за хребетъничу,
Онъ бросалъ его о матушку сыру землю,
Да-бы тутъ-же коню конечъ случилса-же;
355. А названъ-отъ ему братъ да ноньце бурушко
Покорилса онъ брату ноньце меньшому:
«Ужъ я ноньце какъ, братъ, ищѣ при старости,
Ты какъ ноньци въ самомъ рѣзу, въ самомъ корпусу,
Ужъ я быти надъ тобой да ноньце меньшей братъ,
360. Ищѣ быть ты надо мной да ищѣ старшой братъ». —
Прибѣгать опеть къ Ивану ноньце доброй конь,

- Запускать Иванъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ его на полсти на пуховья,
И насыпалъ опеть пшаны да бѣлояровой,
365. И пошолъ онъ нынъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ.
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Онъ приходитъ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
370. Ужъ ты дай мнѣ-же деньги выѣзны,
Ищѣ выѣзны какъ денѣжки, нонъ выгонны,
Ищѣ сто рублей, да нонѣце со тысецей».
Епетъ князю-ту-ле тутъ да за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
375. Говоритъ на то солнышко Владимиръ-князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ожъ какой-же у ты нонъ доброй конь,
Посмотрѣтъ мнѣ-ка его надо въ чистомъ поли,
А не можно-ле поймать его въ чистомъ поли.—
380. Говоритъ-же всё солнышко Владимиръ-князь:
— Ты какъ выпусти коня нонѣци въ чисто полѣ,
Соберу-же я удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Какъ имати-де твоѣго коня доброго;
Я направлю нонъ аркановъ много шолковыхъ.—
385. Какъ пошолъ-де какъ Иванъ да запечалилса,
Запечалилса Иванъ, да закручинилса,
Повѣся идѣтъ доржить да буйну голову,
Потопя-де оци ясны въ мать сыру землю,
Онъ не видитъ идѣтъ пути дорожоцьки,
390. Онъ приходитъ ко своему широку двору,
Опетъ падать-де коню да во праву ногу,
Говоритъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни-жъ винно съ тобой нонъ прощалосе:
395. Кабы князь-отъ хоцетъ имати тебя въ чистомъ поли,
Надъ тобой-де я не знаю чо стануть дѣлати,
Собирать онъ имальниковъ много множество».
Говоритъ нонъ его да право доброй конь,
Ужъ какъ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
400. — Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ты приди-же нонъ какъ тутъ да во чисто полѣ,

- Ты надѣнь на себя да шубу куньюю,
Кабы гдѣ миня имати стануть въ чистомъ поли,
Кабы много аркановъ тамъ е шолковыхъ,
405. А возьмутъ меня вокругъ да доброго коня,
Я увижу тогда тебя Иванъ Гостинициъ,
Мимо ты я побѣжу да ноньце доброй конь,
Затени изъ рукава свою руку правую,
Я схвацю-де у ты ноньце у шубоцьки,
410. Я схвацю-де у тебя да ноньце правой рукавъ,
Оторву-де у ты, у шубы куньейей,
И тогда-же какъ князь да устрашитце-же:
«И какой-же екой у него доброй конь?
Онъ не знатъ-де своего нонь хозяина,
415. Онъ какъ оторвалъ у шубы рукавъ правой-же.—
Ужъ какъ выпустилъ Иванъ да коня доброго,
Побѣжалъ ноньце конь его во чисто поле,
Кабы самъ сталъ Иванъ тутъ снарежатисе,
Надѣвалъ на себя онъ шубу куньюю,
420. Кабы князь-отъ тамъ пошолъ да во чисто полѣ,
Онъ со многима народами, съ арканами,
Тамъ увидѣли коня, ходитъ въ чистомъ поли,
Обходить стали вокругъ да коня доброго,
Ищэ конь тамъ-ле въ поли нонь похаживать,
425. И они ноньце коня стали приганивать,
Кабы бурой-отъ-ле конь да сталъ побѣгивать,
Онъ своёго сталъ хозяина посматривать;
Ювидалъ онъ своего тутъ хозяина,
Онъ схватилъ-де его да ноньце шубоцьку,
430. Да схваталъ-де-ка шубу—ныньце всю стащилъ,
Онъ оторвалъ у шубы-нонь правой рукавъ.
Кабы князь-отъ нонь какъ тутъ да устрашилса-же:
«Какъ какой-же у его экой право доброй конь!
Онъ не знаётъ-де своего-де хозяина,
435. Онъ одва-ле не убилъ ноньце хозяина,
Ужъ пойдете-же народъ, да вся камісея,
Онъ какъ можотъ-ле насъ да всѣхъ убити этта».
Кабы всѣ они ушли да изъ чиста поля,
У Ивана прибѣжалъ да ныньце доброй конь,
440. Запускаетъ онъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ коня на полсти на пуховыя,

- Онъ насыпаль пшаны да бѣлояровой,
Тогда пошоль Иванъ ко князю ко Владимиру;
Онъ приходитъ ко князю ко Владимиру,
445. Говорить-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ожъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ отдай-же мнѣ ты да деньги выѣзны,
Кабы выѣзны денѣжки, нонь выгонны,
Кабы сто-де рублей, да нонь со тысяцѣй».
450. Э тогда да ноньце князю дѣлать нецего,
Отдавать ему сто рублей со тысяцѣй.
И пошоль ноньце Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ къ своѣму идѣтъ да широку двору,
Онъ приходитъ къ коню да на конюшенъ дворъ,
455. Какъ коню-то онъ сталъ да ноньце сказывать,
Онъ-де сказывать коню сталъ, да рассказывать:
«Ужъ ты ой еси-ле мой да право доброй конь!
Тѣ спасибо-же-ле конь, да мой ты бурушко!
Сослужилъ ты какъ бурушко всѣ службы тяжолые,
460. Получилъ я отъ князя деньги выѣзны,
Кабы выѣзны-же денѣжки-де, выгонны,
Ужъ я сто рублей всего со тысяцѣй».

23.

Ставеръ Гоудиновичъ.

- Ай во стольномъ-де во городѣ во Кіѣвѣ,
Какъ у ласкова у князя у Владимира,
Ищѣ было тутъ пирѣваньѣ-столѣваньѣ
И на многихъ всё на князей, на бѣяровъ,
5. И на многихъ купцей, людей торговыхъ,
И на многихъ мѣщанъ сѣ пригородныхъ,
И на тѣхъ всё руськихъ богатырей,
И на всѣхъ на кресьянъ православныхъ,
А какъ пиръ-отъ снарядилъ, пировать стали,
10. И столы-ты-ле розоставили, столовать стали;
Ай какъ вси они на пиру сидя напиваются,
Ищѣ всѣ тутъ на чесномъ сидячи наѣдаются,
Эхъ хмѣльнѣшеньки всѣ стали, да веселѣшиньки,

- И какъ всѣ тутъ на пиру сидятъ приросхвастались:
15. Ай какъ иной-отъ кабы хвастатъ золотой казной,
Ай иной-отъ хвастатъ удачей молодецкой,
Какъ иной-отъ-де-бы хвастатъ кони добрыма,
А кабы глупой-отъ сидитъ, хвастатъ молодой женой,
Ищэ умной, сидитъ, хвастатъ онъ старымъ отцомъ,
20. Онъ старымъ-де ка' отцемъ, да старой матушкой.
Ай выходитъ тутъ какъ солнышко Владимиръ-князь:
Онъ подходитъ-де къ удалу добру молодцу,
Ко тому-де ко Ставрѣ сыну Годинову,
Говоритъ тутъ-ле-то солнышко Владимиръ-князь:
25. «Ужъ ты ой еси Ставѣръ да сынъ Годиновичъ!
Ты-же што-же нынѣ сидишь не чимъ не хвастаешь?
Тибѣ пирь-отъ винно былъ мой не по разуму?
Кабы поннощички мои были не вѣжливы?
А не вѣжливы какъ были, не очесливы?»
30. Тебѣ винны винно цыры да не доносили?
Кабы пивны стаканы да не доносили?
Але мѣстицко тибѣ было не по разуму?»
Говоритъ на то Ставѣръ да сынъ Годиновичъ:
— Ужъ ты ой еси, ты солнышко Владимиръ-князь!
35. Мнѣ-ка пирь-отъ былъ-ле твой да мнѣ по разуму,
Поднощычки твои да были-ле вѣжливы,
А 'ще вѣжливы-ле были, да нонѣ очесливы,
Кабы винныма-ле цырами доносили,
Кабы пивныма стаканами доносили,
40. Ищэ мѣстицко-то было мнѣ по разуму.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ожъ вы ой еси мои да вы поднощычки!
Наливайте вы нонѣ царю зелена вина,
Не велику-ле не малу—полтора ведра,
45. Подавайте вы удалу да добру молодцу
И тому ищэ Ставрѣ сыну Годинову».
И на то были поднощычки проворныя:
Наливали они нонѣ царю да зелена вина,
Не велику-ле не малу да полтора ведра,
50. Ой подавають тутъ удалу добру молодцу,
А тому ищэ Ставрѣ сыну Годинову;
Онъ берѣтъ ищэ ноньци царю единой рукой,
Ищэ пьѣтъ кабы да царю къ едину духу,

- Онъ какъ сталъ тутъ-ле Ставѣръ тутъ на рѣзвы ноги,
55. Ищѣ по полу Ставѣръ да сталъ похаживать,
А кабы кунью свою-ле шубу сталъ поволачивать,
Ищѣ къ шубоцьки-ле сталъ нонь приговаривать:
«Ищѣ шуба-ле ты моя, да шуба кунья!
Ты дарѣна мнѣ отъ князя отъ Владимира,
60. Ты въ любѣ мнѣ-ка пришла, да я ' чести доржу».
И говоритъ ищѣ Ставѣръ да сынъ Гоудиновичъ:
«Ужъ я радъ ему князю служить еще,
Я за шубоцьку служить—радъ головы сложить:
Ищѣ подруци Богъ на поли тотарина,
65. Ищѣ Кощея царя сына Трипѣтова».
Онъ какъ сталъ-ле тутъ Ставѣръ ноньце похвастывать:
«Я живу ноньце Ставѣръ да сынъ Гоудиновичъ,
У мян золота ищѣ казна, живу, не тощытса,
У мян добры живутъ кони не ѣздытса,
70. Добры молодцы живутъ у мян не старятса,
У мян цвѣтно-то-ле платицѣ не носитце,
Ай на ножечкахъ сапожочки не топчутце;
Ищѣ есь у мян-ле нонь да молода жона,
Ищѣ та-ле да Василиса дочь Микулицьна,
75. Ищѣ нѣтъ ея-ле краше да по всей земли,
Ищѣ нѣтъ ей храбрѣе да по всей вотчины,
Ищѣ кромѣ-де княгини да матъ Апраксин».
А о ту ищѣ пору-ле, да о то время,
Погодилисе у князя у Владимира,
80. Ищѣ ты-те ищѣ бояра да толстобрюхѣ,
Какъ пошли они ко князю да ноньце нажалились,
На того ищѣ Ставра сына Гоудинова;
Говорятъ ищѣ бояра да толстобрюхѣ:
«Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимѣръ-князь!
85. Какъ сидѣлъ у тя-ле нонь да чесномъ пиру,
Какъ сидѣлъ у тя Ставѣръ да сынъ Гоудиновичъ,
Ищѣ тотъ ноньци Ставѣръ да сынъ Гоудиновичъ,
Онъ какъ сперва-де сидѣлъ не чимъ не хвасталъ-же,
Ищѣ послѣ-де пиру, да нонь послѣ стола,
90. Кабы налили ему да цяру зелена вина,
Не велику-де не малу полтора ведра,
Онъ какъ выпилъ эту цяру да зелена вина,
Онъ ставалъ ноньце Ставѣръ да на рѣзвы ноги,

- Онъ какъ по полу Ставѣръ да сталъ похаживать,
95. Онъ какъ кунью свою шубу сталъ поволачивать:
Ищэ шубоцьки-ле сталъ онъ приговаривать:
«Ужь-ле шуба-ты моя, да шуба куньяя!
«Дарена ты мнѣ отъ князя отъ Владимира,
«Ты въ любви мнѣ-ка пришла, да въ чести доржу—
100. «Подруци мнѣ-ка Богъ на поли тотарина
И того мнѣ-ка князя ищэ Владимира!
Ищэ хвастаетъ своей онъ молодой женой:
«Ищэ есь у меня-ле нонь да молода жона,
«Кабы та-де Василиса да дочь Микулисна,
105. «Кабы нѣтъ еѣ-де краше да нонь по всѣй земли!
«А княгину-ту твою зовѣтъ сиротиною,
«Сиротиною зовѣтъ еѣ, бездомовою».
А кабы тутъ ноньце солнышко Владимиръ-князь,
Призывать ноньце Ставра сына Годинова:
110. «Ужь ты ой еси Ставѣръ да сынъ Годиновичъ!
Ищэ што-же Ставѣръ да нынѣ хвастаешь?
Говоришь ищэ нонь да таковы слова:
«Я живу-де ка' Ставѣръ да сынъ Годиновичъ,
«Золота у мя казна живу не тощитса»... *)
115. «Ищэ какъ у тя нонь коницьки не ѣздятса?»
Говорить на то Ставѣръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть изъѣздятса у мя да кони добрые,
Я продамъ этихъ мѣщанамъ пригороднымъ,
Я куплю-де кабы коней лучше старыхъ.—
120. Говорить на то солнышко Владимиръ князь:
«Ищэ какъ у тя золота казна не тощитсе?»
Говорить на то Ставѣръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть истощитце у мя-ле золота казна,
Наживу-ле то казны-ле больше старово.—
125. Да говоритъ ищэ солнышко Владимиръ князь:
«Ищэ какъ у тя добры молодцы живутъ не старятца?»
Говорить на то Ставѣръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть состарятца у мя, живутъ, добры молодцы,
Я найму-де молодцовъ да лучше старыхъ.—
130. Говорить опять на то солнышко Владимиръ-князь:
«Ужь какъ у тебя цвѣтно платицо не носитца?»

---

*) Повтореніе того, чѣмъ хвасталъ Ставѣръ и что на него наговорили бояре—
выпускается. Н. О.

- Хоть износитца у мя платье чвѣтноѳ,
Я продамъ это нонь мѣщанамъ пригороднымъ,
Заведу я ищѳ платицо лучше старого.—
Говорить опеть солнышко Владимерь-князь:
135. «Кабы-ле какъ у тя сапожки не топчутце?»
Да говоритъ на то Ставѳръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть истопчутце у мя ѳти сапожоцьки,
Я продамъ ѳти сапожки мѣщанамъ пригороднымъ.—
«Ищѳ какъ это ты хвасташь молодой жоной,
140. А какъ нѣтъ ее, говоришь, краше по всей земли,
А по всей ноньци земли по всей вотчины;
Какъ княгину-ту мою зовѣшь сиротиною,
Сиротиною зовешь ты еѳ бездомовою?»
Говорить на то Ставѳръ да сынъ Годиновичъ:
145. — Ужь я ѳки-ти-ле рѣци да не говариваль.—
Говорить на то-де солнышко Владимерь-князь:
«Ищѳ говоришь-ле ты да таково слово:
«Подруци Богъ мнѣ-ка на поли тотарина,
«Какъ того ищѳ князя, князя Владимира».
150. Говорить на то Ставѳръ да сынъ Годиновичъ:
— Я какъ эти-ти-ле рѣци да не говариваль.—
Отпиратце Ставѳръ да сынъ Годиновичъ,
А бы князю-ту-ле тутъ нонь за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
155. Онъ приказываль своимъ людямъ роботшѳимъ,
Еще выкопать въ чистомъ полѣ глубокъ погребъ,
Посадить хоцѣтъ Ставра сына Годинова.
А на то его скоро люди робочѳе,
Какъ пошли они скоро нонь во чисто полѣ,
160. Кабы выкопали они ноньци глубокъ погребъ,
А не великъ не малъ—глубину сорока локоть,
А посадили тутъ Ставра сына Годинова,
Накатили на его плиту залѣзную,
Не велику-ле не малу—девеносто пудъ,
165. А засыпали его тутъ хрѳщомъ-каменьѳмъ.
Ай какъ услыхала-ле тамъ какъ Ставрова молода жона,
Она стала тутъ-ле нонѣ снаряжатисе,
Какъ постригла она свои нонь русы волосы,
Назвала себѣ нонче имя—нонь Василей-же,
170. А Василюмъ звалась да сынъ Ивановичъ;

- А берётъ она подароцьки хорошія,
Подарить хоцётъ князю ноньце Владимиру,
Выкупать хоцётъ Ставра сына Годинова;
Какъ брала она ноньце сорокъ ноньце лисичь ищэ,
175. Кабы сорокъ-де куницъ, сорокъ черныхъ соболей,
И брала она сорокъ бѣлыхъ кречетовъ;
Ищэ стала она тутъ да снаряжатисе,
Поѣжжать-де нонь, да ноньце ѣхати,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру.
180. Приѣждяетъ нонь Василей сынъ Ивановичъ,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру,
И ко той ноньце ко гринѣ княженевской,
А какъ ставить нонь коня да ' дубову столбу,
А какъ вяжотъ нонь коня да къ золоту кольцу,
185. А заходитъ онъ во гриню княженевскую,
О' де Богу-ту-де нонь да ищэ молитсе,
На вси стороны еѣ нонь поклоняйтсе,
Какъ князю-то со княгиной на ёсобицу.
Говорить тутъ на то-ле солнышко Владимиръ-князь:
190. «Приходи-же ты удалой доброй молодець!
И не знамъ тебя-де какъ нонь именёмъ зовутъ,
А не знамъ какъ величаютъ по отечеству,
Ты коихъ-же ты родовъ, да коихъ городовъ?
А ты коѣй ищэ земли, коѣй орды?»
195. Говорить на то удалой доброй молодець:
— Я какъ посланъ отъ Ставровой молодой жоны,
Выкупати-де Ставра сына Годинова,
А зовутъ меня Василей сынъ Ивановичъ.—
Говорить на то солнышко Владимиръ-князь:
200. «Кабы-ле дати мнѣ Ставра—не видать Ставра,
А не дать мнѣ-ка Ставра, дакъ прогнѣвить посла,
Прогнѣвить-ле ка' Василея Ивановича».
Ищэ по полу онъ Василей сынъ Ивановичъ,
Онъ какъ по полу-ле нонь ищэ похаживать,
205. Онъ такія-де рѣци выговаривать:
— Ожъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра сына Годинова».
Говорить ноньци княгина да мать Апраксія:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
210. Ищэ этотъ-ле Василей сынъ Ивановичъ—

- Кабы это-де Ставрова молода жона:
Она по полу, винно, ходитъ частенько ступать,
А на лавоцьку садитця она колѣньча жмётъ,
А колѣньци она жмётъ да куну-куну берегётъ».
215. Говоритъ на то-де сольнышко Владимиръ-князь:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-де дологъ, умъ коротинькой.
А пошто суда приѣдетъ Ставрова молода жона?
А коле Ставрова-де жона, можно спровѣдати:
220. Мы накинёмъ-де-ле ей службу тяжолую.—
А какъ подходитъ опеть Василей Ивановичъ,
Говоритъ опеть Василей сынъ Ивановичъ:
«Ёжъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты ютдай мнѣ-ка Ставра сына Годинова».
225. Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
— Я накинѹ на тебя службу тяжолую:
Со мойма съ игроками поиграть сперва,
Какъ во ти ещѣ во пѣшецьки, во шахматы;
Какъ обыграшь ты моихъ-ле игроковъ ище,
230. Я отдамъ тогда тибѣ Ставра, отдамъ безденежно.—
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
«Я бы зналъ-ле ваши замыслы княженецкія,
Я бы бралъ съ собой людей ноньце уцѣнныхъ,
Какъ маленько съ измалѣшка я, Васька, игрывалъ».
235. Принесли ноньци-де пѣшецьки точѣныя,
Принесли-де ка' дощоцьку да подзолочену,
Ой какъ стали они играть въ пѣшки-ле, шахматы,
Говорятъ онѣ игроки нонь княженецкія:
«Ты ходи-же нонь юдалой доброй молодець,
240. Ищѣ ты-ле Василей сынъ Ивановичъ».
— Какъ которой накликаеть, тотъ наперѣдъ ступать.—
А какъ идутъ нонь игроки нонь княженецкія,
Какъ ступили они во пѣшецьки, во шахматы,
Какъ ступилъ ноньце Василей сынъ Ивановичъ,
245. А другой-де разъ ступилъ, да имъ ходу не даль,
А во третей разъ ступилъ, дакъ ихъ съ доски сгонилъ.
Онъ подходитъ нонь Василей сынъ Ивановичъ,
Ко тому ищѣ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ тогда Василей сынъ Ивановичъ:
250. «Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!

- Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра сына Грдинова,
Ищэ дай мнѣ Ставра ноньце безденежно».
А говоритъ на то-ле-то княгина мать Апраксія:
— Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
255. Кабы этотъ-ле не Василей сынъ Ивановичъ,
Ищэ надо быти Ставрова да молода жона.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Охъ ты глупая ты баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ де дологъ, умъ коротинькой:
260. А пошто суда приѣдетъ Ставрова жона?
Кабы Ставрова-де жона—можно спровѣдати,
Какъ накинуть на её службу тежолую.
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
— Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
265. Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра нончи безденежно.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ ты ой еси Василей сынъ Ивановичъ!
Я накину-ле на тебя службу тежолую:
Со мойма-ле со борьцами да поборотисе—
270. Кабы-ле бросишь-ле да моихъ да нонь борьцей ищэ,
Я отдамъ тебѣ Ставра тогда безденежно».
Говоритъ на то Василей сынъ Ивановичъ:
— Я-бы зналъ ваши замыслы княженецкія,
Я-бы бралъ такихъ людей, борьцей учёныхъ.
275. Да, пожалуй, съизмалёшка Васька баривалса.—
Выпускаётъ ноньце князь борьцей учёныхъ,
Какъ боротисе съ Василеёмъ нонь Ивановичёмъ,
Кабы-ле вышли борьци, ноньци три молодця,
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
280. «Ожъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты какъ велишь съ борьцами да нонь боротисе:
По единому-ле брати, со всима-ле вдругъ?»
Говоритъ на то ёму солнышко Владимиръ-князь:
— Ужъ ты самъ-ле знашь, Василей сынъ Ивановичъ;
285. Ужъ ты какъ ты-ле да нонь да ты борисъ съ има.—
Онъ-бы ходитъ нонь Василей-отъ Ивановичъ,
Онъ ёдного нонь берётъ да подъ праву руку,
А другого-то берётъ подъ лѣву руку,
А третьёго-то берётъ да во серёдоцьку,
290. Онъ какъ всѣхъ ихъ нонче трѣхъ, да всѣхъ ихъ
бросилъ-же.

- Онъ приходитъ нонь Василей-отъ Ивановичь
Ко тому ищѣ ко князю да ко Владимиру,
Онъ какъ по полу Василей-отъ похаживать,
Онъ такіе-ли онъ рѣци выговаривать:
295. «Ожъ ты ой еси ты, солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра ноньце безденежно».
Говорить опеть княгина да мать Апраксія:
— Кабы этотъ не Василей сынъ Ивановичь,
Кабы-ле надо бы' Ставровой молодой жоны:
300. Кабы по полу она ходитъ ногамъ цяститъ,
А на лавоцьку садитце она колѣнни-ле жмѣтъ,
А колѣнни-ле жмѣтъ, куну берегѣтъ.—
Говорить на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ожъ ты глупая-ле баба, не разумная!
305. У тя волосъ-отъ де дологъ, умъ коротинькой,
Коле Ставрова-де жона—можно сировѣдати,
Какъ накинуть-де ' ее службу тежолую».
А приходитъ нонь Василей-отъ Ивановичь,
Говорить опеть князю-ле таково слово:
310. — Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра нонче безденежно.—
Говорить ноньце де солнышко Владимиръ-князь:
«Я наkinу на тебя службу тежолую:
Со мойма-ле стрѣльцами пострѣлетисе.
Отнести нынче во чисто полѣ дубовой столбъ,
315. Закопать-ле столбъ да въ землю матушку,
Тамъ повѣсите кольцожину серебряну,
Какъ стрѣлѣтъ ноньче сквозь кольцожину серебряну;
Какъ прострѣлишь ты своей нонче каленой стрѣлой,
Я отдамъ тогда Ставра тебѣ безденежно».
320. Ой какъ говоритъ на то Василей-отъ Ивановичь:
— Я бы зналъ-де ваши замыслы княженецкія,
Я бы бралъ такихъ людей да нонь учёныхъ.
А, пожалуй, я съизмалѣшка, Васька, стрѣливать.—
Отнесли-ле тамъ-ле скоро да нонь дубовой столбъ,
325. Да положили кольцожину серебряну,
Привели тутъ стрѣльцей да добрыхъ молодцовъ;
Говорятъ на то стрѣльцы да княженецкія:
«Ты стрѣлей-же нонь Василей сынъ Ивановичь!»
Говорить на то Василей сынъ Ивановичь:
330. — А которой накликаеть, тотъ напередъ ступать.—

- Какъ его-то-ле стрѣльчи нонь, княженевскіе,
Какъ стрѣлели сквозь кольчужину серебряну,
Ажъ которой нонче стрѣлить—онъ не дострѣлитъ;
А которой-де-ле стрѣлить—онъ перестрѣлитъ;
335. А пришло ноньци Василью время стрѣлити,
К бы стрѣлилъ нонь Василей каленой стрѣлой,
Пролетѣла его-ле нонь да калена стрѣла,
Ищѣ сквозь-де нонь кольчужину серебряну.
Онъ приходитъ тогда ' князю нонь Владимиру,
340. Ищѣ тотъ ноньце Василей отъ Ивановиць:
«Ищѣ ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ нонь Ставра сына Годинова,
Ищѣ дай мнѣ-ка Ставра нончи безденежно».
Ожъ на то нончи солнышко Владимиръ-князь,
345. Онъ приказывалъ своимъ людямъ рабочимъ,
Отвести ему нончи ему глубоку погребъ.
Онъ приходитъ нонь Василей-отъ Ивановиць,
Какъ къ тому ищѣ глубокому ко погребу,
Розмѣталь ѣнь, разбросалъ онъ хрущѣ-каменьѣ,
350. Какъ нашолъ онъ ту плиту нончи залѣзную,
Откопалъ онъ своей нончи правой ногой,
Какъ подсунуль-де свою, свою праву ногу,
Какъ подъ ту-де подъ плиту, плиту залѣзную,
Кабы понняль-ле плиту своей правой ногой,
355. Кабы пнуль-ле-то плиту да во чисто полѣ;
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановиць:
«Выходи-же ты, Ставѣрь да сынъ Годиновичъ!
Изъ того-ле ты глубокого изъ погреба».
Услыхалъ-ле тамъ Ставѣрь да сынъ Годиновичъ,
360. Онъ выскакивалъ-ле скоро нонь изъ погреба,
Кабы вылетѣлъ изъ погреба кабы-ле куропать,
Онъ-де сколько-де сидѣлъ нонь во погребу,
Онъ какъ вылетѣлъ-де вдвое выше погреба.
И тогда нонче Василей-отъ Ивановиць,
365. А пошли они ко князю ко Владимиру,
Э тогда они-де съ княземъ и прощалисе;
Ожъ поѣхали они тогда домой ищѣ.
Кабы ѣдутъ нонь Ставѣрь да сынъ Годиновичъ,
А какъ съ тимъ ѣдутъ съ Василей сынъ-Ивановицѣмъ
370. Кабы здраво они ѣдутъ по чисту полю,

- Ищэ здраво они ѣдутъ лѣсы темныя,
А какъ прїѣхали они нонь во чисто полѣ,
А какъ ставили шатѣрь бѣль-полотненой,
Говорить нончи Василей сынъ Ивановичь:
375. «Ожъ ты ой еси Ставѣрь да сынъ Гоудиновичь!
Ужъ ты силой-ту меня сильней ищэ,
Кабы смѣткой-то тебя да я-ле смѣтисте.
Ожъ какъ прежде у насъ съ тобой нонь пригожалосѣ:
У тя есь шалаболка позолочена,
380. У меня-ле есть кольчужина серебрена».

24.

Дюкъ Степановичь.

- Изъ той изъ Нижной Малой Галицы,
Изъ той Корелочки да изъ богатой,
Выѣзжалъ то на добромъ конѣ на троелѣточкѣ,
Молодой Дюкъ да сынъ Степановичь,
5. Выѣзжалъ на горы на высокія,
На ти на шѣлони окатисты.
Онъ смотрѣлъ, глядѣлъ на вси на дальны стороны
Изъ той изъ трубочки подзорной.
Сперва смотрѣлъ подъ сторону подъ сѣверну,—
10. Видны стоятъ тамъ ледяны горы;
Послѣ смотрѣлъ подъ сторону восточную,—
Тамъ видно стоятъ да лѣса темныя;
Послѣ смотрѣлъ подъ сторону подъ лѣтнюю,—
Тамъ видно стоятъ да поля чистыя,
15. Видно стоятъ тамъ стольной Кіевъ-градъ;
Затимъ смотрѣлъ подъ сторону подъ западну,—
Тамъ видно стоятъ да моря синіе,
Тамъ плавають гуси лебеди,
На тихихъ вѣсныхъ заводяхъ.
20. Оттуль молодой да поворотъ даетъ,
Прїѣзжать назадъ во Нижну Малу Галицу,
Во Корелочку да во богатую,
Ко той ко матушкѣ ко родимоей,
Честной вдовѣ Омельфѣ Тимошеевнѣ.
25. Паль Дюкъ тогда матушкѣ во рѣзвы ноги,

Просить у ней благословленьица съѣздить въ Кіевъ-градъ.

Не давать ему мать благословленьица.
Онъ и падать ей да во второй законъ,
Говорить самъ таково слово:

30. «Ой еси матушка родимая!
Дай мнѣ-ка благословленьице отъ буйной главы до
сырой земли,

Съѣздить въ Кіевъ-градъ,
Посмотрѣть князя Владимера».
Не даетъ ему матушка благословленьица.

35. Падать Дюкъ да во третей законъ
И говорить ей таково слово:
«Ужъ ты дашъ поѣду и не дашъ поѣду».
Говорить ему Омельфа Тимоѣевна:

- Ужъ ты ой еси дитяtko родимое,
40. Молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ!
Молодешинѣкъ ты, зеленѣшинѣкъ.—
Но дала ему благословленьицо отъ буйной главы до
сырой земли;

Сталь тутъ молодець снаряжатися,
Сталь сподоблятися ѣхать въ стольной Кіевъ-градъ.

45. Говорить ему матушка родимая,
Чесна вдова Омельфа Тимоѣевна:
«Когда ты приѣдешь въ стольной Кіевъ-градъ,
И будешь на честномъ пиру—
Княженевски пиры злы омманчивы;

50. Дамъ тебѣ я перстѣночки барановы,
Подари ты старому казаку Ильѣ Муромцу».
Говорить ей молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ:
— Какъ узнаю я Илью Муромца?—

- Говорить ему Омельфа Тимоѣевна:
55. «Когда приѣдешь ты въ стольной Кіевъ-градъ,
Ко той ко гринѣ княженевской,
Всѣ уйдутъ во божью церковь.

- Приѣзжай и ты ко божьей церкви
И заходи во божью церковь,
60. Крестъ клади по писаному,
Поклонъ по ученому,
Поклонись на вси четыре стороны,

- Подойди на право крылосо;
Служать тутъ обенню воскресенскую;
65. Простой ты службу воскресенскую,
Подойди къ дверямъ церковнымъ,
Пойдетъ народъ изъ божьей церкви,
Сперва пойдутъ мѣшшана пригородныи,
Затѣмъ пойдутъ хрестьяна православныи,
70. Затимъ купцы, люди торговые,
И тогда пойдутъ руськіе богатыри,
Позади всѣхъ идетъ старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Перстянки эти ему въ любви придутъ;
Тогда, куда онъ поидетъ,
75. Туда тебя за собой поведетъ».
Простился съ матерью родимоей
Молодыя Дюкъ да сынъ Степановичъ,
Поѣхалъ тогда въ стольной Кіевъ-градъ.
Ѣдетъ здраво поле чистое,
80. Здраво Ѣдетъ лѣсы темныи,
Пріѣзжать тогда въ стольной Кіевъ-градъ,
Пріѣзжать ко гринѣ княженевской.
Князь ушолъ во божью церковь,
А за нимъ всѣ руськіе богатыри.
85. Пріѣзжать Дюкъ ко божьей церкви,
Слѣзавать со добра коня,
Вяжетъ коня къ дубову столбу,
И заходитъ тогда во божью церкву.
Богу тогда онъ да молится,
90. Поклонъ кладетъ по писаному,
Крестъ по ученому,
На вси стороны покланяется,
Приходитъ на право крылосо,
Слушать обѣдню воскресенскую.
95. Потѣснилъ онъ на правомъ крылосѣ
Чурила млада Пленковича;
Не стерпливой на то Чурило былъ,
Говоритъ тогда Чурило Пленковичъ:
«Что это за такой за балбанъ пришолъ,
100. Со всѣмъ сучьѣмъ необтесанной?»
Говоритъ ему Дюкъ сынъ Степановичъ:
— Не то нынче поють, да не то слушаютъ,

Говорить на это Чурило млады Пленковичъ:

— Что это за такой богачъ пришель?

145. Надъ тобой надъ княземъ гость ломается,
Надъ божьимъ даромъ изгиляется.
Подходитъ Чурило къ Дюку Степановичу:
— Давай ударимся объ великъ закладъ,
Которой котораго платьемъ цвѣтнымъ перещепать.—
150. Говорить на это Дюкъ Степановичъ:
«У тебя дѣло домашнее,
У меня дѣло заѣзжее,—
Дай сроку на суточки,
Съѣздить по платью цвѣтное».
155. Давать ему Чурило время срочнаго на суточки,
Ударились во великъ закладъ,
Не во сто рублей, не во тысячи,
О своихъ да буйныхъ головахъ.
О Чурилѣ поручаются бояры толстобрюхѣ,
160. О Дюкѣ—старѣ-казакѣ Ильѣ Муромецъ.
Писалъ тутъ Дюкъ Степановичъ
Ярлыкъ скору-грамоту
Къ своей родимой матушкѣ.
Честной вдовѣ Омельфѣ Тимофѣевнѣ,
165. Чтобы послала матушка родимая
То платью цвѣтное,
Которое оболокаль трижды въ годъ.
И пошоль Дюкъ на улицу ко добру коню,
Кладеть ярлыкъ въ сѣдлышко черкальчето,
170. И отправляетъ во Нижню Малу Галичу.
Побѣжалъ его добрый конь во Нижню Малу Галичу;
Увидала его Мамельфа Тимофеевна черезъ окошечко
хрустальное,
Прочитывала ярлыкъ скору грамоту,
И вложила платью самоцвѣтное въ сѣдлышко
черкальчето,
175. И отправила коня назадъ въ стольный Кіевъ-градъ.
Наредились тогда оба боярина,
И хочуть идти во божью церковь,
У обѣихъ платью у нихъ хорошое,—
Провель рукой правой Дюкъ Степановичъ по бѣлымъ
грудямъ,
180. По тѣмъ по пуговкамъ вальязнымъ

- И заревѣли его пуговики вальяжніе,
Всѣми разными голосами,
Какъ во чистомъ полѣ сѣры волки завояли.
Провель и Чурило Пленковичъ по бѣлымъ грудямъ,
185. Но не заревѣли у него пуговики.
Пошли они ко князю Владимеру,
И говоритъ Дюкъ сынъ Степановичъ:
«Ужъ ты ой еси, старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Что я стану съ Чурилой дѣлати?»
190. Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Во первой вины Богъ проститъ.—
Говоритъ тутъ Чурило Пленковичъ:
«Давай ударимся объ великъ закладъ,
Не во сто рублей, не во тысячу,
195. О своихъ-ле буйныхъ головахъ:
Давай скакать черезъ Нѣпръ-рѣку?»
Ударились объ великъ закладъ,
Садились они на добрыхъ коней,
Говоритъ Чурило млады Пленковичъ:
200. «Скачи ты первой, Дюкъ Степановичъ».
Говоритъ Дюкъ Степановичъ:
— Которой накликать, тотъ напередъ ступать.—
Погонилъ Чурило и середка рѣки конь его обрюшился.
Разгонился тогда и Дюкъ Степановичъ,
205. Схватилъ Чурило за желты кудри
И вытащилъ на берегъ съ его конемъ.
Говоритъ Дюкъ Степановичъ:
«Ой ты, ой еси старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Что я нынчи надъ Чурилой стану дѣлати?»
210. Говоритъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Во первой то вины его Богъ простилъ,
Во второй вины ты прости.—
Чурило былъ роду заплывчива:
«Давай ударимся еще о великъ закладъ?»
215. Поручилися о Чурилѣ князья и бояры,
А о Дюкѣ старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Пошелъ Чурило млады Пленковичъ,
Во тѣ во лавочки торговья,
Купитъ чернилъ на пятьсотъ рублей
220. И бумаги на тысячу,

- Собрали писарей и пошли описывать животы.
Писали, писали, описали бумагу, чернила,
Поѣжжаютъ они во Нижню Малу Галичу
И видятъ, что будто огонь горитъ,
225. А это Дюковъ высокъ теремъ стоитъ, лучи мечетъ.
Ходитъ у крута крыльца работница,
Слѣзаваютъ они со добрыхъ коней
И работницѣ низко кланяются:
«Здравствуй ты, Омельфа Тимофеевна!»
230. Говорить имъ работница:
— Я не Омельфа Тимофеевна, я ее служаночка,
Омельфа Тимофеевна во божьей церкви;
Когда она пойдетъ изъ божьей церкви,
Впереди ее идутъ сукно стелать,
235. Позади трубу вертятъ,
Подлѣ бокъ идутъ куфарочки,
На ней платье не погнется.—
Заходятъ эти писаря въ высокъ теремъ,
Затимъ повель ихъ Дюкъ на конюшенъ дворъ,
240. Писать заводы лошадиные.
Писали они заводы лошадиные,
Издержали бумаги на пятьсотъ рублей, чернилъ на
тысечу;
Заходили они тогда да во высокъ теремъ,
Принесли имъ братынечку позолочену,
245. А у ней, братынечки, семьдесятъ семь рожковъ,
Изъ каждаго рожка бѣжатъ напитки разные.
Не могли ей дать цѣны оцѣнщики.
Говорить тогда Омельфа Тимофеевна:
«Заложитъ пушай солнышко Владимиръ-князь
стольной Кіевъ градъ
250. И тогда приѣдетъ животы мои описывать».
Возвратились тогда писаря и оцѣнщики въ стольной
Кіевъ-градъ;
Говорить тогда Ильѣ Муромцу Дюкъ Степановичъ:
«Что я буду надъ Чурилою теперь дѣлати?»
— Ой ты, ой еси Дюкъ Степановичъ!
255. Пусть онъ будетъ меньшей братъ, а ты старшой,
А впредъ не хвастаетъ.—

25.

Чурило и невѣрная жена.

- Ай выпадала пороха снѣгу бѣлого,
И не во пору порошиця, не во время,
Ай да среди лѣта о Петрова дни.
А по той порохѣ снѣгу бѣлой,
5. А не бѣлинькой-то заюшко проскакиваль,
А не сѣръ-горносталь ту' пропрядываль,
Ко тому е ко двору, ко Пермятину,
Да проскакиваль тутъ да ко круту крыльчу.
Онъ заскакиваль-ле тутъ да на круто крыльчо,
10. Онъ стучить-де ка' громить да въ золото кольцо.
Ай услыхала Пермятина молода жона,
Во той-ле ка' она да во теплой лѣжни,
Ай выходила-де она да ' занню горничу,
Да изъ занней-то горничи въ новы сѣни,
15. Приходила ко дверямъ онъ ко широкимъ,
Отворила она ворота, двери на пету,
А брала она Чурило за бѣлы руки,
Чѣловала его въ уста ище сахарныя,
Да вела она Чурило по новымъ сѣнямъ,
20. Ихъ новыхъ-то сѣней да въ занню горничу,
Да изъ занней-то горничи въ теплу лѣжню.
Ай кабы зажилъ тутъ Чурило по домашному:
Онъ рукавоцьки-перстяноцьки кладѣтъ ище,
Онъ кладѣтъ ихъ ище да онъ на грядочку,
25. Онъ пуховъ-ле кошацькь вѣситъ на спичку-же,
Онъ зелёнъ кафтанъ вѣшатъ на грядочку,
Ай сапожки кладѣтъ ноньце подъ лавоцьку,
Самъ ложилса нонъ Чурило на кроватоцьку.
Услыхала у Пермьаты нонъ служаноцька,
30. Кабы та-де нонъ дѣвушка-черनावушка,
Говорить ноньце дѣвушка-черनावушка:
«Я пойду-ле Пермьаты сыну Иванову
Какъ ушолъ нонъ Пермьата да во божью церковь».
Говорить тутъ Чурило блады Пленковичъ:
35. — Ожъ ты ой есь ты дѣвушка-черनावушка!
Ты не сказывай Пермьаты сыну Иванову,

- Я куплю тибѣ платоцикѣ на головушку,
Заплачу я за платоцикѣ нонѣ пети рублей.—
Ужѣ на то нонѣце дѣвка не здавайтце:
40. «Эй, я скажу-де Пермьты сыну Иванову».
Говорить на то Чурило млады Пленковичѣ:
— Ёжѣ ты ой еси дѣвушка-чернавушка!
Ты не сказывай Пермьты сыну Иванову,
Я куплю тибѣ въ косу да нонѣце лентоцьку,
45. Заплачу нонѣце за лентоцьку десети рублей.—
Какѣ на то нонѣце дѣвка не здавайтце:
«Я пойду-де-бы нонѣ да во Божью церковь,
Я скажу-де Пермьты сыну Иванову».
Говорить на то Чурило млады Пленковичѣ:
50. — Ёжѣ ты ой еси дѣвушка-чернавушка!
Ты не сказывай Пермьты сыну Иванову,
Я куплю тибѣ нонѣце шубеецьку,
Заплачу я за шубейку двадцеть пять рублей.—
Ужѣ на то ище дѣвка не здавайтце.
55. Побѣжала она ка' дѣвушка, надѣрнулаась,
Прибѣжала она скоро въ Божью церкву,
Тамѣ какѣ служатъ нонѣ обѣдню воскресеньскую,
Подходила къ Пермьты сыну Иванову,
Говорить тутѣ дѣвушка чернавушка:
60. «Ужѣ ты ой еси Пермьта да сынѣ Ивановичѣ!
Заскочилъ-де конь въ твои да въ зелены сады,
Ёнѣ какѣ вытопталѣ твои всѣ зелены сады».
Ожѣ на то былѣ Пермьта да былѣ догадливой,
Онѣ какѣ скоро пошолѣ нонѣ изѣ Божьей церкви,
65. Онѣ какѣ скоро-бы идѣтъ да къ широку двору,
Онѣ да скоро заходитѣ да на круто крыльцо,
Онѣ и скоро идѣтъ да по новымѣ сѣнямѣ,
Изѣ новыхѣ-то-ле сѣней да въ занню горницу,
Какѣ изѣ занней-то онѣ горничѣ во теплу лёжню,
70. Какѣ увидѣлѣ онѣ Чурила млады Пленковича,
Какѣ живѣтъ тутѣ у него Чурило по домашному.
Говорить тутѣ Пермьта да сынѣ Ивановичѣ:
«Кабы прежде тебѣ да было сказано,
Ужѣ досель тибѣ было ище наказано,
75. Не ходи ты въ мои да въ зелены сады,
Не топчи ты мою да шолкову траву».

- Говорить на то Чурило да блады Пленковичъ:
— Ужъ я эки-ти ли рѣчи не слыхалъ у тя.—
Ой какъ тутъ-ле Пермьята да сынъ Ивановичъ,
80. Онъ схватилъ ноньце Чурила за черны кудри,
Онъ тащилъ его-бы скоро да вонъ на улицу,
Онъ вытаскивалъ-бы скоро на круто крыльцо,
Да бросалъ онъ Чурила со крута крыльця,
Ужъ какъ тутъ ноньце Чурилъ смерть случилосе.
85. Ёнъ заходитъ Пермьята да во теплу лежню,
Говорить его-ле нонь да молода жона:
«Не зайдётъ боле другижды красно солнышко».
Ёнъ схваталъ ей, Пермьята, да зачерны кудри,
Онъ вытаскивалъ ей скоро вонъ на улицу,
90. Какъ спускалса-бы онъ да со крута крыльця,
На одну ногу ступилъ ей, другу оторвалъ,
Кабы бросилъ онъ ей да во чисто полѣ,
Тамъ чернымъ-де воронамъ да на воскурканьѣ
Онъ сѣрымъ-де ка' волкамъ да на ростарзаньѣ,
95. Ужъ какъ синему-ле морю на утишеньѣ,
Кабы намъ всѣмъ, молодцамъ, на послыханьѣ,
Кабы старымъ-ле старухамъ на долгой вѣкъ.

26.

„Маево“ побоище.

- А и бѣжала калика переходяя,
А отъ того отъ моря отъ студеного,
Алатыря-камешка, Алатыря.
Она по три дни бѣжитъ, по три ночи,
5. Не пиваючи бѣжитъ, не ѣдаючи.
Прибѣгала ко маткѣ Елесея рѣки,
Захотѣла калика тутъ попить и поисъ,
Она попить-поисъ и тутъ огня добыть,
Огня добыть, платьѣ повысушить.
10. Не юспѣла калика опочиниться,
Накатается вдругъ туча тѣмная,
А бы тѣмна туча, туча грозная—
Навалилося ѣрда невѣрная,

- Прибѣгала собака—Кудреванко-царь;
15. Онъ со тимъ со зетемъ, со Киршикомъ,
Онъ со тимъ со сыномъ со Миршикомъ.
У его, собаки, силы множество,
Прибѣгала ко маткѣ Елесей рѣки.
Онъ мосты мостилъ тутъ калиновы,
20. Перекладыны кладеть все дубовыя,
Переносится, собака, перевозится,
Черезъ ту-де матушку Елесей рѣку.
Становился на поле Куликово,
Заставливалъ шатры онъ чернобѣхатны;
25. Ётъ того-де отъ пару лошадиного,
Отъ того, ётъ духу человѣческа,
А и поблѣкло красно солнышко,
Помертвѣлъ батюшко свѣтѣль мѣсець,
А и потерялися-ле тутъ да звѣзды частыя,
30. Звѣзды частыя, да зори ясныя.
А и ёго ле у собаки силы множество,
По праву его руку сорокъ тысячей,
По лѣву-ту руку сорокъ тысячей,
Переди собаки сорокъ тысячей,
35. Позади его да числа-смѣту нѣтъ.
Онъ кабы самъ ёнъ, собака, заговоршыкъ злой,
Ёнъ кабы сталъ по силы поѣзживатьъ,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать:
Не брала чтобы силу сабля вострая,
40. Не ломила бы палица буѣвая,
Не кололо-бы копейцо бурзомѣцкое.
Онъ какъ ѣздилъ по силы да трой суточки,
Онъ какъ бы всю силу заговаривалъ;
Приѣжжати тогда-де ёнъ да во черной шатѣрь,
45. Во черной шатѣрь да чернобѣхатной;
Онъ садился тогда да на ремещать стуль,
Бралъ чернила тогда да со гумагою,
Онъ писалъ тутъ ерлыкъ, скору грамоту,
Онъ писалъ-де нонѣ да въ стольный Кіевъ-градъ,
50. Ко тому ко князю, ко Владимиру;
Онъ просилъ у князя виноватого,
Виноватого да поединщика.
Написалъ ёнъ ерлыкъ, ой скору грамоту,

- Онъ говоритъ, собака, Кудреванко царь,
55. Говориль онъ своей силы арміи:
«Изъ васъ бываль-ли кто на святой Руси?
А по руському кто говариваль,
По нѣмецькому протолмачиваль?»
Приходило тутъ Тугарище поганое,
60. Говорить Тугарище поганое:
— Я бываль-де смала на святой Руси,
А маленько я по руському говариваль,
По нѣмецькому протолмачиваль.—
А кабы это нонѣ Тугарище поганое,
65. Голова Югарища нонѣ пивной котель,
Кабы юшица да царски блюдища,
Кабы глазища да сильны чашища,
Кабы ручища да сильны граблища,
Кабы ножища да сильны кичинища,
70. Вышину-де самъ какъ трюхъ сажень,
Шириной Югарище—коса сажень,
Коса сажень да нонѣ печатная.
Кабы это калика все увидѣла,
Она все калика услышала,
75. А её отгуль—опять впередъ пошла;
А идетъ калика въ стольный Кіевъ градъ,
Приходила калика въ стольный Кіевъ градъ,
Ужъ ко той ко гринѣ княженевской;
Какъ становилась подъ окошечко косяцато,
80. Какъ на то на мѣсто на калическо;
Какъ просить тутъ милóстыню ради Христа,
Какъ кричитьъ она зычнымъ голосомъ.
А какъ въ ту пору было, о то время,
У того у князя, у Владимира,
85. Погодился удалой доброй молодець,
Кабы старь-казакъ, да Илья Муромецъ.
Онъ глядѣль-де старь да вонъ на юлицу,
Кабы въ ту околенику хрустальную,
Увидалъ калику переходящую.
90. Говорить тутъ старь-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко, Владимирь-князь,
Ты пойди скоренько вонъ на юлицу,
Ты на юлицу, да на круто крыльцо,

- Ты зови калику переходжую,
95. Ты зови калику, низко кланейся,
Кабы эта калика да не плоха была». Ужь и тутъ бы князь скоро не ослышался,
Побѣжалъ онъ скоро вонъ на улицу,
Выбѣгалъ-де скоро на круто крыльцо,
100. Онъ спускался скоро со крута крыльца,
Кабы тутъ каликѣ да низко кланялся,
Говорилъ тутъ князь ей таково слово:
«Ты пожалуй-ко калика переходжая,
Ты ко мнѣ ко князю ко Владимиру,
105. Ужь во ту во гриню княженевскую,
Ище хлѣба нсь, да перевару пить,
А затимъ у меня, у князя, чего Богъ послалъ». Кабы скоро тутъ калика нонь идетъ ище,
Какъ во ту во гриню княженевскую,
110. Заходила тутъ во гриню княженевскую,
Она Богу-ту ноньче молилася,
Кабы крестъ кладетъ все по писаному,
А поклонъ кладетъ все по ученому,
А молитву творить полну Сусову,
115. На вси стороны калика поклоняется,
Какъ князю со княгиней на особицу.
Говорить тутъ старой таково слово:
«Приходи-де ты калика переходжая». И говоритъ тутъ старой таково слово:
120. «Ужь ты ой есь солнышко Владимиръ-князь!
Ты сади нончи калику за дубовой столъ,
И попить и поисъ, нонь покушати». На то ноньче князь да не ослышался.
Какъ становятъ бы нонь скоро дубовой столъ,
125. Какъ на столъ бы носятъ всяки кушанья.
И говоритъ тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ты садись-ко калика за дубовой столъ,
Кабы хлѣба нсь, да перевару пить,
А затимъ отъ князя чего Богъ послалъ».
130. А и бы тутъ ноньче калика переходжая,
Какъ садится скоро за дубовой столъ,
Попить-поисъ, хлѣба покушати.
А бы садилось калика переходжая,

- Кабы пить да ись, хлѣба кушати.
135. А и какъ пила-де, ѣла она до сыта,
А ходила скоро изъ за стола еще,
А изъ стола-де скоро да дубового,
Кабы Богу ту помолилося,
На вси стороны она поклонилосе,
140. И какъ спасибо она нонь дала ище,
А садилосе на лавочку брусчатую.
Ужъ какъ подходитъ удалой доброй молодець,
Кабы старь-казакъ, нонь Илья Муромецъ,
Ёнъ бы сталъ ю ей нонь все выпрашивать,
145. Ёнъ бы сталъ у ей все выпытывать:
«Ты откуль-же калика перехожая,
Ты откуль идешь, куда путь держишь?
Ты чего, дорогой шла, нонь видѣла,
Ты чего, дорогой шла, нонь слышала?»
150. Ужъ какъ тутъ ему калика нонь отвѣтъ держить:
— Я иду калика перехожая,
Отъ того-ле отъ моря, отъ студеного,
Съ Алатыря-камешка, отъ Латыря;
Я бѣжала калика перехожая,
155. Я бы по три дни бѣжала, по три ночи,
Не пиваючи бѣжала, не ѣдаючи,
Прибѣжала я ко матки Елесей рѣки,
Захотѣла тутъ калика нонь попить-поисъ,
И попить-поисъ, да тутъ огня добыть,
160. Ужъ огня добыть, платъе повысушить.
Не юспѣла я, калика, опочиниться
Накатилосе вдругъ тутъ туча темная,
А темна туча, туча грозная,
Навалилося бы тутъ орда невѣрная,
165. Прибѣгалъ тутъ собака Кудреванко царь,
Прибѣгалъ ко матки Елесей рѣки;
Онъ какъ чрезъ ту-де Елесей рѣку,
Онъ мосты мостилъ все калиновы,
Перекладины кладетъ да все дубовые.
170. Переноситце собака перевозитце,
Черезъ ту-де ноньче матку Елесей рѣку;
Становился на поле Куликово,
Заставливалъ шатры онъ чернобархатны.

- У его-ле у собаки силы множество:
175. По праву руку сорокъ тысячей,
По лѣву руку сорокъ тысячей,
Переди собаки сорокъ тысячей,
Позади его да числа-смѣту нѣтъ;
Отъ того-ле отъ пару лошадиного,
180. Ётъ того, ётъ духу человѣческа,
Ой поблѣкло красно солнышко,
Помертвѣлъ батюшко свѣтель мѣсець.
И какъ сталъ онъ, собака, по силы поѣжживать,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать,
185. Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буювая,
Не кололо-бы копейцо бурзомецкое;
Онъ какъ ѣздилъ по силы да трои суточки,
Приѣжжать тогда-де онъ во черной шатерьъ,
190. Во черной шатерьъ, да чернобѣрхатной,
Онъ садился тогда да на ремещать стульъ,
Бралъ чернильницу онъ да съ гумагою,
Онъ писалъ тутъ ерлыкъ, скору грамоту,
Онъ писалъ-де нонче въ стольной Кіевъ-градъ,
195. Ко Владимиру ко князю, ко солнышку,
Онъ просилъ у князя виноватого,
Виноватого да поединщичка.
Написалъ ерлыкъ онъ, скору грамоту,
Говорить-де собака Кудреванко-царь,
200. Говорить онъ своей силы-армін:
«Изъ васъ бываль-ле кто на святой Руси?
А по руському кто говариваль,
По нѣмецкому протолмачиваль?»
Приходило тутъ Тугарище поганое,
205. Говорило Тугарище поганое:
— Я бываль-де смала на святой Руси,
И маленько-де по руському говариваль,
По нѣмецкому протолмачиваль.—
А у этого Тугарища поганого,
210. Голова Тугарища съ пивной котельъ,
А юшица да царски блюдица,
А глазица да сильны чашица,
Какъ ручица да сильны граблица,

- Какъ ножища да сильны кичинища,
215. Вышиной Тугарище, онъ трюхъ сажонъ
Шириной Югарище коса сажень,
Коса сажень да нонъ печатная.
Кабы все ёна имъ рассказала-же,
Кабы все ёно имъ развѣдала,
220. Ище тутъ нонъ калика стала прощатися,
Какъ бы тутъ калика опять впередъ пошла.
А кабы немного время миновалосе,
Ужъ немного время прокатилосе,
Прѣзжаетъ Идолище поганое,
225. Ко тому ко князю, ко Владимиру,
И заходитъ онъ во гриню княженевскую.
Онъ-де Богу тутъ онъ не молитце,
Онъ кладетъ ерлыкъ на дубовой столъ
И оттуль-де онъ поворотъ даетъ.
230. Выходило Идолище вонъ на улицу,
Онъ какъ подпадываль своимъ плечомъ правымъ,
Какъ подъ ту подъ гриню княженевскую,
Задрожала гриня княженевская;
Тутъ уѣхаль онъ, идолище поганое.
235. Кабы послѣ того было, послѣ этого,
Ужъ погодилсе у князя у Владимира
Кабы старъ-казакъ, да Илья Муромецъ.
Говорить тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ ты старъ-казакъ, Илья Муромецъ!»
240. Мы какъ, што мы станемъ нонче дѣлати?»
Ой говоритъ тутъ старой таково слово:
— Ужъ какъ дѣлатъ-то намъ пришло нечего,
Собирать видно всѣхъ русскихъ богатырей.—
Говорить тутъ-де солнышко Владимиръ-князь:
245. «Мы кого-же нонъ пошлемъ да за богатырьми?»
Говорить тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Какъ послать намъ надо за богатырьми,
Какъ того Добрынюшку Микитича:
Ой Добрыня Микитичъ роду вѣжлива,
250. Онъ-де вѣжлива роду, самъ очеслива,
Онъ умѣтъ съ богатырьми и сѣхаться,
Онъ умѣтъ съ има ище разѣхаться.—
Какъ бы тутъ нончи Добрыня скоро снаряжатся,

- Онъ и скоро, Добрыня, сподобляится,
255. Онъ пошелъ бы скоро вонъ на юлицу,
Онъ пошелъ къ своему широку двору,
Онъ уздать-сѣдлатъ своего коня доброго.
Какъ поѣхалъ Добрыня Микитичъ-братъ
Собирать всѣхъ русскихъ богатырей;
260. Онъ какъ ѣздилъ Добрыня трои суточки,
Не пиваючи съѣздилъ, не ѣдаючи,
И здоху коню не даваючи;
Какъ приѣхалъ тутъ Добрыня въ стольной Кіевъ-градъ,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
265. И какъ собралъ всѣхъ русскихъ богатырей.
Собралися всѣ, да ѣни съѣхались,
Ужъ не много и не мало тутъ было богатырей,
Собралися всѣ ко князю ко Владимиру.
Говорятъ бы всѣ руськи богатыри:
270. «Ужъ ты ой еси старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Ужъ мы, что мы станемъ нонъче дѣлати?»
Говорить имъ старой таково слово:
— Ужъ какъ дѣлатъ-то-ле намъ да пришло нечего,
Надо ѣхать видно во чысто полѣ.—
275. И говоритъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Ужъ вы ой еси руськи богатыри!
Надо намъ итти во Божію церковь,
Во Божью церковь, Богу молитися,
Помолится Спасу Вседержителю,
280. А затимъ и Миколу-то святителю,
А затимъ присветой Матерь-Богородицѣ,
Ой помолитися, благословитися.—
Кабы тутъ робята нонѣ вонъ пошли,
Приходили всѣ робята ко добрымъ конямъ,
285. Какъ сажалися робята на добрыхъ коней,
И не видѣли ихъ поѣздки богатырской,
Какъ тяжелой побѣжки лошадиной,
Только видѣли—робята вскочили,
На кони скочили, въ стремяна ступили,—
290. Только видно въ полѣ курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ валить.
И когда ѣдутъ они по полю по чыстому,
Говорить-бы тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:

- «Ужь вы ой еси руськи богатыри!
295. Намъ поставить надо во чисто поле,
Во чисто поле намъ бѣлой шатеръ».
Кабы они, робята, становилисе,
Ужь поставили ноньче во чисто поле,
Кабы бѣль-шатеръ, да бѣлобархатной,
300. Говорить тутъ старой таково слово:
«Мы кого-же нонче оставимъ во бѣломъ шатру,
Берекчи-ле, стерекчи золоту казну,
Золоту ище казну богатырьскую?»
Говорить на то юдалой доброй молодець,
305. Кабы тотъ Олѣшинька Поповичъ братъ,
Говорить Олѣша таково слово;
— Намъ оставить надо во бѣломъ шатру,
Какъ старого казака да Илью Муромца.—
Говорить тутъ старой таково слово:
310. «Не въ умѣ-же ты, Ёлеша, слово вымолвить,—
Когда загромятъ нончи палицы биевые,
Забренчатъ-ле сабельки булатныя,
Не усидѣтъ мнѣ старому во бѣломъ шатру.
Намъ оставить надо во бѣломъ шатру,
315. Какъ того Добрынюшку Микитича,—
Онъ какъ ѣздилъ, собираль руськихъ богатырей,
Собираль, ѣздилъ трои суточки,
Не пиваючи ѣздить, не ѣдаючи
И добру коню здоху не даваючи,
320. Какъ себѣ спокою не имѣючи.»
Ой какъ оставили Добрынюшку Микитича,
Какъ выходили они изъ бѣла шатра,
И сядились тогда на добрыхъ коней,
И поѣхали нонь по полю чыстому;
325. А какъ увидѣли тутъ силу нонь невѣрную,
Говорить тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужь вы ой еси руськи богатыри!
Вы иной ѣдьте по праву руку,
Вы иной ѣдьте по лѣву руку,
330. Самъ я ѣду середкой, самой матицей».
Ужь поѣхали на ту на силу на армію,
Не здоровались робята не крестовались,
Они стали палицами помахивать,

- Какъ вперёдъ махнуть—лежить юлица,
335. Поперекъ махнуть—переулками.
Они били тутъ, ломили трои сучочки,
Не пиваючись, да не ѣдаючи,
Какъ себѣ спокою не имѣючи,
Они били тутъ-де ихъ да до одинаго.
340. Тогда собиралися робята ко бѣлу шатру,
Собиралися, да всѣ съѣхались,
Заходили всѣ робята во бѣлой шатерьъ,
Говорить тутъ старъ-козакъ Илья Муромецъ:
«Нонь всѣ-ли пріѣхали богатыри?»
345. — У насъ нѣтъ двухъ брата Долгополые,
Лука, Матвѣй дѣти Петровскіе.—
Говорить тутъ старъ-козакъ Илья Муромецъ:
«Видно нѣту ихъ въ живыхъ нонь на семъ свѣтѣ».
- А какъ немного время миновалось,
350. Какъ пріѣхали два брата Долгополые,
Какъ пріѣхали они ко бѣлу шатру,
Взаходили тутъ они во бѣлой шатерьъ,
Говорить тутъ старой таково слово:
«Ужъ вы ой еси два брата Долгополые!
355. Не считали мы васъ живыми на семъ свѣтѣ».
- Говорятъ тутъ два брата Долгополые,
Какъ Лука, Матвѣй дѣти Петровскіе:
— А бы кто насъ можетъ побѣдить ноньче?
Кабы было золото кольцо въ землѣ,
360. Поворотили бы мы матеръ землю,
Какъ была бы ноньче на небо лѣстница,
Мы пресѣкли бы всю силу небесную.—
Говорить имъ старой таково слово:
«Ужъ вы ой еси два брата Долгополые!
365. Кабы эти ваши слова богопротивные».
- Не юспѣли тутъ братья попить-поисъ,
Кабы эта сила вся возстала-же:
Какъ котораго сѣкли на двое,
Изъ того-де стало ноньче двое-же.
370. А котораго сѣкли на трое,
Изъ того-де стало ноньче трое-же,
Кабы прибыло-же силы множество,
Кабы вдвое, втрое, ноньчи впятеро,

- И кабы эта ноньче сила, нонь невѣрная,
375. Находити имъ стала на бѣлой шатеръ.
Кабы тутъ всѣ робята зволновалисе,
Выходили кабы они изъ бѣла шатра,
Какъ сажались они скоро на добрыхъ коней;
Опять они стали по силы нонь поѣзживатьъ,
380. Кабы стали силу нонь помахиватьъ,
Какъ впередъ махнуть—лежить улица,
Поворотъ даютъ—переулками.
Они били, рубили шестеры суточки,
Не пиваючи, да не ѣдаючи,
385. На учась здоху не имѣючи;
Кабы били они ихъ до единого,
Не оставили ихъ не единого.
Тутъ тогда это стало покоище,
Кабы Маево стало побоище.

Конецъ былины былъ мнѣ разказанъ на словахъ, такъ какъ старинникъ больше не могъ пѣть. Когда послѣ битвы богатыри собрались въ шатеръ, то увидѣли, что опять нѣтъ двухъ братьевъ Долгополыхъ. Поѣхали искать ихъ и нашли,—они окаменѣли. Увидя это, Илья Муромецъ сказалъ: «Чѣмъ они похвалились, тѣмъ и подавились».

27.

Соломанъ Премудрый и Васька Окуловъ.

- Ай да за моремъ-ле, моремъ нонь за синимъ,
Ай у Васьки царя было Окулова.
И завѣлса у Васиньки почесенъ пиръ,
И на многихъ-ле князей, сѣ на бояровъ,
5. И на многихъ купцей, людей торговыхъ,
И на тихъ-же мѣщанъ да пригородныхъ,
И на тихъ-же кресьянъ да православныхъ;
Онъ какъ пиръ-отъ снаредилъ, Васька, пировать стали.
И кабы пиръ-отъ нонь идѣтъ ище ко вечеру,
10. Красно солнышко катитцѣ ко западу,
Ищѣ пиръ-отъ идѣтъ да о полупира,
Кнежоневская радость въ полурадости;

- Ужъ выходитъ-ле Васинька прикрасной-царь,
Онъ выходитъ на сэреду-кирпищатъ-поль,
15. Онъ-же по полу-то Васинька похаживать,
Кабы съ ножиньки на ножку переступывать,
Ёнъ сапогъ-де о сапогъ да поколачивать,
Онъ берщатыми-ти скобками побрякивать,
Онъ бѣлыми-ти руками прирозмахивать,
20. Онъ злачными-ти персями принабрякивать,
Онъ есныма-ти оцями прирозглядывать,
Онъ буйной-то головой да принакачивать,
Онъ желтыма-ти кудрями принатряхивать,
Тихо-смирную рѣць самъ выговаривать:
25. «Ужъ вы ой еси какъ всѣ люди православныя!
Ужъ вы ой еси купцы, люди торговыя!
Ужъ вы ой еси мѣщана пригородныя!
Ужъ вы всѣ вы сидите нонѣ споженены,
А за васъ всѣ красны дѣвушки повыданы,
30. Ужъ единъ-то я, Васинька, холость хожу,
Я холость, Васька, хожу, да не жонатъ живу,
Вы не знайте-ли хто мнѣ полюбовницу?
И не знайте-ли хто мнѣ супротивницу?
Э не знайте-ли хто мнѣ молоду жону?
35. И така-бы мнѣ была да молода жона:
И статнѣмъ была статна, да полно возрастомъ,
Волосомъ была руса, штѣ-бы лицомъ бѣла,
А бы рѣць у ей, говѣря тихо-смирная,
И походецька у ей штобы упавая,
40. И поглядоцька у ей была умыльная,
Што-бы было кого назвать княгиною,
Што-бы было отъ кого да князю цара пить,
На ей штобы была рубашка тонка бѣлая,
Кабы сквозь еѣ рубашку тѣло видѣти,
45. Ищѣ сквозь-бы-ле тѣло кости видѣти,
И какъ всякія суставы чоловѣчески,
Ужъ изъ кости-ле-бы въ косъ мозгъ переливаются,
Какъ скаченой-ле жемчугъ перекатайтсе».
Ище всѣ тутъ на пиру да пріумолкнули,
50. Кабы всѣ на томъ чесномъ да пріудрогнули,
Ищѣ большо-ѣтъ хоронитсе за среньяго,
Ищѣ среньяѣй хоронитсе за меньшого,

- Ужъ отъ меньшого-де князю нонь отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ за стола переньнѣго,
55. Тамъ ставаѣтъ-де удалой доброй молодець,
По прозванью-то Тороканъ да сынъ Заморянинъ,
Онъ поближешенько-то князю придвигайтсе,
Понижешенько онъ князю покланяйтце,
Говоритъ тутъ Тороканъ да таковы слова:
60. — Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-ле мнѣ-ка нонь да слово вымолвить,
Не позволь-ле миня за слово головы сказнить,
Головы гдѣ сказнить, скоро повѣсити,
И не выслать миня штобы въ ссылки дальнія.—
65. Говоритъ на то солнышко Владимиръ-князь:
«Говори-же, Тороканъ, ты не юпадывай,
Не одинаго словецька не ютаивай».
Говоритъ-же тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ:
— Я бы съ мала-то бываль да ноньце за морѣмъ,
70. Ищэ за морѣмъ бываль да я за сннимъ,
А видалъ-де ка ' за морѣмъ за синимъ,
У Солмона царя видалъ премудрого,
Кабы есь у его нонь молода жона,
Какъ статномъ-ле та статна, да полна возрастомъ,
75. Волосомъ-де руса, ищэ личомъ бѣла,
У ей рѣци-де, говоря тихосмирная,
И походацька у ей была упавая,
И поглядоцька у ей была умыльная,
Хоть на ей-де рубашка тонка бѣлая,
80. Кабы сквозь ее рубашку тѣло видѣти,
Ищэ сякія суставы чоловѣчески,
Изъ кости-ле въ кость мозгъ переливайтце,
Какъ скаченной жемцюгъ перекагайтсе;
Ищэ можно ту назвать да нонь княгиною,
85. Ищэ можно отъ ей да князю цяру пить».
Говоритъ на то Васинька прикрасной царь:
«Ужъ какъ можно у жива мужа жена отнять?»
Говоритъ тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ:
— У жива мужа жена отнять—не твоя печаль,
90. Снареди-ко ты три карабля черленя,
Ужъ со всякими товарами заморскими,
Побѣжу я какъ тогда да за синѣ морѣ.—

- Онъ даватъ-де ему да дозволенъичо.
Нагрузиль ёнъ три карабля черленя,
95. Онъ со всякими товарами заморскимя,
Побѣгать стáль Тороканъ да за синё морё;
Кабы сходенки ёни нонъце повибрали,
Кабы якори заморьски всѣ повиызнели,
Подымали тонки парусы полотнены,
100. Кабы далъ имъ Богъ нонъ тишины пособной,
Ужь бѣжали они тутъ за синё морё,
Ко тому-де ко царю да ко Солóману.
Прибѣгали ко царю да ко Солóману,
Какъ походить Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
105. Онъ походить ко царю нонъце ко Солóману,
Онъ поносить какъ подароцьки хорошія,
Торговать штобы безденежно, безошлинно.
Какъ Солóмана-го въ домѣ не случилось,
Онъ уѣхаль Солóманъ къ морю синёму,
110. Онъ на тихіе уѣхаль онъ на галани,
Онъ стрѣлётъ тамъ гусей, да бѣлыхъ лебедей,
Побивати сѣрыхъ малинькихъ утянышковъ,
Ужь крыластыхъ, пернастыхъ, перелётныхъ,
И гонять ищэ лисичъ, да бѣлыхъ заечей.
115. Тутъ приходитъ Тороканъ къ царю къ Соломану,
Тутъ-де стрѣцаетъ-де Солóмана молода жона,
Говорить она-ле тутъ да таково слово:
«Приходи-же ты, пожалуй, небывалой гось!»
Отдавать онъ ей подароцьки хорошія,
120. Ищэ самъ тутъ говоритъ да таково слово:
— Торговать што-бы-ле намъ безданно-безошлино.—
Принимать она подароцьки хорошія,
И садить его за столы да за дубовыя:
«И садись-ле ты удалой доброй молодець,
125. И какъ хлѣба у мянъ ись, да перевару пить,
А затимъ-де у меня да чего Богъ послалъ».
Онъ садился Тороканъ да за дубовой столъ,
Онъ и пилъ тутъ и ѣлъ да цего Богъ послалъ;
Какъ подавать она ему да сяки кушанья,
130. Подавать она ему цяры зелена вина,
Ужь какъ ему-го подавать, да сама-го пьётъ:
Они пили, пировали проклаждалися,

- Тутъ какъ сталь онъ походить да на черлѣнъ карабъ,
Онъ какъ тутъ еѣ зовѣтъ ѣнъ на черлѣнъ карабъ:
135. «Я у тя-де погостилъ, дакъ ты ко мнѣ пойдѣмъ,
И заѣмно погости у мя на карабли».
Онъ пошолъ-де Тороканъ да на черлѣнъ корабъ,
Онъ приходитъ ко своимъ людемъ робочимъ,
Говоритъ имъ Тороканъ да таково слово:
140. «Ужъ вы ой еси мои люди робочія!
Какъ увидите-ле съ черного вы съ карабля,
Какъ идѣтъ-ле Солóмана молода жона,
Вы встрѣцайте еѣ нонъ, низко кланяйтесь;
Кабы ступитъ-де ѣна какъ на черленъ карабъ,
145. Подавайте вы ей цару зелена вина,
На другой-же она ступень да нонъце ступитъ-же,
Вы другу ей подавайте нонъце цару-же,
Вы ведите ей тогда да во черленъ карабъ,
Какъ зайдѣтъ она тогда да во черленъ карабъ,
150. Вы здымайте тогда якори заморскія,
Вы вытегивайте сходенки дубовыя,
Подымайте тонки парусы полотнены.
Онъ зашолъ Тороканъ да во черленъ карабъ,
Какъ увидѣли его люди робочія,
155. И идетъ-де скоро Соломанова молода жона,
И заходитъ-де ѣна да на черленъ карабъ,
Ужъ подавають они цару зелена вина;
На другой разъ ступила на черленъ карабъ,
И другу ей подавають нонъце цару-же,
160. Проводили ей-де нонъце во черленъ карабъ;
Тамъ стрѣцаетъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Онъ садилъ тогда-де ей да за дубовой столъ,
И какъ пити-де ка' ись, да нонъце кушати,
И какъ всяки тутъ питья-ѣствы наставлены,
165. Наливать ей, подавать онъ цару зелена вина,
И самъ подавать, и самъ тутъ пѣтъ;
Тутъ его-то-ле люди нонъ робочіе,
Выздымали ѣни якори заморскія,
И затегивали сходенки дубовыя,
170. Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали они какъ тутъ нонъ за синѣ морѣ.
Прохватилась тутъ нонъце Соломана молода жона,

- Выходила-де ёна да на черленъ карабъ,
Ожъ карабль-отъ бѣжитъ да среди моря,
175. Она тутъ-же какъ нонь да звыла-сплакала:
«Ужъ ты што-же Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Ты куда-же меня везёшь нонь за синё морё?
За себя-ле ты везешь, ле за пріятеля?»
Говоритъ тутъ Тороканъ да таково слово:
180. — Я везу тебя-ле нонь да за пріятеля,
Я за Ваську царя ноньце Окулова,
У насъ жити-то добро, дакъ служить легко:
У насъ среды-то, пѣтничи не постують,
И велики чатверги у насъ нечѣмъ зовуть.—
185. Прибѣгали они къ Васинькѣ Окулову,
И пошолъ тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Онъ ведётъ-де Солбмана молоду жону,
Кабы Васинька-то тутъ да зрадовалса-же,
Веселымъ они пиркомъ да скорой свадебкой.—
190. А пріѣхалъ тамъ Соломанъ изъ чиста поля,
Онъ навѣзъ-де гусей, да бѣлыхъ лебедей,
Нагонялъ-де лисичъ, да бѣлыхъ заечей,
Онъ въ уми-то своёмъ да нонци думаетъ:
«Кабы гдѣ-же миня не встрѣтятъ да молода жона?»
195. Одолило винно ей ноньце богатство,
Забрала винно ей хворось нонь тяжолоя).
Выходила тутъ его ноньце служаноцька:
— У тя нѣту ноньце дома молодой жоны,
Прибѣгалъ Тороканъ, да онъ изъ за моря,
200. Онъ увѣзъ-де твою да молоду жону.—
Говоритъ на то нонь ищэ Солбманъ чарь:
«Я бы не думалъ ноньце ѣхать за синё морё,
По свою-ту-ле нонь да молоду жону,
Кабы 'сякъ миня назовётъ да «потеряй-жона».
205. Онъ какъ сталъ тутъ Солбманъ снарежатисе,
Снаредилъ 'сѣ три карабля черленныя,
Онъ берётъ ноньце людей ноньце робоцихъ,
Онъ берётъ съ собою дружину всё хоробрую,
Хоробру-де дружину, заговорную,
210. Побѣжалъ тутъ Солбманъ за синё морё;
Прибѣгалъ-да ка' за морё за синёе,
Онъ ко Васинькѣ царю ноньце Окулову,

- Какъ походить самъ единъ ноньце со карабля,
Онъ товарищамъ своимъ ноньце наказывать:
215. «Какъ вы слушайте-же нонь да понимайте-же:
Заиграю я когда да нонь во турей рогъ,
Вы тогда, вы робята, снаряжайтесь-же;
Какъ другой разъ заиграю я во турей рогъ,
Вы сходите тогда со черного со карабля;
220. Какъ третей разъ заиграю я во турей рогъ,
И тогда меня заставляйте вы живого-же».
Онъ пошолъ тогда ' царю Васькѣ Окулову,
Онъ заходитъ ему во гриню кнежоневскую,
Кабы Васьки-царя дома не случилось,
225. Какъ она сидитъ Солóманова молода жона;
Онъ немного посидѣль, да поздоровался,
Какъ идѣтъ ноньце Васинька прикрасной-царь,
Говоритъ тутъ Солóманъ таково слово:
«Ужъ куда-же нонь отъ него я дѣваюсе?»
230. Говоритъ на то его-же молода жона:
— Ты ложись нонь на кроватоцьку тисовую,
Я накину на тебя ноньце перинушку.—
И сама она садилась на перинушку,
Какъ зашолъ тутъ-то Васинька прикрасной-царь,
235. Говоритъ ему Солóманова молода жона:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Кабы былъ ноньце-ле этта нонь Солóманъ-царь,
Ужъ-бы што ноньце надъ имъ да сталъ ты дѣлати?»
— Я бы взялъ-де со спицьки саблю вострую,
240. Я срубилъ-бы ноньце прямо буйну голову.—
Соскоцила она-бы скоро со кроватоцьки,
Ужъ отдѣрнула перинушку пуховую,
Тутъ лежитъ-де Солóманъ-царь премудрыя;
Ужъ хватаётъ Васька со спицьки саблю вострую,
245. Онъ срубить хоцѣтъ-де прямо буйну голову;
Говоритъ-же тутъ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Ужъ какъ насъ-де царей да не казнять ищѣ,
Ужъ какъ насъ-де царей да ноньце вѣшаютъ».
250. Ужъ назадъ-де повѣсилъ Васька саблю вострую,
Онъ приказывать въ полѣ сдѣлать релю високою.
Кабы скоро его люди-робочіе релю сдѣлали,

- И пришли они, сказали Васьки Окулову,
И вести-де кабы хоцють царя Соломана;
255. А собралось народу много множество.
Повели-де Соломана во чисто полѣ,
Говорить тутъ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Ужъ какъ дай мнѣ заиграть ноньце во турей рогъ,
260. Мнѣ проститьце-ле нонь да съ гусьми, съ лебедьми».
Говорить ноньце Соломанова молода жона:
— Ужъ Соломанъ-отъ, мотри, дакъ онъ хитѣрь-мудѣрь,
Онъ какъ выйдеть своей да хитрой мудросью.—
Говорить на то Васинька прикрасной-царь:
265. «Ты играй-же нонь ищѣ Соломанъ-царь,
Ты хотъ сколько играй, да сколько моць берѣть».
Заигралъ во первой законъ ноньце въ турей рогъ,
Кабы весь тутъ народъ остановилисе,
Онъ игралъ сколько надомно во турей рогъ,
270. Кабы тутъ опеть впередъ да повели его.
Говорить опеть Соломанова молода жона:
«И какой еси ты Васинька прикрасной-царь!
Ты казни нынѣце Соломана скоро-наскоро,
Не то Соломанъ выйдѣтъ хитросью и мудросью».
275. Говорить на то Васинька прикрасной царь:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ-де дологъ, умъ коротинькой,
Какъ Соломанъ-отъ-ле ноньце—онъ у насъ въ рукахъ.—
И Соломанъ-отъ говоритъ ноньце таково слово:
280. «Ужъ онно-то колесо да ищѣ катитце,
А друго-то колесо да не останитсе».
Говорить на то Васинька таково слово:
— Какъ сказали-де ' Соломана—«хитѣрь-мудѣрь»,
Не напюль я Соломана дицѣ-де всѣхъ:
285. Да куда-же колесо друго останитсе
И докуль-же какъ ось да не отѣритсе?—
Говорить на то ищѣ ноньце Соломанъ царь:
«Ужъ вы ой еси люди православныя!
У кого-ле васъ, у васъ есь отчи-мáтери,
290. У кого-ле у васъ есь дѣти малыя,
Воротитесь вы назадъ да вы домой ищѣ:
У Соломана-то смерть будѣтъ страховитая».

- А народъ-де на то да не глядятъ ищѣ;
Говоритъ ищѣ Соломанъ таково слово:
295. «Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной царь!
Ужъ ты дай мнѣ заиграть ищѣ во турей рогъ,
У меня были во чистомъ поли пріятели,
И съ има-бы мнѣ ка' нонь ищѣ проститисе».
Говоритъ на то Васинька Окуловичъ:
300. — Да ты играй-же Соломанъ царь премудрыя,
Ты играй-же сколько тебѣ хочетца.—
Говоритъ на то Солóмана молода жона:
«Ты скорѣ его казни, скорѣ нонь вѣшай-же,
И Соломанъ-отъ уйдѣтъ хитросью-мудросью».
305. Говоритъ на то Васинька таково слово:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ дологъ—умъ коротинькой,
Онъ куда отъ насъ уйдетъ ноньце Соломанъ царь?
А Солóманъ-отъ-ле ноньце у насъ въ рукахъ.—
310. Какъ ведутъ опеть Соломана по чисту полю,
И ведутъ ноньце ко рели ко высокой,
И ко той-де ко плахѣ ко дубовой,
Говоритъ ищѣ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной царь!
315. Ты ужъ дай мнѣ-ка заиграть нонь во турей рогъ,
Мнѣ проститсѣ въ послѣднихъ съ людьми добрыма,
Мнѣ простися ищѣ нонь со бѣлымъ-свѣтомъ».
Говоритъ на то-ле Васька таково слово:
— Ты играй-же-ле сколько у тя моць берѣтъ.—
320. Онъ игралъ-де Соломанъ нонь во турей рогъ,
Ожъ накрыли тутъ его да гуси-лебеди:
Набѣжала его дружинушка хоробрая,
Хоробра-де дружина, заговорная
И схватили они Васиньку царя ищѣ,
325. Какъ повѣсили-де Васиньку во петелку,
И какъ въ петелку его нонь во шолковую;
Торокана-то повѣсили нонь во петелку,
И во ту его во петелку пеньковую;
Какъ Соломана-то жону да нонь не вѣшали,
330. Онъ-де бралъ-де бы ей за жолты кудри,
Онъ бросалъ ей о матушку сыру-землю,
Ищѣ тутъ ноньце ей да смерть случилосе.

- А Соломанъ-отъ-де взялъ ей за праву руку,
На енну ногу ступилъ да другу оторвалъ,
335. Кабы бросилъ-де ей да во чисто полѣ,
Ужъ чернымъ-то воронамъ 'сѣмъ на воскурканьѣ,
Ужъ сѣрымъ-то волкамъ на востарзаньѣ,
Ищѣ синѣму морю на утишеньѣ,
Ищѣ вамъ 'сѣмъ молодцамъ да на послыханьѣ,
340. Кабы старымъ старухамъ нонь на долгой вѣкъ.

28.

Васька Буслаевъ.

- Жилъ-то Васенька Буслаевичъ,
Жилъ во Новомъ славномъ городѣ,
Здумалъ Васинька съѣздить въ Ерусалимъ градъ.
Сталъ онъ просить у матушки благословленьица,
5. Съ буйной главы да до сырой земли.
Какъ не бѣлая береза изгибается,
Не шелковая листьѣ растилается,
Васинька матушкѣ поклоняется,
Подаль онъ ей во первой наконъ,
10. Говорить ему матушка родимая:
«Ужъ ты ой еси чадо милое!
Негдѣ ты не бывалъ и нечѣ не видалъ».
И не давать ему благословленьица.
Падать ей Васинька во второй наконъ:
15. — Ужъ ты ой еси матушка родимая,
Честна вдова Омельфа Тимоеевна!
Съ молоду у меня, Васьки, было бито-граблено,
На стары нни мнѣ надо душа спасти,
Душá спасти, грѣхи свести.—
20. Говорить ему матушка родимая:
«Много тамъ народу ѣздило,
Да назадъ въ живы не пріѣхало».
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
— Себѣ бы ты спала, себѣ видѣла.—
25. Говорить ему матушка родимая:
«Я себѣ спала, да тибѣ видѣла».
Падать ей Васинька во третій наконъ:

- Ужь ты дашь поѣду и не дашь поѣду:
Съ молоду у меня было бито, граблено,
30. На стары нни надо душа спасти, грѣхи свести.—
Даетъ тогда ему благословленьице:
«Поѣдешь ты по матушкѣ Волховѣ,
Есть тамъ три заставы великія:
Перва застава—живутъ мужички да Новотокмяна,
35. Бьютъ, хватаютъ они удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Не пропускаютъ не конныхъ, не пѣшихъ,
Тѣ станичники да коробичники.
Другая застава есть великая—
Субой быстѣрь, да валь густой.
40. Третья есть застава великая—
На горахъ стоятъ Кресты Евангельски».
Сталь тутъ Васинька снаряжатися,
Сталь Васинька сподоблятися.
Дѣлатъ онъ сибѣ карабликъ чернинькой,
45. Легкой стружочикъ.
Хорошо стружекъ да изукрашенъ былъ:
Придѣлываль онъ къ кораблику на мѣсто правезу
По сѣру волку рысучему,
Вмѣсто очей врѣзываль по камешку самоцвѣтному,
50. Вмѣсто рѣсницъ—по сѣду бобру осистому,
Вмѣсто бровей—по той лисицѣ по Почорской;
Хорошо-дobre надцадикъ изукрашиваль,
Весѣлышка были въ надцадикѣ кленовые,
Дерѣвца были кедровые,
55. Дроги-зѣмы были шелковы,
Паруса были тонка полотнены.
Сдѣланъ былъ въ корабликѣ муравленъ чердакъ,
Построена была тамъ кроваточка слоновыхъ костей,
Слоновыхъ костей, зубья рыбьяго,
60. Исподбивана хрущатой камкой,
Исподбивана золотымъ гвоздѣмъ;
На кроваточкѣ перинушка пуховая,
На перинушкѣ подушечки шелковыя,
Наволоки на нихъ хрущатой камки,
65. Одѣяло на кровати черныхъ соболей,
А покрышка его—дорога сукна.
Сталь тутъ Васинька снаряжатися,

- Сталь себѣ брать дружиночку хорóбрую,
Хорóбру дружину, заговорную.
70. Во первыхъ онъ бралъ Потаньку Хроминького,
Хроминького, да нездоровинького,
Во другихъ-то бралъ Никитушку высокого,
Во третьихъ бралъ Оому широкого.
И сталъ онъ походить на черлѣнъ карабъ.
75. Далъ имъ Богъ тишины пособныя,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побѣжали по Волховѣ быстрѣ-рѣкѣ.
Прибѣгають ко первой заставѣ,
Живуть тутъ мужички Новотокмены,
80. Хватають удалыхъ добрыхъ молодцевъ,—
Пробѣжали заставу великую.
Прибѣгають къ другой заставѣ великой,—
Ходить тутъ субой быстѣрь и валъ густой,
Микитушка высокой у руля стояль,
85. Оома широкой околъ паруса,
Потанюшка на носу стояль.
Стало тутъ корабликъ помѣтывать, побрасывать,
Микитушка палъ на черлѣнъ карапъ,
Оома широкой тоже палъ,
90. Потанюшка хроминькой поскакивать.
Пробѣжали ту заставу великую,
Прочухарились Оома и Микитушка.
Подбѣгають къ горамъ высокимъ, Крестамъ
Евангельскимъ,
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
95. «Есть тутъ у меня положеньице положено».
Приворотили его люди робочіе,
Пошелъ Васинька ко Крестамъ Евангельскимъ,
Помолился и исполнилъ свое положеньице,
И пошелъ—поворотъ назадъ.
100. Увидѣль-же Васинька: лежитъ голова человѣческа,
Онъ стросью голову поколачивалъ,
Самъ у головы спрашивалъ:
«Ой ты, ой еси голова мертвецкая!
Если ты руська глава, я тебя погребу,
105. А невѣрна глава, такъ проклянѹ».
Говорить голова руськимъ языкомъ, человѣческимъ:

- Я невѣрна глава,—я лежу по лѣву руку крестовъ,
А ты будешь лежать по праву руку.—
Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
110. «Ты сибѣ бы спала, да сибѣ видѣла».
Говорить голова человѣческа:
— Я сибѣ спала, да Васькѣ видѣла.—
Плюнулъ Васька ей, да оттуль прочь пошелъ.
Приходитъ онъ на черлѣнъ корабль,
115. Побѣжали впередъ въ Ерусалимъ градъ.
Даль имъ Богъ тишины пособныя,
Прибѣжали въ Ерусалимъ градъ,
Пошелъ Васинька ко гробницѣ Господней,
Положенъе обвѣщано положити.
120. Помолился онъ Господу Богу,
Забрала его жара,
Задумалъ онъ въ Ёрдань-рѣкѣ покупатися.
Говорять тутъ Васинькѣ Буслаеву:
«У насъ въ Ёрдань-рѣки не купаются, обливаются».
125. Не послушалъ онъ, покупался во Ёрдань-рѣки.
Затѣмъ пошолъ Васинька на черлѣнъ корабль,
Убирали тутъ сходеньки дубовыя,
Якоря заморскіе и давали поворотъ назадъ.
Бѣжать по матушки по Волховѣ,
130. Ко горамъ высокимъ, Крестамъ Евангельскимъ,
Видитъ Васинька лежитъ у крестовъ сѣръ-горючъ-
камень.
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
«Приворотимъ къ горамъ высокимъ,
Посмотримъ, какой лежитъ тутъ камешекъ».
135. Приворотили его люди рабочіе,
Васинька коло камешка похаживать,
Стростью камешекъ поколачивать,
Говорить таково слово:
«Давайте черезъ камешекъ скакать».
140. Стали напередъ глазами скакать его товарищи.
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
«Не честь-хвала напередъ глазами скакать,
Давайте лучше назадъ глазами скакать».
Стали они назадъ глазами скакать,
145. И всѣ они скочили и перескочили.

Сталь и Васинька назадъ глазами скакать,
Скочилъ назадъ глазами
И середка камешка обрюшился.
И тутъ ему смерть случилася.

29.

Пародія.

- Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было, не уѣдено,
Не баско-хорошо было не изношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
5. Походить Васинька на царевъ кабакъ,
Поносить шапоцьку пуховъ калпакъ,
Большими-те тюнеми онъ принахлапывать,
Слѣпыми-те глазами онъ да прироспилькивать;
Приходитъ Васинька да на царевъ кабакъ,
10. Отдавать шапоцьку пуховъ калпакъ,
Просить за шапоцьку петъсотъ рублей,
А даютъ ему петъ копеечекъ.

30.

Стенька Разинъ.

- Ай да во славномъ-то во Казани, ой во Ястрахани,
Проявился тутъ, да просвѣтилса чужъ-незнаемъ-
человѣкъ,
Ай да баско-де, хорошо-де онъ по городу похаживаетъ.
Ай да чернобархатной на емъ кафтанъ, да на
рошашоцьку держаль,
5. Ай да изорванцятъ-то новой кушачѣкъ да по бѣлымъ
грудямъ да везаль,
Ай да съ бурзументомъ его черна шляпа на жолтыхъ
его кудряхъ,
Ай да новобраны его перщаточки, ай да на бѣлыхъ
рукахъ держаль,

- Ай да што зеленъ-то сафьянъ его сапожки, ай да на
рѣзвыхъ его ногахъ.
- Ай да баско-хорошо-де ёнъ по городу спохаживаётъ,
10. Ай да не штофамъ, онъ не ефицерамъ онъ не кланяйтсе,
Онъ гражданьскому-то губернатору онъ челомъ ему
не бьетъ.
- Какъ увидѣль его да губернаторъ со своего со крыльця,
Онъ да началь-почаль его губернаторъ зычно
спрашивати:
«Ты откуль-же, какой-же ты дѣтинушка, незнаемъ-
человѣкъ?»
15. Ой да ты казанецъ, ты-ле нонъ резаецъ, ты-ле
астраханецъ?
А да отвѣчаетъ ему дѣтинушка, незнаёмъ-человѣкъ:
— Не казанецъ я-то, не резанецъ, я не астраханецъ,
Я со матушки-то я со Камы, Сеньки Разина сынокъ.
Ой да по утру-то ранымъ-ранѣшинько хотѣль батько
спобывать,
20. Ой да ты умѣй тогда гостя встрѣцетъ, умѣй потчовати.—
Ай да какъ за эти-ти его словеса да посадили молодца,
Ай да што во сáди-то, во посади, въ бѣлокаменну
тюрьму.
Ай да што сидить-то молодець да не печалуютсе:
Ай да што по ютру-ту ранымъ раненько плывётъ
шлюпоцька сверху,
25. Ай да на кормы-то сидить хозяинъ, ой да Сенька
Разинъ атаманъ.

31.

Донскіе казаки.

- Вдоль по крутинькому по красному бережоцьку,
Што по жёлтому сыпучему песочку,
Туды ходили, гуляли добры молодцы,
Добры молодцы, робята—донски казаки,
5. Што донскія, да гребенскія, да запорожныя;
Они клели-заклинали славной-тихой Донъ:
«Ты не дай-же Богъ, Микола да на тихомъ Дону,

На тихомъ Дону середь лѣта о Перова дни да пересохнути,
Ты не дай-же Богъ, Никола во крещенскія морозы
перемёрзнути».

10. На тихомъ Дону потонуло да три карабля,
Какъ первой-отъ карабъ да съ краснымъ золотомъ,
А другой-отъ карабъ да съ чистымъ серебромъ,
А третъей-отъ карабъ да ' скатнымъ жамчюгомъ.
Мнѣ не жалко-то добру-молодцу да три карабля,
15. Только жалко-то мнѣ, молодцу, да три молодца,
Добры-молодцы, робята, да донски казаки,
Что донскіе, гребенскія, да запорожныя.

32.

Подъ городомъ подъ Архангельскомъ.

- Ай подъ городомъ было подъ Архангельскимъ,
Да тутъ за стѣной было городовоей,
Тутъ стояла изба-ле новая, караульная.
Во этой избѣ новой караульнейей,
5. Восемьсотъ-то сидѣло добрыхъ молодцовъ,
Енна дѣвушка межъ има да замѣшаласе;
Во игры-то играть была она горазная,
Во игры играть, да мелки шахматы.
Она билась-то съ има да о великъ закладъ,
  10. Не сти рублей билась, не о тысячи,
О трѣхъ карабляхъ билась она, о черленныхыхъ.
Обыграла-то она удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Обыграла три карабля черленныи:
Какъ первой-отъ карабъ да съ краснымъ золотомъ,
  15. Другой-отъ карабъ да съ чистымъ серебромъ,
Третъей-отъ карабъ да ' скатнымъ жамчюгомъ,
Обыграла она удалыхъ добрыхъ молодцовъ.

33.

Добрый молодецъ и разбойники.

Не путѣмъ шоль доброй-молодецъ не дорогой,
Приворачиваль ко кустышку ко ракитову,

- Што подъ кустышкомъ разбойнички сидятъ, дѣль
дѣлятъ,
Они дѣль дѣлятъ, разбойнички, золоту казну,
5. Золоту казну, разбойнички, манастырскую,
А того они манастыря сѣ селеньского,
Што того ищѣ Миколы всё светителя.
Ужъ прошаль у ихъ доброй-молодецъ—имъ во товарищы,
Не примають доброго молодца во товарищи;
10. Ужъ прошаль у ихъ доброй молодець таковá паю,
Не давають добру молодцу таковá паю;
Ужъ пошоль тутъ доброй молодець слѣзно расплакался.

34.

Смерть Александра I-го *).

- Кабы тутъ-же было да на светой Руси,
На светой-то Руси, да въ каменной Москвы,
У Ивана-то было у Великаго,
Ю Миколы-то было у святителя,
5. Во божьей-то церкви было соборной,
Ю обѣнни-то было ю Микольской:
Тутъ ударили-же да въ большой колоколь,
Штобы слышно-то было нынѣ по всей земли,
Нынѣ по всей-то земли, по всей ярміи,
10. По любезной по нашей коновардіи,
А по всимъ городамъ, нынѣ по всѣмъ селамъ,—
Нашъ приставился какъ да благовѣрной чарь,
Благовѣрной-отъ чарь Олексанъ Павловичъ,
Онъ приставился какъ да на синемъ мори,
15. На тёплой-де воды, на лѣтной заводи,
А на лѣтной-то тихой, на чёрномъ карабли.

*) «Старинку» эту сѣбла Ксеніи Поздѣва, жена П. Р. Поздѣва.

8. Егоръ Ивановичъ Рочевъ.

Крѣпкій здоровый человѣкъ 61 года; очень гладко и складно, стариннымъ ясакомъ поетъ старины. Пѣть согласился неохотно, послѣ долгихъ упрашиваній. Кромѣ напечатанныхъ здѣсь, знаетъ старины: Дюкъ, Соломанъ и Васька Окуловъ, бой Ильи съ сыномъ. Имѣлъ я дѣло съ нимъ очень мало, спѣшно и болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ не имѣю.

35.

Добрыня и Маринка.

- А жила-была старушка тутъ-де старал,
Кабы были у ей ищо двѣ дѣвушки;
А пошли они-де брать да въ лѣсъ какъ ягоды,
А впередъ-отъ-де шли лѣсами тѣмными,
5. А назадъ пошли черезъ чисто-полѣ.
А идутъ-де они черезъ чисто-полѣ,
А увидѣли бѣжатъ нынче гнѣды туры.
А гнѣды-де туры да златорогіе.
Какъ домой тутъ пришли да эти дѣвушки,
10. Они стали старушкѣ какъ рассказывать:
«Охъ ты ой-де старушка нынче старая!
Мы ходили-де, брали сладки ягодки,
А назадъ-ту пошли черезъ чисто-полѣ,
А увидѣли бѣжатъ ноньце гнѣды туры,
15. А гнѣды-де туры да златорогія;
Прежъ вѣдь бѣгало у Маринки-то деветь туровъ,
Нынче бѣжить у Маринки-то десеть туровъ,
А десять-отъ намъ туръ да придвигаитце,
А изъ глазъ-то бѣжатъ да горюци слѣзы».
20. Какъ на то была старушка какъ догадлива,
А хватала свою книгу волховную,
А смотрѣла, волховала въ книги волховной,
Говоритъ-то сама да таково слово:

- «А воровка Маринка-та лиха гроза,
25. Овернула моёго блада-хресника,
А того-де Микитушку Добрынюшку».
А хватала она шубу худящую,
А накирывала она вѣдь на онно плецѣ,
Какъ хватала она ' сабой клюку-посохъ,
30. Побѣжала старушка вдоль по городу,
Съ боку на бокъ старушка раскачалосе,
А у шубы-де клинѣ разлеталисе.
Прибѣжала къ Маринкѣ нонь лихой грозы,
Заходила она да въ избу нижнюю,
35. Забивалась на печьку на муравленку,
А какъ стала въ печь клюкой поколачивать,
А сама изъ рѣчей да выговаривать:
«Охъ воровка ты, Маринка, вѣдь лиха гроза!
Ты зачѣмъ ѣвернула моего хресника,
40. Ты того-же Микитушку Добрынюшку?
Отверни-косъ моёго блада-хресника;
Не отвернёшь моёго ище хресника,
Оверну тебя кобылой водовозной,
Какъ вѣдь стануть на весь городъ воду возить».
45. Какъ на то-же Маринка не ослышалась.
Какъ другой-де разъ печь стала поколачивать:
«Отверни-косъ моёго блада-хресника,
Не отвернешь моёго ище хресника,
Оверну те я сукой волочавою,
50. Какъ вѣдь стануть за тобой псы бѣгать завсѣ нынь,
Какъ вѣдь тѣ-же вси псы городовыя».
Услыхала тутъ Маринка-та люта гроза,
Выходила она да на середку поль,
Какъ вѣдь стала ' старушкой розговаривать:
55. — Я за то овернула твоего хресника,
Онъ застрѣлилъ у меня друга любимого.—
Какъ вѣдь призвали Никитушку Романова,
А какъ стали его ище допрашивать:
«Ты за цѣ-де застрѣлилъ друга любимого?»
60. Отвѣчатъ имъ Микитушка Романовичъ:
— Я вѣдь десять лѣтъ жилъ ище въ кучерахъ,
Да я тридцеть я лѣтъ сидѣлъ во писаряхъ,
Мнѣ сижаноцька эта какъ прискуцилась,

- Я какъ брать-де ' сабой да нще тугой лукъ,
65. Я какъ брать-де ' сабой да калену стрѣлу,
Я пошоль-де съ имъ да вдоль по городу,
Я иду-ле нынь да вдоль по городу,
Я увидяль какъ сидятъ у ей да сизы голубы,
Я какъ сталъ стрѣлетъ да сизыхъ голубовъ,
70. Я какъ стрѣлилъ-де нынь да сизыхъ голубовъ,
А подмѣтоцька у стрѣлочки подбилося,
Полетѣла какъ стрѣлка ниже жолоба,
Залетѣла во окошечко косявчето,
Какъ въ окошечкѣ сидѣль у ей любимой другъ,
75. Залетѣла-де стрѣлка въ буйну голову,
Какъ вѣдь тутъ-же ему да смерть случиласе.—

36.

Данило Староильевичъ *).

- У ласкова князя у Владимира,
Кабы было пированье-столованье,
А на руськихъ на могущихъ на богатырей,
А на злыхъ паленицъ да преюдалныхъ,
5. А на тихъ на хресьянъ да православныхъ,
А на тихъ на бояръ на толстобрюхихъ;
А какъ пиръ-отъ идѣтъ у ихъ полупира,
А какъ столъ-отъ идѣтъ у ихъ полустола,
Кабы день-отъ идѣтъ у ихъ ко вечеру,
10. А бы солнышко катитсе ко западу;
Кабы всѣ-де сидятъ да на чесномъ пиру,
Кабы всѣ-де сидятъ да пьяны веселы,
Кабы всѣ-де сидятъ да веселѣшиньки,
Кабы солнышко-батюшко ' полухмеля
15. Какъ полу-де-хмеля сталъ, полуразума,
А по свѣтлой гринькѣ сталъ похаживать,
А ясныма-то оцями сталъ поваживать,
Тихо-смирную рѣчь сталъ выговаривать:

*) Эту же старину слылъ еще, а конецъ просто рассказалъ—Онисимъ Вокуевъ. Изъ его старины, что нѣтъ въ печатаемой, я буду приводить въ примѣчаніяхъ.

- «Вы вѣдь 'сѣ сидите у меня на чесномъ пиру,
20. Вы вѣдь 'сѣ сидите да пьяны-веселы,
Кабы всѣ сидите да веселѣшиньки,
А бы всѣ сидите у меня поженены,
А за всѣхъ за васъ красны дѣвушки повыданы,
Я единъ-то-ле князь изъ васъ холость хожу,
25. Я холость-де хожу, какъ не жонать живу;
Кабы хто-же изъ васъ мнѣ знать супружницу,
Кабы хто-же изъ васъ мнѣ знать полюбовницу,
А статнымъ-бы статну, возрастомъ полну,
Возрастомъ-бы полну, кабы личомъ бѣлу,
30. А личомъ-бы бѣлу, кабы волосомъ русу,
Кабы сквозь-де рубашку тѣло видетче,
Кабы всяки-ти суставы чоловѣчески,
Да изъ ихъ-де, изъ ихъ удалыхъ молодцовъ». .
А ставаётъ удалой доброй-молодечь,
35. А ставаётъ-де онъ да на рѣзвы ноги,
Говорить-то-ле самъ да таково слово:
«Ты позволь-ко-се, солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-ко-ле мнѣ да слово вымолвить,
Не позволь меня сказнить, скоро повѣсити». .
40. Говорить-то-ле солнышко Владимиръ-князь:
— Говори-ко, молодець, да не юпадывай,
Не единого словечка не ютаивай — *).
«Я вѣдь знаю тибѣ нынѣ супружницу,
Я вѣдь знаю тибѣ нынѣ полюбовницу». .
45. Кабы есь-ле Данилка молода жона,
Какъ статнымъ она статна, ище возрастомъ полна,
Возрастомъ она полна, кабы личомъ бѣла,
Кабы сквозь ей рубашку тѣло видетче,
Какъ изъ кости-ле въ кость мозгъ переливайтче,
50. Акъ скаченъ-де жомчугъ перекайтсе,
А вѣдь та-ле тибѣ нынѣ супружница,
А какъ та-же тибѣ да полюбовница». .
Говорить-то-ле солнышко Владимиръ-князь:
— А можнó-ле у жива мужа жону отнетъ?—

*) А. Вокуевъ: Такъ говори, какъ въ трубу труби». .
— Есть у насъ въ чистомъ полѣ шатерь стоитъ,
А живеть тутъ Данилко Староньевичъ...

55. Говорить-то Визя да сынъ Лазуревичъ:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Созавемъ-ко мы Данилка да на почесенъ пиръ,
Подъ порогомъ ты-ле стрѣтъ да чарой винной,
Ты подашь-же ему да чару винную,
60. Ты за чарой ему да слово вымолви:
«У меня всѣмъ-то молодцамъ служба явлена,
«А тибѣ-де, Данилушко, надмѣчена:
«Тибѣ съѣздить-сходить да за синё морё,
«Тамъ за славны-ти Буяны, да славны острова,
65. «Тамъ подика-та звѣрища, тамъ по вопрыща,
«Привести-то ка' его ище не ранена,
«А не ранена привести да не кровавлена.
«Какъ оттуль-ли тамъ Данилку не прѣхати,
«Уведёмъ мы тогда его молоду жону».
70. Посылають тутъ нынѣ князь да за Данилушкомъ,
А того-де Визю сына Лазурева *).
Какъ походить тутъ Визя да по Данилушка,
А походить-де онъ да скоро-наскоро,
Какъ заветъ-де Данилка на почесенъ пиръ,
75. Говорить ему Данилка какъ отвѣтъ доржить:
«Впереди меня-де не звалъ на почесенъ пиръ,
Дле цего меня заветъ ищо послѣ пиру?
Не худо-ле въ уми да ище думаетъ?»
Говорить ему вѣдь нынѣ да молода жона:
80. — Ты не ходи-ко-ся, Данилушко, на почесенъ пиръ,
Не на добро тебя зовутъ вѣдь на остаточкахъ.—
Говорить тутъ Визя да сынъ Лазуревичъ:
«А не велѣлъ тебя оставлять да ище солнышко».
Какъ тутъ сталъ тутъ Данилушко сряжатисе,
85. Какъ тутъ сталъ тутъ Данилушко сподоблетисе,
Унимать его, Данилка, молода жона **),
Унимать его, Данилка, крѣпко на крѣпко.
Какъ не послушалъ Данилко молоду жону,
А сряжаитце Данилко, сподобляитце,
90. Поѣзжатъ-де Данилко на добромъ кони,

*) А. В. пѣль: А послали ту Олешинку Поповица.

**) А. В.: «Ты не пей-ко-ся у князи да зелена вина,
Не пропей-косъ ты, Данилко, своя разума,
Поберегись-ко ты Данилко да доброй молодець.

- А поѣхалъ Данилко на почесенъ пиръ;
Пріѣждятъ ко князю ко Владимиру,
А слѣзывать-де Данилко со добра коня,
А привязывать Данилко къ дубову столбу,
95. А привязывать Данилко ко мѣдну кольчу,
А заходить во гринюшки во столовыи,
А какъ молитча Богу, Господу Богу;
Какъ стрѣчаетъ его князь да съ чесью, съ радосью,
Какъ подтаскивать чару зелена вина,
100. Подавать ему цяру зелена вина,
Какъ оговариватця Данилко Староильичъ-блатъ:
«У кого эта цяра нынъ въ рукахъ право,
У кого-де въ рукахъ, да нынъ тому въ устахъ».
Какъ на то-ле-де князь да былъ лукавъ-вилавъ,
105. Отвѣчаетъ-де князь да таково слово:
— А тебѣ эта цяра ноньце слѣдуетъ.—
Какъ береть тогда Данилко цяру винную,
А какъ пьетъ-то-ле ей да къ едину духу,
Говорить-то-ле князь да таково слово:
110. «У мя всѣмъ-то молодцамъ служба явлена,
А тебѣ-же, Данилушко, надмѣчена:
Кабы съѣздить тамъ, сходить да на Буянъ островъ,
А по дика тамъ звѣрища ище попрыща,
Привести тебѣ звѣря нынъ не ранена,
115. А не ранена привести, не кровавлена».
Какъ оттуль-де Данилко поворотъ даѣтъ,
А пошоль-де Данилко вонъ на уличу,
А отвязывать своего коня доброго,
А садитця на своего коня доброго,
120. Онъ поѣхалъ ' своему нову терему,
А какъ ѣдетъ по дорожкѣ прямоѣждеей,
Какъ повѣся-то доржить да буйну голову,
Потупя-де доржить да очи ясныя,
А сидить его нынъце да молода жона,
125. Какъ сидить она въ окошечки косявчатомъ,
А увидѣла-де ѣдетъ къ ней Данилушко,
А выскакивала на крылечушко косявцято,
А стрѣцать-де Данилка Староильевича,
А сама-де ему да слово молвила:
130. «Оже ой еси Данилушко Староильичъ-бладъ!

- Уже што-же ты їдешъ не по старому,
Оже што-же ты їдешъ не по прежному,
Повѣся-де доржишь да буйну голову,
Потупя-де доржишь да оци ясныя,
135. Але мѣсто тебѣ было не по разуму,
Але цыры тебѣ да не доходили?»
Отвѣчатъ тутъ Данилко Староильичъ-бладъ:
— Охъ ты ой еси, моя да молода жона!
Миня звалъ-де-ле князь да на почесенъ пиръ,
140. Подъ порогомъ меня встрѣтили царой винной,
А какъ молвили мнѣ слово тяжелое,
А накинули мнѣ служебку немалую,
Мнѣ вѣдь съѣздить-сходить да на Буянъ островъ,
Да по дика тамъ звѣрища, тамъ по вопрыща,
145. Привести его велять мнѣ-ка неранена,
А неранена велять, да некровавлена,
Какъ оттуль-то мнѣ живому не прїѣхати.—
Говорить-то ему да молода жона:
«Ты не слушашъ меня ище молоду жону,
150. Ты гледишь на Визю да на Лазурьева».
Какъ вѣдь сталъ тутъ Данилушко срезгатися,
Какъ вѣдь сталъ тутъ Данилушко сподоблетися,
Научать его нынь, Данилка, молода жона:
«Ты поѣдешъ-ле нынь да на Буянъ островъ,
Ты возьми-ко ' сабой нынѣе шолковъ арканъ,
155. Ты возьми-ко съ собой да пудовой молотъ,
Ты возми-ко съ собой песька́ безхвостого,
Ты возми-ко ' сабой суцьку тарявую,
Ты попадешъ, быватъ, да на Буянъ островъ,
Ты поѣдешъ по острову великому,
160. Ты увидишь стоить да звѣря вопрыща,
Ты спусти наперѣдъ песика безхвостого, *)
Ты затѣмъ-же спусти суцьку тарявую,
А какъ песьикъ его станеть кругомъ обскакивать,
Какъ вѣдь суцька-то станеть его облаивать,
165. Какъ на то-де-ле звѣрь да тутъ ослышитсе,

---

*) А. В. пѣль: Приказала она взять шолковъ арканъ,
Приказала она взять хлѣбцы подорожныя,
Приказала она взять Бѣлку-собачку.

- Туть направь-ко-де нынь да свой полковъ арканъ,
Подъѣждяй къ ему нынь да ты скорешинько,
Ты накинывай его своимъ арканомъ-же,
Ты захватывай за шею лошадиную,
170. Ты гони-ко-де туть да по чисту полю,
Ты вѣдь хлопай ему молотомъ вѣдь мезъ ушей,
Обудитьце тогды звѣрь, да онъ смирѣнь будетъ,
Ты веди-де тогды его домой право».
Какъ поѣхаль туть Данилко ' свою сторону,
175. Какъ повѣль де ' сабой да звѣря вопрыща,
Какъ вѣдь ѣдѣтъ по дорожкѣ прямоѣжжеей,
Какъ ѣдѣтъ, какъ гледить да по дорожецкѣ,
А какъ видить: на дороги стоитъ заѣстава,
Какъ стоять-де-ле видить тридцеть три молодца;
180. Кабы взято съ сабой у его тридцеть двѣ стрѣлоцки,
Онъ кладетъ эти стрѣлоцки ноньце въ тугой лукъ,
Онъ спускатъ эти стрѣлоцки въ этихъ молодцовъ,
Онъ убилъ вѣдь всѣхъ тридцеть два молодца,
А остался Визя изъ ихъ-де молодець,
185. Онъ на уходъ-де пошолъ, отъ его ушолъ,
Онъ запряталса край дорожки прямоѣжжеей.
Онъ-де ѣдѣтъ, Данилко, не опасайтце,
Онъ выскакивать удалой доброй молодець,
Онъ спускатъ ему стрѣлой ище каленоей,
190. Онъ спускатъ ищо ему да въ буйну голову,
Какъ вѣдь туть-же Данилку да смерть случилось.
Обирать Визя его ище добра коня,
Онъ поводитъ его со звѣремъ вопрыщемъ,
Пріѣжжжать онъ ко князю ко Владимиру,
195. Какъ вѣдь спрашивать у его ноньце Владимиръ-князь:
«Ты откуль-ле, Визя, взялъ нынѣ коня его,
Ты откуль-де ты взялъ да звѣря вопрыща?»
— Я увидѣль, я, стоитъ да ищѣ доброй конь,
На дорогѣ стоитъ да прямоѣжжеей,
200. Онъ стоитъ-де со звѣремъ со всѣмъ съ вопрыщомъ,
Какъ вѣдь нѣту туть Данилка у его право.—
Посылать туть вѣдь князь да за Авдотьей нынь,
Посылать-то за Авдотьей дочь Микулисной,
Какъ походить-то Визя да сынъ Лазурьевичъ,
205. Какъ пришолъ-де Визя да къ его молодой жоны:

- «А зовѣтъ-де тебя нынѣ Владимиръ-князь».
Отвѣчать ему Авдотья доць Микулисна:
— Охъ ты, охъ есь ты воръ-же, Визя да ты Лазурьевичь!
Погубилъ-де ты нынѣ Данилушка,
210. Погубилъ зачѣмъ ищѣ тридцать два молодца?
У васъ не то вѣдь въ уми да было думано.
Мы сходились когда да мы съ Данилушкой,
Мы сходились когда со Старонильчомъ,
А больша-де у насъ заповѣдь клажона:
215. А которой-де помрѣтъ, дакъ тутъ другой лягѣтъ.—
Какъ надѣвала платьѣ она худящее,
А хватала себѣ въ руки копейчо какъ,
Побѣжала по дорожкѣ прямоѣжжоей,
Добѣжала до Данилка Старонильча,
220. Какъ вѣдь ткнула тупымъ кончѣмъ въ сыру землю,
Говорила она да таково слово:
«Не достанься я вамъ ищѣ нынѣ куркати».
Какъ вѣдь пала она грудью на востро копьѣ,
Какъ вѣдь тутъ ей ищѣ да смерть случилосе.
225. Какъ оттуль-де Визя нынѣ пошолъ ищѣ,
Какъ пошолъ онъ ко князю ко Владимиру,
Какъ пришолъ онъ ко князю ко Владимиру,
Какъ вѣдь сталъ его спрашивать Владимиръ-князь:
«Ты пошто не привѣлъ Данилкуву молоду жону?»
230. — Она убѣжала по дорожкѣ прямоѣжжоей,
Какъ нашла-де Данилка Старонильча,
А какъ ткнула тупымъ кончѣмъ въ сыру землю,
А какъ пала вѣдь грудью на востро копьѣ.—
Говорить-то тутъ солнышко Владимиръ-князь:
235. «Охъ ты ой еси Визя да сынъ Лазурьевичь!
Погубилъ ты у меня тридцать два молодца,
Погубилъ ты у меня ищѣ Данилка-же,
Погубилъ ты его да молоду жону».
Приказаль-де сдѣлать релю высокую,
240. Какъ повѣситъ Визю сына Лазурьева,
Какъ разстрѣлилъ его да груди бѣлыя.

Анисимъ Вокуевъ пѣлъ немного, а конецъ разсказалъ такъ:
«Приѣхалъ Данилко ко спнему морю, ко тихой заводи и запря-
талъ онъ своего коня доброго. Бѣлку спустилъ, ходитъ Бѣлка
ка колѣ синя моря и приманивать гусей, лебедей и малыхъ утя-

нышей и носить хозяину, а Данилко самъ подъ скрытіемъ. Тогда завидѣлъ дикой прыщъ, захотѣлъ онъ отъ собачки отбить гусей и утянышей, тогда сталъ подходить за собачкой, а Данилко направилъ арканъ, подошелъ прыщъ, Данилко изноровился и кинулъ въ него арканомъ; накиннулъ, прихватилъ, привезалъ къ сыру дубу. Скакалъ, билса дикой прыщъ, не могъ сорвать шолковъ-арканъ. Тогда подобралса къ нему Данилко, сталъ привязывать ко добру-коню, и ведётъ его за своимъ добрымъ конемъ о синѣ-морѣ. А этотъ Вижа снаредилъ свой черленъ карабъ досматривать Данилу и увидалъ Вижа изъ трубы подзорной, что ведётъ Данилко дика прыща. Тогда находитъ корабъ супротивъ его, начали палить, стрѣлять въ Данила, а онъ натенуль свой тугой лукъ и направилъ свою калену стрѣлу, стрѣлилъ на черленъ карабъ, убилъ онъ много людей тремя стрѣлками, а больше у его не было. Тогда Данила съ карабля застрѣлили, взяли его добра-коня и дика-прыща, и привели ко князю Владимиру. Послали опеть Олѣшиньку Поповича по Овдотью дочь Викуличну, Олѣша ей обсказалъ, что ее хотять за князя взять. Она поѣхала и говорить Владимиру князю: «покажите мнѣ Данила Староильича, я посмотрю его». Приказалъ князь. Повели ее. Посмотрѣла Овдотья Данилу и всё она усмотрѣла, что не самъ собой померъ, а что побить онъ отъ рукъ человѣческихъ. Схватила востро копьѣ, ткнула она тупымъ кончемъ въ землю, на вострой конечъ сама пала бѣлой грудью своей. «Гдѣ лежитъ, говорить, бладь-есень-соколь, тутъ лежи лебедь-бѣлая—не доставайся князю Владимиру».

Присутствовавшій при разсказѣ Вокуева Г. Чупровъ сказалъ, что онъ слыхалъ, что Владимиръ услыхавъ объ этомъ сказалъ:—«Ладно говорилъ старъ-казакъ: изведите ясна сокола, не поймать бѣла лебеда».

А бывшій тутъ-же И. Булыгинъ добавилъ: «Время тибѣ Важа въ котли кипѣть». Слѣдовательно онъ слыхалъ, что Вижу въ наказаніе сварили.

Ө. Чуркина говорила, что Вижа было убѣжалъ, но его поймали, посадили на ворота и разстрѣляли кислымъ молокомъ. Она-же сдѣлала предположеніе, что Данило Староильевичъ чуть-ли былъ не сынъ «старого», какъ обычно зовуть на Печерѣ старъ-казака Илью Муромца. Что-то вродѣ того она слыхала отъ стариковъ.

37.

Димитрей Бранской и племянники короля
Лимбала.

- Кабы было у Лимбала у короля,
А какъ было пированье, столованье,
А про руськихъ могучихъ богатырей,
А про тихъ про хресьянъ да православныхъ.
5. Кабы все-де сидять да на честномъ пиру,
Кабы все-де сидять да пьяны веселы,
Кабы все-де сидять да веселешиньки,
А сидять-де у его нынъ два племянника,
А они-де сидять да приадумались;
10. А какъ все-де сидять да приросхвастались:
А иной-отъ-де хвастать золотой казной,
Кабы дикоеть хвастать молодой женой,
Кабы умноеть хвастать старой матерью,
Кабы мудрой-отъ хвастать добрымъ конемъ,
15. А на то-де-ле Лимбаль-король сидить нынче,
А сидить-де на лавкѣ на нихъ поглядывать,
А говоритъ-де-ле самъ да таково слово:
«Охъ вы ой еси мои ронны племянники!
Вы-де што сидите бытто приадумались?»
20. Вы-де што сидите не чимъ не хвастайте?
У васъ нѣту-ле нынъ бутто золотой казны?
У васъ нѣту-ле нынъ ищѣ добрыхъ коней?
Але нѣту-ле нынъ своей удачушки?»
Отвѣчаютъ ему ронны племянники:
25. — Охъ ты ой еси, ты нашъ родной дядюшка!
Мы вѣдь вотъ чѣ сидимъ да въ уми думаемъ:
Мы вѣдь хоцѣмъ какъ ѣхать нынъ ко Митрею,
Посмотрѣть-ле какъ хоцѣмъ нынче Митрея,
А ужъ дай-ле ты намъ благословеньичо.—
30. Говоритъ-то Лимбаль король Литовскій:
«Я не дамъ-ле вѣдь вамъ благословеньичо,
Вамъ вѣдь къ Митрею ѣхать нынъ да не пошто,
Вамъ у Митрея нынъ да дѣлать нечего:
Я не хуже васъ былъ да въ молоду пору,
35. Я тегалса со Митреемъ вѣдь тридцетъ лѣтъ,
Я не могъ унести верха у Митрея,—

- Какъ на то вѣтъ Митрей былъ хитѣрь-мудѣрь,
Какъ водою онъ ходилъ да рыбой-щукою,
По-поднебесью леталъ да яснымъ соколомъ,
40. По-подземелью ходилъ бѣлымъ горносталѣмъ,
Какъ вѣтъ черныи грязи чѣрнымъ мядвѣдѣмъ,
А дыбучи болота-ги сѣрымъ волкомъ;
Вамъ у Митрея-то нынѣ да дѣлать нечего,
Вамъ вѣдь взять-де у Митрея да нечего;
45. А больша-де у насъ съ нимъ да заповѣдь клаждона:
А штобы некоторой не на которого не находить больше,
Мы которой найдѣмъ, дакъ-по колѣнямъ ногъ,
Мы у того-де по колѣнямъ ноги отрѣзати,
Какъ другой-де найдѣтъ, дакъ глаза выкопать».
50. А отвѣчаютъ на то ему племянники:
— Охъ ты ой есь, ронной нашъ нынѣце дядюшка!
Ты вѣдь дашъ намъ пойдѣмъ, нынѣце не дашъ пойдѣмъ.—
Какъ поѣжжаютъ удалы-добры-молодцы,
Поѣжжаютъ ко Митрею ко Бранскому,
55. Какъ поѣхали ко Митрею ко Бранскому,
А поѣхали по дорожкѣ прямоѣжжеей,
Кабы ѣдутъ они да скоро наскоро.
А какъ ѣдутъ удалы-добры-молодцы,
Подѣжжаютъ ко Митрею ко Бранскому,
60. Какъ пріѣхали ко Митрею ко Бранскому,
А какъ дома-де Митрея не случилось,
Какъ привелася-то-ле дома одна служаноцька,
А случилась у Митрея дома племяннича,
Да случилса у его ище племянничѣкъ,
65. А племяденка была ищѣ шеснатцеть лѣтъ,
А племянничѣкъ былъ да девети годовъ;
Какъ они-же-ле тутъ да испужалися,
Какъ они-же-ле тутъ да перепалисе,
Какъ испужалась его нынѣце служаноцька,
70. А бросилась она да вонъ на улицу,
А запряталась въ конюшну во дворовую.
А они стали бунтовать, всё какъ банкѣтовать,
А лучше-ле стали какъ ' сабой какъ клась,
Тутъ его-де сидитъ да какъ племяденка,
75. А его-де сидитъ молодой племянничѣкъ,
А сидятъ-де, глядятъ они, поглядывають.

- Они склали-де всё да какъ нынѣ обрали,
Запресли-де коней да ново-Митрѣевыхъ,
Повезли-де съ сабой да которо лучше,
80. А племяденку какъ эту нынѣ съ сабой берутъ,
А племянничка этого съ сабой берутъ;
Какъ ищѣ была Присвета-Мать-Богородича,
Да топтали ей ' ворота нынѣце, въ грязь право,
Тутъ отправились они да въ свою сторону,
85. Роспустошили тутъ у Митрея, всё розвѣяли,
Разметали всё у Митрея поло-наполо.
А на то было у Митрея у Браньского,
Какъ вѣдь были три ворона кормлѣныи,
Какъ кормлѣныи вороны, приучѣные,
90. А для случаю-де Митрею—вѣсти сказывать;
Какъ увидѣли эти вороны кормлѣныи,
Какъ увидѣли у Митрея всю неладичку,
Полетѣли вороны да во чисто полѣ,
А искать-де-ле нынѣ да право Митрея;
95. Какъ поднелись-де они да высокохонько,
А увидѣли въ чистомъ полии стоить бѣль-шатѣръ;
Прилетѣли эти вороны къ бѣлу-шатру,
А садятся эти вороны на бѣль-шатѣръ,
А другой воронъ садитче нынѣ на матушку,
100. Онъ на матушку садитца на сыру-землю,
А третѣй воронъ садитца какъ на сырой дубъ.
Какъ програивать тутъ воронъ на сыромъ дубу,
А какъ сыроѣтъ дубъ да раскачантце,
А вершинами вмѣсто заплетантце,
105. Какъ-де Митрей-де Бранской не пробудитце,
Богатырской его сонъ не упомѣститце (такъ!);
Какъ програивать-де воронъ нынѣ на матушкѣ,
А на матушкѣ програивать сырой-землѣ,
А какъ тутъ-де-ле Митрей не пробудитце,
110. Богатырской его сонъ не упомѣститце;
Какъ програивать-де воронъ на бѣломъ шатру,
Какъ шатѣръ весь у Митрея росколыбаитце;
Какъ топереце Митрей да пробужаитце,
Какъ выходитъ-де Митрей да изъ бѣла-шатра,
115. Какъ выходитъ-де онъ да вонъ на уличу,
А гледитъ-де онъ, смотритъ на вси стороны,

- А сидять его-де вороны кормлѣныя,
 Розсуждать-де-ле Митрей сталь промежу собой:
 «Винно есь у меня дома неладичка,
120. Принесли мнѣ-ка вѣсь винно не малую.
 Какъ-де тутъ-де-ле Митрей нынѣ Бранскія
 Заревѣль, закрычалъ да тутъ во турей рогъ,
 Набѣжалъ-де его да нынѣ доброй конь,
 Прибѣжалъ его конь да изъ чиста поля;
125. Какъ ималь-де своѣго коня доброго,
 А ималь-де его да скоро-наскоро,
 Онъ садилса на его нынѣ скорешинько,
 Онъ приправу себѣ бралъ да богатырскую,
 Отправлялса скоре да въ свою сторону;
130. То поѣхалъ-де Митрей какъ скорешинько,
 Выѣжжалъ со полей да на дороженьку,
 Выѣжжалъ на дорогу прямоѣжжую,
 Онъ поѣхалъ по дорогѣ прямоѣжжюей,
 Замѣчатъ-де-ле сталь какъ нынѣ ископытъ:
135. «А какъ ѣхали винно мнѣ да неприятели».
 Подѣжжатъ-де ' своему нову терему,
 А глядитъ-де онъ, смотритъ какъ на свой-де домъ,
 А какъ у дому—глядитъ—всѣ розвоѣвано;
 А подѣхалъ тутъ-де Митрей къ своему дому,
140. Какъ слѣзывать тутъ-ле ѣнь да со добра коня,
 А завязывать къ ограды ко своей право,
 Какъ пошолъ онъ по своей да нынѣ улицѣ,
 А увидѣлъ Присвяту-Мать-Богородичу,
 А увидѣлъ-де ей—она въ грезѣ лёжитъ;
145. А берѣтъ ей Присвяту-Мать-Богородичу,
 Обтирать-де на ей да грезъ великую,
 А заносить-де ей да нынѣ въ домъ право,
 Какъ стояла она нынѣ, какъ въ томъ мѣсти,
 Какъ поставиль-де ей нынѣ попрержному,
150. А змолилса-де ей да Господу Богу:
 «Присвята ты-ле Мать да Богородича!
 Ты постой-ко за вѣру за великую!
 А кто-ле надо мной этта нагалилса?
 А кто-ле надо мной этта накуражилса?
155. Ты не выдай, Присвята-Мать-Богородича!
 А вѣдь вѣрной пріѣжжалъ, нонѣ невѣрной нынѣ?»

- А послѣ того-де Митрей сталъ осматривать,
Обходили-де по своему дому доброму,
А затѣмъ-де пошолъ по конюшнямъ дворовымъ,
160. А нашель-де въ лѣсныхъ лежитъ служаноцька.
Вотъ нашолъ онъ свою нынѣ служаноцьку,
А какъ сталъ-де у ей ищѣ выпрашивать:
«А какъ хто-де какъ этта нынѣ былъ-ле здѣсь?»
Отвѣчатъ ему его нынѣ служаноцька:
165. — А какъ были нынѣ здѣся ищѣ два молоца,
Я незнаю ихъ, они да нынѣ откуль право,
А незнаемы они, бутто невѣдомы,
Какъ увезли-де твою ' сабой право племяннику,
Какъ увезли-де твоего ' сабой право племянника.—
170. Какъ-ле тутъ сталъ Митрей скоро снаряжатисе,
Какъ-ле тутъ сталъ Митрей сподоблетисе,
Какъ вѣдь за има да нынѣ въ сугонъ право,
А берѣтъ съ собой приправу нынѣ всякую,
Какъ поѣхалъ тутъ-ле Митрей скоро наскоро,
175. А какъ гонитца за има ищѣ скорешинько,
Выѣзжать на поля ищѣ на чистыи,
А тамъ видно стоитъ ищѣ черной шатѣрь;
Подѣбжатъ-де-ле Митрей какъ близѣшинько,
У шатра-де не хто да не являйтца;
180. Какъ ставаѣтъ-де Митрей на добромъ конѣ,
Какъ спускаѣтъ своего коня доброго,
Какъ овѣртывайтце Митрей чернымъ мѣдвѣдѣмъ,
Онъ какъ сталъ у ихъ гонеть да коней добрыихъ,
Угонилъ у ихъ коней нынѣ какъ бѣзвѣсти;
185. Прибѣгатъ-де назадъ да скоро наскоро,
Овернулса потомъ Митрей бѣлымъ горносталѣмъ,
Подбѣгатъ онъ-де къ ихному какъ поклажу,
Какъ вѣдь сталъ у воевъ да всё осматривать,
Онъ какъ всё-ле какъ сталъ у ихъ высматривать,
190. Онъ у ружей сталъ спуски зубами выколупывать,
У копейчей насадочки сталъ отгрызывать,
Какъ вѣдь сабельки всё да въ лѣсъ нынѣ вытаскать;
А потомъ-де-ле Митрей какъ поскакивать,
А подскакивать-ле Митрей какъ ' черну шатру,
195. А потомъ-де-ле Митрей сталъ заглядывать,
Подъ полу сталъ-де Митрей какъ высматривать,

- Какъ вѣтъ што-де въ шатри да ищэ дѣбитцэ, —
А сидятъ-де они да потѣшаютцэ,
Какъ вѣдь въ карты-де сами какъ розыгрываютъ,
200. А его-де-ле племенничка пригорюнилася;
Какъ затѣмъ-де-ле Митрей какъ заскакивать,
А заскакивать-де Митрей нынѣ въ чѣрнѣ шатѣрь,
По шатру тутъ-де Митрей перескакивать;
Увидаль-де его ровной племянницѣкъ,
205. Говорить-то-ле онъ ищэ своей сестры:
«А сестра ты моя нынѣ родимая!
А не нашъ-ле это дедюшка поскакивать?»
Отвѣчатъ-де она ему таково слово:
— А откуль у насъ будѣтъ нынѣ дядюшка?—
210. Какъ на то-ле ѣни. *) да какъ угрогнули,
Какъ они-де съ того стали поглядывать,
Какъ они-де съ того стали досматривать,
Какъ сидятъ-де они ищэ караулятъ нынѣ.
А на то былъ-де Митрей онъ лукавъ-вилавъ,
215. Онъ опеть черезъ шатѣрь опеть проскакивать,
Онъ опеть побѣжалъ да по черну шатру;
Ухватилъ одинъ удалой-доброй-молодецъ,
Ухватилъ-де онъ нынѣ свою шубу,
А накидывать его, бѣла-горносталя,
220. А какъ падать на свою шубу, захлупывать;
Какъ на то былъ-де Митрей какъ догадливой:
Рукавомъ-де изъ подъ шубы вонъ вычихиваль,
А какъ выскочилъ-де онъ да вонъ на улицу,
Овернулса-де онъ да добрымъ молодцомъ.
225. А выскакивали удалы-добры-молодцы,
Какъ бросаютце ко своимъ нынѣ приправамъ какъ.
А у ружей какъ спуски росколупаны,
У копейчей насадки переѣжены,
Какъ вѣдь сабельки-те въ лѣсѣ у ихъ упрятаны,
230. Имъ какъ дѣлать-то вѣдь стало да нынѣ нечего.
Какъ вѣдь тутъ-ле вѣдь Митрей право Бранскіи:
«Васъ вѣдь хто же ѣтправиль ко мнѣ право?
А своимъ-ле умомъ, ле ровной дядюшка?
У насъ больша-де была да заповѣдь клажена,
235. Не находить штобы вашему дядюшкѣ,

*) Племянники Лимбала-короли.

И штобы мнѣ не находить на вашего дядюшку,—
Вы своимъ-ле умомъ да нынѣце прѣхали,
Але дядюшка-ле васъ нынѣце стправиль мнѣ?»
Отвѣчаютъ они ему, отвѣтъ доржатъ:

240. — Мы своимъ-де умомъ да нынѣце здумали».

Онъ схватилъ-де-ле ихъ да за черны кудри,
Онъ отрѣзывать у онного ноги рѣзвыи,
У другого глаза да живкомъ выкопаль.
«Ты безглазой неси, безногой указывай!

245. Вы вѣтъ потъте-ко къ дяди да . . . . съ выслугой».

38.

Пародія *).

А было у Васьки у Захарова,
Не упито было, не ухожено,
Не баско-хорошо было не уношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.

5. Кабы Васинька Захаровъ какъ домой пришолъ,
А принесъ-де-ле онъ да зелена вина,
А какъ по полу сталъ Васька похаживать,
А сухи-де тюни да сталъ ростоптывать,
А затѣмъ-де-ле сталъ да выговаривать:

10. «Ужъ вы подѣте-ко, сходите нынѣ по Васиньку,
Ужъ по Васиньку-де нынѣце по Ханавова,
Вы затимъ ищѣ сходите по Онику,
По Онисима, сходите, по Захарова,
Вы сходите по Ераку Большебородого,

15. Вы сходите по Панка да ищѣ русого».
Какъ собрались-де удалы добры молодцы,
Какъ сидѣли они, пили чѣлы суточки.

*) Васька Захаровъ и пр. имена - все Устццлеме-пропоицы, на которыхъ
и составлена пародія. Н. О.

9. Григорій Ивановичъ Чупровъ.

Низкорослый, плечистый, съ копной густыхъ волосъ и густой окладистой бородой, вѣчно на сторону, вдобавокъ кривой, Григорій Ивановичъ, по уличному — „Калямичъ“, вѣчно весель, никогда не унываетъ, вѣчно шутить и смѣется, несмотря на свои полсотни лѣтъ.

Г. И. собственно сказочникъ и среди нихъ мнѣ придется поставить его на первое мѣсто по мастерству разсказа, но знаетъ онъ и нѣсколько старинъ, которыя всѣ поетъ однимъ скоморошымъ ясакомъ. Онъ много занимается извозомъ, вездѣ бывалъ, слыхалъ много старинъ, всѣ ихъ знаетъ по содержанию, да еще не въ одномъ вариантѣ; пожалуй споетъ по кусочку изъ любой изъ нихъ, но цѣликомъ знаетъ немного. Сказокъ за то знаетъ Г. И. бездну и длинныхъ и короткихъ, и серьезныхъ, и смѣшныхъ, но съ особою любовью разсказываетъ „про поповъ“. Какъ и всѣ, устьцылемы Г. И. старообрядецъ, но очень терпимъ ко всѣмъ и кой-что въ старообрядчествѣ кажется ему и дико. Онъ самъ пришолъ ко мнѣ и предложилъ разсказать сказку, а потомъ уже почти каждый день ходилъ, то разсказывать, то слушать другихъ. Я взялъ его ямщикомъ, когда поѣхалъ, по снѣгу еще, на р. Пижму, и Григорій Ивановичъ оказывалъ мнѣ неоцѣнимыя услуги. Всю дорогу онъ безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны разсказывалъ сказки и это должно быть было удовольствіе и ему самому. Когда въ деревняхъ по утрамъ я, бывало, еще сплю, а онъ уже обѣгаетъ деревню, узнаетъ, кто поетъ старины, позоветъ сказателей ко мнѣ, уломаетъ, если нужно; узнаетъ, кто старинщики въ другихъ деревняхъ. Помогалъ онъ мнѣ разыскивать и рукописи и все это съ величайшей услужливостью и охотой. Григорій Ивановичъ хотя и небогатый, но хорошій хозяинъ: маленькій домикъ его стоитъ окнами на Печору и весь въ порядкѣ: крыша осмолена, дверь въ сѣни не болтается, вокругъ чистота, все при-

брано и подметено; домовитость и чистота и въ домѣ: полы и стѣны всегда чисты, кадушки и ведра окрашены, все вымыто и блеститъ. Но былъ и „грѣхъ“ въ жизни Г. И., этого вѣчно смѣющагося, никогда не унывающего человѣка. Въ деревнѣ рассказывали, что онъ „неладно“ жилъ съ женой... Съ новой подругой жизни Г. И. живетъ хорошо, вотъ уже 15 лѣтъ. Водки теперь Г. И. не пьетъ, а потому, вѣрно, и не дерется. Отъ первой жены у него сынъ Иванъ, 17 лѣтъ, грамотный, имѣющій большую склонность къ старообрядчеству и, чуть-ли не будущій начетчикъ. Г. И. извозничаетъ, ловитъ рыбу, возитъ пассажировъ, поторговываетъ немного, не отказывается вообще ни отъ чего. Онъ долго служилъ по выбору въ должности „землемѣра“, такъ какъ имѣетъ особую склонность къ выкладкамъ разнаго рода: никто лучше его не высчитываетъ число квадратныхъ верстъ въ спорномъ, имѣющемъ неправильную форму участкѣ пашни или покоса, а отъ бездѣля онъ беретъ за разрѣшеніе диковинныхъ задачъ, удивляя этимъ чуть-ли не всю Печору. Такъ, уложивъ въ вершокъ иголки, вплотную одна къ другой, онъ высчиталъ, сколько ихъ уйдетъ въ версту, а потомъ и до любого мѣста. Желая огоршить кого нибудь, онъ спрашиваетъ: „А ты знаешь сколько уложится иголокъ до Петербурга?“ Самъ онъ это высчиталъ и назвалъ мнѣ какую-то огромную цифру въ билліардахъ, о которыхъ онъ знаетъ, изъ календаря, хотя и неграмотный.

39.

Михайло Казаринець.

Матвѣй-то, Лука дѣти Петровици,
Третьей-отъ Михайлушко Козаренець.
На родимахъ Михайлушка испортили,
Его отдали къ бабушки задворенки,
5. Да отдали къ бабушкѣ водитисе,
Да водилась съ нимъ бабка до семнадцеть лѣтъ.

- Ковда сполнилось Михайлушку семнадцети лѣтъ,
Да можоть Михайлушко конѣмъ владать,
Ишѣ можоть Михайло во сѣдлѣ сидѣть,
10. Какъ просилъ онъ у бабки благословленьицо,
Какъ съѣздить-то онъ да во чисту полю.
Давала ему бабка благословленьицо,
Посылала Михайла къ отцу къ матери,
Пошолъ какъ Михайло къ отцу къ матери,
15. Просилъ онъ, Михайло, у отца у матери,
Просилъ онъ, Михайло, благословленьицо,
Съѣздить-то онъ да во чисто полѣ,
Даваютъ отецъ, мать благословленьицо,
Посылаютъ Михайла да на конюшенъ дворъ;
20. Вотъ походитъ Михайло на конюшенъ дворъ.
Выводитъ зеребчика семи цѣпей,
Семи какъ цѣпей, да семи розвезей.
Овернулъ онъ зеребчика кругомъ себя,
Накинулъ на зеребчика руку правую,
25. Не могъ устоять конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Ёсѣлъ тутъ зеребчикъ до подбрюхъ въ землю;
Ему ётая лошадь не по разуму,
Не по тому какъ обычаю молодецкому.
Ёнъ выводитъ зеребчика девети цѣпей,
30. Девети онъ цѣпей, девети розвезей,
Ёвернулъ онъ зеребчика кругомъ себя,
Какъ накинулъ на жеребчика руку правую,
Не могъ устоять конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Ёсѣлъ тутъ жеребчикъ до колѣнъ въ землю;
35. Ему ётая лошадь не по разуму,
Не по тому какъ обычью молодецкому.
Да вывелъ жеребчикъ: о двѣнадцать цѣпей,
Какъ двѣнадцати цѣпей, двѣнадцати розвезей,
Овернулъ онъ жеребчика кругомъ себя,
40. Да накинулъ на жеребчика руку правую,
Не могъ устоеть конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Осѣлъ тутъ жеребчикъ до щетоцекъ;
Ему ётая лошадь какъ по разуму,
По тому какъ обычью молодецкому.
45. Онъ сѣдлаль-ле, юздалъ да коня доброго,
Онъ двѣнадцать чѣпей да церезъ степь металлъ,

- Онъ тринадцать подругъ да самъ подстегиваль,
Черезъ ту какъ хребетницу лошадинную,
Вотъ не ради басы самъ, ради крѣпости,
50. Не оставилъ штобы доброй конь въ чистомъ поли;
Туть не видѣли побѣзки да молодецкой,
Тезолой побѣжки да лошадиной,
Только видѣли саженье молодецкое,
Въ стремена онъ ступилъ, да на коня скочилъ,
55. Въ стремена онъ ступилъ—курива стоитъ,
На коня онъ скочилъ, дакъ дымъ столбомъ валить.
Какъ гонить молодець по роздолычу,
Только сивая грива ростилайтце,
Какъ хвостъ-отъ трубой да завиваитце;
60. Ъдутъ-ле въ полѣ да три тотарина,
Везутъ какъ дѣвицу да бладо-красную,
Да плачѣтъ дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ-то Миколу да Богу молитце:
«Меня вынеси, Микола, да изъ невѣрной земли!»
65. Какъ первой тотаринъ да уговаривать:
— Не плачь ты, дѣвица, не печалуйся,
У мя естъ, дѣвица, да чадо милое,
Возму я тебя да за его взамужъ.—
Пуще старого дѣвица да уливаитце,
70. Во слезахъ-то Миколу да Богу молитце:
«Ты светитель Микола, да многомилостивъ!
Меня вынеси, дѣвицу, да изъ невѣрной земли».
Какъ другой-отъ тотаринъ да уговаривать:
— Ты не плачь-ко, дѣвица, да не печалуйся,
75. Я возьму какъ тебя да за себя взамужъ».—
Пуще старого дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ то Миколу да Богу молитце:
«Ты светитель Микола, да многомилостивъ!
Меня вынеси, Микола, изъ невѣрной земли».
80. Какъ третей-отъ тотаринъ да наговаривать:
— «Ты не плачь-косъ, дѣвица, да не печалуйсе,
У мя есь-ле дѣвица да сабля вострая,
Не о цю она шею не кровавлена,
О твою её шею да окровавлю ей.—
85. Пуще старого дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ-то Миколѣ да Богу молитца:

- «Ты Микола, ты светитель, да многомилостивъ!
Меня вынеси, дѣвицу, изъ невѣрной земли».
Какъ не вѣтру полоска перепахнула,
90. Нагонилъ тутъ Михайлушко Козаринець,
Онъ одного тотарина конемъ стопталъ,
Ёнъ другого тотарина копѣмъ скололъ,
Да и третьего тотарина саблей смахнулъ,
Онъ-де взялъ-де дѣвицу да блады-красную,
95. Взять-то дѣвичу себѣ да на добра коня,
Повѣзь-ле дѣвицу да изъ чиста поля,
Вотъ какъ та нонь дѣвича да ему сестра,
Да привѣзь онъ къ своему къ отцу, къ матери.

40.

Егорій, Катерина и Мать.

- Ай поѣхалъ Егорей на службу,
Онъ на царскую, на восударску;
Своей матушкѣ да покорилса,
Въ рѣзвы ножоньки да поклонилса:
5. «Охъ ты матушка моя родима!
Ты напой, накорми мою княгиню,
Молодую жону Катерину».
Его матушка да сожалѣлась,
Парну баенку да истопила,
10. Сѣрь-горюцѣй-ле камень накалила,
Востры ножики да наточила,
Ожъ-бы бѣлыя груди распорола,
Изъ утробы бладея вынимала,
Вотъ во пелены да пеленала,
15. Вотъ во поесы да поесала,
Вотъ во пелены да берщятя,
Вотъ во поесы да шелковыя,
Вотъ въ синей море бросала;
Вотъ-бы синей морѣ не примаётъ,
20. Да ко бережку-ле прижимаётъ.
Ай да ѣдетъ Егорей-отъ со службы,
Онъ со царской, со государственой,

- Его конь-отъ-ле да задыхатца,
За силименку да запинатца.
25. «У мя есь винно въ доми несчасье,
У мя есь винно въ доми нездоровье».
А приѣхаль Егорей-отъ со службы,
Ёнъ со царской, со государской,—
Его матушка лежитъ неможоть,
30. Молодая жена подъ светыма,
Малы дѣточки да сиротують.

41.

Небылица про льдину и карабль.

- Во стольнѣмъ во городѣ во туесѣ,
За сильнѣй стѣной было за жорновомъ,
Серьди было моря ище синѣго,
Была тутъ-де льдина нонь великая,
5. На ей былъ городовоѣтъ хозяинъ-отъ,
Нековды эта льдина-та не таела.
Серьди лѣта это было ѣ Петрова дни,
Тогда эта льдина-та ростаела,
Потонулъ городовоѣтъ хозяинъ-отъ,
10. Да не стало во городѣ хозяина,
Да не стало во туесѣ' управителя.
Роздралисе невѣски со золовками,
Тима нонь саблями всё лопатами,
Тима-ле щиками все юхватами,
15. Буѣвыма палицьми мутовками,
Питья-ти ле ѣства они въ полонъ взяли,
Пирогн, это-ле шаньги во полонъ взяли,
Прѣсно-то молоко ёни проплили,
Прѣсно-то молоко-то на юходъ ушло.
20. Бѣжить какъ караблицокъ изъ за моря,
Не чёрнѣной караблицокъ не кочѣрнѣной,
Хорошо былъ карабликъ изукрашеной,
Да носъ-отъ корма да по звѣриному,
Ищѣ хоботы мецѣтъ по змѣиному,
25. На носу-ту стоитъ росматривщикъ,

- На кормы-то сидитъ ищѣ расправщицокъ,
Середн какъ караблицька распорядчицокъ:
Сѣрой-отъ волкъ стоитъ розсматривать,
Да быкъ-отъ сидитъ ищѣ приправливать,
30. Медвѣдь-отъ сидитъ распоряжайтце,
Да заюшко тутъ бицовой бѣжитъ,
Лисичка изъ за кустика выглядывать,
Какъ-бы зайка укрась, какъ бицеву сорвать.

42.

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

- За Костринскимъ-то было славнымъ городомъ,
За Костринскими было за воротами,
Тамъ стояла-де да темна-тѣмница,
Зла-злодѣюшка да земляна тюрьма
5. И немшоная тюрьма, да непажоная;
Ворота-ти, двери были жалѣзныи,
Ободверенки-ти были укладныи,
Пробойчики были булатныи,
Замочикъ-отъ былъ да ровно три-пуда,
10. Ключёкъ-отъ былъ да полтора-пуда;
А сидѣлецъ-отъ былъ да тутъ донской казакъ,
Чернышовъ Захаръ да сынъ Григорьевичъ,
Сеньки Разина былъ племянницкъ,
Оружейной былъ онъ заговорщицкъ,
15. Карабельнѣй былъ онъ постановщицкъ.
Во тюрьмы-то сидитъ онъ посиживатьъ,
И во гусельцы самъ возыгрыватьъ,
Таки рѣчи да выговариватьъ:
«Зла-злодѣйка ты да земляна тюрьма!
20. Ты немшоная, да непажоная,
Надѣлу-ле ты мнѣ досталосе?
Але на жеребью ты мнѣ повыпала?
Але изъ роду мнѣ-ка Богъ судья?»
Изъ-за галани тутъ карабъ бѣжалъ,
25. Бѣжалъ карабъ—тутъ Брюнской король,

- Ко тюрьмы корабъ приворачивалъ,
У тюрьмы король стоялъ выслушивалъ:
— Ой еси ты, донской казакъ,
Чернышовъ ты Захаръ Григорьевичъ!
30. Сколь служилъ ты да царю Бѣлому,
Послужи-ко мнѣ другáстольки.
Есле послужишь, дакъ я и выпущу.—
На то сидѣлецъ тутъ отвѣтъ держалъ:
«Была кабы у меня да сабля вострая,
35. Послужилъ бы я тебѣ да по бѣлой шеѣ».

43.

Александръ I.

- Отправлялся Олександръ нашъ
Во Кандрокъ войско смотрѣть,
Обѣщался Олександръ нашъ
Къ Рожеству домой прибыть,
5. Всѣ три праздничка проходятъ,
Олександра дома нѣтъ.
Его матушка родная
Слѣзно плакала объ ѣмъ,
Молода жона-супруга
10. Сгоревалася съ по ѣмъ:
День горюеть, ночь не спитъ,
Да всё въ окошечко гледитъ.

44.

Пожаръ въ Ярославлѣ.

- На крутой горы, да на высокой,
Испостроился да тутъ-де новъ городъ,
Краше Кіева, краше Питера,
Краше матушки славной каменной Москвы,
5. Лучше каменного-го строенница.

- Что не пылъ въ поли воспылутса,
Не туманъ съ моря подымается,
Еруславъ городъ загораитса,
Ай да енны лавочки да оставаются;
10. Въ этой лавочки молодой купечъ,
Молодой купечъ, доброй молодець
Ёнъ ходилъ-то-ле вдоль по городу,
Ёнъ крычалъ-то-ле громкимъ голосомъ:
— Вы дружья-ле, братья, пріятели!
15. Еруславскія спобыватели!
Памогите мою горюшку,
Пособите отнять эту лавицу:
Въ этой лавицѣ дорогой товаръ,
Дорогой-ле товаръ да скатной замчугъ,
20. Вотъ скатной замчугъ, красное золото.

10. Димитрій Карповичъ Дуркинъ.

Это съ большимъ самомнѣніемъ, рѣдкимъ въ деревнѣ, высокій, ражій бородачъ 40—45 лѣтъ, очень многоглаголивый, все и вся критикующій, а себя превозносящій. Въ мой первый пріѣздъ на Печору онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ 70 старинъ, которыя нынче превратились уже въ 40, но онъ не знаетъ и столько. Старинъ Д. слыхалъ много и, пожалуй, всѣ начнетъ какъ слѣдуетъ пѣть, а затѣмъ ужъ и пойдетъ отсебятина. Мнѣ показалось, что онъ кой-что присочинялъ во время самого пѣнія: старины онъ старается пѣть какъ можно дольше и ввести какъ можно больше новыхъ эпизодовъ, чтобы его старина была не такая, какъ у всѣхъ. Д. религиозенъ, много разсуждаетъ про „божественное“; на Пасхѣ онъ, напр., не хотѣлъ мнѣ пѣть старины, потому что — грѣхъ, а послѣ Пасхи пѣлъ только по воскресеньямъ.

45.

Дунай Ивановичъ.

- Во городѣ стольномъ Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Завелся у князя почесенъ пиръ,
На тѣхъ князей, бояръ толстобрюхіихъ,
5. На дальнихъ гостей—купцей торговыхъ,
На честныхъ женъ ихнихъ, на купеческихъ,
На руськихъ могучихъ на богатырей,
На злыхъ паленицъ да преудалыхъ,
На тѣхъ мѣшанъ да пригородныхъ,
10. Людей посадскихъ,
На всѣхъ крестьянъ да православныхъ.
Пиръ идетъ у князя о полупира,
Столъ идетъ о полустола,
День идетъ ко вечеру,
15. Солнышко катится ко западу,
Князь-отъ сталь да пьянешинекъ,
Пьянешинекъ, да веселешинекъ,
По полу сталь похаживать,
Съ ноги на ногу переступывать,
20. Тихо-смирну рѣчь сталь князь да выговаривать:
«Всѣ молодцы сидятъ у меня да поженены,
Красны дѣвушки всѣ повывданы,
Одинъ я, солнышко, холость хожу,
Холость хожу, да не женать живу,
25. Не знатъ-ли кто мнѣ полюбовницу,
Полюбовницу да супротивницу?
Мнѣ така нужна: станомъ статна,
Да полна возвратомъ,
Лицомъ бѣла, да волосомъ руса,
30. Рѣчь-говоря—тихо-смирная,
Тихо-смирная, да со умылкою».
Всѣ тогда на пиру приумолкнули,
Большой-отъ хоронится за среннего,
А сренней за меньшаго,
35. Отъ меньшаго большому отвѣту нѣтъ.

- Изъ-за того стола сереняго,
Со той со лавки дубовой скамьи,
Вставаль удалой доброй молодець,
По прозванью Дунай да сынъ Ивановичь;
40. Подходилъ Дунай ко князю Владимиру,
Нижешенько князю покланяется:
— Позволишь-ли мнѣ, князь, слово вымолвить!
Не позволъ за слово казнить-повѣсить,
Але выслать меня да въ ссылки дальныя.—
45. Говорить-то солнышко Владимиръ-князь:
«Говори ты, Дунай, да не упадывай,
Ни единого словечка не утаивай —
Не будешь мной казненъ, не будешь вѣшаной,
Не будешь высланъ въ ссылки дальныя».
50. Говорить тогда Дунай сынъ Ивановичь:
— Жилъ я за моремъ за синимъ,
У Семена царя Лиховитого,
Жилъ у него цѣлыхъ три-года.
Есть у Семена три дочери:
55. Большая—Авдотья Семеновна,
Учена она въ хитру грамоту,
Училась она ѣздить-гулять и конемъ владать,
И копьемъ шурмовать;
Втора дочь Анастасія Семеновна,
60. Учена она въ хитру грамоту,
Училась она ткать и прясть, и шелкомъ шить;
Третья—Апросинья дочь Семеновна,
Станомъ статна, полна возрастомъ,
Лицемъ бѣла, волосомъ руса,
65. Рѣчь-говоря тихо-смирная,
Тихо-смирная, со умылкою,
По полу идетъ не трехнетса,
Цвѣтно платью на ней не ворохнетса,
Сквозь ей рубашку тѣло видѣти,
70. А сквозь ей рубашку тѣло видѣти,
Изъ кости въ кость мозгъ переливаются,
Какъ скаченъ жомчугъ перекагаются,—
Есть кому передъ княземъ стать,
И есть кому честь воздать».
75. Владимиръ князь былъ догадливой,

- Говоритъ князь да таково слово:
«Ой вы гой еси мои стольнички,
Молодцы мои подносчицки!
Наливайте-ко чару зелена вина,
80. Не велику не малу—полтора ведра;
Скоро подносчики не замѣшались,
Наливали чару зелена вина въ полтора ведра,
Прибавляли чашу пива хмельнаго,
Турій рогъ да меду сладкаго,
85. На закуску колачикъ бѣль-крупницатой
И поднесъ князь чару Дунаю Ивановичу:
«Ой ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановичь!
Выпей-выкушай отъ меня князя Владиміра». Беретъ Дунай чару во праву руку
90. И пьетъ чару къ єдину духу.
Говоритъ тогда солнышко Владимиръ-князь:
«Съѣзди, Дунай, посватайся». Говоритъ ему Дунай да сынъ Ивановичь:
— Ужъ ты ой еси, солнышко Владимиръ-князь!
95. Дай мнѣ-ка двухъ товарищовъ,
Одного Добрынюшку Микитича,
Другого Алѣшиньку Поповича.—
На то Владимиръ былъ догадливой:
«Ой вы ой еси, мои стольнички, подносчицки!
100. Наливайте-ко вы чару зелена вина въ полтора ведра». На то стольнички не замѣшались,
Наливали чару зелена вина въ полтора ведра,
Подносили-то князь по чарѣ обоимъ богатырямъ.
«Съѣздите, ребята, послушайтесь, посватайтесь».
105. Скоро ребята сряжаются,
Скорѣ того да отправляются,
Выходили молодцы да все на улицу,
Спровожали ихъ все да люди добрыи,
Говоритъ-то имъ солнышко Владимиръ-князь:
110. «Ужъ вы ой еси, удалы-добры-молодцы!
Поѣжайте-ко вы да все посватайтесь». Говоритъ тогда Дунай да сынъ Ивановичь:
— Добромъ отдадутъ—добромъ возьмемъ,
А добромъ не отдадутъ, дакъ боѣмъ возьмемъ,
115. Великой дракой, кроволитіемъ.—

- Садились молодцы да на добрыхъ коней,
Прощались со всима да людьми добрыми,
Не видно поѣздки молодецкой,
Не видно побѣжки лошадиной.
120. Не много время миновалось,
Не дымъ лишь въ полѣ—курива стоитъ,
Курива стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ,
Гонятъ богатыри да по чисту полю.
Близко-ле, далеко-ле, скоро-ле, долго-ле,
125. Приѣзжали они въ землю во невѣрную,
Къ Семену царю да Лиховитому,
Слѣзали молодцы да со добрыхъ коней,
Привязали коней къ дубову столбу,
Вошли во гриню во столовую,
130. Отворяли во гринѣ двери на пяту,
Запирали двери крѣпко-наплотно—
Подрожжала гриня царская;
Становилися они на середка полъ,
На середка полъ проти матицы;
135. У ихъ-де тамъ Богу не молятся,
На четыре стороны поклонятся.
Встрѣчатъ ихъ Семень да Лиховитый царь,
Говоритъ-то Семень да таково слово:
«Приходи-ко, Дунай да сынъ Ивановичь,
140. И вы удалы-добры-молодцы,
Садитесь-ко на лавочку брусовую,
Какъ васъ суда вѣтры забросили?»
Отвѣчатъ-то Дунай да сынъ Ивановичь:
«Ужъ мы ѣдемъ изъ земли изъ русьской,
145. Посланы мы отъ князя отъ Владимира,
Свататься на твоей меньшой дочери,
Афросинѣ Семеновнѣ.—
Говоритъ имъ Семень Лиховитый-царь:
«Я теперь вамъ не могу сказать—
150. У меня нѣтъ крыла въ домѣ правого,
Авдотьи дочери Семеновны;
Сами знайте, чего хотите, то и дѣлайте».
Говоритъ ему Дунай сынъ Ивановичь:
— Ты добромъ отдашь, мы добромъ возьмемъ,
155. А добромъ не отдашь, мы боёмъ возьмемъ,

- Великой дракой кроволитіемъ;
Гдѣ у тебя Афросинья дочь Семеновна?—
Говоритъ Семень да Лиховитой царь:
«Сидитъ она да въ заняней горницѣ».
160. Говоритъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Лѣзя-ли намъ протти въ занню горницу,
Къ Афросиньѣ свѣтъ-Семеновнѣ?»
Зашли они въ занню горницу,
Говоритъ Афросинья дочь Семеновна:
165. «Здравствуй, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Каки тебя сюда вѣтры забросили?»
Говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ой ты гой еси, Афросинья дочь Семеновна!
Мы приѣхали къ вамъ отъ того отъ князя отъ Владимира,
170. Отъ Владимира, красна солнышка,
Посланы мы тебя посвататься,
Посвататься, низко поклоняться;
Если добромъ идешь, дакъ добромъ возьмемъ,
А добромъ нейдешь, дакъ и боемъ возьмемъ,
175. Великой дракой кроволитіемъ,
Скроемъ домъ родительской по окошечкамъ.—
Говоритъ Афросинья дочь Семеновна:
«Ведите родителя моего батюшка».
Пришоль Семень Лиховитой-царь,
180. Говоритъ она отцу, Семену царю Лиховитому:
«Ужь ты ой еси, родитель мой, отецъ батюшко!
Приѣхали сватовшики отъ князя Владимира;
Добромъ пойду, хотятъ добромъ взять,
А добромъ не пойду, боемъ возьмутъ,—
185. Чо станемъ родитель-батюшко съ тобой дѣлати?»
Говоритъ ей родитель, Семень Лиховитой-царь:
«Сряжайся Афросинья Семеновна,
Нѣту у насъ большой сестры, Авдотьи Семеновны».
Сряжалася Афросинья Семеновна въ платьѣ цвѣтное,
190. Совсѣмъ они направились, направились приготавились,
Спровожаютъ отецъ съ матушкой,
Афросинью дочь Семеновну,
Садилы Дунаю на добра коня,
Съ Семеномъ тутъ распрощалися.
195. Ъдутъ молодцы да по чисту полю;

- Отъѣхали отъ земли отъ невѣрные,
Завидѣли на полѣ чистомъ шатерьъ стоять,
Стоить шатерьъ да чернobarхотной,
Говорить тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
200. «Ужъ вы ой еси, друзья мои, братья, товарищи!
Возьмите мою красну дѣвушку
Къ себѣ на коня въ сѣдло,
А я съѣзжу самъ до черна шатра,
Что въ шатрѣ тамъ такó дѣется?»
205. Сдаль онъ дѣвицу своимъ товарищамъ:
«Я скоро съѣзжу ко черну шатру».
Погонилъ молодець да по чисту полю.
Пригонилъ-де Дунай да ко черну шатру;
У шатра-то конь стоитъ къ сыру дубу завязаной,
210. Завязаной за шелковые поводы,
Насыпано пшена бѣлоярого.
Слѣзаваль Дунай да со добра коня,
Спустилъ коня къ пшаной бѣлояровой;
У дуба кони не поладились,
215. Разлегались кони, раскусались.
Дунай пошоль во черной шатерьъ,
Двери въ шатрѣ были заперты и заложены,
Дунаю это не поглянулося,
Очи ясные его да помутилися,
220. Бѣлы руки его да распросталися,
Рвануль двери онъ шатровые,
Сорвалися всѣ крючки-петельки,
Завидѣль онъ—спить паленица разметалася.
Не могъ утерпѣть тогда доброй молодець:
225. . . . . ,
. . . . . ,
Утѣшился удалой доброй молодець,—
. . . . .
- Проснулася тогда красна дѣвица,
230. Глянула на удала добра молодца:
«Просмѣшникъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Надсмѣялся надо мной да красной дѣвицей,
За это примешь судъ отъ царя и отъ Бога;
Ты засѣяль мнѣ, можетъ, три отрока,—
235. Куда топерь я дѣваюся?»

- Говорить Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ужъ ты ой еси, Авдотья дочь Семеновна!
Повезу я тебя да въ стольной Кіевъ-градъ;
Мы были у твоего батюшки родителя,
240. Посланы отъ князя отъ Владимира,
Свататься на твоей сестрѣ Афросиньѣ Семеновнѣ;
Сосватались мы и веземъ ее до князя Владимира».
Авдотья тутъ загорюнилась,
Промежъ себя она взгоревалася, призадумалася,
245. Что попала она во несчастъицо.
Какъ Авдотѣ да дѣлать нечего,
Поѣхала она съ Дунаемъ въ стольной Кіевъ-градъ.
Не могли настичъ на полѣ на чистомъ добрыхъ
молодцовъ,
- Пріѣзжали ко граду ко Кіеву,
250. Пріѣхали въ стольный Кіевъ-градъ,
У князя пиръ идетъ да больше стараго.
Заходитъ Дунай во гриню во столовую,
Заводитъ Авдотью дочь Семеновну,
Завидѣлъ солнышко Владимиръ князь,
255. Топеря стали они свадьбу дѣлати:
Стараго казака сталъ князь ставить тысяцкимъ,
Дуная Ивановича сталъ—дружкою,
Добрыню Микитича другою,
Скопина Михайла Ивановича бережателемъ.
260. Собрали поповъ, отцей духовныхъ,
Весь чинъ церковной,
Повѣнчали князя Владимира.
Женить стали Дунай сынъ Ивановича:
Князя поставили тысяцкимъ,
265. Старога казака бережателемъ,
Добрыню—большой дружкою,
Олѣшу меньшей дружкою,
Повѣнчали Дуная сынъ Ивановича.
Со той со радости великой
270. Завелся пиръ да больше стараго;
Пировали столовали много времени,
Напилися Дунай до пьянешинька,
Во хмелю-то онъ, дѣтина, несуразенъ былъ,
Изъ рѣчей дѣтина вышибается,

275. Худыма словами онъ да похваляется:
«Охъ ты бледь, Авдотья дочь Семеновна!»
Говорить Авдотья дочь Семеновна:
— Кабы я была въ домѣ батюшка родителя,
Я бы съѣздила по твоей шеѣ бѣлой саблей вострою,
280. А топерь ты надо мной изгиляишся,
Изгиляишся, да искитаишся,
Надо мной надъ красной дѣвицей ломанишся.—
Туть Дунай да сынъ Ивановичъ,
Схватилъ Авдотью за русы косы.
285. Говорить Авдотья дочь Семеновна:
«Ужъ ты ой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Не хватай меня за русы косы,
Я слышу по себѣ—нынѣ беременна,
И засѣяны во моей утробѣ два отрока».
290. Туть взялъ Дунай Авдотью выше буйной главы,
Бросилъ ей да о кирпичатъ поль,
Туть Авдотѣ смерть случилось.
Съ той со ярости съ великоюй,
Вынималъ онъ чинжалище булатенъ ножъ,
295. Распоролъ у Авдотьи животъ и груди бѣлые,
А когда завидѣлъ во чревѣ двухъ отроковъ,
Не могъ стерпѣть тогда онъ этого,
Разрѣзалъ свои груди былые,
Туть Дунаю и смерть случилася.

46.

Фатенко.

- А во городи было да стольнѣмъ Кіеви,
А у ласкова князя да у Владимера,
Ужъ завелса у князя нонѣ почесенъ пирь.
А и пирь-отъ идѣтъ да о полупира,
5. Але столь-отъ идѣтъ да о полустола,
А Владимеръ князь ходитъ нонѣ въ полухмеля.
Кабы всѣ туть на пиру да напивалисе,
Кабы всѣ туть на пиру да наѣдалисе,
Кабы всѣ-де сидятъ да пьяны веселы;

10. А за тѣмъ-де столомъ да за середнімъ,
А сидѣли-де у князя на чесномъ пиру,
Кабы двѣ-де вдовы право купчѣвыи,
А сидѣли эти вдовы право пѣблизку,
Але пѣблизку сидѣли, да право поряду,
15. При веселой они право при публикѣ,
А одна-де съ другой да розговоръ вели,
Говорила-то Овдотья Блудова-вдова:
«Ужъ ты ой еси, Марина Чусова-вдова!
У меня-ле какъ есь, да сынъ Фатѣнушко,
20. А у тя-то-ле есь да дочи Аннушка—
Ужъ не можно-ле какъ право посвататъсе?
А посвататъсе нонь, низко поклоняйтъсе?
А не можно-ле какъ да ихъ вмѣстяхъ свести?
А вмѣстяхъ-ле свести, да большой родъ завести?»
25. А Марина-то была да Чусова вдова,
А крута она, рѣна, была. спѣсивая,
А сказала Овдотѣ она на то слово:
— У тя мужа-то вѣдь звали да Блунно-Блуннишшо,
Але сына-то зовуть да Чунно-Чуннишшо,
30. Какъ слѣпая-де кура ходитъ по улици,
Какой день зерно лайдѣтъ, дакъ и сыта живѣтъ.
Але твой-отъ жанихъ, да не жанихъ онъ, намъ,
А моя-то вѣдь дѣвка не невѣста вамъ.—
Оскорбилася Овдотья да Блудова вдова,
35. Ужъ на эти какъ слова да на Маринкины,
Оскорбляла-де она на пиру при публики,
Ужъ ставала Овдотья на рѣзвы ноги,
А князю она Владимиру низко кланялася:
«Тѣ спасибо-де солнышко Владимиръ-князь!
40. Я довольна твоимъ право чеснымъ пиромъ».
Говорилъ ей князь да таково слово:
— Ужъ ты ой есь, Овдотья Блудова-вдова!
Ужъ ты што-же такъ рано походишь со чесна пиру?»
А ушла какъ Овдотья со чесна пиру,
45. А походить она да къ своему двору,
А заходить на своё да на круто крыльцо,
А стрѣчатъ ей сынъ, да ей Фатѣнушко:
«Ужъ ты ой еси матушка родимая!
Ужъ ты што-же ты рано приходишь со чесна пиру?»

50. Говорить-то Фатенку родна матушка:
— Ужъ сидѣли мы у князя на чесномъ пиру.... *)
А Фатенушку слова эти не пондравилась,
Рѣтиво его сердце да загорѣлося,
Очи ясны его да возмутилисье,
55. Говорить-де Фатенко таково слово:
«Ужъ ты ой еси, моя да родна матушка!
А ты дай мнѣ-ка тако благословленьичо:
Я поѣду-де нонь да на добромъ кони,
Ужъ я вызову у Марины да поединщика;
60. У Марины поединщика не окажется,
А защитника у Марины да не отыщется,—
Сворочу я ей домъ да по окошечки,
Уведу я у ней да дочь Аннушку».
А дала ему-де мати благословеньичо.
65. Кабы скоро Фатенушко сряжайтесе,
Але скоро Фатенко сподобляетсе,
Онъ беретъ съ собою приправу молодецкую,
Але сбруню съ собой да богатырскую,
Але съ матушкой Фатенко да нынь прощайтесе.
70. Ужъ поѣхалъ Фатенко нынь ко городу,
Пріѣзжатъ онъ къ Марины да къ Чусовой вдовы,
А скрычалъ-де Фатенко да яримъ голосомъ,
Яримъ голосомъ скрычалъ да во всю голову:
«Ужъ ты ой еси, Марина да Чусова вдова!
75. Ты отдашь-ле за миня да дочь Аннушку?
Какъ добромъ-то ты отдашь, дакъ я добромъ возьму,
А добромъ не отдашь дакъ я боёмъ возьму,
А великой-де дракой, да кроволитіемъ,—
Сворочу я твой домъ да по окошечки,
80. Уведу у тя я да дочь Аннушку».
А Марина-то вѣдь съ тихъ-же словъ спугалосе,
Приходила она да ко окошечку,
Говорила-ле она да таково слово:
— Ужъ ты дай мнѣ-ка строку да на полсуточѣкъ,
85. Я найду-де съ тобой да поединщика.—
А брала она-де въ руки золоты ключи,
Отмыкала свои да кованы ларьчи,

*) Подробный рассказ совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ—выпускается.

- А брала-де она да золоту казну,
Ужъ не много не мало да сорокъ тысячей.
90. А пошла она Марина да вдоль по городу,
А зашла она-де нынъ да на царёвъ кабакъ,
Говорила-де Марина да таково слово:
«Ужъ вы ой еси, робята да добры молодцы!
Я зашла-де искать да поединщика,
95. Накликать-де у мя право Фатенушко;
А не одинъ, хоть не два, да хоть петъсотъ-де васъ».
Але голи-ти они право охотники,
А любители таки они на деньги-ти,
Вынимать она много да золотой казны,
100. Подпоила она да добрыхъ молодцовъ,
А взяла-де съ собой она зелена вина,
Откупила-де боцьку да сороковоцьку,
Повезла эту боцьку да на чисто полё;
Кабы много молодцовъ идётъ, много множество,
105. Кабы вывезла сороковку да тамъ вѣдь на полё.
Кабы много они брали да стегн-аншпуки,
А съ Фатенкомъ стоять хотятъ поединщюкомъ,
Какъ толшой они на Фатенушка да изурѣзались,
Поплѣнить-де, побить хотятъ добра молодца.
110. Ужъ Фатенко сидѣлъ да на добромъ кони,
Але прижалъ онъ своего да коня доброго,
Разгонилсе-де онъ да на добромъ кони,
Онъ машотъ-де паличей буювою,
Але топцётъ-де много да конёмъ добрымъ,
115. Онъ куды-де махнётъ дакъ лежить улича,
Въ другу сторону махнётъ дакъ лежатъ площади;
Онъ прибилъ притопталъ всѣхъ добрыхъ молодцовъ,
А оставилъ едва да такъ на семена.
А поѣхалъ къ Марины да къ нову терему,
120. Закрывалъ кабы онъ да ярымъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси, Марина Чусова вдова!
Ты отдай-де мнѣ да поединщика,
А не то уведу я дочерь Аннушку».
У Марины-то вѣдь было деветь дочерей,
125. Ужъ сидѣли у Марины да во гостяхъ они,
Говорила Марина своимъ зятевьямъ:
«Ужъ вы ой еси, мон да деветь зятевѣй!

- Помогите вы нынь да моему горю». Говорять-де Марины да деветь зятевей:
130. -- Ужъ не можомъ мы съ Фатенкомъ стоеть поедин-
щикомъ,
Отъ Фатенка намъ смерть да будетъ лютая.—
А Маринка-то-ле да осержаласе:
— Ужъ я лучше бы родила да деветь камней,
Але бросила-бы камни во синё морё,
135. Кабы въ мори эти камешки да выросли,
Отросла-бы-де кошка да нынь морска-ле тутъ,
А бѣжали-бы корабельщики по морю,
Набѣжали на эту-бы кошечку,
А розбило-бы этихъ корабельщиковъ,
140. Кабы легче было моёму рѣтиву сердчу». Кабы тутъ-ле Марина смоталасе,
Не могла она прінскать да поединщика,
Не отыскалосе некого у ей защитника.
Ужъ розѣхалса Фатенко на добромъ кони,
145. Своротить у ей хочеть нонь высокоъ теремъ;
А во ту пору было, право во то время,
А сидѣли у Марины деветь зятевей,
Выходили они право на уличу,
Извинялисе Фатенку, да низко кланелись:
150. «Заходи-де, пожалуй, ты да къ намъ въ гости,
Хлѣба-соли-де ись, да перевару пить,
А затѣмъ-то у насъ да чего Богъ послалъ,
Отдадимъ-де за тя да красну дѣвушку,
Красну дѣвушку за тя, да дочерь Аннушку».

47.

Калики переходя.я.

- Отъ озера было отъ Мыслеева,
Изъ того монастыря Артемьева,
Собирались калики переходя.е,
Перехожи калики, добры молодцы,
5. Сорокъ каликъ со каликою;
Выходили на поле на чистое,

- Але на полѣ калики да становилися,
Клюки-посохи они да порастыкали,
А бершатые-те сумочки развѣшали.
10. Собиралось ихъ каликъ, да добрыхъ молодцовъ,
А сорокъ каликъ да со каликою.
Але влали они да тежолъ залогъ,
А тежолъ-де залогъ, да большу заповѣдь великую:
«А поидемъ собирать мы милѣстыню,
15. Ради Христа, Царя Небесного,
А и кто изъ насъ, братцы, заворуется,
Але кто изъ насъ заблудется,
А и кто изъ насъ поидеть за бѣбьемъ-прелесью,—
Не княземъ судить насъ Владимиромъ,
20. А своимъ судомъ, судомъ калическимъ:
Закопать молодца по грудей въ землю,
Положить у него-де руки по пяты,
Говорокъ-языкъ да вынетъ назадъ теменѣмъ,
Рѣтвое сердцѣ промежъ два плеча,
25. Очи ясные вынетъ да вонъ косичами».
Положили они залогъ, велику заповѣдь,
Помолилися калики, положили за плечи сумочки,
А оттуль они впередъ пошли и ѣсправились.
А идуть они по полю по чистому,
30. Имъ на встрѣчу ѣдетъ солнышко Владимиръ-князь,
Говорить имъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-ле да ясны соколы!
А далеко-ле у васъ нончи путь лежитъ?»
35. Говорятъ князю калики переходіе:
— Ужъ ты здравствуй, Солнышко Владимиръ-князь!
Мы идемъ нончи отъ озера Мыслеева,
Изъ того монастыря Артемьева,
Ужъ пошли мы до града до Кіева,
40. А проходимъ, бывать, мы до Чернигова,
Попросить милѣстыню ради Христа, Царя Небеснаго.—
Говорить-то имъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ вы ой еси, калики, добры молодцы!
У меня съ собой да не случилось,
45. Не случилось съ собой, не пригодилосе,
А не хлѣбной милѣстыни, не денежной;

- Ужъ зайдите вы домой да во высокъ теремъ,
Ужъ къ моей, значить, княгини да мать-Апраксин,
На попу́тье она накормить всехъ,
50. А кому понадобится съ собой положить». Кабы тутъ калики распростилися,
Распростились со княземъ со Владимиромъ,
А поѣхаль-де солнышко Владимиръ-князь,
А пошли-де калики перехожіе.
55. Приходили ко городу ко Кіеву,
А ко власкову ко князю ко Владимиру,
Заходили въ гриню да во столовую,
А молилися они да Восподу-Богу,
Але кресты они кладуть да по писаному,
60. А поклоны-те вѣдутъ да по ученому,
А молитву творять полну Сусову;
На вси стороны калики да низко кланялись,
Ужъ княгини они да на ёсобицу.
Говорить имъ княгиня да мать-Апраксія:
65. «Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
Приходите-де, пожалуѣ, да ясны соколы,
Вы откуль-де, каки, да добры молодцы?»
Говорять они, калики да перехожіе:
— Ужъ отъ озера-де мы да отъ Мыслева,
70. Изъ того мона́стыря Артемьева,
Попросити мы милостыни ради-Христа,
Але ради-Христа, царя Небесного.—
Говорить имъ княгиня, мать Апраксія:
«Не видали-ли вы князя Владимира?»
75. Говорять-де калики таково слово:
— Але встрѣтился намъ солнышко Владимиръ-князь,
Але стрѣтился-де князь-отъ намъ на поли,
Ужъ просили мы милостыню ради Христа,
А сказалъ намъ-де князь да таково слово:
80. «У меня съ собой вѣдь здѣсь да не случилось,
«Не случилось съ собой, не пригодилось,
«А не хлѣбной вѣдь нѣтъ, право, не денежной,
«Ужъ вы пойдите-ко ко мнѣ, да въ стольной Кіевъ-
градъ,
«Ужъ зайдите вы ко мнѣ да во высокъ теремъ,
85. «Ужъ къ моей княгинѣ да мать-Апраксин,

- «Напоить она и накормить васъ».
Говорить имъ княгина мать-Апраксія:
«Ужь садитесь-ко вы всѣ да за дубовой столъ,
Хлѣба-соли-де ись, перевару пить,
90. А затимъ у князя чего Богъ послалъ». Кабы скоро калики да не ослышались,
Ужь сядились они да за дубовой столъ,
Хлѣба-соли ись, да перевару пить,
Они пили да ѣли хлѣба, кушали,
95. Але всякихъ да разныхъ, право, кушаньёвъ,
Напились они, наѣлись, да накушались,
Кабы вышли изъ за стола да дубового,
Помолились они да Господу Богу,
А спасали князя со княгиною.
100. Говорить-то княгина да мать Апраксія:
«Ужь вы ой еси, калики, да добры молодцы!
У васъ кто собиратъ съ собой милостыню?»
Говорили они калики да перехожіе:
— Собираютъ у насъ удалой доброй молодець,
105. По прозванью красота-Касьянъ да сынъ Степановичъ.—
Говорить-де княгина да мать Апраксія:
«Красота-де-Касьянъ да сынъ Степановичъ!
Ужь пойдёмъ-ко ты да въ кладову со мной,
Положу я тебѣ да милостыню».
110. Повела-де княгина да добра молодца,
Завела молодца да во теплѹ лежнѹ,
Говорила княгина да таково слово:
«Ужь ты ой еси, да добрый молодець,
Красота-Касьянъ да сынъ Степановичъ!
115. Я хочу тебѣ сказать да таково слово:
Сотворимъ со мной любовь, право, тѣлесную,
А тѣлесную любовь, да восердечную».
Говорить-то Касьянъ да сынъ Степановичъ:
— Ужь ты ой еси, княгина да мать-Апраксія!
120. Кабы какъ я могу такое дѣло сдѣлати?
Переступить-де законъ, заповѣдь Божию?
А я должонъ принять да тогда судъ большой,
Але судъ большой отъ своей братіи?—
А говоритъ ему княгина да во второй законъ,
125. А на это-ле Касьянъ не соглашается.

- А на это еще княгина да насмѣлилась,
Говорить Касьяну да во третей наконь;
И на это-де Касьянъ не соглашается.
Ужъ княгина-то она да разгорелосе,
130. Разгорелася она, да осержается,
Говорить она Касьяну да таково слово:
«Ужъ давай-ко сюды свою да, право, сумочку,
Положу я тебѣ, право, милóстыню».
Понесла-де она его да, право, сумочку,
135. Положила туда чашу царскую,
Безъ которой онъ не пьетъ, не ѣстъ,
А не пьетъ, не ѣстъ, хлѣба не кушаетъ;
А Касьянъ-отъ неznать смотрѣть.
Выходила она въ гриню-де во столовую,
140. Але всѣ тутъ калики да становилися,
Становилися они, Богу молилися,
А спасали князя да со княгиною,
А пошли они калики да молодецкіе.
Ужъ идутъ они-де полемъ чыстынѣмъ,
145. Але долго идутъ, коротко-ле,
А идутъ съ утра день до вечера,
Але смотрятъ назадъ добры молодцы,
Але сзади за имá сугонъ-погóнушка,
А погонушка за нима да нонь великая,
150. Кабы гонить-то богатырь по чисту полю...
А бы послѣ было того. послѣ этого,
Кабы послѣ каликъ да переходжихъ,
А прѣхаль-бы князь изъ чыста поля,
Захотѣлъ онъ князь попить, поить,
155. А попить, поить, хлѣба покушатати;
А княгина на столъ стала ставити,
Она ставити стала, право, кушанье,
А хватилася она чаши чарскія,
Говорила она князю да нонь Владимеру:
160. «Ужъ ты ой еси, Владимерь князь!
Кабы были здѣсь калики переходжіе,
А поила я, кормила хлѣбомъ-солью ихъ,
Кабы съ тихъ-ле вѣдь поръ, не могу я знать,
Потерялася да чаша чарьская,
165. Изъ которой-де ты пьешь, да нынче кушаешь,

Не могу я найти да негдѣ чашечки». Говорить тогда-де солнышко Владимиръ князь: — Некого въ сугонъ послать да за каликами, Отыскать ихъ всѣхъ каликъ да переходжихъ.—

170. Да послалъ онъ Олѣшиньку Поповича.
А Олѣша да ле скоро да онъ сряжается,
Кабы скоро Олѣша да сподобляется,
Усадился Олѣша да на добра коня,
Ужъ погонилъ онъ въ сугонъ за каликами,
175. Онъ наѣхалъ ихъ на поли на чистоемъ.
Ужъ Олѣша ѣнъ былъ роду невѣжлива,
Невѣжлива былъ роду, неучеслива,
Онъ не могъ съ людьми сѣхаться,
По хорошему съ людьми разѣхаться,
180. Нагонилъ онъ каликъ да переходжихъ,
Закрычалъ онъ, Олѣша, да ярымъ голосомъ,
Ярымъ голосомъ да во всю голову:
«Ужъ вы воры-ле калики переходжіе!
Ужъ вы гдѣ пьете, ѣдите—туть и серите,
185. Ужъ покрали вы чашу да, право, царскую». А идутъ-де калики да не ѣслушатся,
На ѣлешу-ле ѣни да не ѣгленутся.
Онъ вскрычалъ, Олѣша, да во второй наконъ,
А идутъ они калики да не ослушатся;
190. Онъ вскрычалъ, Олѣша, да во третей наконъ,
Онъ заѣхалъ межъ, да во середочку.
Какъ схватили они у Олѣши добра коня,
Какъ добра коня, да за шелковы повода,
Кабы сняли они Олѣшу со добра коня,
195. Кабы сняли у Олѣши нонъ штаны съ гузна,
А давали они Олѣшѣ да всѣ по тѣпышу,
Прибавляли они всѣ да по алабышу,
Кабы подняли Олѣшу назадъ на добра коня;
Ужъ не можетъ онъ сидѣть да на своемъ гузнѣ,
200. На своемъ гузнѣ, да на конѣ въ сѣдлѣ.
Кабы ѣдетъ Олѣша на добромъ конѣ,
Але конь-отъ бѣжитъ да коровою,
Молодецъ-ле сидитъ да вороною.
А завидѣлъ его солнышко Владимиръ-князь:
205. «Молодець, отвѣтилъ, ѣдетъ нестарому,

- Але конь-отъ бѣжитъ да непопрежному».
Выходилъ-то вѣдь ужъ князь да на круто крыльцо,
Говорить-то онъ Олѣшѣ таково слово:
«Ужъ ты чтоже нонь, Олѣшинька поповичъ сынъ!»
210. Але ѣдешь ты нонь да непостарому,
Не постарому-де ѣдешь да непопрежному?»
Говорить ему Олѣша да таково слово:
— Я наѣхалъ каликъ на полѣ на чистыимъ,
Я съ каликами хорошо да не объѣхался,
215. А не объѣхался съ имá, не поздоровался,
Закрычалъ-то-ле я да ярымъ голосомъ:
«Ужъ калики-те не воруютъ»—во первой наконъ,
Закричалъ-то вѣдь и я имъ во второй наконъ,
А на это-ли калики не слышатся,
220. Не слышатся, да не ёглануться,
Я заѣхалъ-де къ има да во середочку,
Я скрычалъ-то имъ да во третей наконъ,
Але тутъ калики воротилися,
Поимáли коня да за шолковы повода,
225. А сымали меня да со добра коня,
А стенули у меня они штаны съ гузна,
Але всѣ они-де клали мнѣ по тяпышу,
Але всѣ прибавляли да по алабышу,
Немогу теперъ сидѣть я на добромъ конѣ.—
230. Говорить тогда-де солнышко Владимиръ князь:
«Поѣзжай давай, Добрынюшка Микитьевичъ,
Похорошему съ каликами здоровайся».
Але скоро-ле Добрыня нонь срежается,
А скорѣ того Добрыня сподобляется,
235. Ужъ пошелъ-ле Добрыня вонъ на улицу,
А садилъся Добрыня на добра коня,
Поѣзжалъ онъ въ сугонъ да за каликами,
А состигъ онъ да на поли на чистоемъ,
А ёбѣхалъ ихъ Добрыня онъ добрыхъ молодцовъ,
240. Слезывалъ Добрыня со добра коня,
Але снялъ онъ поклонъ со буйной главы,
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
«Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-де-ле всѣ да ясны соколы!»
245. Ужъ я посланной отъ князя отъ Владимера,

- Поискать-де у васъ, да поспровѣдати:
Ужъ вы были у князя у Владимира,
Ужъ вы сумками своимя да разбросалися,
Второпяхъ вы, люди дорожны, не ошиблись-ле,
250. Не попала-ле вамъ чашка царская?
Безъ которой-де чашки царь не пьетъ не ѣсть».
Але тутъ они калики да становилися,
Свои посохи въ землю поростыкали,
А бершатые-те сумочки развѣшали,
255. Кабы стали они всѣхъ право обыскивать,
Кабы всѣхъ они обыскали нонѣ сорокъ-ле,
Не могли натти-де чашку да право царскую,
А одинъ ище у нихъ да не обысканъ былъ,
Красота-де Касьянъ да сынъ Степановичъ.
260. Ужъ Касьяна-де стали они нонѣ обыскивать,
Ужъ нашли они чашку да право царскую,
Они отдали Добрынюшкѣ Микитичу.
Говорять они калики перехожіе:
«Ужъ мы что будемъ надъ Касьяномъ да нончи дѣлати?»
265. Говорить имъ Касьянъ да таково слово:
— Ужъ вы ой еси, робята добры молодцы,
Кабы вся наша дружина да заговорная,
Кабы этой я-ле чашки да не причиненъ былъ,
Положила мнѣ княгина, да мать Апраксія,
270. Кабы чо надо мной хочите—дѣлайте.—
Ужъ не вѣрятъ они словамъ да нонѣ Касьяновымъ;
Кабы стали они молодца закапывать,
Положили у его руки подъ пяты,
Закопали-де его да по грудямъ въ землю,
275. Говорокъ-языкъ стали—назадъ теменемъ,
Очи ясные его да вонъ косичами,
Рѣтиво сердце да промежь два плеча;
Надъ Касьяномъ-те они да надругалися,
Не положили они право въ гробницу-ту,
280. Кабы тутъ они его право оставили,
А пошли они впередъ да во Черниговъ градъ.
Они шли кабы времени полсуточекъ,
Але все у нихъ Касьянъ да назади стоитъ,
А пошли они-де нонѣ да въ другу сторону,
285. Але все у нихъ Касьянъ напередѣ стоитъ;

- И промежь они собой да становилися,
Клюки-посохи они да поростыкали,
Ужь бершаты свои сумочки развѣшали,
Толковать они да стали промежь собой:
290. «Ужь виноваты мы, робята, нынче сдѣлались,
Говорилъ намъ Касьянъ да отъ всего сердца,
Невиновень-де я, да не причинень здѣсь,
Надругались мы, да не поладили,
Да не положили въ гробницу да бѣлодубову».

Старина досказана словами такъ: калики воротились назадъ къ тому мѣсту, гдѣ закопали Касьяна и погребли его по христіанскому обряду. Послѣ этого видѣніе Касьяна уже не преслѣдовало каликъ.

48.

Василій Буслаевъ.

(Отрывокъ).

- Прежь Резань да слободой была,
А теперь Резань да славной городъ сталъ.
Почему это Резань прославилась?
Потому Резань это прославилась,
5. Что хороша она да изпостонлась.
Хто былъ въ городи строителемъ?
Хто былъ управителемъ?
Управителемъ былъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Построилъ Резань да славнымъ городомъ.
10. Здумалъ Василей черленъ карабъ строити *)...

49.

Иванъ Грозный.

Когда воцарился нашъ-ле грозной царь,
Але грозной-ле царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда синѣ-ле море да пріютишилось,

*) Дальше идетъ обычное описаніе поѣздки В. Б. въ Іерусалимъ и потому оно не приводится.

- Але щука-ле рыба въ глубину ушла.
5. А со той-ле со радости великой,
А завелса у царя да нонь почесенъ пирь.
Але пирь-отъ идѣтъ во славу Божию,
Але солнышко катится ко западу,
У ихъ пирь-отъ идѣтъ да о полупира,
10. Але столь-отъ идѣтъ да о полуста,
Але царь-отъ и ходитъ нонь въ полухмеля;
Выходитъ кабы царь на середка полъ,
Говоритъ кабы царь да таковы слова:
«Ужъ когда я воцарился нынъ хозяиномъ,
15. Ужъ я выведу измѣну нынъ изъ Кіева,
Але выведу измѣну изъ Питера,
Изъ самой-ле изъ матки каменной Москвы.»
Кабы всѣ тутъ на пирь да приюмолкнули,
Але всѣ на чесномъ да приюдрогнули,
20. А большой-отъ хоронится да среднего,
Але средей хоронитсе да меньшого,
Ужъ отъ меньшого большому отвѣту нѣтъ.
А ставаль-де Ѳедоръ на рѣзвы ноги,
Подходилъ онъ-де къ батюшку родителю:
25. «Ужъ ты ой еси, родитель мой-де батюшко,
Але грозной-царь Иванъ да царь Васильевичъ!
Намъ не вывести измѣнушку изъ Кіева и Питера
Изъ самой-де изъ матки да каменной Москвы.»
А на то-ле какъ царь да осержаитце,
30. Говоритъ нашъ царь да таковы слова:
— Ужъ вы ой еси, мой-ле строги палачи!
Ужъ берите-ко вы Ѳѣдора за бѣлы руки,
А за хороши перстенъки злаченныя,
Ужъ ведите его да во чисто полѣ,
35. А ко той-де нонь плахи ко дубовой,
А ко той-де ко рели ко высокой,
'де-ка веситсе петелка шелковая.—
А во ту-же пору было, во то времѣ,
У грознаго-то царя Ивана Васильевича,
40. По прозванью Малюта былъ строгой палачъ,
А строгой-де палачъ, да онъ немилостивой,
Ужъ ставаль-то-ле Малюта на рѣзвы ноги,
Подводилъ то ' Ѳедору царевичу,

- Говориль-то Малюта да таково слово:
45. «Кабы царски-то слова назадъ не ворочають,
Если царя кабы намъ да не послушати,
А тогда-де своя голова подставити».
Кабы бралъ онъ Ѳёдора за бѣлы руки,
А за хороши-де перстеньки злаченны,
50. Ужъ повѣль-то наслѣдника изъ полаты вонъ;
Не несутъ молодца да ноги рѣзвыя,
Только катется изъ глазъ да гарючи слезы.
Ужъ пошоль-де народъ весь изъ полаты вонъ.
Провожать-ле какъ Ѳедора царица;
55. Але Ѳедоръ съ народомъ—онъ прощантсе:
«Ужъ простите-ко, прощайте да люди добрыя!
Ужъ прости-ко, прощай да каменна Москва!
Не живать мнѣ-ка будетъ на бѣломъ свѣти,
Не слыхать мнѣ больше будетъ мнѣ четья-пѣтъя,
60. А четья-де пѣтъя мнѣ-ка поповского,
Але красного звону да колокольного».
Ужъ ведутъ-де ка' Ѳёдора нынѣ по полю.
А не близко его да не далеко-ле,
Розстояніе всего да за три попрыща,
65. А идѣтъ за имъ толпа народа великая,
А спровожаютъ-де Ѳёдора царица.
Ко его-де ко щасью ко великому,
Кабы ѣздитъ богатырь право по полю,
По прозванью Микита сынъ Романовицъ.
70. Ужъ и на поли-де тамъ да народъ стоитъ,
Ужъ народъ-де стоитъ, больша толпа валитъ,
Поворотиль-де Микита коня доброго,
Ужъ промежъ онъ собой да думу думаѣтъ,
Думу думать Микита, разговоръ ведѣтъ:
75. «Ужъ кого-ли придавають должно быть казни,
Не могу-ле я застать да право живого,
Але живого застать, отъ смерти избавити».
Прогониль-то Микита скоро на скоро,
Соскочиль онъ, Микита да со добра коня,
80. На краю у народа не чѣ не спрашивать,
Ужъ не спрашивать, не чѣмъ онъ не докучантсе,
А въ середку Микита да пробираетце,
Могутой своей народъ да онъ розваливать,

- Отъ Микиты народъ весь уклоняйтсе;
85. А пробралса богатырь во середоцьку,
Ужь завидѣль Микита да сынъ Романовиць,
Ужь валятъ кабы Ѡдора царевица,
А на ту-ле какъ бабу на дубовую,
У палаця-де ' саблей да рука поднята,
90. Отрубить-де хотятъ да буйну голову;
А схватилъ-то Микита да строга палаця,
А схватилъ онъ его да за черны кудри:
«Ужь-ты воръ-де, Малюта, нонь строгой палаць!
У кого-то отрубить хошь буйну голову?»
95. Говорить-то Малюта тутъ строгой палаць:
— Ужь я голову рубить хоцю несвоимъ умомъ,
По указу-ле я да восудареву.
По приказу-ле я да ениралову.—
Говорить-то Микита да таково слово:
100. «Ужь на мѣсто насленника-де Ѡдора,
Положить надо пса да на бабу тутъ,
Отрубить-де у пса да буйну голову,
Окровавить-де надо да саблю вострую,
Принести-де саблю да царю грозному,
105. Царю грозному-де ей на посмотреньичо».
Говорить-то Микита да сынъ Романовиць:
— «Ужь вы ой еси, да всѣ да люди добрыя!
Ужь не хто эту измѣну да вы не сказывайте,
А я самъ ему объявлю право Грозну-царю,
110. Але пирь намъ-ле будетъ больше старого».
Понесли тогда саблю да самому царю,
Самому-же царю да право Грозному,
Ужь приносятъ саблю на посмотреньичо.
Ужь схватилса тогда да нашъ-ле Грозной царь,
115. Кабы тутъ-ле нашъ царь да запечалилса,
Говорилъ нашъ-ле царь да таково слово:
«Ужь вы ой еси мои да всѣ опричники!
А опричники мон да право царскій,
А садитесь-ко всѣ на свои занятія,
120. А пишите-ко всѣ скоры естафеты,
Розошлемъ кабы пошты нонь по всей земли,
А по всей восударевой по вотчины,
А по всѣмъ-де церквямъ, по всѣмъ молебнамъ-же,

- Поминать штобы моего нынѣ наслѣдника,
125. А наслѣдника моего, право Ѳѣдора).
А пошолъ-то Иванъ да во Божью церковь,
Кабы собралъ онъ весь чинъ церковной-же,
Кабы пѣть панафиду да за покойного.
А стоять-де ка' царь на правомъ крылосѣ,
130. Со слезами поминать онъ, со умыльными,
А приходитъ ему да доброй молодець,
По прозванью-ле Микита сынъ Романовичъ,
Але царь-отъ стоитъ уливайтце,
Уливайтце слезами онъ горючима,
135. А Микита стоитъ, да онъ подлѣ царя,
Онъ подлѣ царя стоитъ да улыляйтце.
Ужъ завидѣлъ Микиту право Грозной-царь,
Говорить-то-де царь да таково слово:
«Ужъ кака-ты пришла да за невѣжа-же?»
140. Передъ светыма иконами улыскаишсе—
Кабы люди слезами да уливаются,
Але ты-де стоишь да усъмихаишсе».
Говорить-то Микита да сынъ Романовиць:
— Я надъ чѣмъ кабы буду да право плакати?
145. Але пса вѣдь ужъ мнѣ да оплакивать?—
Уже звѣлъ тутъ-де очи да право Грозной-царь:
«Але што ты говоришь, да нынѣ каки слова?»
Говоришь-то Микита самому царю:
— Ужъ отрубили мы у пса да буйну голову,
150. Окровавили-де новую саблю вострую,
Принесли-де тебѣ на посмотреньичо,
Ужъ оставили твоего сына Ѳѣдора.—
Говорить-то-де нашъ да право Грозной-царь:
«Те спасибо, Микита сынъ Романовиць!»
155. Награжу я наградой тя великою,
Покажи только моего да сына Ѳедора).
Ужъ пошли они тогда да изъ Божьей церкви,
А назадъ домой въ палаты да право царскіе,
Ужъ приводятъ тогда царскаго наслѣдника,
160. А наслѣдникъ отъ смерти нонѣ избавленной,
Кабы тѣмъ-де Микитушкой Романовымъ.
Кабы завидѣлъ его да нынѣ Грозной-царь,
А бы бралъ молодца да за бѣлы руки,

- А за хороши-де перстеньки злаченни,
165. Прижималь-де его да къ рѣттиву сердчу,
Чѣловаль его въ уста сахарныи,
Говорилъ-то-ле царь да таковы слова:
«А спасибо-же Микита да сынъ Романовицъ!
Ты избавилъ моего чада милого,
170. Ты избавилъ его отъ смерти напрасной».
А со той кабы радости великой,
Завели они пиръ да больше старого,
Пировать они стали во славу Божию.

50.

Лука Даниловичъ:

- А да жиль-де Данило да сынъ Борисовичъ,
Але жилъ онъ Данило да право о море.
Въ воскресенъе Христово было по утру,
А ставаль-де Данило по утру рано,
5. Онъ омылса Данило ключевой водой,
Утиралса Данило полотенышкомъ,
Розбудилъ онъ своихъ людей дворовыхъ,
А дворовыхъ домочадцей онъ робочихъ,
А сказаль имъ Данило таково слово:
10. «Я пойду-де какъ нонъ да въ черковъ Божию,
Я ко утренѣ нынъ да воскресеньскойей,
Розбудите вы моего чада милого,
А того-де Луку сына Даниловича,—
Онъ придѣтъ пусъ къ обѣдни да воскресеньскойей».
15. А ушоль-де Данило да сынъ Борисовичъ,
А прошло послѣ время какъ три часа,
Розбудили Луку они Даниловича:
— Кабы твой-отъ-де батюшко родитель-де,
А родитель Данило сынъ Борисовичъ,
20. Онъ велѣлъ тебѣ притти да въ церковъ Божию.—
А омылса Лука да онъ свѣжкой водой,
Онъ утѣрса-де бѣлымъ полотенышкомъ,
Онъ срежалса-де въ платъичи хорошой,
А пошоль-де Лука да вонъ на уличу,

25. Онъ придумалъ дѣтина молодымъ умомъ:
«Я схожу кабы въ поли за охотою».
Кабы взялъ онъ Лука да право тугой лукъ,
А бы взялъ онъ тутъ стрѣлочки каленыи,
А пошолъ онъ-де къ лѣтнымъ-де тихимъ заводямъ,
30. Онъ стрѣляль-де гусей тамъ бѣлыхъ лебедей.
Ужъ онъ вышолъ Лука на морски луга,
Позадорился Лука да за охотою,
Нагонило-де воду да изъ синя моря,
Поняла-де Луку, право, морьска вода,
35. Кабы бродить онъ, Лука, да до колѣнъ воды,
Пролились кабы всѣ да малы заводи;
Але вытти-де Луки да нынѣ непокуль,
Кабы непокуль-де вытти, право, на землю;
Кабы бродить онъ Лука ' воды до пояса,
40. Поднесло-де Луки гнилу колодину,
А колодину гнилу да водоплавную,
Потянулъ кабы вѣтеръ нынѣ со города,
Понесло нынѣ Луку да во синѣ морѣ,
Подхватилъ-де Луку, право, быстѣрь субой,
45. А быстѣрь-бы субой да, право, валъ густой,
А едва-ле такъ Лука да нынѣ спасаетца,
Понесло-де Луку до во синѣ морѣ.
Какъ носило Луку да внога времени,
Много времени носило его по морю,
50. Поднесло-де его до нынѣ подъ горы,
Какъ подъ щельи-де тѣ непроходимыи,
Але вытти Луки на землю непокуль,
Убивать-де валомъ его, захватывать,
А едва-де Лука да онъ спасаетсе.
55. А увидѣлъ Лука да сынъ Даниловичъ,
А змѣя-де нынѣ тутъ надъ нимъ налетывать,
А летать-де змѣя да, право, лютая,
А къ Луки эта змѣя да приближайтце,
Бутто руськи слова да выговаривать:
60. «А светы отцы писали прописалисе,
Старики-то-де сказали просказалисе:
Бутто мнѣ отъ Луки да право смерть принеть,
А топере Лука да у миня въ рукахъ;
Ужъ я здумаю Луку да въ хобота возьму,

65. Ужь я здумаю Луку да на воды стоплю». Ужь змолился Лука да змѣи лютой: — Ужь ты ой еси, змѣя да скоропейная! Ужь ты вынеси миня да на сыру землю, Кабы вного я принялъ, право, холоду,
70. Але вного я принялъ, право, голоду.— Говорить-то змѣя да, право, лютая: «А возмѣшь-ле миня да ты въ замужество? А возмѣшь-де миня да ты въ замужество Але вынесу тибя я на сыру землю».
75. Ужь Луки-то-де дѣватсе нынѣ некуда, Ужь онъ отдалъ отъ себя рукописаницо: «А возьму-де тебя я за себя замужъ». Забрала его змѣя да ' свои хоботы, Понесла-де ёна да право на гору,
80. Опустила Луку да она на землю, Говорить-то змѣя да таково слово: «Сотворимъ-ко со мной любовь тѣлесную, А тѣлечню любовь да восердецьную». Говорить-де Лука да сынъ Даниловичъ:
85. — Я съ тово-де съ устатку со великого Не могу нынѣ творить любовь тѣлесную, Отдохнуть-де хочу да со устаточку.— Какъ легли они-де нынѣ да, право, на землю, Какъ прижарило ихъ да краснымъ солнышкомъ,
90. Бутто заспалъ Лука да сынъ Даниловичъ, А змѣя-же легла да потвориласе, А нашла на ей тягость тутъ великая; Прызываль-де Лука да онъ вѣдь всѣхъ светыхъ, Отъ змѣи-де штобы ему избавитце,
95. Але сталь-де Лука да потишешинько, Потишешинько онъ сталь да на рѣзвы ноги, Онъ схватилъ кабы камень да со сырой земли, Онъ ударилъ змѣю да камнемъ въ голову, Онъ росшибъ, розломалъ голову вѣдь до мозга,
100. Какъ исчасъ тутъ-де дьяволь, право, до смерти; А пошоль-де Лука да, право, прочь оттуль. Онъ ужъ близко-ле шоль, нонѣце далеко-ле, Онъ нашоль-то-де нынѣ на скотскихъ пастуховъ, Пастухи-де вѣдь ходять нынѣ валовъ пасуть,

105. Говорить-де Лука да сынъ Даниловичъ:
«Уже здравствуйте-де нынь да, право, пастухи!
Вы какво царя, какво хозяина?»
А одинъ-де изъ ихъ да тутъ толмачъ-же былъ,
Онъ толмачъ-де былъ, да нынь умѣлъ говорить:
110. — Ужъ мы пастухи-ле нонь право Салтановы,
А Салтана короля, право, турецково.—
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
«А далѣко-ле-де нынь, право, до города?»
Говорять-де Луки да эти пастухи:
115. — А до города-де только петь нынь поприщей.—
Говорить-де Лука да сынъ Даниловичъ:
«Я могу-ле натти, право, вашъ городъ?»
Говорять пастухи эти салтановы:
— А одна-де дорога нонь до города.—
120. Говорить-то Лука да таково слово:
«Ужъ я какъ подотти могу къ палатамъ нонь,
А къ палатамъ подотти ныньце царскимъ?»
Говорять-де эти Луки пастухи:
— Подходить ты какъ станѣшь ныньце къ городу,
125. Ты заткни у себя да полу лѣвую,
А сочтять-де тебя да заблудящймъ;
Ты зайди-де въ сады ихны зеленые,
Ты срывавай-де вѣдь всяки, право, яблукн.—
Вотъ пошоль, пошоль Лука отъ ихъ отправилса,
130. Онъ дошоль-де какъ близко нонь до городу,
Онъ пошоль-де въ сады да во зеленын,
Онъ заткнуль-де полу да у ся лѣвую,
Ужъ завидѣли его да добра молодца,
Кабы яблукн онъ ѣсъ да наслаждайтсе,
135. Донесли нонь Салтану нонь турецкому,
Кабы вывели оттуль да добра молодца,
Завели его ' полаты нынь во царскіе,
Какъ царя-то вѣдь въ то время не случилось,
Енна Марьюшка дочи нынь Салтановна,
140. Але стала она его допрашивать:
«Ты откуль-де какой да доброй молодець?»
Говорить-де Лука да таково слово:
— Я изъ той-де земли, право изъ Руськоей,
А изъ Руськоей земли изъ Свѣторуськоей,
145. А зовуть меня Лука да сынъ Даниловичъ,

Ужъ носило миня да, право, по морю,
Кабы по морю носило вного времени,
Не пиваючись-де я, да не ѣдаючись.—
Говорить кабы да Марьюшка Салтановна:

150. «А бывать, молодець, да ты покушать хошь?»
Говорить-то Лука да таково слово:
— Не пиваль я, не ѣдаль да нынь десятой день.—
Говорить-то-де Марьюшка Салтановна:
«Ужъ вы ой еси, мои, право, куфарицьки!»
155. Вы несите-ко молодцу, право, покушати,
Кабы разныхъ переваровъ, да нынь кушаньевъ».
А куфарки-де скоро да не ослышались,
Наносили-де скоро они кушаньевъ.
Але сталъ молодець да онъ покушивать,
160. Але пиль онъ, ѣль, да ноньце кушалъ-же;
Забрала его вѣдь тягость тутъ великая,
Говорить-то бы Марьюшка Салтановна:
«А со скуки молодечъ, да отдохнуть не хошь?»
Прилюбилсе-де удалой доброй молодечъ,
165. Кабы Марьюшки, Лука да сынъ Даниловичъ,
Повалила его, молодца, на кроватоцьку.

«Они тутъ засѣбели Олешу полувѣренина—Марьюшка была
изъ невѣрныхъ, потому и былъ у нихъ «полувѣренинъ».

51.

Данило Борисовичъ.

- Выпадали-де снѣги да, право, на горы;
Кабы эти-де снѣги да испотаели,
Протекли, пробѣжали да ручьи грубыи,
Але выпали-де ручейки на тихой Донъ.
5. На тихомъ-де Дону да на казачьемъ,
Але жилъ-ле Данило да сынъ Борисовичъ,
А Данило-то, да онъ вѣдь атаманомъ былъ,
Атаманомъ онъ былъ, право, управителемъ,
А имѣлъ онъ-де шайку петъсотъ молодцовъ,

10. Говорить-де ребятамъ *) добрымъ молодцамъ:
«Ужь вы ой есь донски да наши казаки!
Кабы хто изъ васъ есь да, право, мастера,
Але хто мастера изъ васъ есь плотники,—
Намъ большой-де вѣдь стругъ да надо сробити,
15. А такой-де стружокъ, да невеликъ-немаль:
А што-бы понёсъ онъ насъ петсотъ человекъ,
А петсотъ человекъ да донскихъ казаковъ,
А со всей штобы насъ да со орудіей».
А нашлись вѣдь тутъ да вногю плотничковъ,
20. Але стали ёни да стругъ вѣдь робити;
Кабы этотъ вѣдь стругъ да ёни сробили,
Онъ ужъ здумаль, Данило, да сынъ Борисовичъ,
На середку-де онъ да срубъ сробити,
Але сробити-де онъ, право, поставити,
25. А поставити-де онъ да муровой-чердакъ,
Отенуть-де чердакъ да чернымъ бархатомъ,
А пробить это чердакъ да золотымъ гвоздёмъ;
Въ чердаки онъ кроватку да здумаль сробити,
А кроваточку-де онъ право тесовую,
30. Але ноги у кроваточки дубовыи,
Не простого кося—зубья рыбьяго;
На кроватку перину-ле нонъ пуховую,
На перину взголовьичо косявчато (такъ!),
Але мяконьки подушечки чижовыи,
35. А подушки, одеяло да соболиное.
А совѣмъ этотъ чердакъ, право, построили,
А совѣмъ этотъ чердакъ да приготовили,
Приказаль Данило притти всѣмъ на легкой стругъ,
А собрались они петсотъ да добрыхъ молодцовъ,
40. А съ луками, со стрѣлами нонъ съ каленыма,
А зашли они-де всѣ да добры молодцы,
Говорить тогда Данило сынъ Борисовичъ:
«Ужь вы ой еси, ребята добры молодцы!
Я забыль-де вѣдь дома да тощу мѣнную,
45. Тощу мѣнную-де—палицу буѣвую».
Говорять-де его да добры молодцы:

*) «Ребятамъ»—исключительно рѣдкій случай произношенія, обыкновенно «ребятамъ».

- Ужъ мы сколькоеро поидемъ да за твоей казной?—
Говорить-то Данило да сынъ Борисовичъ
На отвѣтъ:—«Вы потыте хотъ и петеры».
50. А пошли-де какъ петъ да добрыхъ молодцовъ,
А приходятъ они да 'тощы мѣнной,
Али 'той они палицы буёвой,
За одинъ они конечъ да не могли признеть,
А назадъ они пошли ноньце безъ паличи.
55. А приходятъ назадъ они на лёккой стругъ,
Говорятъ они какъ эти да петъ молодцовъ:
«Ужъ не могли мы поднетъ да за одинъ конечъ».
А други кабы выхвастались десетеро:
«Ужъ мы десетеро принесемъ тощу мѣнную».
60. А приходятъ они къ той да тощи мѣнной,
Кабы этой-ле паличи буёвой,
За одинъ они конечъ едва пошевеливаютъ,
А другого конча да не могли поднетъ,
А назадъ они пришли опеть порозныи,
65. Не могли принести палицу буёвую.
У Данила-то ево сына Борисовича,
Кабы былъ подъ рукой слуга вѣрная,
Онъ ужъ пилъ съ нимъ и ѣлъ да съ одного стола,
Але платъе носилъ да съ онного плеча,
70. А не больше онъ былъ да лѣтъ семнадцети;
Говорить-то Данило да добру молодцу:
«А поди-ко ты по палицу да сбѣгай-же».
Кабы скоро побѣжалъ да доброй молодець,
Онъ схватилъ эту тощу да за одинъ конечъ,
75. Потащилъ эту тощу да на правомъ плечи,
Кабы бросилъ-де онъ тощу на лёккой стругъ;
На тощи вѣдь подпись есь подписана,
Але подрѣзь есь подрѣзана,
Але какимъ она кузнечёмъ да, право, роблена,
80. Але сколько вѣсу—она описана,
А описана она да шестьдесятъ пудовъ.
А совѣмъ они собрались да нынѣ направились,
Ужъ и поплыли они да по тиху Дону,
По тиху-де Дону да по казачкому,
85. Ай хотѣли проплыть они весь тихой Донъ,
А къ тому кабы Шаху да Персичкому.

- На усьморіи хватила да ихъ погодушка,
А така-ле ка' шторма да великая,
Але едва, едва они да не погинули,
90. А не смѣли они-де на морѣ выѣхать,
А ' персицкимъ берегамъ они поѣхати,
Воротились они назадъ по тиху Дону,
По тиху Дону, ноньце въ городъ Ростовъ,
Але къ Митрею царю да право Бранскому;
95. А постигла ихъ тутъ да темна ноченька.
Кабы Митрея царя да право Бранского,
Его въ городъ какъ дома не случилось,
Только была у его право ронна сестра,
А ронна сестра съ малинькимъ насленникомъ.
100. Розорили-де они да весь Бранской городъ,
А сестра-де съ насленникомъ она выбралась;
Какъ серебро, они вѣдь золото все обрали,
Убрались они да сами вѣдь изъ города,
Изъ города убрались они на лёккой стругъ,
105. Кабы по Дону назадъ они поѣхали.
Кабы послѣ того да послѣ этого,
А приѣхаль-де Митрей царь вѣдь Браницкой,
Але всё розорено его имущество,
Кабы всё розорено да розворовано,
110. Розорено-де всё да надруганось.
Али Митрей-отъ-ле Бранской онъ хитѣрь-мудѣрь,
У его вѣтъ есь науки козачькин,
Ужъ казачкин науки да молодецкин:
Онъ заставилъ затопить печьку муравленку,
115. Але взялъ онъ своё да чернокнижьичо,
Але сталъ онъ книжку эту прочитывать,
Кабы сталъ онъ слова таки выговаривать:
«Ужъ впередъ штобы ходу да имъ вѣдь не было».
Приказалъ онъ поймать коня доброго,
120. А садилса-де Митрей на добра коня,
Кабы взялъ онъ съ собой да право тугой лукъ,
А тугой-де какъ лукъ со тетивочкой,
Але взялъ онъ стрѣлочку калѣную,
А калѣную стрѣлочку перѣночку,
125. А поѣхаль онъ ' сугонъ да за разбойникомъ,
Онъ настигъ этотъ стругъ, право, по берегу,

- Але стругъ-отъ стоитъ да не у берегу,—
На субой далеко да онъ поставленной;
Онъ направиль-ле свой да право тугой лукъ,
130. Онъ наладиль-де стрѣлочку калѣную,
Але самъ онъ стрѣлы да приговариваль:
«Полети-де ты моя да калена стрѣла!
Пролети ты-де палубу струговую,
Росшиби ты, пробей да муровой чердакъ,
135. Залети ты Данилу да какъ во правой глазъ».
А спустиль онъ стрѣлу да изъ туга лука,
Заскрыпѣли-де у лука туги маклеки,
Какъ не два сѣры волка завояли,
Полетѣла изъ лука да калена стрѣла,
140. Пролетѣла она у струга палубу,
Ужъ пробила, проломилла муровой чердакъ,
Залетѣла она Данилу нонь во правой глазъ.
Заревѣль-де Данилко ярымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси, ребята добры молодцы!
145. А топере-де мнѣ, право, конечъ пришоль,
Ужъ вы вывезите миня да на сыру землю».
Повезли-де Данила да на сыру землю,
Какъ осталса Данило да сынъ Борисовичъ;
А поѣхали затимъ они по тиху Дону.
150. Они вѣдь ѣхали-де съ утра да день до вечера,
А постигла-де ихъ да нынѣ тѣмна ночь,
Ужъ сварили они ужину, поужинали,
Ужъ хотятъ они легчи да нынѣ на тѣмну ночь.
Какъ потыхла зоря нонѣе вечерняя,
155. Набѣжалъ у нихъ Данило да сынъ Борисовичъ,
Говорить-то Данило да таково слово:
«Я васъ всѣхъ-де нынѣ съѣмъ, да право, всѣхъ приѣмъ!»
А на то вѣтъ его слуга вѣрная,
Онъ ухваччивый-де былъ, право увѣрточной,
160. Побѣжалъ онъ-де скоро да на лёккой стругъ,
Онъ схватилъ эту тощу да право мѣнную,
Какъ билса онъ съ имъ, право, во всю нонь ночь,
А во всю-де онъ ночь, до самого утра,
А не могъ онъ убить право разбойника;
165. Зачелась какъ зоря да право утренна,
А одинъ-де присталь да ёдва живъ стоитъ,

- А другой-де отъ свѣту да палъ на землю.
Кабы здумали ѣни да добры молоуцы,
Кабы въ землю-де яму право выкопать,
170. А въ исподъ его глазами да въ яму бросити;
А зарыли они его жолтымъ пескомъ,
А на верхъ закатили да хрешъ-каменьё,
А отгуль-де назадъ домой поѣхали.

52.

Князь Долгоруковъ.

- Во той во матушки каменной Москвы,
Среди было кремля-ле славна города,
Стояла полата бѣлокаменна;
У палаты подѣлоцька брусёная,
5. Але столбики стоять тоцёныя,
У столбовъ головки золочёныи.
Во той полаты бѣлокаменной,
Жиль тутъ, былъ да Долгоруковъ князь;
Въ городи былъ онъ управителёмъ;
10. Не было у него не сына, не дочери,
Только съ малыхъ лѣтъ былъ взять пріемышокъ.
Живётъ-то пріемышь вного времени,
Онъ повырощенной до полна возраста,
Онъ пьётъ-ле, ѣсь, да съ одного стола,
15. Але платъичо носить съ одного плеча,
А всё ему да предовѣрено,
Предовѣрено и довѣрено,
Вся ему да золота казна,
Золоты ключи и кованы ларъчи
20. Вся казна да Долгоруковска *).
А по часту онъ сталъ ходить на царевъ кабакъ,
Онъ по многу носить сталъ золотой казны,
Онъ не ведрами берётъ, не полуведрами,
Онъ откатывать всё боцькой сороковоцькой;
25. Онъ выкатывать на площадь на широкую,

---

*) До 20-го стиха былина записана съ пересказа, дальше съ голоса.

- Онъ поитъ-де голей, да всё кабацкіихъ;
Але дѡпяна дѣтина напиваитце,
Съ чумаками у его нонь зашоль розговоръ,
А зашоль розговоръ, нынь-де вышель споръ:
30. «Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы давно-ле живите, да мало знаите—
Я живу-то-ле у князя Долгорукова,
Я живу-то-ле у князя ровно тридцеть лѣтъ,
А на мѣсто-де сына, мѣсто дочери,
35. Але пью то-ле какъ ѣмъ я съ одного стола,
Але платьѣ ношу я съ онного плеча,
Але всё кабы мнѣ ноньце довѣрено,
Але всё мнѣ-ка нонь да предоставлено,
Кованы-де ларьци да золоты ключи,
40. Золота-де казна вся долгорукова,
Ужъ не знаю у ей да я не прибыли,
Ужъ не знаю у ей да я не убыли;
А живу-де я времени-де тридцеть лѣтъ,
Але три года живу я со княгиною» *).
45. А на то-ле чумаки да чѣловальники,
Они злы кабы были, какъ смышлѣныи,
Кабы эти они рѣчи да всё послушали,
А подслушали эти рѣчи да нынь похвальнія,
А похвальнія слова, да непорядочны,
50. Они здумали донести князю Долгорукову.
Ужъ пришли они ко кремлю да славну городу,
Ужъ зашли они ко князю да Долгорукову:
«Ужъ ты ой еси, князь да Долгоруковъ-же!
Мы пришли-де къ тебѣ да безъ доклада нонь, **)
55. Мы пришли объявить тибѣ про ключника,—
Съ позволенья онъ-де ходитъ ноньце съ вашего,
Але самъ онъ сибѣ да самовольствуётъ?

---

*) П. Поздѣвъ спѣлъ тутъ такъ:

... «Я живу ноньце у князя ровно тридцеть лѣтъ,
Со княгиной я-де знаюсь ровно три года:
А съ княгиной я съ одного стола кушиваль,
Я не то што-ле кушиваль—на руки сыпаль,
А не то што на руки сыпаль—въ уста чѣловаль.

**) У П. Поздѣва Долгорукову доносятъ не чѣловальники, а придворные князя.

- Онъ почасту вѣдь ходитъ на царевъ кабакъ,
Онъ по многу-ле берётъ да зелена вина *)...
60. ... Говоритъ-то на то да Долгоруковъ князь:
— Ужъ вы ой еси мои да слуги вѣрныя!
Слуги вѣрныя мои, да неизмѣнныя!
Ужъ вы подьте-ко не одинъ, двоимъ, хоть петерымъ,
Вы найдите моего да млада ключника,
65. Ужъ ведите-ко его да не оставте нынъ.—
Услыхала-де слова эте Долгорукова,
Выходила за имá да на круто крыльчо,
Говорила-то она имъ таково слово:
«Ужъ вы ой еси, ребята да добры молодцы!
70. Ужъ ведите нонъ-ле уличей-де занней,
Але занней-ле уличей, да не передною». —
А пошли-де ребята да слуги вѣрныя,
Ужъ искали они ключника по городу,
А нашли они у царева да больша кабака,
75. Але пьянъ онъ ходитъ, да нынъ пьянѣшинѣкъ,
Кабы взяли они молодца за бѣлы руки,
Да за хороши за персни за злачѣныя,
Повели они молодца нынъ по городу,
Але ключникъ-де има да наговаривать:
80. «Ужъ вы ой еси, ребята да добры молодцы!
Не ведите меня уличей перенною,
Вы ведите меня по занней уличи,
А мимо кабы ту княгину нонъце горничу,
Я послѣднюю спою княгины пѣсенку,
85. Але пѣсенку спою да право жалобно». —
Ужъ ведутъ молодца уличей занней.
Мимо княгину ведутъ да Долгоруковъску,
Онъ запѣлъ вѣдь ключникъ право пѣсенку;
Услыхала-ле княгина право въ горенкѣ,
90. Ётперла-ле она да полькошечка,
Ужъ слезами-ле княгина да уливается.
Привели кабы ключника на уличу,
Ужъ ко той-ле ко рели ко высокой,
Ужъ приказывать-де князь да изъ окошечка,
95. Але въ петелку-де ключника повѣсити;

*) Повторяется рассказъ ключника—выпущено.

Але ключникъ во петелкѣ лягайтце,
А княгина-де во тереми кончаитсе:
«Куды полетѣль бладь-лсенъ-соколь,
Туды-же летѣтъ бѣлой лебеди».

II. Игнатій Михайловичъ Дуркинъ.

Маленькій сѣденькій старичокъ свыше 75 лѣтъ. Пѣль у меня всего одинъ день, пѣль Илью и Соловья, Садка, Дмитрія Бранскаго и нѣсколько стиховъ. Очень былъ польщенъ, что я позвалъ его, слушаю пѣніе, и пою чаемъ. Все время пока пѣль—пилъ чай и водку, отпивая маленькими глотками; постоянно останавливался, внося въ пѣніе неидушіе къ дѣлу разговоры.

53.

Илья Муромецъ.

- Какъ во томъ-ле было прежде городѣ Муромѣ,
Кабы жилъ кабы былъ тутъ нонь старъ казакъ,
Кабы старъ, пишуть, казакъ Илья Муромецъ;
Онъ сидѣль-то на печинькѣ-то тридцетъ лѣтъ,
5. Не имѣлъ при себѣ онъ какъ вѣдь рукъ-ле, ногъ.
Какъ ушли его нонь отецъ-ле, ноньце матушка,
Онъ осталса на пецькѣ на муравленкѣ,
Какъ пришли-ле тутъ двѣ калеки нонь убогея,
Какъ зашли ноньце къ ему, Богу помолилися,
10. Говорять они старому Ильѣ Муромцу:
«Охъ ты ой еси, старыя Илья Муромецъ!
Ты ставай-ко ноньце съ печеньки муравленой».
Говорить на то старой имъ, ѣтвѣтъ дѣржитъ:
— Охъ вы ой еси, какъ люди нонь хрещонья!
15. Я сидю ноньце на пеценъкѣ земляной право,
Я невного нонь немало, ровно тридцать лѣтъ.—
Говорять ему калеки во второй наконъ:
«Ты ѣтвѣдай-ко, ставай ноньце какъ съ пециты-то».
Кабы сталь ноньце ихъ-ле право слушатъсе,

20. Онъ змахнулъ ноньце своимъ руками бѣлыма,
Шевелить какъ сталъ ногами ноньце рѣзвыма,
Говорять ему калеки таковы слова:
«Слезывай-ты ноньце съ пецьки земленой право».
Онъ какъ сталъ ноньце слезывать, право, со пеценьки,
25. Какъ задѣствовали его руки бѣлыя,
Заслужили какъ его нонь ноги рѣзвыя.
Какъ говорятъ ему калеки нонь прохожіе:
«Ты возьми какъ ведро ноньце водяное,
Ты поди-ко нонь сходи какъ за водой право,
30. Ты на ту какъ нонь на рѣценьку Карчагу-ле,
Принеси-ко ты ведромъ воды, право».
Онъ пошолъ-ле старой нонь за водой, право,
Онъ принёсъ нонь воды, право, ключевой.
А сидять-ле тутъ калеки, говорятъ, право,
35. Говорять они старому Ильѣ Муромцу:
«Ты повышей-ко-же ноньче воды сколько хочетсе».
Говорять тутъ нонь калеки, его спрашиваютъ:
«Ты учуюль-ле нонь въ себѣ, право, цего-сего?»
Говорить ноньце старой какъ имъ отвѣтъ дѣржитъ:
40. — Я поцуюль ноньце въ себѣ силу великую.—
Говорять на то ищѣ калики-то:
«Кабы есь у 'тця, у 'тця-ле, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у ихъ полѣ посѣяно,
Зашолъ ноньце скоть да кабы топьцеть-ле,
45. Ты поди огорода, огорода какъ ноньце Божей дарь».
Какъ юшли-то калеки нонь убогія,
А пошолъ онъ какъ хранить полѣ ѣтцовское.
Онъ завидѣль-ле въ поли ноньца скоть ходитъ,
Онъ какъ изъ поля скота ноньце выганиваль,
50. Кабы полѣ-то сырымъ дубьемъ огораживаль,
Онъ вѣдь рвалъ тутъ какъ дубьицо съ кореньицомъ,
Онъ оклалъ, огородилъ людямъ на юдивленьицо.
Какъ пришли его отецъ-ле, ронна матушка,
Какъ пришли они, увидѣли свое полѣ,
55. Кабы всё оно какъ дубьями заклажено,
Они тутъ какъ-бы сами удивилисе:
«Кабы шчо эки чудеса у насъ сотворилися?»
Зашли они въ комнату свою тёплую,
Какъ ювидѣли старой ихъ сынъ здоровой сталъ,

60. Говорить ноньце старой какъ отцу, матушкѣ:
«Охъ ты ой еси, отецъ-ле нонь родимыя!
Охъ ты ой еси, какъ матушка любимая!
Вы какъ дай ноньце вы мнѣ было благословленьицо,
Я хоцю ноньце ѣхать въ стольнѣй Кіевъ-градъ,
65. Я хоцю нонь посмотрѣть князя Владимира,
Со его любой со матушкой любимой».
Кабы дали тутъ ему благословленьицо,
Кабы ѣхати ему на стольнѣй Кіевъ-градъ,
На своемъ-то конѣ-лѣ право бѣлыѣмъ;
70. Кабы былъ-то ю отца его конь бѣлой весь,
На юбѣлъ весь какъ бѣлыя куропать,
Его хвось былъ-ле, грива научерь-черна.
Кабы сталъ ноньце старой тутъ отправлятисе,
Какъ онъ въ ту-ле дорожку старопрежнюю,
75. Старупрежнюю дорожку прямоѣжскую,
На котору поселился кабы Соловей,
Поселился тутъ вѣдь соловей Рахматовичъ.
Онъ сидитъ вѣдь кабы самъ-отъ на сырыхъ дубахъ,
На тринадцати сидитъ какъ мелкихъ падубкахъ;
80. Кабы были у его вѣдь сильни заставы:
Кабы первая застава станичники,
А другая кабы застава граничники,
Кабы третья была застава турзы-урзы,
Какъ турзы эте урзы ѣне проклятыя.
85. Какъ поѣхалъ нонь старой-ле въ путь дорожиньку,
Какъ пришли вѣдь три ростани, три дорожиньки,
Какъ стоитъ-ле тутъ ноньце, право дубовой столбъ,
На столбу-тутъ какъ надписи подписаны,
Кабы подрѣзи кому юказаны:
90. «Кабы въ правоѣ дорожку идти-ѣхати,
Какъ во той-ле дорожинькѣ богату быть;
Какъ ' середнюю дорожку, право, ѣхати,
Во середнѣй-то дорожки живому не быть;
Кабы въ третью-ту дорожку кабы ѣхати,
95. Какъ во третей-то дорожки жонату быть».
Кабы тутъ стоять старой-ле нонь роздумалса:
«Кабы що ноньце мнѣ ѣхать въ ту дорожоньку,
Во которой мнѣ дорожоньки богату быть?»
А ' середню мнѣ-ка ѣхать какъ жонату быть?

100. Кабы лучше я поѣду въ третью дорожоньку,
Во которой дорожкѣ живому не быть».
Онъ поѣхаль нонь старой-ле въ ту дорожоньку,
Во которой какъ старому живому не быть.
Кабы ѣдѣть ближе къ городу ко Киеву,
105. Приѣзжаётъ онъ ко первой-ле заставѣ,
Тутъ стояли какъ на заставы станичники.
Они близко тутъ старому приближаютца,
Какъ хотятъ они стара-ле бити-грабити,
Какъ хотятъ они старого испохабити.
110. Говоритъ ноньце старой имъ, какъ ѣтвѣтъ дѣржитъ:
«Охъ вы ой еси, удалые добрые молодцы!
Ужъ вы потыте ноньце проць отъ старого,
У старого смерть будѣтъ страховитая».
Какъ на то ноньце станичники не врандуютъ,
115. Кабы ближе всѣ ' старому приближаютца.
Кабы бралъ-ле въ руки палицу жалезную,
Кабы сталь онъ ихъ поганныхъ помахивать,
Какъ туда-то махнѣтъ—лежать улицьма,
120. На округъ-то поворотить—съ переюлками;
Онъ побилъ ихъ проклятыхъ до единого,
Онъ опеть-же заскакиваль на добра коня,
Онъ ѣпеть-же поѣхаль ноньце къ городу.
Какъ стрѣцяетъ тутъ его другая застава,
125. Тутъ стоять-ле на заставы граничники,
Они тоже кабы ближе приближаютца,
Какъ хотятъ они стара-ле бити-грабити,
Какъ хотятъ его стащить-ле со добра коня,
Говоритъ какъ имъ старой нонь таково слово:
130. «Охъ вы ой еси, удалы добрые молодцы!
Вы не бейте какъ меня-ле ноньце старого,
А старого вѣдь нонь битъ вамъ незашто,
У старого какъ взять-ле ноньце нечего,
У старого только есь ноньце бѣлой конь,
135. Кабы конь вѣдь наюбѣль вѣдь бѣль,
Кабы хвостъ-ле его, грива на ючернь-черна;
Ищѣ есь только при се-ле право чудень кресъ,
Онъ невного ноньце стоить—во петсотъ рублей».
Кабы пуще тутъ прокляты ѣсержаютца,
140. Кабы ближе-ле ' старому приближаютца,

- Какъ на то-ле прежь старой-отъ былъ догадливой,
Онъ вѣдь бралъ вѣдь въ руки палицу жалѣзную,
Кабы сталь-же ихъ проклятыхъ помахивать,
Онъ впередъ туда махнѣтъ какъ лежатъ улицьмы,
145. Онъ прибилъ какъ бы всѣхъ тутъ до единого,
А ѣпеть-же заскакивалъ на добра коня,
А ѣпеть-же какъ ѣдетъ какъ ближе къ городу.
Приѣжжаётъ какъ къ послѣдней ноньце заставы,
Тутъ стоели какъ на заставы турзы-урзы,
150. Какъ турзы-ле-урзы Богомъ проклятыя,
Какъ-бы ближе-ле ' старому приближаютца,
А хотятъ ищэ старого бити-грабити,
А хотятъ они стащить его со добра коня.
Говорить-ле имъ старой какъ въ послѣдней разъ:
155. «Охъ вы ой еси, турзы-урзы проклятыя!
Ужь вы потѣте ноньце проць ѣтъ старого,
У кого у васъ какъ есь нонь молоды жоны,
У кого кабы у васъ есь дѣти малыя».
Какъ на то они проклятыя не врандуютъ,
160. Они ближе-ле къ старому приближаютца,
Какъ старой ноньце вѣдь крѣпце осержаетце,
Онъ какъ бралъ ноньце саблю свою вострую,
Кабы сталъ тихъ турзовъ нонь помахивать,
Какъ присѣкъ ихъ всѣхъ нонь до единого.
165. Онъ ѣпеть-же заскоцилъ какъ на добра коня,
Онъ опеть-же ѣдетъ въ ту дорожоньку,
А котора какъ идѣтъ-ле ноньце къ Киеву.
Приѣжжаеть нонь ко подкопу какъ первому
Какъ глубокой-ле подкопъ тутъ ископанной,
170. Во подкопи-то копыця поставлены,
Какъ завидѣлъ старой тутъ глубокъ подкопъ,
Онъ приправиль своего коня доброго,
Какъ скочить-ле черезъ тотъ глубокъ подкопъ,
Какъ повысочиль его-ле ноньце доброй конь.
175. Кабы опеть нонь какъ ѣдетъ ближе къ городу,
Ко другому-ле подкопу онъ подѣхалъ нонь,
Онъ приправиль-же своѣго коня доброго,
Онъ стегнулъ какъ его нонь по крутымъ ребрамъ,
Повысочиль его-ле, право, доброй конь.
180. Онъ опеть-же ноньце ѣдетъ ближе къ городу,

220. А припаль его какъ конь вѣдь на колѣни-то,
Кабы бѣтъ его старой вѣдь по тучнымъ ребрамъ:
«Кабы ой еси, ты нонь-ле право доброй конь!
Не слыхалъ будто вороньяго граянья?
Не слыхалъ вѣдь какъ вороньяго курканья?»
225. Какъ скочилъ вѣдь какъ тутъ конь на рѣзвы ноги,
Какъ тутъ ноньце старой-ле осержаетце,
Натенулъ онъ свой-ле, право, тугой лукъ,
Онъ направилъ какъ-бы стрѣлоцку калѣную,
А калѣную стрѣлоцку, перѣную,
230. Онъ направилъ кабы ей, самъ приговаривалъ:
«Охъ ты ой еси, моя стрѣла калѣная!
Охъ ты ой еси, моя стрѣла перѣная!
Полети-ко моя стрѣлоцка туда, право,
Ты туда-ле ка' стрѣлка, куды я велю,
235. Полети-ко нонь ты Соловью во правой глазъ».
Полетѣла его нонь калена стрѣла,
Какъ не падала она-ле ноньце на горы,
Какъ не падала она ноньце на землю,
Залетѣла, право, Соловью во правой глазъ,
240. Кабы тутэ нонь Соловей свернулса нонь,
Какъ свернулса ноньце Соловей съ сырыхъ дубовъ;
Какъ старой-отъ былъ вѣдь Богомъ онъ ухватчивой,
Подгонилъ ноньце подъ Соловья Рахматова,
Онъ схватилъ кабы Соловья на полети нонь,
245. Привезалъ его ко степи лошадинной,
Какъ поѣхалъ-то бы ближе то бы ' городу.
Кабы было тутъ у Соловья деветь доцереи,
Какъ на всѣхъ было взято деветь зетевьей,
Кабы близко тутъ старой къ нимъ приближается;
250. Какъ завидѣли старого непріятеля,
А хотять-бы его, право, побить, право,
А сидить тутъ кабы Соловей на добромъ конѣ,
Онъ сидитъ-ле старымъ какъ тутъ привязаной,
Говоритъ онъ какъ своимъ любимымъ зетевьямъ:
255. «Вы не бейте ноньце руського богатыря,
Не сердите кабы нонь его-ле молодца,
Ужъ вы лучше унижайтесь нонь добрымъ концомъ,
Какъ проситѣ нонь: миня онъ не спуститъ-ле».
Кабы были у его ворота широкія,

260. Кабы были тутъ надворотнички тяжелыя,
Кабы кто тутъ заѣдетъ, придавятъ того,
Говоритъ ищѣ имъ Соловей Рахматовичъ:
«Не сердите вы какъ руського боготыря,
Не спускайте какъ надворотенку тяжелую».
265. Какъ опеть-же поѣхалъ ближе къ городу.
Какъ невного поры время миновалосе,
Пріѣзжаётъ старой какъ ближе къ городу,
Онъ соскакиваль ' своего коня доброго,
Привезалъ какъ коня доброго къ дубову столбу,
270. Къ дубову-ле ёнъ столбу, золоту кольчу,
Какъ пошолъ ноньце типеря во свѣтлу гриню,
Во свѣтлу-ле эту гриню княженеческу,
Какъ заходитъ онъ во гриню, Богу молитца,
На всѣ стороны какъ самъ тутъ поклоняйтца,
275. А князю-то, княгини на ёсобичу:
«Ужъ ты здравствуешь, нонь солнышко Владимирь-князь!
Ожъ ты здравствуешь, нонь сѣ матушка Опраксія!»
Говоритъ ноньце какъ солнышко, отвѣтъ держитъ:
— Охъ ты здравствуешь, удалой доброй молодець!
280. Ты ѣткуль ноньце ѣдѣшь, куда прависься?
Ты какого-ле отца, какой матушки?
Ище какъ ты молодца имянѣмъ зовуть?—
«Изъ того ѣду изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ле я села-жила Карчагова».
285. — Ищѣ какъ ты молодца нонь именѣмъ зовуть?—
«Именѣмъ меня зовуть-ле-я какъ старь-казакъ,
Какъ бы старь-казакъ я, ноньце Илья Муромецъ».
— Уже какъ ты, поколь нонь ѣхалъ, правилса?—
«Я вѣдь ѣхалъ нонь дорожкой старопрежней,
290. Старопрежней дорожкой, прямоѣжкой,
На котору поселилса кабы Соловей,
Поселилса онъ, сабака, убиваль вного,
Убиваль онъ, какъ, грабилъ людей добрыхъ,
Онъ поставилъ тутъ заставы великія.
295. Миѣ какъ Богъ пособилъ—я всѣ проѣхалъ нонь,
Какъ побилъ я тутъ вѣдь Соловья Рахматова,
А строишь какъ его я со сырыхъ дубовъ,
Привязалъ я ко степи лошадиной,
Онъ сидитъ ноньце у мя какъ на добромъ конѣ,

300. На добромъ кони сидитъ привязаной).
Говоритъ-ле на то солнышко Владимиръ-князь:
— Охъ ты ой еси, старъ-ле доброй молодець!
Ты садись-ко нонь съ дорожоньки попить-поисъ,
Ты попить ноньце, поисъ, хлѣба покушати.—
305. Какъ садилса старой ноньце, попилъ-поѣлъ,
Кабы сталъ его вѣдь солнышко тутъ спрашивать,
Кабы сталъ онъ вѣдь тутъ съ нимъ розговаривать:
«Какъ неможно-ле нонь Соловья завести суда?»
Говоритъ на то старъ-ле, какъ отвѣтъ дѣржить:
310. — Какъ пошли-тко ты-ле слугъ-ле вѣрныхъ,
Кабы вѣрныхъ ты слугъ-ле, неизменныхъ.—
Какъ пошли эте вѣдь слуги ноньце вѣрныя,
А подходятъ они ближе къ коню доброму,
Какъ завидѣли тутъ Соловья привязана,
315. Ужахнулись они Соловья Рахматова,
Говорятъ они какъ Соловью Рахматову:
«Охъ ты ой еси, нонь Соловей Рахматовичъ!
Мы какъ посланы отъ стара-ле казака Ильи Муромца,
Мы какъ посланы отвезать тебя нонь, право,
320. Какъ отъ той-ле отъ степи лошадиной).
Говоритъ кабы имъ Соловей, отвѣтъ дѣржить:
— Я не вашима руками нонь привязаной,
Я не вашима руками коню приказаной,
Кто нонь привязаль меня къ добру коню,
325. Я того ноньце могу-ле право слушати.—
А зашли эти вѣдь слуги нонь, народъ въ гриню,
Кабы сказываютъ они князю Владимиру:
«Говорилъ вѣдь нонь какъ Соловей Рахматовичъ:
«Я не вашима руками сижу привязаной,
330. «Я не вашима словами сижу приказаной,
«Кабы хто меня привязаль, того я слушаю».
Говоритъ ищѣ какъ солнышко ' второй наконъ:
— Охъ ты ой еси, старой-ле Ильи Муромецъ!
Заведи-ко ноньце Соловья въ свѣтлу гриню.—
335. Пошоль-ле старой нонь ко добру коню,
Кабы сталъ ноньце ѣнъ Соловья ѣтвязывать,
Говоритъ самъ какъ Соловью Рахматовичу:
«Ты пойдѣмъ ноньце какъ Соловей въ свѣтлу гриню,
340. Ты Владимиру-царю на посмотреньицо,

- А стороннымъ ты людямъ на удивленьицо).
Онъ завѣль ноньце какъ Соловья Рахматовича,
Говорить на то какъ солнышко Владимиръ-князь:
— Охъ ты ой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
345. Ты позволъ-ко ноньце Соловью засвистѣть, право,
Засвистѣть кабы ему нонь о полусвиста,
Закричатъ кабы ему нонь о полукрика.—
Говорить-ле тутъ старъ таково слово:
«Какъ велю я засвистѣть ему о полусвиста,
350. Я возьму-ле нонь тебя князя въ руку правую,
А княгину надо взяти въ руку лѣвую).
Говорить ноньце старой-ле право Соловью:
«Засвисти-ко ноньце Соловей въ полусвинста».
Кабы много тутъ народу собиралоса,
355. На юдивленіе какъ въ Кіевъ соѣзжались;
Засвистѣль онъ ноньце Соловей въ полусвиста,
Подрожала ровно гриня княженеческа,
Кабы князь-отъ, княгина цютъ не юпали тутъ,
Простонародіе тутъ всѣ какъ ровно заспали.

54.

Дмитрій Бранской.

- Кабы былъ-ле прежде Митрей-ле Бранскія,
Онъ какъ былъ, право, Митрей-отъ хитѣрь-мудѣрь,
Онъ какъ могъ-бы ходити рыбой щукою,
Ищѣ могъ-бы какъ бѣгати сѣрымъ волкомъ,
5. Кабы могъ нще рыскать бѣлымъ горносталѣмъ.
Какъ-бы былъ-ле прежде дядюшка Имбаль-король,
Кабы были у ёго-ле два племянницка,
Какъ придумали нонь ѣхать въ Бранской городъ,
Ко тому ёни ко Митрею ко Бранскому,
10. А захотѣли роззорить они Бранской-отъ городъ,
Они просятъ какъ у дядюшки было благословленьица,
Роззорите нынъце хотятъ славной Бранской городъ;
Они просятъ какъ у дядюшки благословленицо,
Говорить на то имъ дядюшка Имбаль-король:
15. «Охъ вы ой еси, мои родны племяннички!

- Какъ не дамъ ноньце я вамъ благословленьице;
А какъ билса я прежде ' Митреёмъ ровно тридцеть лѣтъ,
Не могли мы одинъ другого ранити,
Не могли какъ вѣдь мы другъ друга кровавити:
20. Кабы Митреётъ вѣдь нонь право хитѣрь-мудѣрь,
Онъ вѣдь можотъ ходить-ле въ морѣ шукою,
Онъ вѣдь можотъ-ле бѣгати сѣрымъ волкомъ,
Ищѣ можотъ-ле рыскать бѣлымъ горносталѣмъ».
- Какъ на то его племянницки не врандуютъ;
25. Кабы стали тутъ два брата снаряжатися,
Кабы стали ѣтправлятися во Бранской городъ,
А поѣхали они ближе ко городу,
А какъ близко-ле ко городу приближаютца,
Заѣжжаютъ нонь они въ славной Бранской городъ,
30. Кабы Митрея въ городи не случилось,
Какъ уѣхалъ ноньце Митрей ко Черну морю,
А стрѣлети тамъ гусей, кабы лебѣдышекъ,
Побивать-ле кабы малыхъ утянышокъ.
Какъ заѣхали они въ славной Бранской городъ,
35. Кабы зажили ребята подомашному,
Кабы лучшую вѣдь силу всё повыбили,
Какъ другая тутъ вѣдь сила на юходъ ушла,
Кабы Божіи-те церкви всё повыжгали,
Присвятую Богородицю во грезъ стоптали.
40. Кабы были у Митрея три ворона,
Какъ три ворона-то были тамъ кормлѣныя,
Полетѣли эти вороны ко Черну морю,
А искать-ле своего какъ хозяина;
Прилетѣли они какъ ко Черну морю,
45. А завидѣли какъ Митреёвъ-ле чернъ шатѣрь,
Какъ сажилесе ти вороны на сыро дубѣ,
Кабы первоётъ воронъ тутъ возграивалъ,—
Кабы спитъ-ле тотъ Митрей не пробудитса;
Какъ другой-отъ-ле воронъ тутъ возграивалъ,—
50. Кабы тоже Митрей спитъ нонь не пробудитса;
Кабы третей-отъ воронъ тутъ возграивалъ,—
Кабы тутъ-ле ноньце Митрей пробужаитса,
Онъ съ тежолымъ-ле со сномъ какъ роздѣляется,
Онъ какъ вышолъ ноньце Митрей изъ черна шатра,
55. Онъ увидѣлъ своихъ вороновъ кормлѣнныхъ,

- Какъ увидѣлъ еще вороновъ поёныхъ,
Кабы самъ-ле тутъ Митрей розговаривать:
«Охъ вы ой еси, мои какъ черны вороны!
Видно есь у меня надъ городомъ незгодушка?»
60. Видно есь у мня надъ Бранскимъ великая?»
Онъ какъ скоро заскоцилъ тутъ на добра коня,
Онъ вѣдь скоро погонилъ ближе ко городу,
Пріѣжжяётъ ко городу ко Бранскому,
Кабы весь его городъ розвоеваной,
65. Кабы лучшая-ле сила вся повыбита,
А другая-то вѣдь сила на юходъ ушла,
Кабы Божьи-ле церкви всѣ повыжганы,
Присвятая Богородица въ грезъ стоптана;
Какъ увидѣлъ ноньце Митрей Богородицу,
70. Онъ скочилъ со своего коня доброго,
Онъ какъ взялъ ей-ле во рѣзвы руки,
Говоритъ кабы-ле ей-ле Богородицѣ:
« Ты пошто ноньце далася кабы поганимъ?
Ты пошто ищѣ далася ноньце проклятымъ,
75. Ты даласе кабы имъ да на поруганьѣ?»
Онъ поставилъ ей куда какъ ноньце хоцетса.
Какъ была-ле у его, право, родна сестра,
Какъ уѣхали два брата Долгополюя (такъ),
Увели они у Митрея родну сестру,
80. Они выѣхали на полѣ на чистое,
А поставили они-ле тутъ, право, чернъ шатерь.
Засвистѣлъ кабы Митрей нонь въ городѣ,
Онъ вѣдь подалъ какъ своей силы нонь голосъ-ле,
Засвистѣлъ кабы Митрей во второй наконь,
85. Кабы стала его сила приближатисе,
Засвистѣлъ ищѣ Митрей въ третей-ле разъ,
Набѣжала его сила нонь великая;
Какъ пошли ноньце въ сугонъ они за братьями,
А настигли кабы ихъ вѣдь на поли,
90. Отдыхаютъ они нонь какъ во черномъ шатрѣ,
Кабы тутъ-же сидитъ его родна сестра,
Какъ сидитъ у одного-ле ноньце вшей ловить.
Кабы Митрява сила приближантца,
Кабы Митрейтъ-ле былъ, право, хитѣръ-мудѣръ,
95. Онъ заскакивалъ въ шатѣръ бѣлымъ горносталѣмъ,

- Онъ поскакивать-ле Митрей нонь горносталёмъ,
Какъ у тугихъ луковъ онъ струны выкусаль,
У калёныхъ ихъ вѣдь стрѣль-ле уши выкололь.
Какъ сидить тутъ вѣдь Митрея родна сестра,
100. Какъ увидѣла ноньце право горносталя,
Она думать какъ себѣ нонь такову думу:
«Какъ явилса вѣдь нонь, право, какъ родной вѣдь братъ».
Кабы тутъ она сидить нонь зрыдоваласе;
Какъ выскакиваль горносталъ изъ черна шатра,
105. Овернулса какъ горносталъ ноньце Митреёмъ,
Засвистѣль кабы Митрей во первой нонь разъ,
Засвистѣль кабы Митрей-отъ въ другой-ле разъ,
Кабы стала его сила привлижатисе,
Засвистѣль ищэ Митрей во третей-ле разъ,
110. Какъ успѣла его нонь тутъ сила великая,
Приказаль-ле онъ хватать етихъ двухъ брателковъ.
Какъ схватили етихъ двухъ-ле ноньце брателковъ,
Приказаль онъ какъ своей силы великой:
«Вы ю одного глаза ноньце ископайте,
115. У другого по колѣнъ ноги отсѣките».
Какъ сроботала его сила великая,
Какъ ' одного глаза ноньце ископала,
У другого по колѣнъ ноги отсѣкла нонь,
Говорить на то Митрей ноньце Бранскія:
120. «Ужъ вы потыте какъ назадъ, право, въ свою землю,
Ужъ потыте нонь ко дядюшкѣ ко Имбалу,
А слѣпой—ты неси, глазатой—указывай».
Какъ пришли ноньце они, право, ко дядюшкѣ,
Говорить на то имъ дядюшка Имбаль-король:
125. «Вы не слушали старого вамъ наказываньё».

55.

Садко.

Кабы было во городи во Кіевѣ.
Какъ у ласкова князя-та Владимира,
Кабы было пированьё, столованьё.
Кабы вногъ тутъ съѣзжалось купцей-людей,

5. Какъ купцей людей право торговыхъ,
А садили какъ вѣдь тутъ-то ихъ ноньце за столки,
Угощали ихъ ноньце, цего имъ хоцѣтце.
Кабы всѣ они тутъ напивалися,
Кабы всѣ они тутъ стали пьяноватыѣ;
10. Какъ сидѣль-то Садко купецъ за столикомъ,
Онъ за столикомъ сидѣль какъ за переднеемъ,
Онъ выходитъ Садко ноньце изъ за столика,
Онъ на серѣдку вѣдь полу какъ кирпищата,
Онъ самъ близко къ столу нонь приближайтсе,
15. Онъ вѣдь проситъ себѣ право охвотничка:
«Я хоцю кабы съ нимъ ноньце бится-ле,
Я хоцю вѣдь нонь въ Новѣ-Градѣ товары всѣ
повыкупить.
Я товары какъ тутъ всѣ повыкуплю,
А на матушку на Волгу всѣ повывожу,
20. Тридцетъ караблей черленыхъ всѣ повыгружу». .
Тутъ выходитъ нонь попъ, отецъ духовныя,
Онъ вѣдь близко-же къ столу самъ приближайтца,
Говоритъ-ле нонь какъ попъ таковы рѣчи:
— Я вѣдь бьюся-ле съ Садкомъ, купцѣмъ богатыемъ,
25. Кабы бьюся я вѣдь съ нимъ да о великъ залогъ,
Какъ не о стахъ рублей нонь не о тысячахъ,
О своихъ-ле буйныхъ право головушкахъ.—
По Садки-то поручалисе купцы-люди,
По попи-то поручалисе попы, дьяки,
30. Какъ билися они тутъ о великъ залогъ.
Розошлися какъ съ пиру ѣни, розѣхались,
Какъ Садко-ко забираль сибѣ прикатчиковъ,
А купити хоцѣтъ товары во Новѣ-Гради.
Кабы купятъ они-ле, право, день поры.
35. Кабы купятъ они, право, другой поры,
Ище купятъ, право, они недѣлю всю,
Не могли ѣни товары тутъ повыкупить,
У Садка-ле казны нонь мало можетца,
Во Новѣ-Гради товару больше старого;
40. Кабы тутъ ноньце Садко тутъ запечалилса,
Онъ пошолъ нонь Садко какъ во Божью церкву,
Онъ змолилсе тамъ какъ Богородицѣ:
«Охъ ты ой есь, Присвета Мать Богородиця!

Пособи-ко мнѣ въ Новѣ-Гради товары какъ

повыкушить,

45. А на матушку на Волгу всѣ повывозить,
Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгрузить,
А поставлю я тибѣ нонѣ церковь Божію,
Со всима какъ со иконыма тамъ чудныма».
А пошоль нонѣ Содко какъ изъ Божьей церкви,
50. Они нацяли купить право товары-ти,
У Садка-ле казны стало вного вножество,
Во Новѣ-Градѣ товару мало можетца.
Какъ повыкупиль Садко нонѣце товары всѣ,
Какъ на матушку на Волгу всѣ повывозить,
55. Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгрузить.

12. Екатерина Ѳедоровна Торопова.

Очень старая и дряхлая старушка—ей 81 годъ—охотно согласилась мнѣ пѣть и пѣла кромѣ Голубинной книги: стихи: Егорья и Александру и про смерть. Въ молодости знала много старинь, но теперь перезабыла.

56.

Голубинная книга.

- А на ту-де на матушку Саворъ-гору
Выпадала вѣдь книга голубинная.
Не велика-ле книжица, не малая,
Во долготу она была да какъ цѣла сажень,
5. Какъ цѣла-де сажень была печатная,
Во толщину-то-ле книжица три четверти,
Въ ширину-то-ле книжица сорокъ локоть.
А на ту-де на славу на великую,
Собиралисѣ тутъ, да сокоплелися,
10. Какъ цитать эту книгу голубинную;

- Во первыхъ, тутъ читаль да какъ Давыдь-пророкъ,
Во вторыхъ, тутъ читаль да какъ Исай-пророкъ,
Во третьихъ, тутъ читаль да какъ Солóманъ-царь.
А хотѣли прочесть да книгу голубинную,
15. А читать они хотѣли кабы три вѣдь дня,
Прочитать они хотѣли съ доски на доску,
А потомъ процитали да книгу три года,
А читали они да у ей три листа.
Кабы цѣ объ цѣмъ книга была написана?
20. Отъ цего тутъ зацялся вольной бѣлой-свѣтъ?
Отъ цего зацялось да сонцо красное?
Отъ цего-де зацялся бладь-мѣсець?
Отъ цего зацялись да звѣзды цястыя?
Отъ цего разлились да моря синія?
25. Отъ цего-де пошли да много множесво,
А потимъ по морямъ да какъ по синіимъ,
Расходились по морямъ да какъ морски звѣри,
Во моряхъ поевились какъ больши киты?
На китахъ да земля была основана.
30. И прошло тутъ-ле время, прокатилося,
Узнавать стали народъ да отъ цего-цего:
Отъ цего-де зацялся вольной бѣлой-свѣтъ?
Отъ цего-де зацялось красно-солнышко?
Да зацялся бѣлой-свѣтъ отъ Воспода,
35. Красно-солнышко зацялось да изъ оцей Его.
Отъ цего-де зацался бладь-свѣтель-мѣсець?
Бладь-свѣтѣль-мѣсець зацялся отъ ушей Его.
Звѣзды цясты зацялись да какъ отъ рукъ Его.
Отъ цего зацялась вся поселенная?
40. Какъ отъ Суса Христа да отъ распятого,
Сотвориль-де Господь да Царь Небѣсной-свѣтъ,
Онъ и небо сотвориль, онъ и землю всю,
А вси тутъ моря да большосиніи,
А и вси тутъ карабли, морски звѣри,
45. Кабы всё сотвориль Господь Небѣсной-свѣтъ;
А земля мати основана на трѣхъ китахъ,
Сотвориль ей Господь да Исусъ Христось.

13. Алексѣй Васильевичъ Чупровъ.

Алексѣй Чупровъ—старикъ 70 лѣтъ, знаетъ много сказокъ, которыя рассказываетъ очень складно, почти стихами, но безконечно повторяясь, отчего сказки его выходятъ непомѣрно длинны. Знаетъ онъ и былины, но съ тѣхъ поръ какъ его постигло большое несчастье (онъ ослѣпъ), онъ религиозно настроенъ и ничего не поетъ, кромѣ духовнаго, хотя сказки рассказывалъ мнѣ всякія, иногда очень скабрёзныя. Здѣсь ему принадлежитъ былина про „Потыка“ богатыря и пѣсня. Отъ него-же я записалъ нѣсколько рассказовъ про мѣстную „бывальщину“: про разбойниковъ и пр.

57.

Потыкъ.

- Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя Владимира,
Завелса у князя почесенъ пиръ,
На многихъ князей, на бояровъ,
5. На руськихъ могучихъ богатырѣвъ,
На злыхъ паленицъ преудалыхъ,
На купцей, людей торговыхъ,
На мѣшшанъ пригородныхъ,
Людей посадскихъ,
10. На лучшихъ хресьянъ православныхъ.
Пиръ идетъ о полупира,
Столъ стоитъ о полустола,
Княженевская радость—полурадость.
Владимеръ князь сталъ пьянешинекъ и веселешинекъ,
15. Выходилъ на середка кирпичать полъ,
Съ ноги на ногу переступывалъ,
Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Всѣмъ молодцамъ служба явлена,
Потыку служба надмѣчена:

20. Съѣздить ему въ землю Холщевскую,
Худшую силу въ пень повырубить,
Лучшую силу въ полонъ взять,
Красно-золото въ возы склась,
Скатёнъ жомчугъ гонить телёгою,
25. Добрыхъ коней табунами гнать,
Молодыхъ дѣвушекъ станицами,
Молодыхъ молодушекъ пленницами,
Старыхъ старухъ гнать коробицами».
Сидитъ Пóтыкъ запечалился,
30. Повѣся сидитъ буйну голову,
Потупя очи ясныя во кирпичать полъ.
На то Солнышко догадливъ былъ:
Наливаетъ цару зелена-вина,
Не велику не малу—въ полтора ведра,
35. На закуску колачикъ бѣль-крупичатой,
Подноситъ удалу добру молодцу:
«Ужъ ты, Потыкъ Михайловичъ!
Прими, выкушай цару зелена-вина».
Беретъ Пóтыкъ во праву руку,
40. Пьетъ чару къ едину духу,
За чарой умѣлъ слово вымолвить:
— Сколько радъ я отъ царя служить,
А вдвое радъ я голову сложить.—
Вставалъ Пóтыкъ на рѣзвы ноги,
45. Выходилъ на середка кирпичать полъ,
И всѣмъ челомъ билъ, низко кланялся,
А князю со княгиной на особицу.
Выходилъ тогда онъ на улицу,
Ко своему коню доброму;
50. Невинно поѣздки молодецкой,
Только слышно побѣжки лошадиной,
Во чистомъ поли курива стоять,
Отъ коня его дымъ столбомъ валить;
Скачетъ его конь съ укатисты на увалистыхъ,
55. Мелкіе рѣки на ускокъ беретъ,
Черные грѣзи промежъ ногъ держать.
Приганивалъ въ землю Холщевскую,
Не спрашивать у дверей придверниковъ,
У воротъ приворотниковъ,

60. Заѣхалъ въ городъ Холщевской
И сталъ громѣть, шурмовать
И крѣпко воевать.
Худшую силу въ пень повырубилъ,
Лучшую силу во полонъ взялъ,
65. Красно золото въ возы склалъ,
Скатѣнь жѣмчугъ гонить телѣгою,
Добрыхъ коней табунами гналъ,
Молодыхъ дѣвушекъ станицами,
Молодыхъ молодушекъ пленицами,
70. Старыхъ старухъ коробицами.
Пѣтыкъ Михаило гонить силу по чисту полю,
Пригивать ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сила въ ворота не помѣщается,
75. Пѣтыкъ въ ворота пробивается.
Встрѣчаютъ Пѣтыка сына Михайловича,
Встрѣчатъ народу много множество,
Встрѣчатъ его солнышко Владимиръ-князь,
Со своей княгиной со Апраксіей.
80. «Ужъ ты здравствуй, Пѣтыкъ Михайловичъ!»
— Ужъ ты здравствуй, солнышко Владимиръ-князь,
Со своей княгиной со Апраксіей!—
Со той со радости со великоюй,
Завелся у князя почесенъ пиръ больше стараго,
85. На многихъ на князей, на бояръ,
На руськихъ могучихъ богатырѣвъ,
На злыхъ паленицъ преудалыхъ,
На купцей людей торговыхъ,
На мѣшчанъ пригородныхъ,
90. Людей посадскихъ,
На лучшихъ хресьянъ православныхъ.
Пиръ идетъ о полупира,
Столъ стоитъ о полустола,
Княженевская радость—полурадость.
95. И тогда Владимиръ сталъ пьянѣшинѣкъ и веселѣшинѣкъ,
Выходилъ онъ на середка кирпичать полъ,
Съ ноги на ногу переступываль,
Изъ рѣчей самъ выговариваль:
«Ой ты, ой еси Пѣтыкъ сынъ Михайловичъ!

100. Хочешъ-ли ты пожинитися,
Дамъ тебѣ дѣвицу какъ надобно?
Хошъ бери дѣвушку княженевскую,
Хошъ бери боярскую,
Хошъ бери купеческу,
105. Хошъ бери и поповскую,
Хошъ бери и хресъянскую».
Става́тъ Потыкъ на рѣзвы ноги,
Выходитъ изъ за стола дубоваго на кирпичатъ полъ,
Тишешинько къ князю подвигается,
110. Нижешенько князю поклоняется:
— Охъ ты, солнышко Владимиръ-князь!
Позволь мнѣ слово вымолвить:
Не надо мнѣ дѣвки княженецкія,
Не надо мнѣ дѣвки боярскія,—
115. Боярски дѣвки злы омманчивы;
Не надо мнѣ дѣвки поповскія,
Не надо мнѣ дѣвки и купеческой,—
Поповскія дѣвки пропируются,
Купечески дѣвки проторгуются,
120. А хресъянскія дѣвки только толчі да молотъ.—
Садится тогда Потыкъ на лавку брусчатую,
Дубовую, за передней столъ.
Пиръ-отъ идетъ у нихъ о полупира,
Столъ идетъ о полустола,
125. Солнышко катится ко западу,
День идетъ ко вечерру.
Бояра толстобрюхіе на Потыка разсердилися,
И крѣпко прогнѣвилися,
Говорять солнышку Владимиръ-князь:
130. «Охъ ты, солнышко Владимиръ-князь!
Всѣмъ намъ служба явлена.
А Потыку службы долго нѣгъ».
На то солнышко догадливъ былъ:
— Всѣмъ молодцамъ служба явлена!
135. А Потыку службы надмѣчена—
Сѣздить Потыку въ землю Копейщату,
Худшую силу повырубить,
Лучшую силу во полонъ взять... (и т. д. до):
...Выходитъ онъ на улицу, къ своему коню,

140. Отвезаль коня отъ дубова столба, золота кольца,
Не видно поѣздки молодецкой... (и т. д.).
...Приганиваль въ землю Копейщату,
Не спрашиваль у дверей придверничковъ,
У воротъ приворотничковъ,
145. Зачаль громѣть, шурмовать и крѣпко воевать.
Худшую силу повырубилъ,
Лучшую... (и т. д. до):
...Старыхъ старухъ гнать коробицами,
Душку-Маринку лебедь бѣлую,
150. Душу полонѣну, красну дѣвицу во полонъ взять,
Посадилъ ей на добра коня, позади себя.
Ѣдетъ съ Маринкой по чисту полю,
Самъ изъ рѣчей выговаривать:
«Ой еси, душка-Маринка, лебедь бѣлая!
155. Душа полонѣна, красна дѣвица,
Идешь-ле ты за меня възамужъ?»
Говорить Маринка таковы рѣчи:
— Положимъ мы съ тобой заповѣдь тяжелую,
нелеккую,
Который, мы съ тобой, напередъ помремъ,
160. Другому лекчи живому во гробъ.—
Ѣдетъ Потыкъ по чисту полю
И видитъ горить часть ракитовъ кустъ;
Пріѣзжать къ этому пламени великому,
Кругомъ пламя люта змѣя извивается,
165. Къ Потыку ближешенько приближается,
Нижешенько Потыку поклоняется,
Говорить таковы рѣчи:
«Ой ты, Потыкъ сынъ Михайлычъ!
Соскакивай скоро со добра коня,
170. Сдергивай сапогъ съ ноги правыя,
Бѣги скоро на Дунай-рѣку,
Зачерпни сапогъ до полна воды
И залей, загаси часть ракитовъ кустъ,—
Выводи моихъ дѣтокъ милыхъ,
175. Милыхъ дѣтокъ, глупыхъ,
Сотворю тебѣ добро великое,
Великое, хорошее».
Скоро Потыкъ не ослышался,

- Соскакиваль съ коня доброго,
180. Привязываль коня къ дубову столбу... (и продѣлываль
все такъ, какъ просила змѣя).
...Вывель у змѣи дѣтей малыхъ.
Тогда змѣя люта ближешенько къ Потыку
приближается,
Нижешинько Потыку поклоняется:
«Спасибо Потыкъ Михаилу сынъ Ивановичъ».
185. Садился Потыкъ на добра коня
И ѣхаль въ стольной Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимиру... (пріѣхаль Пóтыкъ,
его встрѣчаетъ народу множество, князь Владимиръ и пр.,
на пиру Пóтыкъ заявляетъ, что хочеть женится):
«Я хочу поженитися,
Я хочу взять красну дѣвушку,
190. Душку-Маринку, лебедь бѣлую,
Душу полонену, красну дѣвицу».
У солнышка князя не пива варить, не вина курить,—
Пиво сварено, вино скурено;
Веселымъ пиркомъ и скорой свадебкой,
195. Поженили Пóтыка съ душкой-Маринкой лебедь бѣлоей.
Со той со радости со великою,
Завелся у князя почесень пиръ больше стараго.
Всѣ сидять пьянешиньки, всѣ веселешиньки,
Сидять бояра толстобрюхіе, царски подговорцики
200. И говорятъ они кнезю Владимиру;
«Всѣмъ служба явлена, Пóтыку службы нѣтъ».
На то Солнышко догадливъ былъ... и пр., до:
... «Сѣздитъ ему въ землю Подóбьскую,
Лучшую силу во полонъ взять,
205. Худшую силу повырубить. . . (и пр. Пóтыкъ ѣдетъ въ
землю Подóбьскую и пр., какъ прежде—худшую силу рубить,
лучшую во полонъ беретъ и пр.)
А послѣ того, послѣ этого,
Понеслись бояра на Пóтыка,
Что онъ ихъ оконфуживаль,
Ихъ красныхъ дѣвушекъ не взялъ за себя възамужъ.
210. Опопли бояра на пиру молоду жену Пóтыка зельемъ
лютымъ,
Приняла его молода жена смерть чажолую.

(Когда Пóтыкъ прїѣхаль изъ земли Подобьской, его встрѣчаютъ):

Встрѣчаетъ Пóтыка народу множество,
Князя Владимира не случилось,
Молодой его жены не пригодилося.

215. Спрашивать Пóтыкъ Михаилу:

«Гдѣ-же Солнышко Владимиръ князь,
Не встрѣчатъ меня добра молодца изъ чиста поля?
Гдѣ-же моя молода жена?

Одолело-ле ее богатство

220. Или въ соборъ ўшла Богу молитися?»

Отвѣчатъ народъ Пóтыку Михаилу:

— Не одолело ее богатство великое
И не ушла она въ соборъ Богу молитися,—
Послѣ тебя былъ почесенъ пирь,

225. Опоили ее бояра толстобрюхїе;

А солнышко Владимиръ князь,
Дѣлатъ твоей молодой женѣ новъ-дубовой гробъ.—
Соскочилъ Пóтыкъ со добра коня,
Побѣжалъ ко князю Владимиру:

230. «Тебѣ Богъ помочь, солнышко Владимиръ-князь!

Дѣлатъ новъ-дубовой гробъ.

Дѣлай ты солнышко Владимиръ-князь новъ-дубовой-
гробъ,

Чтобы оба вошли мы съ молодой женой.

У насъ положена заповѣдь тяжелая, великая:

235. Которой напередъ помрѣтъ,

Другому живкомъ въ гробъ лекчи».

Тогда Пóтыкъ сынъ Михайловичъ

Походитъ къ кузнецу, ко мастеру,

Сковать себѣ три прутика:

240. Желѣзной, мѣнной и оловянной,

Сковать киски (тиски?) желѣзныя.

Приходитъ ко князю Владимиру,

Ко гробу новому дубовому.

Занесли гробъ къ молодой жены,

245. Понесли молодую жену,

Идетъ за ней Пóтыкъ Михайловичъ,

Горечными слезами уливается,

Съ добрыми людьми прощается,

- Со бѣлымъ свѣтомъ разстается,
250. Со княземъ, съ княгиной на особицу.
Ложится Пóтыкъ въ новъ-дубовой-гробъ съ молодой
женой.
Спустили ихъ въ матушку во сыру-землю,
Въ могилу глубокую,
Стали ихъ хоронить во матушку во сыру-землю,
255. Въ могилу глубокую,
Зарыли желтымъ пескомъ.
Лежить Пóтыкъ съ вечера до зари утренной,
Слышитъ—ко гробу кто-то копаются.
Подрылась, подкопалась змѣя лютая,
260. Взялъ Пóтыкъ кисти желѣзныя
И прищемилъ змѣю лютую,
И сталъ стегать ее прутомъ желѣзнымъ;
Желѣзный пруть Потыкъ весь повыломалъ,
Ушинки за кожу змѣи повысовалъ!
265. Ухватилъ пруть мѣнной
И сталъ стегать имъ змѣю лютую.
Мѣнной пруть Потыкъ весь повыломалъ,
Ушинки за кожу змѣи повысовалъ.
Ухватилъ пруть оловянной,
270. Оловянный пруть гнется, не ломится.
Возмолилася змѣя лютая
Словомъ ласковымъ и покорнымъ:
«Ой еси, удалой доброй молодець,
Пóтыкъ Михайло сынъ Ивановичъ!
275. Не стегай меня за напрасенно,
Выдергивай изъ моей щеки правой
Кисками желѣзными коренной зубъ».
Пóтыкъ Михайло скоро не ослышался,
Выдергивалъ у змѣи коренной зубъ
280. И мазалъ свою молодую жену,
Вставала его молода жена жива и здрава.
Тогда-же Пóтыкъ сталъ вставать изъ матушки сыры-
земли
И идетъ онъ къ князю Владимиру.
Встрѣчатъ ихъ Владимиръ-князь
285. На своемъ на крутомъ крыльцѣ:
«Ужь ты здравствуй, Пóтыкъ Михайловичъ!

Слава Богу, судилъ Господь живыми глазами видатися». Съ этой радости великой
Завелся у князя почесенъ пиръ больше стараго.

Старина записана не съ голоса, со многими сокращеніями такихъ мѣстъ, которыя составляютъ дословное повтореніе мѣстъ встрѣчающихся раньше; размѣръ старины уменьшился почти вдвое, при всей полнотѣ сюжета.

58.

Вдова и Разбойники.

- ' Питеръ, въ Москву проѣзжали,
Во деревню заѣзжали,
Ко вдовушки приставали;
Ко вдовушки приставали,
5. Подъ окошкомъ колотились:
«Пусти вдова ночевати,
Пусти вдова постоети,
Ночевати, постоети;
Насъ-то молодцовъ немножко,
10. Полтора пѣшехоновъ,
Полтретьяста всё на коняхъ,
Всё на коняхъ, всё во сѣдлахъ». Вдова вышла на крылецъко,
Прижала руки къ сердцецьку.
15. Воспромолвила словецъко:
— У мня домъ-отъ не стоялой,
Фатерушка небольшал.—
Они силой въ домъ ввалились,
Они всё сѣли по лавкамъ,
20. Всѣ по лавкамъ, всѣ порядкомъ.
А стоитъ вдова у печки,
Прижала руки къ сердцецьку;
А большой-гость всѣхъ повыше,
А меньшей-отъ всѣхъ пониже,
25. А большой-отъ слово молвилъ:
«Подойди 'дова поближе,
Поклонись, 'дова пониже».

- Подошла вдова поближе,
Поклонилась она пониже,
30. Што большой-отъ гость слово молвилъ:
«Ты давно-ле вдова вдовеешь?
Ты давно-ле сиротуешь?»
Тутъ вдова-то слово молвить:
— Я вдовею лѣтъ семнадцать,
35. Сиротую лѣтъ двѣнадцать.—
«Ты сойми-ко съ главы шляпу,
У шляпоцьки есь платочикъ,
Во платочку юзолочикъ,
Въ узолочку злаченъ перстень.»
40. Ужъ сымала съ главы шляпу,
Юшъ брала она платочикъ,
Во платоцькѣ юзолочикъ
Въ юзолочкѣ злаченъ перстень:
«Ужъ мы тимъ перстнемъ съ тобой вѣнчались,
45. Мы вѣнчались, обручались».

VI. ДЕРЕВНЯ РОЩИНСКІЙ РУЧЕЙ.

13. Игнатій Васильевичъ Тороповъ.

Очень сохранившійся старикъ 69 лѣтъ; волосы на головѣ и бородѣ совершенно безъ сѣдинъ, крѣпкій, здоровый; на видъ ему никакъ не больше 50 лѣтъ. Живетъ въ деревушкѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Усть-цыльмы; принадлежитъ къ разряду зажиточныхъ крестьянъ, имѣетъ два дома; очень хорошій хозяинъ грамотенъ, имѣетъ кой-какіе, конечно, богослужебныя книги; почитываетъ и потому рѣчь его довольно близка къ книжной; Пѣль старины довольно охотно; кромѣ спѣтыхъ мнѣ знаетъ: первую поѣздку Ильи М., Сокольника, Бой Добрыни и Дуная, Добрыню и Маринку, Потыка, Дюка, Чурила, Ставра, Ваську Окулова, женитьбу Дуная, Луку Данилова, слыхаль про Святогора.

59.

Добрыня и Змѣя.

- Ай да прежде Резань да свободой слыла,
Ай да нынче да славной городъ сталъ;
Ай да въ томъ-ле Резани славномъ городи,
А да жилъ-то Микитушка Романовичъ,
5. А да жилъ-то Микитушка не старилса,
Ай среди вѣку Микитушка преставилса;
Вотъ осталасе у его да молода жона,
Вотъ осталасе ёна право беременна,
А невножко прошло да поры времени,
10. Вотъ родила она своё да чадо милое.
Собирали тутъ поповъ, дьяковъ, причетниковъ,
Окрестили её да чадо милоё,
Нарѣкали ему баско новоё имецько,
Молодыя Добрынюшка Микитиць-бладь.
15. А ростётъ тутъ-ле Добрыня лѣтъ до двѣнадцати,
Ёнъ сталъ хватать приправу богатырскую,
Онъ сперва хватилъ копейцо бурзомецкоё,—
Хорошо владеть удалой доброй молодець;
Онъ еще хватилъ-ле палицу буёвую,—
20. Хорошо владеть удалой доброй молодець;
Онъ еще хватилъ саблю право вѣдь вострую,—
Хорошо владеть удалой доброй молодець;
Онъ вѣдь здумалъ еще ѣхать ко синю морю,
Посмотрѣтъ ему захотѣлось морё синёе,
25. Онъ и сталъ просить у матушки благословленьицо,
Онъ и падалъ ей самъ во рѣзвы ноги,—
Не давать ему благословленьица.
Кабы падалъ Добрыня во второй наконъ,
Ужь и просить у ей благословеньица;
30. Онъ и падалъ Добрыня во третей наконъ:
«Ужь ты ой еси, родимая моя матушка!
Ужь ты дай-же мнѣ-ка благословленьицо,
Я вѣдь съѣжжу, схожу да до синя моря».
А давать она ему благословленьицо,
35. А съ буйной своей главы да до сырой земли,
Кабы стала она ему ноньце наказывать,

- А-бы стала она ему да наговаривать:
«А дождешъ ты, дѣтя, да до синя моря,
Приюстанетца тебѣ, да припотеецца,
40. А захочетца покупатца да во синѣмъ мори;
Во синѣмъ-то мори есть три быстры струи,
А третья-то-ле струя да зла омманчива,
А да вынесетъ тебя да на синѣ морѣ,
А налетитъ на тебя да змѣя лютая,
45. Кабы станеть она тебя кругомъ облѣтывать,
А обваживать свои хоботы змѣинныи;
Не боитца она копейца бурземецкога,
Не боитца она вѣдь палицы буѣвоей,
Не беретъ ее сабелька право вострая,
50. А боитца она вѣдь прутиковъ желѣзныхихъ;
Ты сходи-ко наперво въ нову кузницу,
Ужъ ты скуй-ко нынѣ право три прутика,
А первой-отъ прутикъ скуй желѣзной-же,
Да второй-отъ прутикъ нынѣ мѣнной-же,
55. А третьей-отъ прутикъ оловянной-бы».
Онъ пошоль-ле Добрыня, ' нову кузницу,
Какъ сковаль первой прутикъ онъ желѣзной-же,
А второй-отъ прутикъ нынѣ мѣнной вѣдь,
А третьей-отъ прутикъ оловянной-же;
60. Ёнъ онъ бралъ свою уздичлочку точмянную,
Онъ пошоль себѣ брать коня доброго,
Онъ заходитъ вѣдь Добрыня во конюшенъ дворъ,
Онъ беретъ себѣ коня право семи цѣпей,
А семи цѣпей, семи розъвезей,
65. Ёбуздаль-ѣбсѣдаль да коня доброго,
Онъ вѣдь сталъ тутъ Добрыня снаряжатися,
А де сталъ-то Добрыня сподоблетися,
Онъ беретъ 'сю приправу да молодецкую,
А сперва беретъ копейцо да бурземецкоѣ,
70. А затимъ беретъ-ле палицу буѣвую,
А еще беретъ саблю да право вострую,
А вѣдь взялъ эти съ собой право три прутика;
Вотъ средилса-сподобилса да доброй молодець,
А не видѣли его поѣздки да молодецкоей,
75. А увидѣли въ доли курива стоять,
Курива-ле стоять да дымъ столбомъ валить.

- Онъ вѣдь здраво прогонилъ да полѣ чистое,
Доѣжжаетъ самъ до моря до синяго,
Енъ до тихъ крутыхъ-баскихъ да право бережковъ,
80. До жолтыхъ еще песковъ да до макарьевскихъ;
Енъ поставилъ свой шатѣрь да бѣлобархатной,
Онъ насыпалъ пшаны да бѣлояровой,
Захотѣлось ему покупатца во синѣмъ мори,
Скиновалъ съ себя-ле самъ да платьѣ чвѣтної,
85. Онъ побрѣлъ тутъ Добрыня во синѣ морѣ;
Кабы стрѣгилась ему право перва струя,
Онъ вѣдь поплылъ Добрыня черезъ первую струю,
Ой да стрѣгилось ему право друга струя,
О да поплылъ Добрыня черезъ другу струю;
90. Хорошо ему право да приглянулось,
Кабы поплылъ Добрыня черезъ третью струю,
А третья-то-ле струя да зла оманчива,
А да вынесла его да на синѣ морѣ,
Да стала его носить да по синю морю;
95. Налетѣла на его да змѣя лютая,
А да стала она кругомъ его облѣтывать,
А овваживать стала хоботы змѣинныя:
«Я хоцю тебя, Добрыня, нонъ живкомъ зглону,
Я хоцю тебя, Добрыня, на воды стоплю».
100. Побоялся онъ угрозъ право змѣинныхъ,
Онъ нырнулъ тутъ, Добрыня, да во синѣ морѣ,
Онъ вынировалъ ко своему платью чвѣтному,
Надеватъ-ле своё онъ платьѣ чвѣтної,
Онъ заходитъ Добрыня во бѣлой шатѣрь;
105. Не юспѣлъ тутъ Добрыня-та ѣгна добыть,
Не юспѣлъ тутъ Добрыня-та котла сварить,
Налетѣла на шатѣрь да змѣя лютая,
Говорить ище ему да змѣя лютая:
«Я хоцю тебя Добрыня, на огни спалю,
110. Я хоцю тебя, Добрыня, во котлѣ сварю».
Ай да эти ему рѣци не по разуму,
За велику ему досаду показалось,
Онъ хватилъ тутъ змѣю да за косы (такъ!) право,
Онъ хватилъ свой право жалѣзной пруть,
115. Онъ вѣдь сталъ тутъ змѣю право постѣгивать,
Да стала тутъ змѣя да извиватисе:

- «Ты не бей-ко, юдалой доброй молодець!
Не стегай ты меня да змѣю лютую».
Онъ пуще сталъ змѣю право похвѣстывать,
120. Говорить-де ему да змѣя лютая:
«Ты не бѣй-же меня да змѣю лютую,
Ужъ я дамъ-же тебѣ да золоту казну».
Онъ и пуще сталъ змѣю право постегивать,
Изломаль-ле онъ нынъ право желѣзной пруть,
125. Онъ хватилъ ищѣ право да мѣнной пруть,
Ѣнъ пуще сталъ стегать да змѣю лютую,
Говорить ему змѣя да право лютая:
«Ты не бей меня, удалой доброй молодець!
Я тѣ дамъ нынѣце коня ищѣ доброго».
130. Говорить-ле Добрыня змѣи лютой:
— Ты сулишь-ле змѣя да сѣ омманывашь.—
Изломался у его да право мѣнной пруть,
Онъ хватилъ ище нынъ право оловянной пруть,
Ѣнъ пуще сталъ стегать да змѣю лютую,
135. По худому змѣя да извиваетца,
А конается удалому доброму молодцу:
«Ты не бей-же меня да змѣю лютую,
Я тѣ дамъ ище себя да красную дѣвицу».
Онъ вѣдь пуще сталъ змѣю ище постегивать,
140. Оловянной пруть у него не ломитсе,
Говорить тутъ удалой доброй молодець:
— Ты сулишь-ле змѣя да сѣ омманывашь.—
Она выbleвала сперва ему золоту казну,
Она выbleвала затимъ да коня доброго,
145. Ищѣ выbleвала ему да красну дѣвицу,
А говоритъ ищѣ змѣя ему конаетца:
«Ты спусти меня, удалой доброй молодець».
Онъ спустилъ тутъ змѣю да право лютую,
Собиратца сталъ юдалой доброй молодець,
150. Онъ сломаль свой шатѣрь да бѣлобархатной,
Обсѣдлалъ онъ коней да право добрыхъ,
А садилса-сподобилса доброй молодець,
Онъ ѣтправалса-поѣхаль съ красной дѣвицей,
Онъ нещадно повѣзъ да золотой казны,
155. Онъ поѣхаль ко родимой своей матушкѣ.
Доѣждяють-ле они да до своя мѣста,

- До високаго нова да право терема,
Ювпдала тутъ его да родна матушка:
«Кабы ѣдѣтъ-ле моё да чадо милое,
160. Позади его ѣдѣтъ да красна дѣвица». .
Какъ выходитъ-ле его да родна матушка,
А выходитъ она да на красно крыльцо,
А стрѣцаетъ-ле Добрынюшку Микитиця,
А стрѣцаетъ-ле она да красну дѣвицу.
165. Какъ заходятъ они нонѣце во высокъ теремъ,
Обручились, помѣнелись они злачны персни,
Обвѣнчались, сошлись они въ Божьей церкви;
Кабы собрали они руськихъ богатырей,
Кабы сдѣлали они право почесень пирь,
170. Пировали столовали трои суточки;
Послѣ того было ищѣ послѣ пира,
Выводили, повалили во теплу лежню.

60.

Скопинъ.

- Во стольнѣмъ во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владимира,
Заводился пирь, право, почесень столъ;
Розоставили столики дубовыя,
5. Настелили тонки новобранны скатерти,
Розоставили питья-ѣства сахарныя;
Собиралися всѣ они, съѣжжались,
Да къ солнышку батюшку на почесень пирь.
Они пьютъ-ле, пируютъ трои суточки,
10. Да всѣ на пиру стали пьянѣшеньки,
Да всѣ на чесномъ стали веселѣшиньки,
Да всѣ на пиру да приросхвастались:
Первой-отъ-ле хвастать золотой казной,
Другой-отъ-ле хвастать чистымъ серебромъ,
15. Юмнотъ-ле хвастать старымъ ѣтцомъ,
Старымъ-ле ѣтцомъ, старой матушкой,
Безумной-ле хвастать молодой жоной
И иной удачей молодецкой,

- А да хвастать Скопинъ да доброй молодець:
20. «Ужь я много, Скопинъ, да по землямъ бываль,
Ужь я много, Скопинъ, да городовъ бираль,
Я не бравши-ле города не проѣжживаль,
А Малюту-короля да во полонъ его взяль,
У Малютныхъ дочерей, на грудяхъ лежалъ,
25. Опускаль я руки ниже до пуповья,
А ищэ того понижэ—вѣдь до чѣрева.
Услыхала тутъ вѣдь зла дочка Малютисна,
А эти ей рѣци да не по разуму,
За велику ей досаду показалосе,
30. Какъ выходитъ на гриню на столовую,
Подходить ёна ' солнышку Владимиру,
Близешинько она, ' солнышку подвигается
Низешинько она солнышку поклоняется,
Тихо-смирну свою рѣчь она выговаривать:
35. «Ужь ты ой еси, солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволъ-же мнѣ-ка да слово вымолвить,
Ты не будешь-ле меня за слово казнить,
Отсылати-ле миня въ ссылки дальнѣе?»
Говорить ей вѣдь солнышко Владимиръ-князь:
40. — Говори-же ты нонь да што те надобно,
Я не буду тебя да за слово казнить,
Отсылать я не стану въ ссылки дальнѣе.—
Говорить тутъ Малютисна таково слово:
«Ты позволъ-же мнѣ отмѣрять цару зелена вина,
45. А поздравить надо нынь да люба кресника».
Говорить ей вѣдь солнышко Владимиръ-князь:
— Ты мѣрйяй-же цару зелена вина.—
А брала ёна цашечку серебряну,
А спускаласе во погребы глубокія,
50. Да намѣрила она цару зелена вина,
Невелику, немалу полтара ведра,
Ищэ клала коренья, да зелья лютого;
Загорѣлосе во царѣ да во серебряной,
Среди-то есь цары да есь пламѣ мецѣть,
55. По бокамъ-то есь цары да искры сыплютсе;
Выходитъ на гриню да на столовую,
Выносить ёна цару да зелена вина,
Выносить ёна цару правой рукой,

- Во лѣвой рукѣ выносить своё цядо милое,
60. Подходить она ко столикамъ дубовымъ,
Подходить ' Скопину сыну Михайлову,
Близешинько ёна ' ему подвигаетца,
Низешинько сама ему поклоняется:
«Ужъ ты ой есь, Скопинъ да сынъ Михайловъ!»
65. Поздравить надо намъ любима кресника).
Говорить тутъ Скопинъ да сынъ Михайловичъ:
— А выпить мнѣ та цара — живому не быть,
А не выпить мнѣ цара — виновату быть.—
А глядять-ле, смотрятъ всѣ руськи богатыри,
70. Среди-то есь цары да то пламё мецѣтъ,
По бокамъ-то есь цары искры сыплютсе;
Онъ понадѣялся на силу на могучую,
На свою-ле удачу да богатырскую,
Онъ пѣтъ эту цару да за единой духъ.
75. Сидитъ тутъ Скопинъ скоро нестарому,
Нестарому Скопинъ сидитъ, непопрежному,
Повеса онъ свою доржитъ буйну голову;
Скакаль-ле со лавки, съ дубовой доски,
Черезъ ти ищѣ столики дубовыя,
80. Онъ падалъ на середу кирпичать полъ:
Да на то были руськи-те богатыри,
Скочиль ищѣ старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Подхватиль онъ Скопина да за праву руку,
А скочиль тутъ Добрынюшка Никитичъ-бладъ,
85. А Добрыня-то хватиль его за лѣву руку,
Поставили они его на рѣзвы ноги,
Надѣвали на его его шубу куньюю,
Они клали его право пуховъ калпакъ,
Выводили Скопина да вонъ на юлицу;
90. Его доброй-отъ конь стоитъ обузданой,
Онъ обузданной конь его, обѣдланной,
Посадили его да на добра коня,
Отправили его да во своё мѣсто.
Поѣхаль Скопинъ да нестарому,
95. Непстарому ѣдѣтъ, непопрежному,
Доѣжжаеть до своего висока терема;
Увидала его матушка родимая:
«Да ѣдѣтъ дитѣ моё нестарому.

- Одва-ле онъ винно на кони сидитъ».
100. Мѣталасе она вонъ на улицу,
Стрѣчала она удала добра молодца,
Сымала его да со добра коня,
Ужъ стала у его она вѣдь спрашивать:
«Ужъ ты ой еси, моё дорого дитя!
105. Што-же ты пріѣхаль непостарому?
Але пиръ-отъ тебѣ бывать непоюму?
Подносчики были бывать невѣжливы?
А винны-те цары да не доходили?
Але пивны стаканы да не доносили?»
110. Говоритъ ей Скопинъ да таково слово:
— Ой еси, родима моя матушка!
Поди-ко за попами, за причетниками,
Да надо мнѣ скорѣ нынче покаетца.—
Да скоро привели поповъ, причетниковъ,
115. Да покался Скопинъ сынъ Михайловичъ,
Повалили его на лавку на брусчатую,
Повалили подъ иконы подъ святы его.
Немножко прошло да тутъ времищъка,
Приставилса Скопинъ сынъ Михайловичъ,
120. Да сдѣлали ему гробъ да право вѣчной домъ,
Наверхъ обтенули да хрущатой камкой,
Да хоронили Скопина сына Михайловича,
Погребли, похоронили да добра молодца.
Брала мати книжоцьку волховную,
125. Посмотрѣла она книгу волховную,
Надѣвала на себя да шубу куньюю,
Отправлялась она ' солнышку Владимиру,
Доѣзжаетъ она до солнышка Владимира,
Говоритъ ѣна солнышку Владимиру:
130. «Ужъ ты ой есь, солнышко Владимиръ-князь!
Не на пиръ зовѣшь, да не столовать право,
Зовѣшь да ле ты нонъце всё опаивашъ,
Опоилъ ты у миня да цядо милое,
Какъ того-ле Скопина сына Михайловича».

VII. ДЕРЕВНЯ УЕГЪ.

15. Анисимъ Ѳедоровичъ Вокуевъ.

Слѣпой старикъ изъ Уега, деревни въ 25 верстахъ отъ Устьцыльмы внизъ по Печорѣ. Это въ сущности замѣчательный человѣкъ. Обладая воловьимъ здоровьемъ, розовый какъ дѣвушка, несмотря на свои сѣдые волосы и 70 лѣтъ, Анисимъ громкимъ, какъ труба, голосомъ поетъ свои старины, которыя знаетъ твердо, поетъ складно, прекраснымъ напѣвомъ. Являлся Анисимъ въ мою большую, пустую, отводную квартиру убогимъ человѣкомъ, ведомый какимъ-нибудь малышомъ за палку; но придетъ, сядетъ на полъ, упершись спиной о стѣну, заговоритъ спокойно, несколько не напрягая голоса и стекла зазвенять въ окнахъ, такъ, можно сказать, ужасенъ его голосъ. За свой удивительный голосъ, при участіи на сельскихъ сходкахъ, онъ слыветъ за „горлана“, „горлопана“ своего общества, которое, не смотря на свое убожество, онъ не дастъ ни кому въ обиду. Анисимъ очень уменъ, обладаетъ въ высшей степени здравымъ смысломъ и какой-то невѣроятной памятью: когда-то, много лѣтъ назадъ Анисимъ слышалъ въ чтеніи старообрядческія полемическія книги, впиталъ изъ нихъ существеннѣйшее и вотъ онъ защитникъ старой вѣры. Когда православный миссіонеръ устраиваетъ бесѣду со старообрядцами, Анисимъ, ведомый по улицѣ сынишкой за палку, смѣло является въ отводную избу состязаться въ вѣрѣ и часто своимъ зычнымъ голосомъ и насмѣшками гонитъ противника съ поля словесной битвы. За его умъ и острый языкъ его и уважаютъ, и побаиваются не одни одноподеревенцы, гдѣ онъ положительно задаетъ тонъ; часто многіе устьцылемы обращаются къ нему за совѣтами въ тяжebныхъ дѣлахъ. Однажды, рассказывали мнѣ, мѣстный богачъ посылалъ Анисима въ качествѣ адвоката своего къ зырянамъ на Вашку, за 300 верстъ. Анисимъ хорошій семьянинъ, —

у него чуть-ли не 9 человекъ дѣтей; хорошей хозяйнѣ и зажиточный человекъ. Слушалъ я его въ Устьцыльмѣ, куда онъ прѣзжалъ по какому-то таинственному дѣлу въ лодкѣ, тотчасъ послѣ того какъ вскрылась Печора. Кромѣ старинѣ знаетъ и прекрасно рассказываетъ сказки, рассказываетъ также артистически, какъ поетъ и былины: безъ единой лишней строчки и слова. Поетъ Анисимъ и пѣсни, да въ большинствѣ такія, что какъ-то не вяжутся онѣ ни съ его дѣловитостью и серьезностью, ни съ тѣмъ, что онъ старообрядецъ и въ такихъ годахъ, когда его ровесники уже думаютъ о „прекрасной матери пустынь“.

61.

Святогоръ.

Ѣхалъ Светогоръ на Светыхъ горахъ; Илья Муромецъ его нагналъ, выдернулъ сырой дубъ и хватилъ по головѣ. «Ахъ, комаръ укусил!» сказалъ Светогоръ, оглянулса—человѣкъ. Онъ схватилъ его и вмѣстѣ съ конемъ въ корманъ посадилъ и впередъ поѣхалъ, а самъ и забылъ. Конь подъ нимъ и проговорилъ: «Какъ я могу нести васъ—два богатыря да и лошадь?» Светогоръ спомнилъ, сунулъ руку въ корманъ, вытащилъ; Илью къ стремени привезалъ, а лошадь сзади пошла. Поѣхали. Подъѣхали — два человекъ гробъ дѣлаютъ, тѣшутъ въ гумажной листь. Тогда спросилъ Светогоръ: «Кому этотъ гробъ дѣлаите?» — Про Светогора.— «А што, этотъ гробъ меня удѣржитъ-ле?» — Ну-ко, отвѣдай, легъ.— Светогоръ и легъ, и вдругъ гробова доска наверхъ наскочила. Светогоръ говорить: «Ну-ко, Илья Муромецъ, ударь по одному-ту концу, не розсыплется-ле гробъ?» Илья ударилъ,—наскочилъ на одинъ конечъ желѣзной обручъ. И приказалъ по другому кончу ударить—наскочилъ другой. Ударилъ и по серѣдкѣ, и по серѣдкѣ обручъ наскочилъ. Сталъ Светогоръ умирать и говорить: «Илья Муромецъ! смотри: изъ меня пойдетъ пѣна жолта, ты не ворошъ; потомъ красна,— тоже не ворошъ; пойдетъ сѣра и ту не

ворошъ; а пойдетъ бѣла, возьми на перстѹ и сѣбшъ, не-
больно много; тогда сила тибѣ прибудетъ». Илья взялъ и
попало ему вноговато, и стало его помѣтывать, побрасывать
отъ силы; и сталъ Илья темны лѣса съ кореньемъ рвать, и
цѣлу рѣку замѣталъ, ровно мостъ заставилъ. Тогда сила въ
ѣмъ приусѣла; тогда сѣлъ на коня и поѣхалъ.

62.

Илья Муромецъ и голи.

- А изъ далече-далече, изъ чиста поля,
Изъ того-же изъ роздоля изъ широкого,
Наѣжжала 'сѣ калика, всё убогая,
Кабы та-же сиротина да переходящая;
5. Со пути-ле, со дорожки да приусталосе,
Захотѣлосе калики да опохмелитьсе,
А пошоль-то-ле калика на царевъ кабакъ,
А на то-же-ле онъ кружало да высударево;
А пришоль-то-ле онъ калика да во царевъ кабакъ,
10. А сидятъ тутъ нонъ какъ голи да всё кабацкія,
Говорить-то имъ калика таково слово:
«Ужъ вы ой есь, право, голи да всё кабацкія!
Ужъ вы сложте-ткосъ вы голи да по копеечкѣ,
А возьмите-ткосъ вы, голи, да нонъ косушечку,
15. Опохмельте-ко вы, голи, да добра молодца».
Кабы сложились всѣ голи да по копеечкѣ,
Кабы взяли право голи одну косушочку,
Опохмелили калику да добра молодца;
Кабы началъ тутъ калика, да сталъ похаживать,
20. Кабы крѣпко каблуками да полъ притаптывать:
«Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы отмѣрейте вина мнѣ-ка на петьсотъ рублей,
Я петьсотъ-то-ле пропью, возьму на тысячу».
А не мѣряютъ ему на одну копеечку,
25. Говорить-то имъ калика во второй законъ:
«Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы отмѣрейте вина мнѣ на петьсотъ рублей,
Я петьсотъ-то-ле пропью, возьму на тысячу».
А не вѣрятъ-то ему на одну копеечку,

30. Кабы снялъ-то онъ съ себя да право чудень кресь,
Кабы стоять этотъ кресь да во петъсотъ рублей,
Въ долину-ту этотъ кресь право три четверти,
Въ ширину этотъ нонь кресь право двѣ четверти,
Въ толщину-ту этотъ кресь право чѣла четверть;
35. Кабы бросилъ имъ за стойку да за кабацкую:
«Вы отмѣрите вина мнѣ-ка на петъсотъ рублей,
Я петъсотъ-то пропью, возьму на тысячу».
Не берутъ-то чумаки его-ле чудень кресь,
А не мѣряютъ вина ему на копеечку;
40. А то взялъ-то назадъ какъ свой чудень кресь,
А схватилъ онъ чумака да за черны кудри,
Кабы вытащилъ изъ за стойки изъ за кабацкоей,
Кабы здынулъ-то его какъ выше головы,
А свиснулъ-то нонь его да о кирпичать полъ,
45. Кабы тутъ-ле чумаку да смерть случилось.
А одна-то бѣда случилась, надо друга доспѣть,
Побѣжалъ-то онъ ко дверямъ да ко подвальнѣимъ,
А топнулъ-то онъ-ле двери да какъ подвальнѣя,
А сломилъ ноньце онъ двери-ти подвальнѣя,
50. А берѣтъ онъ сороковку во праву руку,
А другую сороковку да во лѣву руку,
А третью-ту сороковку да онъ пинкомъ пинать;
Кабы выхватилъ на площадь на широкую,
Роздубанилъ сороковки да съ зеленымъ виномъ:
55. «Ужъ вы ой еси, вы голи да всѣ кабацкія!
Кабы пейте вы вина да сколько хотите,
Сколько хотите вы пейте, сколько можете,
Помпайте вы калику да добра молодца,
А старого-де казака да Илью Муромца».

63.

Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство
Добрыни.

Кабы прежде Рязань да слободой слыла,
Кабы ноньче Рязань да славень городъ сталъ.
А прославилась Рязань да добрымъ молодцомъ,
Кабы тѣмъ-же Микитушкой Романовымъ,

5. Кабы тотъ-же Микита сынъ Романовичъ,
Кабы умноётъ былъ, право разумной-же,
Кабы тихоётъ былъ, да онъ смирёной-же,
Кабы спороётъ былъ, да онъ варовой-же,
А досу́жоётъ былъ и проворной-же,
10. А уда́лоётъ былъ, да онъ едрёной-же;
Онъ имѣлъ въ сибѣ силу да богатырьскую,
Онъ имѣлъ у ся палицу тяжелую,
Онъ тяжелую палицу, не лёккую,
Онъ не лёккую палицу—девеносто пудъ,
15. Онъ имѣлъ у ся, Микита, да молоду жону,
А чесну жону Офимью да Костеньтиновну.
Онъ изжилъ своё да время строчноё,
Кабы строчное время—девеносто лѣтъ,
А состарилса Микитушка—преставилса.
20. Оставалось у Микиты молода жона,
А честна вдова Офимья Костеньтиновна,
Оставалосе она право беременна;
Износила она какъ время строчноё,
Кабы строчноё время нонь сорокъ нидѣль,
25. А исполнила она какъ деветь мѣсецовъ,
Родила-то она какъ сына отрока.
А со той-же со радости великоей,
Кабы собрали поповъ, дьяковъ духовныхъ,
А причетниковъ какъ собрали церковныхъ,
30. Нарѣкали какъ ему да лёкко имницко,
Кабы тотъ-же Добрынюшка Микитиць-бладъ.
А со той-же нонь со радости великоей,
А завелса у ихъ право почесень пиръ,
Пировали столовали трои суточки.
35. А ростётъ-то Добрынюшка Микитиць-бладъ,
Онъ не такъ-де ростётъ какъ у людей растутъ:
У кого-де ростётъ какъ чѣльной мѣсяць-же,
Столь Добрынюшка ростётъ въ одну недѣлюшку;
У ково-де растутъ право полгода,
40. А Добрынюшка ростётъ да въ одинъ мѣсець-отъ;
У кого-де растутъ да цѣльной годицокъ,
А Добрынюшка ростётъ столь право въ полгод :
Кабы выросъ Добрынька годовъ петишта-же,
Кабы началъ Добрынюшка похóживатьъ,

45. Онъ по улицамъ играть да по широкімъ.
Онъ какъ тихой-отъ родилса да нонь смирёной-же,
Кабы скорой-отъ родилса нонь варовой-же,
Кабы умной онъ родилса, самъ разумной-же,
Отъ отца-то онъ родилса какъ отъ умного,
50. Какъ отъ матушки родилса отъ разумной-же,
А въ кого будетъ дитя оно неумное?

64.

Алеша Поповичъ, Екимъ и Тугаринъ.

- Ай да ѣздили богатыри по чисту полю,
По тому-же раздолью по широкому,
А одинъ-то Олѣшинька Поповиць-бладь,
А другой-отъ Екимъ слуга паропокъ.
5. Доѣзжали до ростаней до широкіихъ,
А ѣдна это дорога въ славной Кіевъ-градъ,
А другая-та дорога право въ Новой-градъ,
А третьяя-та дорога во Черниговъ-градъ,
Говорить-то нонь Олѣшинька Поповиць-бладь:
10. «У насъ въ Кіевѣ-де градъ было бывано,
Кабы Кіевскому князю было служено,
Во Новѣ-то-ле гради было бывано,
Новгородцькому князю было служено,
А поѣдемъ таваришъ во Черниговъ-градъ,—
15. Во Черниговѣ-то гради о насъ не бывано,
Какъ Черниговскому князю у насъ не служивано».
А поѣхали они да во Черниговъ-градъ,
А приѣхали они да во Черниговъ-градъ,
Становили-то коней среди двора,
20. Не привязанныхъ коней, да не приказанныхъ:
«А до нашихъ лошадей да штобы дѣла нѣтъ».
А зашли они во гриню княженевскую,
Кабы молятся они да Восподу Богу,
Кабы крестъ-отъ кладуть да по писанному,
25. А поклонъ-отъ-де ведутъ да по учённому,
А молитву-ту творять да полну Сусову,
На вси стороны чотыре да поклоняются,
На особину князю право Черниговскому;

- А сидитъ за столомъ да за дубовымъ,
30. Онъ сидитъ-то со княгиной, съ молодой женой,
Межь нима сидитъ тотаринъ-отъ поганой-же,
А по имени зовутъ его—Тугаринъ Змѣвъ,
Межь князёмъ-то-ле онъ сидитъ, да межъ княгиною,
Какъ-ле дѣржитъ онъ свой-то руки бѣлыя,
35. У княгины-то онъ дѣржитъ руки въ пазухи,
Онъ пихать-то ей да руки вплоть до черева.
Говорять-то-ле эти два богатыря,
А тому-же князю они Черниговскому:
«У тя нѣту-ле намъ мѣста сѣсть порѳозного?»
40. Говорить-то имъ князь право Черниговской:
— У мя нѣту вамъ мѣста нынѣ порѳозного,
Кабы всѣ у меня мѣста право признаны.—
Говорять-то богатыри таково слово:
«Ужъ мы видимъ какъ у тя да есть три мѣста намъ,
45. А одно-то нонѣце мѣсто насюпротивъ тебя,
А другое-то мѣсто возлѣ тя сидѣтъ,
А третье-то мѣсто на печкѣ на муравленкѣ».
Говорилъ-то имъ князь право Черниговской:
— Ужъ вамъ Богъ съ вами съ печкой съ муравленной».
50. А-бы сѣли они на печку на муравленку,
Кабы смотреть на князя да со княгиною,
Кабы што-же тутъ ведѣтъ право Тугаринъ Змѣвъ;
Принесли ему коврижку право нерушенную,
Онъ и сунулъ сѣ въ гортань, ее чѣлкомъ зглонулъ,
55. Говорить-то тутъ Олѣшинька Поповицъ бладь:
«Ужъ ты ой еси, Екимъ да слуго-паропокъ!
Кабы помнишь-ле ты, да помятуешь-ле:
Какъ у нашего сударя свѣта-батюшка,
А у Ѳедора у попа у Ростовскаго,
60. А была ' его корова право старая,
Кабы старая коровицо, мохнатая,
По загороду корова да волочиласе,
Улавиной корова задавиласе,—
Кабы этому Тугарищу не миновать того».
65. Принесли ему лебедушку нерушану,
А заткнулъ онъ на ножикъ ей—чѣлкомъ зглонулъ;
Говорить-то тутъ Олѣша да во второй наконѣ:
«Ужъ ты ой еси, Екимъ да слуга-паропокъ!»

- Уже помнишь-ле ты, да помятуешь-ле?
70. А у нашего сударя свѣта-батюшка,
А у Ѳедора попа да у Ростовскаго,
Какъ была у его нонь старая собачица,
По-подстолью собака волочилося,
Кабы косью собака подавилосе,
75. Кабы этому Тугарину не миновать того.
Какъ на то былъ нонь Тугаринъ-отъ догадливой,
Онъ схватилъ себѣ чинжалище булатенъ ножъ,
Кабы бросилъ онъ на печку на муравленку,
А во этихъ-то удалыхъ добрыхъ молодцовъ;
80. А на то были робята-ти увѣрточны,
А схватили-то чинжалище булатенъ ножъ;
Говорить-то тутъ Екимко слуга-поропокъ:
«Ужъ ты ой еси, Олѣшинька Поповиць-бладь!
Ужъ ты самъ его разишь, але мнѣ-ка велишь?»
85. — Ужъ я самъ-то не ражу и тебѣ не велю,
Ковда выйдѣтъ онъ на полѣ на чистое,
А кому-де Богъ дастъ Божья помочь.—
А на то былъ-де Тугаринъ-отъ догадливой,
Побѣжалъ-то Тугаринъ вонъ на улицу,
90. Кабы вынелъ онъ тутъ крыльѣ тутъ гумажноѣ,
Подвезалъ къ себѣ онъ крыльѣ-то гумажноѣ,
Полетѣлъ-то онъ, поднялся вверхъ на воздухъ-отъ.
А пошли эти богатыри во Божью церковь,
А змолились они Спасу Вседержителю,
95. Присвятой Мати Божьей Богородицѣ,
А тому-же какъ Миколы свѣтъ-Можекскому,
Штобы дали они право мокра дожджа,
А смочили штобы крыльѣ какъ гумажноѣ,
Штобы палъ-то Тугаринъ на сыру землю.
100. Поднялася-ле тутъ да темень-тѣмная,
Темень-тѣмная тутъ, да туча грозная,
Кабы съ тѣмъ-ле она со мокрымъ дождѣмъ,
Кабы палъ-то Тугаринъ на сыру землю;
А увидѣлъ тутъ Олѣшинька Поповиць-бладь,
105. А садилса-ле скоро да на добра коня,
Погонилъ то-ле скоро да во чысто поле,
Нагонилъ онъ какъ скоро нонь Тугарина,
Кабы самъ онъ ему сталь выговаривать:

- «Кабы ой еси ты право, Тугаринъ Змѣвъ!
110. Кабы што у тя взади-то за шумъ шумить?
Кабы што у тя взади-то за громъ гремитъ?»
Кабы сталь Тугаринъ на лѣво да поворачиватсе,
Да смотрѣть у себя што на зади-то есь,
Подгонилъ-то Олѣшинька Поповичъ-бладь,
115. А со правого-то боку подгонилъ къ ему,
Кабы тюкнулъ его да саблей востроей,
А срубилъ у его да буйну голову,
Онъ заткнулъ голову да на востро копьѣ,
А привезъ ее ко князю ко Черниговскому:
120. «Ужъ ты ой еси нонь, князь право Черниговской!
Ужъ вамъ нате голова право тотарская,
Кабы вашего она-то непріятеля».
А скочилъ тогда-де на ноги князь Черниговской:
— Ужъ вы ой еси, удалы да добры молодцы!
125. Кабы руськіе могучіе богатыри,
Заходите-ткъсь ко мнѣ да на почесенъ пирь,
А садитесе-ко вы да куды хочите,
А одно-то вамъ мѣсто право возли меня,
А друго-то вамъ мѣсто напротивъ меня,
130. А третьѣѣ-то мѣсто—куды здумайте.—
Говорятъ-то ему какъ добры молодцы:
«Кабы Богъ съ тобой, съ мѣстами да твоима-же,
На прїѣздинахъ гостей ты не учѣствовалъ,
На поѣздинахъ гостей не учѣствовать».

65.

Василій Казимировичъ.

- А во славномъ во городѣ во Кіѣвѣ,
А у ласково у князя у Владимира,
А у той-же княгины да мать Апраксін,
Кабы было пированьѣ-столованьѣ,
5. А на многи князи, всё на бояра,
А на руськихъ могучихъ сѣ богатырей,
А на тихъ полениць да злыхъ удалыхъ,
А на тѣхъ-же купчей, гостей торговыхъ,

- А на лучшихъ хресьянъ да православной мѣрь.
10. Кабы пиръ-отъ идѣть нонь о полупира,
Кабы столъ-отъ идѣть нонь о полустола,
Кабы день-отъ идѣть, братцы, ко вечеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу,
У насъ всѣ-ле на пиру да напивалисе,
  15. У насъ всѣ-ле на чесномъ да наѣдалисе,
Кабы всѣ-ле на пиру стали пьяны веселы,
Кабы всѣ-ле на чесномъ да приросхвастались;
Кабы воры-ти бояра какъ подмолвщыки,
Они злы-ле толстобрюхи подговорщыки,
  20. А подмолвили князя они Владимера:
«У насъ всѣмъ ноньце боярамъ служба явлена,
У насъ всѣмъ богатырямъ служба надмѣчена,
А да Васиньки да службы право долго нѣтъ;
Касимирову нонь служобка надмѣчена:
  25. Кабы съѣздитъ ему да въ землю дальнюю,
А во дальнюю землю, да во невѣрную,
Къ Абатюю царю да къ Аботуеву,
А свести ему пошлина великая:
Кабы сорокъ свести да ясныхъ соколовъ,
  30. Кабы сорокъ свести да бѣлыхъ кречетовъ,
Кабы сорокъ свести да ему жеребцовъ,
Кабы тѣхъ-же жеребцовъ синегривныхъ,
Кабы сорокъ свести ему черныхъ соболѣвъ,
Кабы сорокъ свести да добрыхъ молодцовъ,
  35. Кабы сорокъ дѣвицъ да блады-красныхъ,
Кабы штуку свести да чиста серебра,
Кабы кшпу свети да красна золота,
Кабы мѣсу свести да скатна жамъцога».
  40. Наливаль онъ скоро цару зелена вина,
А немалу невелику полтора ведра,
А припалниваль чашу пива пьяного,
Кабы турей-ле рогъ да мѣду сладкого,
На закуску колачикъ бѣль-крупнщатой;
  45. А подноситъ Владимеръ передъ золотъ столъ:
«Ужъ ты ой еси, удалой доброй молодецъ!
Кабы руськой нашъ магучей сильнѣй богатырь,
Молодыя Василей Касимировичъ!

- Ужъ ты выпей-ко нынѣ царю да отъ меня князя,
50. Послужи-тко мнѣ князю ты вѣрой-правдою,
Ты вочью-ле, позавѣчью неизмѣнною,
Кабы съѣзди-ткось ты нонѣ въ землю дальнюю,
А во дальнюю землю, да во невѣрную,
Къ Абатую царю да Аботуеву,
55. А свези-ко ему пошлина великая . . . *)
А берётъ-то эту царю во праву руку,
Кабы пьётъ-то эту царю къ едину духу,
Запиваетъ-ле Васька пивомъ пьянымъ,
Заѣдаетъ-ле Васька мѣдомъ сладкимъ,
60. А закусывать колачѣмъ бѣль-крупичатымъ,
Кабы самъ-же онъ за чарой выговаривать:
«Кабы сколько-ле я радъ право цѣры-то пить,
Я вдвоёмъ-де, втроёмъ радъ службы служить,
Я для князя-то служить, хотъ головы сложить»
65. Ужъ ты солнышко батюшко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай-косъ ты мнѣ-ка во товарыща,
А того-же нонѣ Никиту Приширокого,
Ты ищѣ-же мнѣ дай-ко во товарыща,
Молодого какъ Потанюшку Вахромого».
70. А на то-ле былъ Владимиръ-князь догадливой,
Наливалъ онъ скоро царю зелена вина,
Онъ немалу невелику—полтора ведра,
А приполнивалъ чашу пива пьяного . . . (и пр.)
«Ужъ вы ой еси, удалы добры молодцы!
75. Ужъ вы руськіе могучіе богатыри,
Ужъ вы выпейте по чарѣ зелена вина,
Послужите-ткось мнѣ князю вѣрой правдою,
Вы вочью-ле позавѣчью неизмѣнною,
Ужъ вы съѣздите съ Васильемъ Касимировымъ,
80. А свезите вы пошлина великая».
А берутъ кабы богатыри во праву руку,
Кабы пьютъ эту царю къ едину духу . . . (и пр.)
Говоритъ-то имъ Василей Касимировичъ:
«Ужъ вы ой еси, дружина моя хоробрая!
85. Ужъ пойдѣмте мы, робята, во Божью церковь,
Мы помолимся, робята, Господу Богу,

---

*) Перечисляется по старому—выпущено.

- А тому-же нонь Спасу Вседержителю,
Присвятой Матери Божьей Богородицѣ.
А тому-же какъ Миколы свѣтъ-Моженскому».
90. Говорить-то тутъ князю онъ Владимиру:
«Приготовте-ко вы намъ право черлень карапъ,
Вы снесите эту пошлину великую,
Вы складите-ко всё это во черлень карапъ.»
Кабы всё-де они склали, приготовили,
95. А пришла эта дружина изъ Божьей церкви,
А ступила какъ она да на черлень карапъ,
Тутъ скомандовалъ Василей Касимировичъ,
Онъ обратъ эти сходенки дубовыя,
Кабы взеть якоря да карабельныя,
100. А подынуть паруса право полотнены;
Кабы даль имъ Господь тишины пособное,
Кабы скоро перенесло ихъ за спнѣ морѣ.
Забѣжали во гавани во тихія,
Опускали какъ парусы полотнены,
105. А поклали-де сходенки дубовыя,
А пошоль-то тутъ Василей Касимировичъ,
Ко Батюю царю да Аботуеву,
А съ докладомъ ему да доложитися:
«Ужъ вы ой еси, вы царско вы величесво!
110. Привезли мы вамъ пошлину великую,
Отъ того-же нонь отъ князя отъ Владимира,
Ужъ мы сорокъ привезли вамъ ясныхъ соколовъ... *)
Привезли мы вамъ пошлину великую,
Вы примите-ко отъ насъ да поскорѣ себѣ».
115. Говорить тутъ нонь царь да Аботуевичъ:
— Я топере отъ васъ, робята, не приму къ себѣ,
Сослужите-ткъсь мнѣ службу каку я велю:
У тя есь-ле молодцы да преучёныя,
А съ моими борьцами да поборотисе?—
120. Говорить ему Василей Касимировичъ:
«Кабы зналъ я науки ваши царскія,
Я привѣзъ-бы молодцовъ тѣхъ, преучённыхъ,
Со твоима борьчами поборотися,—
А надѣюсь какъ на Спаса Вседержителя,

*) Перечисленіе того, что привезли—выпускается.

125. На Присвѣту-ле Матерь Божью Богородицу,
На того-же Миколу на Моженского,
На своёго на брата на названого,
Молодого-ле Потанюшку Вахрѳомого!»
Кабы позвалъ дружину да прихоробрую,
130. Со того-же со карабля черленаго:
«Ужь ты ой еси, Потанюшка Вахрѳминькой!
Ты не можешь-ле съ борьцами да поборотисе?»
Кабы выбралъ царь борьцовъ да до шестидесятъ,
Изъ шестидесятъ борцовъ да до шести-то ихъ,
135. Изъ шести-то ихъ какъ выбрали какъ трѣхъ-то ихъ;
А пошолъ-то нонь Потанюшка Вахрѳминькой,
Говорить-то онъ Василью Касимирову:
«Кабы какъ мнѣ позволишь поборотисе:
Поединкѣ съ има-ле, со всима-ле вдругъ?»
140. Говорить ему Василей Касимировичъ:
— Ужь-де какъ твоя сила нонь берѣтъ съ има,
По одинкѣ съ има, хошь и всѣхъ-ле вдругъ.»
Ево ясны-ти очи помутнѣисе,
Какъ горячи-ти слезы покатилисѣ,
145. А могучіе-то плеча расходилисѣ,
Молодецко ево серцо да розъярилосе,
Онъ одного-то берѣтъ какъ во праву руку,
А другого-то берѣтъ онъ во лѣву руку,
А третьѳого-то берѣтъ онъ межъ-руки,
150. Кабы выше своей изъ вызнѣть головы,
Кабы кинулъ, свиснулъ ихъ о сыру землю,
Кабы тутъ-го-ле имъ да смерть случилосе.
Говорить опеть Василей Касимировичъ
Абатюю царю да Аботуеву:
155. «Вы примите у насъ пошлины великія».
Говорить ему нонь царь да Аботуевичъ:
— Ты привезъ-ле молодцовъ мнѣ поучѣнныхъ,
А съ моима-ле стрѣльцами пострѣлетисѣ?—
Говорить ему Василей Касимировичъ:
160. «Кабы зналъ ваши науки право царскія,
Я привезъ-бы молодцовъ да поученныхъ,
Я надѣюсь какъ на Спаса Содержителя...
На своего затимъ брата на названого,
На того-же Микиту Приширокого».

165. Приказаль царь принести имъ нонь тугой лукъ,
А несутъ его придворны право тугой лукъ,
Подъ однимъ концёмъ несутъ тридцеть тотариновъ,
Подъ другимъ концомъ несутъ тридцеть тотариновъ,
Подъ середоцькой несутъ тридцеть тотариновъ,
170. Кабы бросили на матушку сыру-землю,
Подрожала тутъ матушка сыра-земля;
Принесли-то какъ нонь стрѣлочку каленую,
Кабы тоже несутъ тридцеть тотариновъ,
А несутъ-то тетивочку шолковую,
175. А несутъ-то-ле ей тридцеть тотариновъ;
А пришоль-то Микита Приширокой-же,
Кабы взяль онъ этотъ нонь тугой лучокъ,
Онъ поставилъ конечъ да на сыру землю,
Кабы прижалъ онъ, Микита, ихъ тугой лучокъ,
180. Розломилса тутъ лукъ на мелки дребезги,
Онъ убилъ дребезгами сто тотариновъ;
Кабы самъ-же онъ затѣмъ да выговариваль:
«Какъ у нашего-то князя у Владимира,
Кабы этими луками бабы шерсти бьютъ».
185. Говорить-ле тутъ Василей Казимировичъ
Абатую царю да Аботуеву:
«Ты прими-ко у насъ пошлина великая,
Отпусти-ко-ся ты насъ да добрыхъ молодцовъ».
Говорить-то ему какъ Абатуй нонь царь:
190. — Ты гораздъ-ле играть со мной во шахматы?—
«Я надѣюся на Спаса Вседержителя..
Я надѣюся на ся, на добра молодца,
Поиграти съ тобой какъ въ мелки шахматы».
Они начали играть какъ въ мелки шахматы,
195. Они первой разъ ступили—царь не доступилъ,
Они второй разъ ступили—царь переступилъ,
Кабы третей разъ ступили, дакъ онъ съ доски упаль,
А схватилъ его Василей за черны кудри,
Кабы здынулъ его какъ выше головы,
200. А свиснулъ-то его да о кирпичать полъ,
Какъ и тутъ-то царю да смерть случилосе.
Говорить-ле тутъ Василей Касимировичъ:
«Ужь я што-же сижу, да на кого глежу?
Выдаваю своихъ братьёвъ я названыхъ».

205. Онъ бросилсе Василей вонъ на улицу,
Кабы взялъ свою палицу буёвую,
Кабы началъ онъ палицей помахивать,
А куды-же онъ махнётъ дакъ лежитъ улица,
Поворотъ куда даётъ дакъ—переулками;
210. А Микита взялъ обломки у туга лука,
Онъ-де началъ обломками помахивать,
А Потанюшка схватилъ тотарина кой больше всѣхъ,
Кабы началъ онъ тотариномъ помахивать;
Они бились тутъ, дрались да чѣлы суточки
215. Не пиваючись они, да не ѣдаючись,
А на малой-де часъ здоху не имѣючись,
А прибили они всѣхъ до единого,
Ради вѣсти какъ оставили единого.
А пошли они тогда на свой черленъ карапъ,
220. Кабы далъ Богъ имъ тишины пособной-же,
Возратились они на свою сторону;
А пошли это они да во Божью церкву,
Помолилися они какъ Восподу Богу,
А тогда пошли-ко князю ко Владимиру,
225. А предложили поѣзку молодецкую,
Тогда сдали посылку всю князевскую,
Кабы всю назадъ всю пошлину великую.
А со той-же со радости великою,
Завелса тутъ у князя-то почесенъ пирь.

66.

Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна.

- Ай да жилъ-то Данило сынъ Игнатъевичъ,
Онъ имѣлъ при себѣ да чадо милого,
Молодого Луку сына Данилова,
Кабы возрастомъ былъ—двенацать лѣтъ.
5. А пошоль-то Данило во Божью церковь,
Во Божьис-ту церковь Богу молитисе,
Розбудилъ онъ своего чада милого,
Молодого Луку сына Данилова;
Онъ ушоль, Данило, во Божью церковь,

10. Оставался Лука, да онъ заснулъ впередъ.
Миновалосе время, право, дивно-же
Прохватилса Лука да сынъ Даниловичъ:
Онъ пошолъ за отцомъ да во Божью церковь,
Онъ пришолъ-то ко дверямъ ко церковнымъ,
15. Онъ послушалъ пѣть-четыре церковное,
А послѣдни салмы право читають-же;
Онъ-де думаетъ, Лука, да въ умн-въ разуми.
Кабы мыслить онъ во мысляхъ богатырскихъ:
«Ожъ я воръ-ле приду, право, разбойникъ-ле?»
20. Я ночной-ле приду подорожникъ-ле?
Я пойду лучше, Лука, во зелены луга,
Погуляю я то время, до обѣди-же».
А гуляетъ Лука во зеленыхъ лугахъ,
Подходила тутъ вода да синеморская,
25. Понимала тутъ вода всѣ зелены луга,
А стоялъ тутъ Лука да поколѣнь воды,
А стоялъ-то Лука да до поясъ воды,
А стоялъ-то Лука да до грудей воды;
Подносило тутъ колоду водоплавную,
30. А заскакивалъ Лука да на колодну,
Относило колоду да во синѣ морѣ,
Перносило колоду да за синѣ морѣ,
Подносило ей подъ горы Сорочинскія.
А завидѣла Луку да змѣя лютая,
35. Надлетѣла надъ Луку сына Данилова,
Забрала его въ свои да она хоботы,
Во свои-ти-ле хоботы змѣинныя,
Подняла его на горы Сарочинскія,
Опускала-то его да на сыру землю,
40. Овернулась она дѣвицей млады-красной:
«Ужъ ты ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Сотворимъ-косъ мы съ тобой любовь тѣлесную,
А тѣлесну любовь со мной, прилесную,
Кабы вывѣмъ мы съ тобой, право, тепло гнѣздо,
45. Кабы выведѣмъ съ тобой да мы малыхъ дѣтей,
Кабы малыхъ-то дѣтей съ тобой змѣинныхъ.»
Говоритъ-то Лука да сынъ Даниловичъ:
— Ужъ ты ой еси, проклята змѣя лютая!
Не творю я конь съ тобою любовь тѣлесную,

50. Я тѣлесну любовь съ тобой, прилесную.—
Говорить-то змѣя да таково слово:
«Ужь ты ой еси, удалой доброй молодець,
Молодыя Лука да сынъ Даниловичъ!
Заберу я нонь тебя во свои хоботы,
55. Отнесу-ле я тебя да во синѣ морѣ,
Потоплю-ле я тебя да во синѣмъ морѣ».
А схватилъ-то Лука на нынѣ сырой дубъ,
Кабы выдернулъ-ле дубъ онъ со всемъ съ коренѣмъ,
Онъ одёрнулъ змѣю да право лютую,
60. Кабы тутъ-то змѣи да смерть случилось.
Онъ пошоль-то Лука да по темнымъ лѣсамъ,
Онъ-де вышоль на дорогу да на трахтовую,
Онъ идѣтъ-то по дорогѣ да трахтовой,
А завидѣлъ-то Лука да стоитъ большой градъ,
65. А идѣтъ-то онъ, Лука, право ко городу,
Кабы стрѣтилось калика перехожая,
А спрашивать Лука да сынъ Даниловичъ:
«Ужь ты ой еси, калика да перехожая!
Это чѣ-жо стоитъ царсво привеликое?»
70. — Эта царсво всё Салтана да нонь Турецкое,
По прозванью этотъ городъ—Киселиковъ-градъ.—
«Здѣся кормятъ-ле, поятъ-ле людей добрыхъ?
Кабы добрыхъ-ле людей, да заблудящихъ?»
— У насъ кормятъ и поятъ да людей добрыхъ,
75. Кабы добрыхъ-ле людей, да заблудящихъ,
Кабы кормятъ и поятъ, да на дорогу дають.—
Онъ пошоль-то Лука да въ Киселиковъ-градъ,
Онъ зашоль-то въ сады право салтановы,
Онъ гуляеть, Лука, во зеленыхъ садахъ;
80. А завидѣла Луку да дочь Салтановна,
А послала своего слугу вѣрную,
А позвать-то къ себѣ да добра молодца;
А привѣлъ-то слуга Луку Данилова,
А ко той-же Настасьи дочь Салтановны;
85. Завела его Настасья въ свои горницы,
Кабы начала его она да спрашивать:
«Ты какой? откуда? дѣтина! чей? незнаемой?
Ты незнаемой, дѣтина! чей? невѣданной?
Кабы какъ тебя, дѣтина, именѣмъ зовуть?»

90. Величаютъ-ле тебя да изъ отечества?)
— Я изъ за моря, дѣтина, да изъ за синяго.
Я того же Данила какъ Игнатѣва,
Я попалъ-то сюда право нечаемо,
Иминѣмъ зовуть—Лука да сынъ Даниловичъ,
95. Кабы отроду-то мнѣ-ка—лѣтъ двѣнадцать.—
Говорить ему Настасья дочь Салтановна:
«Ужъ ты ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Ужъ мы примемъ-ко съ тобой право законной бракъ,
Ты возьми меня, Лука, да во замужество,
100. А приди-косъ ты къ намъ сыномъ воспріемнымъ».
Кабы ему эти рѣчи пригленулисе,
А Настасьины-то рѣчи прилюбилисе,
Онъ сталъ ей братъ да во замужество;
А пошла она къ своему да родну батюшку,
105. Ко тому-же ко Салтану да ко Турецкому:
«Ужъ ты ой есь, мой родимой право батюшко!
Ужъ ты дай-кс-ся мнѣ благословленьца,
Ужъ мнѣ взеть на себѣ да жониха ноньце:
Приискала я удала да добра молодца,
110. Малодого Луку сына Данилова,
Иностранного его, да заблудящего;
Онъ изъ за моря пришоль сюда, изъ за синѣго,
А того-же Данилы всё Игнатѣва,
Онъ давайце суда намъ въ принеты съ тобой».
115. Говорить-то Салтанъ ей таково слово:
— Ужъ ты ой еси, моя дочи любимая!
Приведи-кс-съ ты его да напоказъ ко мнѣ,
Посмотрю его самъ да я въ лицо къ себѣ.—
Привела его Луку сына Данилова,
120. Кабы та-же Настасья дочь Салтановна;
Посмотрѣлъ его Салтанъ право Турецкія,
Онъ понравился ему какъ доброй молодець;
Кабы спрашивать удала добра молодца:
«Тебѣ глянецца-ле Настасья дочь Салтановна?
125. Ты идѣшь-ле ноньце къ намъ да въ принеты на ей?
Мѣсто сына-та къ намъ, да мѣсто родимого?
Кабы станешь-ле насъ ты почитать и слушати?»
Завелась у нихъ названна скоро свадебка,
А поѣхали они да во Божью церковь,

130. Кабы принели они, право, законной бракъ,
А завелса у Султана-та почесенъ пиръ,
Пировали-столовали чѣльной мѣсяць-же.
А прошло это времѣ, чѣльной мѣсець-же,
Говорить-то тутъ Лука да сынъ Даниловичъ:
135. «Ужъ ты ой еси, моя да молода жона!
Кабы та-же нонь Настасья дочь Салтанова!
Ты проси-ко у отца право черленъ карапъ,
Кабы збѣгать-ле намъ да за синѣ морѣ,
Ко моёму-то сударю свѣту-батюшку,
140. Ко тому-же Данилу да ко Игнатъеву».
А пошла-то Настасья да дочь Салтановна:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле намъ, право, черленъ карапъ,
Кабы збѣгать-то-ле намъ да за синѣ морѣ,
145. А ко нашему сударю свѣту-батюшку,
Ко тому-же нонь Данилу ко Игнатъеву,
Показатсе нонче намъ, право, проздравитсе,
Со законнымъ-то нашимъ, право, браки-же».
А позволилъ имъ Салтанъ, право, Турецкіи,
150. Онъ-то даль-же имъ съ собой право черленъ карапъ,
Со прислугою, со всемъ да, право, съ войскимъ-же,
Говорилъ-то онъ своему, право, войскому:
«Починяйтесь вы Луки сыну Данилову,
Какъ вы слушали миня, также его слушайте;
155. Ужъ ты ой еси, моя дочи любимая!
Затимъ ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Вы побытьте, право, тамъ, да попируйте-же,
Возратитесе назадъ нонче ко мнѣ суда».
А пошли-то они да на черленъ карапъ,
160. Провожаётъ ихъ Салтанъ да со всей съ музыкой,
Со стрѣльбою, со пальбою, со вѣма-же ихъ;
Проводили какъ ихъ съ чесью, право, съ радосью.
Кабы даль имъ Богъ нонь тишины пособной-же,
Кабы поднели-ле парусы полотнены,
165. Кабы бѣжать нонь они да по синю морю.
А бѣжали-то они какъ трои суточки,
Забѣжали-то во галани во тихія,
Опускали они парусы полотненны,
Помѣтали они якори карабельныя,

170. А поклали они сходенки дубовыя;
Собралися тутъ народъ, право, православной мѣрь,
Встрѣчаютъ-то его какъ съ чesью, съ радостью,
Молодого-то Луку сына Данилова,
А стрѣчаютъ какъ его да съ молодой женой,
175. А со той-же Настасьей дочь Салтановной.
А услышалъ какъ Данило сынъ Игнатъевичъ,
Онъ про ту-же прѣзку молодецкую,
А своёго-то они какъ чада милого,
Молодого Луку сына Данилова,
180. Съ молодой его женой, братцы, съ любой семьей,
А стрѣчаютъ-то его какъ съ чesью, съ радостью.
А со той-же какъ со радости великою,
А завѣлся у Данила-та почесень пиръ,
Пировали-столовали чѣлу нидѣлюшку,
185. Говорить-то тутъ Лука да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле мнѣ благословленьичо,
Отъ буйной-то главы до сырой земли,
189. Я ушолъ отъ тя къ Салтану вмѣсто сына-же».

Дальше старина передана пересказомъ: «отецъ—Данило Игнатъевичъ сталъ пенять Лукѣ, что тотъ его бросаетъ, а Лука говоритъ: «у тебя есть другія дѣти и родственники,—помогутъ, поддержать». Отецъ далъ Лукѣ благословленіе и Лука съ женой уѣхалъ обратно въ Киселиковъ-градъ, къ Салтану».

67.

Небылица.

- А во славномъ во городѣ во тусѣ,
А за крѣпкой-ле стѣной было, за жорновомъ,
А стояла тутъ-ле льдина воеводую,
А стояла-то льдина до Петрова дни,
5. О Петровѣ дни эт' лдына-то ростаела;
А не стало-де во городи управителя,
А не стало-де во городи распорядчика.
Роздралнсе тутъ невѣски со золовкамц,

- А вострыма-то щиками всё лучинами,
10. Каленыма-ти стрѣлами всё лонатами,
А тугима-ти луками да коромыслами,
А невѣска-то золовку пересплила;
Они скоро-то глядятъ да на синё морё,
Какъ бѣжитъ-ле карабъ да по синю морю,
15. На носу-ту сидѣль сѣрой волкъ укащикомъ,
На середкѣ медвѣдь сидѣль расправщикомъ,
На кормы-то-ли быкъ сидѣль приправщикомъ,
Кривоногоётъ-де заецъ бичевой тащить,
Бичевой-то тащить только вода шульчить,
20. А вода-де шульчить, да бичева трещить.

68.

Отрывокъ.

- А да много-де во Киеву Божьихъ церквей,
А много-то почесныхъ монастырей,
Кабы нѣту не чудиле, не премудрѣ,
Кабы Свѣтлого Христова Благовѣщеня.
5. А и Волга-то рѣка да подъ Казань ушла,
А и дале-то того да мать подъ Астрахань;
А и долги-то плеса да Чивудельскія,
А глубоки-ти омуты Непровскія,
А широкъ-де перевозъ подъ Новымъ-городомъ...

VIII. ДЕРЕВНЯ ВЕРХНЕЕ БУГАЕВО.

16. Василій Дорофеевичъ Шишоловъ.

Лѣтъ 40—45 веселый, разухабистый мужикъ, постоянно почти навеселѣ. Съ женой онъ не живетъ, а имѣеть „подругу“, съ которой также живетъ едва-ли хорошо — всегда жалуется на свою судьбу, говоритъ намеками про какое-то горе, которое его гложетъ. Больше знаетъ сказки, которыя прекрасно рассказы-

ваетъ. Старину про Чурило спѣлъ онъ прекрасно, съ большимъ чувствомъ, примѣняя вѣрно содержаніе старины къ своей долѣ; при пѣніи голосъ его дрожаль и В. Д. нѣсколько разъ всхлипываль.

69.

Чурило и невѣрная жена.

- Нападала пороха снѣгу бѣлого,
Невопору пороха, нынѣ нево время,
Да середка-де лѣта: о Петрова дни.
По этой-же порохѣ снѣгу бѣлого,
5. Не бѣлой-де заюшко проскакиваль,
Не чернохвость горносталь да тутъ пропрядываль,
Молоды-душа Чурило да тутъ прохоживаль,
Да къ тому Пермьтѣ да къ молодой жонѣ.
Да заходитъ-бы онъ да на крылечико,
10. Кабы брякался онъ да во колечико,
Да выходитъ Настасья дочь-Колашнича,
Отпирала она да двери напету,
Да брала молодца за бѣлы руки,
Чѣловала молодца въ уста сахарныи,
15. Проводила его да въ лѣжню-спальню нонѣ.
Кабы зажилъ тутъ Чурило по домашнему:
Да кушакъ-отъ-бы вѣшалъ онъ на спичечку,
А пуховъ-де колпакъ кладѣтъ на полочку,
Да софьянны сапожки кладѣтъ подъ лавочку,
20. Да ложилса на кроватку да на тесовую,
Да съ тою-де Настасьей да со Колашничей,
Да на тѣ-же перины да на пуховыи.
Да была Пермьты ищѣ служаноцка,
Говорила она да таково слово:
25. «Ужъ ты ой еси, Чурило да блады-Плѣнковичъ!
Ты не парь-же кишку да во чужомъ горшку,
Да пойду къ Пермьтѣ, да я нажалюсе.
Говорить-то Чурило да блады-Плѣнковичъ:
— Ужъ ты ой еси, дѣвушка чернавушка!
30. Не ходи къ Пермьтѣ, да ты не сказывай,
Да куплю я тибѣ да въ косу лентацку,
Заплацю я за ленту двадцатьпять рублей.—

- Да на то-де дѣвчонко да не здавайтце,
Говоритъ-де она да таково слово:
35. «Ужъ ты ой еси, Чурило да блады-Плѣнковичъ!
Ты не парь-же кишку да во чужомъ горшку,
А пойду къ Пермятѣ, да я нажалюсе».
Говориль-де Чурило да блады-Плѣнковичъ:
— Ужъ ты ой еси, дѣвушка чернавушка!
40. Не ходи къ Пермятѣ, да ты не сказывай,
Да куплю я тебѣ да нонь шубеечку,
Заплачу за шубейку да петьдесять рублей.—
Да на то-же дѣвчонко да не здавайтце,
Да пошла-де дѣвчонко да вонъ на улицу,
45. Да пошла-де дѣвчонко да во Божью церковь,
Говорила она да таково слово:
«Ужъ ты ой есь, Пермята да сынъ Ивановичъ!
Да у насъ-де въ садахъ да непостарому:
Заскоциль-де въ сады да какъ чужой-же конь,
50. Да стопталъ-бы траву у насъ шолковую».
А на то Пермята да былъ догадливой,
А пошоль-же бы онъ да изъ Божьей церкви,
Да заходитъ-бы онъ да въ лѣжну-спальню нонь,
Говоритъ-же Пермята да сынъ Ивановичъ:
55. «Ужъ ты ой еси, Настасья да дочь Колашница!
Эта цей какъ вѣсится шолковъ кушакъ?
Эта цей-де лежить да нонь пуховъ колпакъ?
Эта цѣи-де лежать да нонь сапожоцьки,
Да сапожки лежать да нонь софьянныя?»
60. Да-бы цей-же у насъ да ноньце доброй конь?»
Говоритъ тутъ Настасья да дочь Колашница:
— Ужъ ты ой есь, Пермята да сынъ Ивановичъ!
Да ходила я по городу по Кіеву,
Кабы видѣла купцей людей торговыхъ,
65. Они ѣздятъ на коняхъ всё на добрыхъ,
Кабы носятъ-де шапоцьки пуховыя,
Кабы носятъ кушаки да всё шолковыя,
Кабы носятъ сапожки да сафьянныя,
Да купила тебѣ да носить въ праздники,
70. Да купила коня да тебѣ доброго,
Кабы ѣздитъ во церковь да во Божью нонь.—
Да пошоль Пермята да сынъ Ивановичъ,

- Да ко той ко кроваткѣ ко тесовой,
Розмахнулъ-де бы онъ да новы завѣсы,
75. Да стенулъ одіяло да соболиное,
Да лежитъ-де Чурило да безъ почтанныковъ.
Какъ-де бралъ-де Чурила за жолты кудри,
Да мѣталъ-де его да на кирпичать полъ,
Да вытаскивалъ его да вонъ на улицу,
80. Да везалъ-бы коню да за хвостъ ноньце,
Да спустилъ-бы коня да во чисто полѣ.
Да заходитъ назадъ да въ лёжну-спальню нонь,
Говоритъ Пермьята да таково слово:
«Ужь ты гой еси, Настасья да дочь Колашничя!»
85. Уже што-ле тебѣ да ноньце надобно?»
Говорила Настасья да дочь Колашничя:
— Кабы гдѣ же-ле нонь да какъ есенъ соколь,
Кабы тутъ-же-ле быть да бѣлой лебеди!—
Кабы взялъ Пермьята да молоду жону,
90. На одну-де ногу да онъ ступилъ ноньце,
Какъ другу-де ногу да у ей оторвалъ,
Да служанку-же взялъ да за себя взамужъ.

70.

Садко *).

- ...Да пошоль-де Сатко да запечалился,
Повѣся-де идѣтъ да буйной головы,
Потупя-держитъ да очи ясныи,
Кабы стрѣтилса старикъ какъ бѣлой куропать,
5. Говорилъ-де старикъ да таково слово:
«Ужь ты, здраствуй Сатко, купецъ богатый!
Ужь ты што-же идѣшь да запечалился?
Повѣся-де держишь да буйной голове?
Потупя-де держишь да очи ясныи?»
10. — Ужь ты ой есь, старикъ какъ бѣлой куропать!
Я ударилса съ попомъ отцомъ духовнымъ,
О великъ закладъ, да не тысяцяхъ,
О своихъ мы ударились буйныхъ головахъ,
Захотѣлъ-де повыкупить товары всѣ,

*). Начало Садка въ цѣнн Шишолова точно такое-же, какъ и у Игнатія Дуркина и потому не приводится.

15. Да казна-же у мя да вся истоцилась,
Да во городи товары всё не убыли.—
Говоритъ-то старикъ какъ бѣлой куропать:
«Ужъ ты ой есь, Сатко, купечъ богатый!
Ты змолисъ-ко-се нонь да Господу Богу,
20. Овѣщайся поставить ноньце церковъ-же,
А прибѣдетъ у те да золота казна.
Да змолилса Сатко купецъ богатый,
Овѣщаль онъ поставить церковъ Божию,
Появилось ' его да золотой казны.
25. Да пошоль-де по лавкамъ по торговымъ
Кабы день торговаль да онъ до вечера,
А другой торговаль да до полуночи,
А третей торговаль да во всю ночиньку;
У Сатка купця денѣгъ не убыло,
30. Да во стольнѣмъ во городи во Кіѣви,
Да во лавкахъ товары тутъ истоцились.
Нагрузилъ-де три карабля черлѣныи,
Побѣжалъ дабы онъ по синю морю,
Да хватила его пурга-пáдера,
35. Да разбило три карабля черлѣныи,
Нарушилса Сатко купечъ богатый.

IX. СЕЛО СРЕДНЕЕ БУГАЕВО.

15. Марья Кузьмовна Шишолова.

Шишолова двоюродная сестра предъидущаго пѣвца; живая, крѣпкая старушка 63 лѣтъ. Пѣтъ согласилась послѣ долгихъ упрашиваній, пѣла очень хорошо, не сбиваясь. Спѣла она мнѣ одну старину и рассказала четыре маленькихъ сказки. Сказки рассказывала также хорошо.

71.

Лука Даниловичъ, Змѣя и Настасья Салтановна.

Среди-то, братцы, было синя моря,
Какъ синя-де моря было, на острови,

- Какъ стояло вѣдь царсво привеликое;
Тамъ вѣдь жилъ-то удалой доброй молодецъ,
5. А Данило вѣдь жилъ да Староилевичъ, *)
А вѣдь было у его да цядо милое,
Молодой-же Лука да сынъ Даниловичъ.
По утру-то было, братцы, ранымъ-рано,
Какъ на утренной было да ранной зорюшкѣ,
10. На восходѣ-то была красна солнышка,
На зачинѣ-то была свѣтла деничка,
А пошоль-то Данило да во Божью церкву,
Да будиль онъ свое да цядо милое,
Молодого Луку сына Данилова.
15. Ото сну-то Лука да пробужаитца,
Ключевою водой да умываитца,
Полотенышкомъ онъ да утираитца,
Хорошешинько онъ да снаряжаитца,
Надеваетъ на себя да платьѣ цвѣтное,
20. Онъ вѣдь цвѣтное платьѣ, самъ церковное.
Онъ пашоль-то Лука да во Божью церковь,
У церковныхъ вратъ стоитъ послушивать,
А попы-ти поють да вползаутрени,
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
25. «Мнѣ не честь вѣдь хвала да молодецкая,
Мнѣ не выслуга, братцы, богатырская,
Я пойду нынѣ Лука да въ зелены луга».
Онъ пошоль-де Лука да въ зелены луга,
Онъ вѣдь ходитъ, гулять да въ зеленыхъ лугахъ.
30. По великому его да по несчастью,
Набѣжала вода скоро паморская,
А паморска вода, да нонѣ залѣнная;
А стоитъ-то лука да до колѣнъ ' воды,
А стоитъ-то Лука да до пѣсѣ ' воды,
35. А стоитъ-то Лука да до грудей ' воды,
Ему некуда молодцу стало деватисе;
Тутъ несѣтъ-то колоду водоплавную,
Онъ бросалса Лука да на колодину,
Съ подколодины выходитъ да змѣя лютая,

*) Прозвище у Даниила сказательница конечно перепутала: всѣмъ сказателямъ известна про Даниила Староилевича совсѣмъ другая старина. Н. О.

40. Змѣя лютая выходитъ, троеглавая;
А брала-то Луку да въ свои хоботы,
Понесла-то его да за синѣ морѣ,
Подносила подъ горы подъ высокѣи,
Подъ пристрашные степи Сарочинскѣи.
45. Принесла-то Луку да ко сухой земли;
Выходилъ-то Лука да на суху землю,
А выпалзывать за нимъ да змѣя лютая,
Овернулася змѣя да красной дѣвицей,
Говорить-то змѣя да руськимъ языкомъ:
50. «Ты удалой дороднѣй доброй молодець!
Ужъ ты руськой могучѣй сильнѣй бѣгатырь,
Молодой ты Лука да сынъ Даниловичъ!
Сотворимъ-ко съ тобой любовь тѣлесную,
Мы тѣлесную любовь съ тобой, сердцецную,
55. Мы совѣмъ-ко съ тобой да тѣпло гнѣздышко,
Мы сведѣмъ-ко съ тобой да малыхъ дѣтоцѣкъ».
Кабы тутъ молодцу да за бѣду стало,
Его ясные оци да помутилисе,
А горячіе слѣзы да покатилисе,
60. Богатырское сэрцо да возьярилосе,
Онъ вѣдь сырой-отъ дубъ схватилъ изъ кореня,
Отрехнувшѣ о матушку сыру землю,
Онъ ударилъ змѣю да по буйнымъ главамъ,
А вѣдь тутъ-то змѣи пропасть случилосе.
65. А пошоль-то Лука да сынъ Даниловичъ,
Онъ пошоль-то подъ сторону подъ сѣверну,—
Подхватили его да горы ледены;
Онъ пошоль-то подъ сторону подъ западну,—
Подхватили его да моря синѣи;
70. Онъ пошоль-то подъ сторону подъ лѣтнюю,—
Подхватили его тутъ зелены луга.
Онъ идѣтъ-то Лука по зеленымъ лугамъ,
Тамъ завидялъ онъ царсво превеликое,
А стоять тутъ во царсви много на крѣпости,
75. А удалыхъ стоять да добрыхъ молодцовъ;
Потишешинько Лука къ имъ подвигаетца,
Пониженшннько онъ имъ да поклоняйтца,
А вѣдь самъ говоритъ да таково слово:
«Ужъ вы здраствуйте, удалы добры молодцы!

80. Это русько-ле царсво или невѣрное?»
Отвѣчаютъ тутъ удалы добры молодцы:
— Это царсво у насъ да здѣсь невѣрное.—
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
«Это какъ ваше царсво по прозванью есь?»
85. — Это царсво-то нашо да Киселиговъ-градъ.—
«Это хто нынѣ у васъ въ царсви набѣльшины?»
— А Салтанъ нынѣ есь царь да Лукоперенинъ.—
А заходитъ Лука да сынъ Даниловичъ,
Онъ идѣтъ вдоль по царсву по Салтанову,
90. Тамъ стоятъ вѣдь сады да нонѣ зелены,
Онъ заходитъ Лука да въ зелены сады;
А заводитсе у царя да нынѣчесенъ пирь,
Тамъ завидѣла Настасья дочь Салтановна:
«А родитель мой да сударь батюшко!
95. Во моихъ вонъ садахъ да во настасьиныхъ,
Тамъ вѣдь ходитъ, гуляетъ доброй молодець,
Отъ его-то кудрей да лучи солнычны.
Его надобно позвати да добра молодца.
Привели его во грини да нынѣ во царскіи,
100. У царя у Салтана да гостей множество,
Подносить она гостямъ стала по рюмоцьки,
Сама заритця на удала добра молодца,
Уронила съ руки да свой злаченъ перстень;
А искати вси стали да ей злаченъ перстень,
105. Тутъ согнулса Лука да сынъ Даниловичъ,
Обняла-то Настасья да за бѣлу шею,
А цѣлуесть въ уста да во сахарныи,
Говорить-то Настасья да дочь Салтановна:
«А какой ты земли да какой родины?»
110. Ты которого отца, да коей матушки?
Какъ тебя, молодца, да именѣмъ зовуть?
Величаютъ тебя да изъ отечества?»
Отвѣчаетъ Лука да сынъ Даниловичъ:
— Я не помню не отца, да своей матушки,
115. Не села я не знаю и не городу,
Заблудящей я удалой доброй молодець.—
Дальше М. К. непомнила, какъ пѣтъ, а сказала только,
что Лука женился на Настасѣ и у нихъ родился Олѣша
Полувѣренинъ.

Б. СТАРИНЫ ПУСТОЗЕРСКОЙ ВОЛОСТИ.

Х. СЕЛО ВЕЛИКАЯ ВИСКА.

18. Николай Петровичъ Шальковъ.

Слѣпой старикъ, лѣтъ 80 слишкомъ, высокій, стройный, съ черной полусѣдой бородой. Въ молодости былъ, вѣроятно, очень хорошій старинщикъ, но теперь многое перезабылъ, многое перепуталъ, да и давно уже не поетъ, съ тѣхъ поръ какъ ослѣпъ отъ старости. Послу моему, съ предложеніемъ пѣть старины—наотрѣзъ и очень рѣзко отказалъ, но явившись лично я уговорилъ его, и онъ, кромѣ напечатанныхъ здѣсь 8 №№, спѣлъ еще нѣсколько стиховъ и рассказалъ сказку. Отсюда выводъ: никогда не слѣдуетъ посылать для переговоровъ туда, гдѣ нужно приложить много просьбъ и такта,—неособенно заинтересованные въ дѣлѣ посланные, просьбу пѣть старины передаютъ въ формѣ приказанія, напр.: „иди Шальковъ старины пѣть, баринъ тамъ пріѣхалъ изъ Петербурга, зоветъ тебя“—и, конечно, получаютъ рѣзкій и иногда очень грубый отказъ. И меня Шальковъ принялъ сначала очень немилостиво и долго отнѣкивался пѣть, а когда мы познакомились поближе, мои посѣщенія были ему даже пріятны. Человѣкъ очень бѣдный Шальковъ живетъ въ самомъ концѣ села за рѣчкой, вяжетъ сѣти, а иногда ловить и рыбу.

72.

Потапъ Артамоновичъ.

Изъ того-де изъ города изъ Кіева
Выѣжжалъ-де удалой доброй молодець,

- Молодой-де Потапъ сынъ Артамоновичъ,
Отъ рожденья молодцу семнадцать лѣтъ.
5. Онъ конёмъ-де владѣль, да копьёмъ шурмоваль,
Вывозиль-то-ле боцьки съ зеленымъ виномъ,
Вывозиль-то-ле боцьки пива пьяного,
Вывозиль-то-ле боцьки мѣду сладкого,
Вывозиль-то-ле хлѣба онъ оввозами;
10. Выѣжжалъ-то среди поля онъ чистого,
Становиль-то дѣтина бѣль полот'нъ шатѣръ,
Становиль-то столы да онъ дубовыя,
На столахъ-то-ле ѣствы всё сахарныя,
На столахъ-то питья да разноличныя.
15. Кабы пиль-то-ле, ѣль, да забавлялся онъ,
Какъ попилъ-то, поѣль, да тутъ и спать онъ лёгъ,
Кабы спить-то, храпитъ, да какъ порогъ шумить.
Какъ стояль-то его конь, лошадь добрая,
Какъ стояль-то его конь у сыра дуба,
20. Да насыпано пшаны было бѣлояровой,
Да поставлена вода была сладка-медовалъ;
Да не ѣсъ-то пшаны конь бѣлояровой,
Да не пьётъ изъ соты воды медовой,
Да повѣся стоитъ конь буйну голову,
25. Потупя-то-ле оци во сыру-землю;
Да бьётъ-де копытомъ во сыру-землю,
Вся дрожить-то-ле матушка сыра-земля,
Да сыроё-то дубѣ расшаталосе,
Да сухоё-то пенѣ поломалосе.
30. Ото сну-то дѣтина розбужаитсе,
Да выскакивалъ дѣтина вонъ на улицу,
Да въ одной-то рубашечки безъ пояса,
Да въ одныхъ-то цюлочикахъ безъ чеботу,
Да хватиль свою палицу буёвую,
35. Какъ и бьётъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
«Еще волчья, конь, сыть, да травеной мѣшокъ!
Ищэ што-же стоишь, да ты не пьешь не ѣшь?
Ле пшана-ле моя тибѣ не дошлая?
Ле вода-ле моя тибѣ не сладкая?
40. Не слыхаль-ле ты граянья вороньяго?
Не слыхаль-ле ты крыку богатырского?
Не слыхаль-ле ты свисту соловьиного?»

- Да провѣщылся конь да лошадь добрая
Ищэ руськимъ языкомъ чловѣческимъ:
45. — Ужь ты ой еси, хозяйинъ, сударь ласковой,
Молодой ты Потапъ сынъ Артамоновичъ!
Подходилъ-де собака зла-де, Скурла царь,
Ищэ Скурла-де царь, да сынъ Смородовичъ,
Ищэ прямо идѣтъ да въ славной Кіевъ-градъ,
50. Ищэ хочеть онъ Кіевъ да во плѣнъ сплѣнить,
Да Божьи-то наши церкви на огни сожечь,
Да чудны наши иконы на полавъ рѣки,
Да почесные монастыри во грезь стоптать,
Самого князя Владымира—голову срубить,
55. А его-де княгину за сибя-то взять.—
Помутились у дѣтины оци ясныя,
Осердилось у его да ретиво сэрцо,
Кабы сталь-то дѣтина снаряжатисе,
Кабы сталь-то дѣтина сподоблятисе,
60. Какъ налаживалъ онъ латы рибулатныя,
Какъ накладывалъ нагруднички укладные,
Да на шею кольчужку позолочену,
На головку колпакъ да земли греческой,
Ищэ латы-ти были двадцеть-пять пудовъ,
65. А нагрудникъ-то былъ да десеть пудовъ,
Да на шею кольчуга была пять пудовъ,
На головку колпакъ да сорока пудовъ;
Да берѣтъ-то съ собой да саблю вострую,
Да берѣтъ-то-ле палицу буѣвую,
70. Да берѣтъ-то-ле лукъ со каленой стрѣлой,
Да берѣтъ-де копейцо бурзаметное;
Да уздалъ-де, сѣдлалъ онъ коня доброго,
Онъ двѣнадцеть кладѣтъ да подпругъ шолковыхъ,
Онъ тринадцету кладѣтъ черезъ хребѣтну кось,
75. Да не для ради басы, да ради крѣпости,
Ищэ ради побѣжки лошадиной,
Не оставилъ штобы конь да во чистомъ полѣ,
Ищэ клалъ-то-ле войлоцьки-поджопнички,
Да на войлойчки сѣдельшко черкацето.
80. Да скочилъ-то дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конѣмъ да какъ лютымъ змѣѣмъ,
Притугаѣтъ своя да коня доброго,

- Кабы вѣхаль-то въ силу, въ прокляту Литву,
Кабы сколько-то силы онъ саблей сѣкѣтъ,
85. Ишэ вдвое-де, втрое онъ конѣмъ топцѣтъ,
Кабы биль-то ломилъ чѣлы суточки,
Приустали его да руки бѣлыя;
Какъ оттуль-то дѣтина поворотъ даѣтъ,
Приѣжжалъ-то дѣтина ко бѣлу шатру,
90. Да свезаль-то коня онъ ко сыру дубу,
Насыпаль-то пшану онъ бѣлоярову,
Наливаль-то соты-воды медовой,
Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатерь,
Да садилса дѣтина за дубовой столъ,
95. Какъ попилъ-то, поѣлъ, да забавлялся тутъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да тутъ и спать онъ лёгъ.
Какъ и спитъ, храпитъ, да какъ порогъ шумитъ,
Какъ стоялъ его конь да у сыра дуба,
Не зобаль-то пшену да бѣлоярову,
100. Какъ не пиль-то воду да онъ медовую,
Кабы биль-то копытомъ о сыру землю;
Вся дрожить-то-ле матушка сыра земля,
Какъ сыроѣ-то дубѣ распаталосе,
Какъ сухоѣ-то пенѣ поломалосе,
105. Да въ озѣрахъ водыця поплескаласе,
У шатра-то тынинки всѣ выпыпали;
Ото сну-то дѣтина пробужаитце,
Выходилъ-то скоренько вонъ на улицу,
Да хватилъ свою палицу буѣвую,
110. Да бы бѣтъ-то коня онъ по тучнымъ ребрамъ:
«Ищэ волчья ты сытъ, конь, травеной мѣшокъ!
Ищэ што-же стоишь, да не пѣшь, не ѣшь?
Ле пшена-то моя тибѣ не дошлая?
Ле вода-те моя тибѣ не сладкая?»
115. А проѣщилса конь да лошадь добрая,
Ищэ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой есь, хозяинъ, сударь ласковой,
Молодой ты Поталъ сынъ-Артамоновичъ!
Да подходитъ-де собака злая, Скурла царь.—
120. Да бросилса дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конѣмъ да какъ лютымъ змѣѣмъ,
Дабы вѣхаль во силу, въ прокляту Литву,

- Ищѣ сколько-то силы онѣ саблей сѣкѣтъ,
Ищѣ вдвое-то силы онѣ конѣмъ топчѣтъ,
125. Онѣ билъ-то, ломилъ да двои суточки,
Приустали его да руки бѣлыя,
Да оттуль молодець да поворотъ держитъ;
Приѣжжалъ-то дѣтина ко бѣлу шатру,
Привезалъ-то коня онѣ ко сыру дубу,
130. Насыпалъ-то пшenu онѣ бѣлоярову,
Наливалъ-то соты-воды медовой,
Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатѣръ,
Да садился дѣтина за дубовой столъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да забавлялся тутъ,
135. Какъ попилъ-то поѣлъ, да тутъ и спать онѣ лёгъ,
Какъ и спитъ, храпитъ да какъ порогъ шумитъ,
Кабы спалъ-то ле онѣ да двои суточки.
Какъ стоялъ его конь да у сыра дуба,
Не зобалъ-то пшenu да бѣлоярову,
140. Какъ не пилъ-то воду да онѣ медовую,
Кабы билъ-то копытомъ о сыру землю,
Вся дрожитъ-то-ле матушка сыра земля,
Ото сну-то дѣтина пробужаитце,
Выходили онѣ скоренько вонъ на улицу,
145. Да хватилъ свою палицу буѣвую,
Да-бы бѣтъ онѣ коня да по тучнымъ ребрамъ:
«Ахъ ты волчья сытъ, травеной мѣшокъ!
Ище што-же стоишь, да не пѣшь, не ѣшь?
Ле вода-ле моя тибѣ не сладкая?
150. Ле пшена-ле моя тибѣ не дошлая?»
И провѣщился конь да лошадь добрая,
Ищѣ русскимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси, хозяйинъ сударь ласковой,
Молодой ты Потапъ сынъ Артамоновичъ!
155. А поѣдешь ты во силу, прокляту Литву,
А поѣдешь ты по силы проклятой Литвы,
Накопали перекопы тамъ глубокиа,
Дабы первой перекопъ я перѣскочу,
Дабы втѣрой перекопъ я перѣнесу,
160. Дабы въ третѣемъ перекопѣ обрущусе,
Я паду-то тогда да во глубокъ погребъ;
Да наскацотъ тотаръ да много множество,

- Да намѣцють на тебя да добра молодца,
Ищѣ ти-жо арканы бѣло-шолковы,
165. Поведуть-де къ царю тогда ко Скурлату». Какъ и это дѣтина за бѣду стало,
За немалую досаду показалосе,
Да бросилса дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конѣмъ да какъ лютымъ змѣѣмъ,
170. Кабы вѣхалъ онъ въ силу, въ прокляту Литву,
Кабы сколькѣ-то силы онъ саблей сѣкѣтъ,
Кабы вдвое-де, втрое онъ конѣмъ топцѣтъ,
Кабы первой перекопъ конь перескочилъ,
Кабы второй перекопъ конь перенѣсъ нынъ,
175. Кабы въ третьѣмъ перекопы конь обрущылса,
Кабы палъ-то бы конь да во глубокъ погребъ.
Наскакало тотаръ да много множество,
Намѣтали арканы бѣло-шолковы,
Сохватали юдала добра молодца,
180. Повели-то тогда да къ царю Скурлату,
Привели-то тогда да къ царю Скурлату.
Подходилъ-де собака тогда Скурла царь:
«Ужъ ты здраствуй, удалой доброй молодець!
Ты коѣго-жо-ле города? Коѣй земли?
185. Коѣго ты отца? да коѣй матушки?
Ищѣ какъ ты, дѣтина, именѣмъ зовуть?
Ищѣ какъ величаютъ изъ отечества?
Послужки-ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да вочью-ле, позаво́чью неизмѣнною.
190. Я приду-ле во землю во Литовскую,
Я те дамъ-ле города да съ пригородками». Говоритъ-то дѣтина таковы слова:
— Кабы былъ я молодець да на своей воли,
На своей-де воли да на добромъ конѣ,
195. Я отсѣкъ у тебя-бы поплечъ голову.— Говоритъ ему Скурла во второй наконъ:
«Ужъ ты ой есь, удалой доброй молодець!
Послужки ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да воцью-ле, позаво́цью неизмѣнною,
200. Я те дамъ города съ пригородками,
Я те дамъ нынъ села со деревнями,
Я де дамъ тибѣ-ле много золотой казны».

- Говорить молодець да таковы слова:
— Я бы былъ молодець на своей воли,
205. На своей-де воли да на добромъ конѣ,
Я отсѣкъ у тебя бы поплечь голову.—
Говорить-де-бы Скурла во третьей наконъ:
«Послужки ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да вочью-ле, позавочью неизмѣною,
210. Я те дамъ города съ пригородками,
Я де дамъ тибѣ села всё со деревнями,
Я де дамъ тибѣ-ле много золотой казны,
У мя есь-то топере единая дочь,
Я бы дамъ-то тибѣ тогда въ супружесво».
215. Говорить-то молодець да таковы слова:
— Я бы былъ кабы дѣтина на своей воли,
На своей-то воли, да на добромъ конѣ,
Я отсѣкъ бы у тебя да поплечь голову.—
Волокуть-де телѣгу троеколюю,
220. Заковали молодца его въ желѣза всё,
Да на шею желѣза пятьдесятъ пудовъ,
Да на ноги желѣза пятьдесятъ пудовъ,
Да на руки желѣза пятьдесятъ пудовъ;
Потенули телѣгу троеколюю,
225. Да ко той ко казни ко смѣртной,
Да ко-той де ко плахѣ ко кровавой.
Да стояль то-ле конь тогда въ перѣкопы,
Розсердилось у его сэрцо лошадиное,
Розмутились его оци тогда ясныя,
230. Кабы выскоцишь-то конь да изъ перѣкопы,
Побѣжалъ-то по силы, проклятой Литвы,
Прибѣжалъ-то ко казни ко смѣртной,
Да ко той-жо ко плахи ко кровавой,
Испугалисе тотары всё поганья,
235. Какъ вси выломалъ желѣза притяжолыя;
Да скоциль-то удалой доброй молодець,
Да хватиль-то телѣгу троеколюю,
Да куды-то махнетъ, да тутъ и улица,
Да назадъ проведѣтъ—съ переулками,
240. Да билъ-де ломиль да двои суточки,
Не оставиль онъ нестарого, немалого,
Да садилса дѣтина на добра коня,

- Да поѣхалъ дѣтина ко бѣлу шатру,
Становилъ-то коня онъ ко сыру дубу,
245. Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатѣръ,
Кабы ѣлъ-то онъ, шлъ, да позабавилса.

73.

Гремитъ Манойловичъ, Идолъ Жидойловичъ и
Анна, племянница Владиміра-князя.

- Какъ во славной земли было турецкоюй,
У Гремита короля, сына Манойлова,
Кабы было-де пированье, столованье,
Кабы былъ-то у ихъ, братцы, почесень пирь,
5. Ахъ на многіихъ на князей, всё на бояровъ,
Да на тѣхъ-же турзовъ-мурзовъ удалыхъ,
Какъ на тѣхъ-же паленицъ да преудалыхъ.
А Гремитъ-король по полику погуливать,
Какъ сапогъ-де о сапогъ да поколачивать,
10. Какъ скобоцька о скобоцьку пощолкивать,
Кабы русыма кудрями самъ натряхивать,
Кабы леныма оцями самъ розглядывать,
Да весѣлую рѣчь самъ выговаривать:
«Ой вы ой есь, мой князя-бояра!
15. Ужъ вы сильніе могуты всё богатыри!
Ужъ вы ой есь, купци гости торговые!
Ужъ вы ой есь, кресьяна православные!
Ище кто-же изъ васъ знаетъ сужону,
А по руськи назвать женой вѣнчальную?
20. По нѣмецки назвать супружницу?
Какъ статнымъ была статна, да полна возрастомъ,
Какъ лицомъ была она да акн бѣлой снѣгъ,
А глаза-ти у нее да ясна сокола,
А какъ брови у нее да чорна соболя,
25. Какъ рѣсничн у ее штобы сиза бобра,
Какъ сиза-бы бобра да всё сибирского,
Какъ походоцька у ней была упавная,
Кабы рѣчь-поговоря тихо-смирная».
Кабы меньши хоронятся за средишнхъ,

30. Кабы средни хоронятся за большіихъ,
Какъ отъ большіихъ Гремиту всё отвѣту нѣтъ;
Какъ сидѣлъ за столомъ да за передніимъ,
Какъ на томъ-жо на стулѣ всё на золотѣ,
Молодой-де Идолъ да сынъ-Жидойловичъ,
35. Вышину былъ Идолъ да двѣ сажени нынъ,
Ширину былъ Идолъ да какъ коса сажень,
Какъ коса-же сажень да нынъ печатная;
Какъ ставаль-то Идолъ да на рѣзвы ноги,
Подходилъ-то ко Гремиту поближешенько,
40. Поклонялся онъ Гремиту понижешенько:
«Ужъ ты ой еси, Гремить да сынъ Манойловичъ!
Ты позволь-ко Гремить да слово вымолвить,
Не позволь-ко за слово скоро сказнить,
Нескоро ты сказнить, скоро повѣсити».
45. Говорить-то Гремить да сынъ Манойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Говори ты Идолъ да не упадывай,
Не единого слова не затапвай.—
«Я то прежде-то былъ да въ земли Руськоей,
50. Я во томъ-то во городѣ во Кіевѣ,
У того-то у князя у Владиміра,
У того-то бы есь нынѣ племянница,
Кабы та-же-ли Анна княженецька-дочь;
Какъ статнымъ она статна, да полна возрастомъ,
55. Какъ лицомъ-де она да аки бѣлой снѣгъ,
Какъ глаза-то у ея да ясна сокола,
Кабы брови у ея да чорна соболя,
Какъ рѣснички у ея аки сыза бобра,
Какъ походецька у ей будто упавная,
60. Ищѣ рѣчь-поговоря тихо-смирная».
Наливать-то Гремить сынъ Манойловичъ,
Наливать онъ чару зелена вина,
А немалу, невелику полгара ведра,
Припалнивать чашу пива пьяного,
65. На заѣдку турей рогъ да мѣду сладкого,
На закуску колачикъ бѣль-круписчатой,
Подаваль-то Идолу 'сѣ Жидойлову:
«Прими, вкушай ты чару зелена вина,
Послужи ты-ли мнѣ да вѣрой правдою,

70. Ты вочью-де, позаво́чью, не измѣною,
Ты-ле съѣзди во стольнѣй во Кіевъ градъ,
Ты посватайся на Аннѣ княженевской,
Ужъ ты—чесью даютъ, дакъ бери съ радостью,
Ищ'-ле честью не даютъ, дакъ бери нечесью,
75. Розгроми ихъ полаты бѣлокаменны,
Посади князя въ злодѣйку землю тюрму».
Говорить-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Гремить да сынъ Манойловичъ!
Ищэ сколько я радъ да былъ чару пить,
80. Ищэ вдвое я радъ службы служить,
Службы служить, да головы сложить.
Погрузи ты мнѣ черленыхъ тридцетъ караблей,
Ищэ дай мнѣ-ка силы тридцетъ тысецей.—
Какъ пошоль-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
85. Какъ на тѣ-же черлены больши карабли,
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали всѣ тѣ сходенки дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батюшку синю морю;
90. Какъ одна-та сторона тамъ знаменулася,
Какъ друга-то сторона да показалася,
Подбѣгали-то во гавань карабельною,
Какъ во ту-жо во пристань во глубокою,
Опускали парусы бѣлы полотнены,
95. Выкатали якоря новы булатныя,
Кабы клали-то сходни кончѣмъ на берегъ.
Какъ пошоль-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
Да пдѣтъ-то во славной стольнѣй Кіевъ-градъ;
Какъ заходить-то во славной стольнѣй Кіевъ-градъ,
100. Какъ пдѣтъ-то къ полаты княженевской,
Да заходить на крылецъко на прекрасное,
Какъ подъ имъ-то крылецико кацаетсе,
Косяки-де, перила покосилися,
Да не спрашиваль у дверей онъ придверниковъ,
105. У широкихъ воротъ да приворотниковъ,
Да заходить нынъ въ полаты бѣлокаменны,
Да проходить-то въ новы нынѣ горницы,
Кабы руськіимъ богамъ Богу не молитця,
Какъ Владыміру-князю онъ челомъ не бѣтъ,

110. Онь челомъ-де не бѣтъ, да голову не гнѣтъ.
Подходилъ ' ему солнышко Владиміръ князь:
«Ужь ты здраствуй, Идолъ да сынъ Жидайловичъ!
Ты куды-же поѣхалъ, куды правише,
Ты куды-же, Идолъ, да нынѣ путь держишь?»
115. Говорить-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Я бы ѣду отъ Гремита-короля сына Манойлова,
Я приѣхалъ къ тебѣ нынѣ посвататьця,
Да на той-же на Анны княженевской;
Кабы чесью отдашь, дакъ возьму съ радостью,
120. Кабы чесью не отдашь, дакъ возьму нечесью,
Розгромлю твои полаты бѣлокаменны,
Засажу тебя въ злодѣйку землю тюрьму.—
И весьма-то испужался князь-Владиміръ тутъ,
Побѣжалъ Владиміръ во второй покой,
125. Какъ ко той-же ко Анны княженевской:
«Ужь ты ой есь, племянница любимая!
Ужь пришолъ на тибѣ да женихъ свататьця,
Отъ Гремита-короля сына Манойлова,
Да приѣхалъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
130. Кабы чесью идѣшь, дакъ берѣтъ съ радостью,
Ищэ чесью не идѣшь, дакъ берѣтъ нечесью,
Розгромитъ мои полаты бѣлокаменны,
Засадитъ меня въ злодѣйку землю тюрьму».
Говорить ему Анна княженевска дочь:
135. — Ужь ты ой еси, Владиміръ славно Кіевской!
Ты не стой-ко за ж... ты за бабію,
Не теряй-ко свою да буйну голову.—
Кабы стала-то Анна снаряжатися,
Ищэ стала она да сподоблится,
140. Надѣвала на ся да платьѣ цвѣтноѣ,
Какъ брала съ собой ящицѣкъ хорошинькѣй.
Какъ отгуль-то Владиміръ поворотъ доржитъ,
Подходилъ онъ къ Идолу ко Жидойлову,
Подносилъ ему цару зелена вина,
145. Да немалу, невелику полтара ведра,
Говорить-то Владиміръ таковы слова:
«Ужь ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Прими выкушай ты чару зелена вина,
Ты помѣшкой немножко, всё поправитце».

150. Какъ берётъ-то Идолъ да единой рукой,
Вышиваетъ Идолъ да къ едину духу.
Да поправилась Анна княженевска-доць,
Какъ пошла-то на черлены больши карабли,
Да пошолъ тамъ Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
155. Да на тѣ-же на черлены больши карабли.
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали они сходни вси дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнецы,
Побѣжали-то по батюшку синю морю.
160. А бѣжали-то по батюшку синю морю,
Тамъ одна-де сторона знаменулася,
А друга-де сторона тамъ показалосе,
Выходила-то Анна вонъ на улицу,
Да подале, на черлены больши карабли,
165. Увидала-то-бы тамъ да видно чадъ великъ,
Ищэ чадъ-бы великъ, да дымъ столбомъ валить,
Заходила-то назадъ да въ черной карабель,
Подходила-то къ Идолу ко Жидойлову:
«Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
170. У васъ ётамъ-то-ле што-ле будто чадъ великъ?
Ищэ чадъ великъ, да дымъ столбомъ валить?»
Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Анна княженевска дочь!
Ужъ варятъ намъ на свадьбу кобылятину,
175. Ищэ жарятъ намъ на свадьбу жеребятину».
Говоритъ ему Анна княженевска дочь:
«Ужъ ты ой есь, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Мнѣ нельзя идти по батюшку синю морю,
Ищэ сѣнни-то мнѣ-ка именинной день».
180. Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ вы ой еси, мои да слуги вѣрныя!
Опускайте паруса бѣлы полотнены,
Вы мецте якоря новы булатныя,
Намъ нельзя идти по батюшку синю морю.—
185. Какъ пошолъ тогда пиръ у ихъ навеселы,
Пировали-столовали цѣлы сутоцьки;
Изъ ума-то Идолъ тутъ выпиваетця,
Одошла-бы хмелннушка великая,
Кабы заспалъ Идолъ да сынъ Жидойловичъ,

190. Кабы спитъ-то храпитъ, да какъ порогъ шумить.
Какъ брала-то-ли Анна княженевска дочь,
Какъ брала-то свою да саблю вострую,
Какъ отсѣкла у Идола поплець голову;
Росходилоь его тулово поганоеъ,
195. Да поганоеъ тулово, сердитоё,
Понмало мачту карабельною,
А бы вымѣло-то мачту во мелко щепьё,
Усмиряло это тулово поганоеъ,
Ицѣ пало во черной большой карабель.
200. Какъ скамандовала Анна княженевска дочь,
Какъ собирали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали нынѣ во стольной славной Кіевъ-градъ,
Ко тому нонѣце ко князю ко Владимиру;
205. Прибѣжали-то во стольной славной Кіевъ-градъ,
Опускали паруса бѣлы полотнены,
Выкатали якоря новы булатныя,
Да повыкляли сходни кончѣмъ на берегъ;
Да пошла-то-ли Анна княженевска дочь,
210. Какъ во тотъ-же во славной стольной Кіевъ-градъ,
Ко тому-же ко князю ко Владимиру,
Заходила нынѣ въ полаты бѣлокаменны,
Походила-то подалѣ въ нову горничу,
Къ самому нонѣце ко князю ко Владимиру:
215. «Ужъ ты здравствуй, дядюшка Владиміръ-князь!
Убирай ты черлены больши карабли».

74.

Василій Буслаевъ.

- Кабы жилъ былъ Буславей девеносто лѣтъ,
Состарилса Буславей, самъ преставилса,
Да при смертоцькѣ Буславьюшко наказывалъ,
Онъ своей-де жены да наговаривалъ:
5. «Ужъ ты ой еси, моя да молода жена!
Молода моя жена, да дорога семья!
Чогда будетъ-то моё чадо на возрастѣ,

- Бывъ ясень-то соколъ будётъ на возлетѣ,
Ище станеть-то Васильюшко конёмъ владать,
10. Да конёмъ-де владать, копьёмъ шурмовать,
Пусть не дѣржитъ Василей всё сто рублей,
Пусть не дѣржитъ Василей цѣлой тысецы,
Пусть-ко дѣржитъ Василей у ся сто друговъ,
Ищѣ сто-же друговъ, да сто пріятелей,
15. Въ Ерусалимъ-градъ ходитъ Богу молитися,
Ко Христовой гробницѣ приложитися,
Да въ Ердань-то рѣки пусть не купаецца,
Не купаецца въ рѣки, пусть омываетца:
Да купалса-крестилсе тамъ Ісусъ Христосъ;
20. Да сvezётъ пусть положеньицо великого,
Да не мало-ле, не много—сорокъ тысецей». Да покаялса Буславей, тутъ преставилсѣ.
Когда сталь-то нынѣ Васильюшко навозрастѣ,
Какъ ясень-то соколъ сталь навозлетѣ,
25. Ищѣ сталь-то Васильюшко конёмъ владать,
Да конёмъ сталь владать, копьёмъ шурмовать,
Онъ пошоль-то Василей вдоль по городу,
Онъ ходиль-то по лавоцькамъ торговымъ,
Онъ купиль сибѣ везиноцьку тяжелую,
30. Онъ пошоль во царевы большу кабаки,
Откупаль-то-ле боцьки сороковья,
Сороковья боцьки ' зеленымъ съ виномъ,
Онъ выкатываль на площади широкія,
Розсылаль-то указы нынѣ скорыя,
35. Сбираль-то голей да всехъ кабацкіихъ,
Да зовѣтъ-то Василей на почесенъ пиръ,
Кабы пити имъ вино нонѣ безденежно.
Сбиралосе голей да много множество,
Какъ со всѣхъ-то сторонокъ нынѣ разныхъ,
40. Росполубилъ онъ-то боцьки сороковья,
Онъ спустиль-то ковши тутъ позолочены;
Кабы пьютъ-то-ле голи вси кабацкія,
Кабы пьютъ-то они всѣ зелено вино,
Какъ и пьютъ-то они, да потѣшаютца,
45. Кабы хвалятъ-то Василья всё Буславьева.
Приносиль-то Василей свою везиноцьку,
Выбираль-то сибѣ да онъ въ товарищи:

- «Ищэ хто-ле пзъ васъ можотъ везинку знять?»
Ихъ и сталь-то везиноцькой помахивать,
50. Какъ по тимъ головамъ молодецкіимъ.
Какъ пошли-то голи, нынъ заплакали,
Да платками-то-ле головы повязали,
Говорять-то-ле голи всё кабацкія:
«Да у вора у Васьки у Буславьева,
55. Да не упито-ле было не уѣдено,
Баско хорошо-ле было не уожено,
Толькѣ на вѣкъ безвѣчница залезено».
Какъ махнуль-то удала добра молодца,
Какъ того-ли Потанюшку нынъ хромого,
60. Да стоитъ молодець да онъ не трехнетце,
Ищэ платье на нѣмъ да не ворохнетце;
Да махнуль-то-ле Костю Новоторженина,
Какъ стоитъ молодець да не трехнетце;
Да махнуль-то-ле Васинькю всё малого,
65. Да стоитъ молодець не ворохнетце.
Выбираль-то-ле онъ да три товарища,
Ходиль-то Василей вдоль по городу,
Собираль-то Василей сибѣ плотничковъ,
Онъ-то строиль Василей всё черновъ *) карапъ,
70. Онъ-то въ оци, нынъце врѣзалъ два-то камешка,
Онъ-то ' брови-то-ле врѣзалъ два-то соболя,
Онъ соорилъ-то Василей-то черновъ карапъ,
Онъ спускаль-то карапъ да тогда на воду,
Онъ грузиль-то карапъ тогда напитками,
75. Онъ грузиль-то карапъ тогда припасами,
Собираль-то Василей-то товарищовъ,
Какъ итти-то ему да во синѣ морѣ.
Онъ приходитъ-то ко матушкѣ родимой,
Онъ-то падалъ ей тогда да во рѣзвы ногц,
80. Онъ просилъ благословленьца великого.
Да даѣтъ ему матушка благословленьцо,
Да съ буйной-то главы да до сырой земли.
Да пошоль-то Василей вонъ на улицу,
Онъ пошоль-то ' черленой большой карабель;
85. Обирали нынъце сходенки дубовыя,

---

*) Чернъ-новъ?

- Подымали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то они да въ Ерусалимъ градъ,
Да бѣжали-то по батюшку синю морю,
90. Подбѣгали-то они да въ Ерусалимъ градъ.
Какъ пошли-то ко гробу ко Христовому,
Какъ Господу Богу помолилися,
Ко Христовой гробницѣ приложилися,
Да пошли-то нынѣ тогда да на Ердань-рѣку;
95. Кабы вся-то въ рѣки да омываютца,
Да Василей-то Буславьевичъ купаитца,
Да пошли-то ѣттуль, да поворотъ держать.
Да пришли-то они да на черновъ карапъ,
Подымали якоря тогда булатныя,
100. Обирали-то-ле сходенки дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батюшку синю морю,
Подбѣгали-то подъ горы Сарочинскія,
Остоялся тогда да ихъ черной карапъ;
105. Какъ вымецють-то щупы долгомѣрныя,
Кабы ищуть-то-ле кошоцьки подводной,
Не находятъ-то кошки тутъ подводной.
Да впередъ-то-ле шли не чо не видѣли,
Да згленули-то на гору Сарочинскую,
110. Увидали-то они тутъ злаченъ-чуденъ-крестъ;
Какъ здумалось имъ тутъ да помолитисе,
А бросали нонѣце шлюпку они на воду,
Да спущалисе они да въ ѣту шлюпоцькю,
Выѣзжали на гору Сарочинскую,
115. Приходили ко кресту они ко чудному,
Кабы чудному кресту да помолилися.
Да лежить-то голова тутъ чоловѣческа,
Да лежить-то-ле тутъ да сѣръ-горючь-камень;
Какъ берѣтъ-то Василей свою тростоцькю,
120. Какъ колотить-то голову онъ чоловѣческу:
«Ужъ-ты ой есь, голова—чья? чоловѣческа?»
Да провѣщилась глава, косъ чоловѣческа,
Да руськимъ-то языкомъ чоловѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буславьевичъ!
125. Я бы былъ молодець да не тебѣ вѣрста,

Я лежу-то на горахъ на Сарочинскихъ,
Да лежати-то тебѣ мою по праву руку.—
Кабы плюитце Василей нынѣ, цюрайтце:
«Ты сибѣ ты спала, да сибѣ видѣла».

130. Говорить-то-ле кось глава чоловѣческа:
— Я сибѣ-то спала, да тибѣ видѣла.—
Погленули они на сѣрѣ-то камешокъ,
На камню-то-бы есь да всё подписано,
На камню-то-ли есь тогда подрѣзано:
135. «Хто впередь-то-ле скоцить, назадъ скоцить?»
Какъ скоцилъ-то Василей сынъ Буславѣвичъ,
Какъ впередь-отъ скоцилъ, назадъ не отскоцилъ,
Кабы палъ-то Василей о сѣрой камень,
Какъ тогда-то Василью смерть случилося.

75.

Садко.

- Какъ прежде Казань да слободой была,
Ищѣ нынѣ Казань да Новымъ-городомъ.
Какъ во той во Казани, въ Новомъ-городѣ,
У Левонтея попа, отца Ростовскаго,
5. Кабы было-ле пированьѣ, столованьѣ,
Кабы былъ у его тогда почесенъ пиръ,
Какъ на многихъ купцей людей торговыхъ,
На почетныхъ поповъ, отцовъ духовныхъ,
Да на всихъ кресьянъ православныхъ.
10. Кабы вси-то на пиру тутъ напивалисе,
Кабы вси-то на чесномъ тутъ наѣдалисе,
Да сидѣлъ на пиру купецъ богатый,
Да по имени Садко купецъ богатый;
Изъ ума-то Садко выпивантце,
15. Изъ рѣцей-то Садко прошибаетце,
Говорить-то Садко таковы слова:
«Я въ Новомъ-городѣ товары всѣ повикуплю,
Я на черныя на карабли всѣ повигружу,
Я на Волгу-рѣку тогда повиплавлю».
20. И не хто-жо нынѣ-бы къ тѣмъ рѣцямъ не влякотца,

- Толькѣ вяжотця Левонтей-попъ духовныи.
— Въ Новомъ-городѣ товары те не выкупить,
Да на чорныя на карабли не выгрузить,
Да на Волгу-рѣку тибѣ не выплавить. —
25. Да ударилсь они да о великъ залогъ,
Да не ё ста рублей, не ё тысяцѣ,
О своихъ-то-ле бьютца буйныхъ головахъ.
Да бы началъ Садко купецъ просыпатисе,
Охватился Садко купецъ—дѣло неладное;
30. Да берётъ три слуги съ собой вѣрныя,
Да беретъ-то три ящычка нынѣ съ деньгами,
Да бы день-то купилъ весь до вечера,
Да накладывалъ товары всё на возы нынѣ,
Кабы выдержалъ казну свою изъ ящыковъ,
35. Какъ товару привезли да больше старого.
Какъ-де день-де купилъ, да другой купилъ,
Какъ товару въ городу да худо убыло,
Какъ купилъ-то Садко да ровно три дни нынѣ,
Какъ казны-то у Садка да мало можитце,
40. Какъ товару въ городу да много множитце.
Да змолилса Садко да Господу Богу,
Какъ тому-то нынѣ Микола нынѣ свѣтителю:
«Я построю тибѣ церковь соборную,
Да на-вѣимѣ Микола тутъ светителя».
45. Кабы тутъ у Садка да казны прибыло,
Въ городу-де товару мало можитця;
Розсылалъ онъ указы нынѣ скорыя,
Подводилъ-то черлены больши карабли,
Погрузилъ-то товары вси-то разныя.
50. Онъ пошолъ-то Садко-то да скоро за морѣ,
Онъ повѣзъ-то товары вси-ги разныя,
Да ходилъ-то Садко да нынѣ за морѣ,
Торговалъ-то товарами заморскимя,
Да забылъ тогда Миколу онъ светителя.
55. Кабы выпродалъ товары онъ заморскія,
Какъ стгуль-то Садко сталъ поворотъ дѣржать.
Какъ бѣжалъ-то Садко да по синю морю,
Среди моря карабли тутъ остоялися,
Опускали паруса бѣлы полотнены;
60. Да метали они щуны долгомѣрныя,

Да искали они кошоцьки подводныя.
Не находятъ они кошоцьки подводной,
Кабы ходять по черленнымъ большимъ караблямъ,
Увидали они цюдо право цюдное:

65. Какъ бѣжить-то къ нимъ шлюпоцька-то лёгкая,
Кабы лёгкая шлюпоцька, тутъ огненна,
Прибѣжала-то къ черленнымъ большимъ караблямъ,
Да сидять-то во шлюпкѣ два гребца-то тутъ,
Какъ третей-то сидитъ да нынѣ кормщицокъ,
70. Говорить-то имъ кормщикъ таково слово:
«Ужь вы ой есь, молодцы да карабельщики!
Ужь вы дайте чоловѣка виноватого.
Ищѣ меньши хоронятца за среднихъ,
Ищѣ средни хоронятца за большихъ;
75. Выходиль-то Садко купецъ богатя,
Да на тотъ-то черленой большой карабель,
Кабы падало на юмъ да старо прежнѣ:
«Не исполниль я Миколы-то свѣтителю,
Видно будѣтъ мнѣ итти да во синѣ морѣ,
80. Видно я-жо нынѣ топере виноватой быть».
Распростилса со своими да онъ товарищами,
Какъ спускался во шлюпоцьку-то лёгкую,
Да берѣтъ-то съ собой гусли звѣнчаты;
Какъ вернулася шлюпка тутъ ' обратнѣ,
85. Побѣжала эта шлюпка по синю морю,
Прибѣжала эта шлюпка къ столбу огненну,
Да ввернулася эта шлюпка во синѣ морѣ.
Да очюдились-то двери тутъ хрустальнѣя,
Какъ зашолъ-то во двери онъ хрустальнѣя,
90. Онъ идѣтъ, Садко, по новой тогда горницы,
Какъ лежитъ-то на лавкѣ царь морской-ле тутъ:
«Южь ты здраствуѣшь, Садко купецъ богатя!
Я прошу-то тебя да поиграть со мной,
Да во тѣ-же во пѣшки, нынѣ во шахматы,
95. Ишь-ле можъ-ле звеселитъ меня, морска царя?»
Кабы ходить-то Садко купецъ богатя,
По тому ходитъ по дому по хрустальнѣму,
Заигралъ-то во свои да гусли звонцяты,
Кабы сталь-то нынѣ морской царь нынѣ порипкивать
100. Какъ руками-то онъ сталь да пошевеливать.

- Кабы пушке играть Садко во свои гусли,
Какъ садилса-то царь да на ж... нынь,
Кабы сталь-то играть Садко попуще-же,
Кабы сталь-то морской царь да поплясывать;
105. Сколыбалосе тогда да всё спнё морё,
Заходила-то повальня тогда сильняя.
Да подумаль-то Садко купецъ богатя,
Во своёмъ-то умѣ, да крѣпкомъ разумѣ:
«Я-то много потоплю караблей купеческихъ».
110. Онъ розорвалъ свои да гусли звонцаты,
Говорить ему топере нынь морской-отъ царь:
— Ужь-ты ой еси, Садко купецъ богатя!
Ты поцинъ-ко свои да гусли звонцаты.—
Говорить ему Садко купецъ богатя:
115. «Я уцлса играть да въ гусли звонцаты,
Не уцлса я починить гусли звонцаты».
Кабы это царю не полюбилосе,
Онъ хватилъ-то Садка за длинну бороду,
Онъ-то бросилъ Садка да вонъ изъ терему.
120. Да очюдилса Садко купецъ богатя,
Подъ своимъ-то тогда-ли Новымъ-городомъ,
Какъ лёжить у воды да онъ на берегу.
Да ставаль-то тогда Садко-то на ноги,
Отресаль свою длинну-большу бороду,
125. Приходилъ-то Садко да въ Новой-городъ-отъ;
Да стрѣцяють его купци богатя,
Да стрѣцяють нынь попы отцы духовные,
Да стрѣцяють хресьяна православные:
«Ужь ты здраствуешь, Садко купецъ богатя!
130. Кабы восемь лѣтъ тебя мы не видали нынь».
Да пошоль-то Садко ' своему терему,
Да бы раньше-то пришли его чѣрны карабли.
Нанималъ-то Садко да тогда плотничковъ,
Какъ стропль соборну Божью церковь нынь,
135. Какъ тому-жо онъ Миколы всё свѣтителю.
-

76.

Данилко Денисьевичъ.

- Кабы Волга-рѣка да розливалосе,
Кабы тихой-де Донъ тогда повыбрызгалъ,
На Дону-де казаки zvolновалисе,
Zvolновался-де Данилко-воръ Денисьевичъ:
5. «Ужъ вы милые-де братцы, добры молодцы!
Ужъ вы стройте-ко Данилу новъ черленой стругъ,
Кабы носъ-де корма по звѣрпному,
Ищэ хоботы металъ штобы по змѣпному,
На середоцькю постройте мурамень чердакъ,
10. Во чердакъ ноньце краватку слоновыхъ костей,
Потените краватку дорогимъ сукномъ,
Испробейте краватку золотымъ гвозѣмъ».
Ищэ тутъ молодцы всё не отслышелись,
Да построили Данилу новъ черленой стругъ,
15. Ищэ носъ-де, корма да по-звѣрпному,
Ищэ хоботы-то мѣцѣтъ по-змѣпному,
На середоцькю построили мурамень чердакъ,
Во чердакъ ноньце краватку слоновыхъ костей,
Потенули краватку дорогимъ сукномъ,
20. Испробили-то краватку золотымъ гвозѣмъ.
Ищэ стали-то они да снаряжатисе,
Ищэ стали-то ёни да сподоблятисе,
А берутъ они веселышка дубовыя,
Говорить-то имъ Данилко-воръ Денисьевичъ:
25. «Ужъ вы милые-де братцы, добры молодцы!
Вы гребите-ко робята день до вечеру,
Темну ночинькю гребите до бѣла-свѣту,
Не пиваюцисъ гребите, не ѣдаюцисъ,
Да бѣлымъ рукамъ отдыху не даваюцисъ,
30. Вы гребите-ко на усѣ славно тиху Дну,
Заставайте карабли новы купечески».
Да гребутъ нынѣ робята день до вечера,
Темну ночинькю гребутъ да до бѣла свѣту,
Выгребали-то на усѣ славно тиху Дну,
35. Заставали карабли новы купечески,

- Обирали все товары, все заморские,
Да отгуль-то нынѣ Данилко поворотъ держить.
Да змолилися купцы да Господу Богу,
Подымалась тогда тупя тѣмна грозная,
40. Кабы выпала изъ тужи громова стрѣла,
Пострѣлила-то Данилка все Денисьева,
Да тогда-то нынѣ Данилку смерть случилось.
Да пристали-то робята на крутой берегъ,
Да построили гробницу бѣлодубову,
45. Погребли-то Данила во сыру землю.
Кабы ѣдутъ-то робята день до вечера,
Да приходитъ-то тогда да ночька темная,
Набѣжалъ-то Данилко-воръ Денисьевичъ,
Становиль-то бы ихъ да среди рѣки,
50. Да кричить-то, громить, да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы милые братцы, добры молодцы!
Не утти-то вамъ будѣтъ, не уѣхати».
Какъ стоять-то они да вплотъ до утра тутъ.
Кабы сталь-то тогда да нынѣ бѣлой день,
55. Кабы палъ-то Данилко внизъ на землю тутъ,
Подѣжжали-то робята круту берегу,
Погребли-то Данилка во сыру землю,
Да отгуль-то робята все поѣхали.
Кабы ѣдутъ-то-ле день да все до ночи все,
60. Какъ приходитъ-то-ле ночька нынѣ темная,
Набѣжалъ-то Данилко воръ Денисьевичъ,
Становиль-то-бы ихъ да среди рѣки;
Кричить-то, громить онъ зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы милые братцы, добры молодцы!
65. Не утти-то вамъ будѣтъ, не уѣхати,
Несухимъ-то путѣмъ, да вамъ не водою».
Кабы былъ у его да нынѣ подруцницѣкъ,
Да подруцницѣкъ былъ его, постельницѣкъ,
Да слыхалъ онъ отъ Данилка таково слово:
70. «Да не держитъ меня да мать сыра земля,
Только держитъ меня да нонь осиновъ колъ».
Да бы стала-де зоря, да тогда бѣлой день,
Да бы палъ-то Данилко внизъ на землю нынѣ,
Подѣжжали-то робята добры молодцы,
75. Положили-то Данилку внизъ на землю все,

Находили-то они тогда осиновъ колъ,
Какъ колодятъ-то они да проти серъча тутъ,
Да осталса тутъ Данилко сынъ Денисьевичъ.

77.

Кострюкъ.

- Грозной царь государь Иванъ Васильевичъ
Не успѣлъ воцаритисе, захотѣлъ поженитисе;
Послалъ посла, скоро сватовщыка,
Старого Микиту Романовича
5. Во дальню землю, во орду во невѣрную,
Демрюку на дощери,
Кострюку на родной сестры, на Маріи,
На крыницы на царской,
На вельможѣ на великой.
10. Всѣ не отказываютъ, всѣ приказываютъ.
Собирались во церковь во Божію,
Примали закону Божьёго;
Пирь-отъ пошолъ о полупира,
Столь-отъ пошолъ о полустола,
15. Все на пиру напивалисе,
Все на чесномъ наѣдалисе,
Одинъ Кострюкъ Демрюковичъ,
Онъ не ѣсъ-ле, не пѣтъ, не кушаётъ,
На тебя-ли, на царя думу думаётъ,
20. На Марью сестру судинѹ творитъ:
«Я семъ городовъ побывалъ,
Семъ борцовъ поборолъ,
Есъ-ле борцовъ поборотисе?
За любовь попытатисе?»
25. — У насъ есъ нонѣце Васинья маленькѣй,
Потанюшка Хроминькой.—
Говоритъ-то Кострюкъ Демрюковичъ:
«Што это за гадина идѣтъ?
Уже што за перегадина идѣтъ?»
30. На одну долонь посажу, другой придавлю!»
Потанюшка присправилсѣ,

- За черны кудри заграбилсѧ,
Выздымалъ выше дерева шарóвова,
Бросилъ Кострюка на сыру землю;
35. Не рубашка-ли порскнула,
Не кожа-ли треснула,
Побѣжалъ Кострюкъ, дыру долóнюю захватилъ:
«Не дай Богъ на светой Руси бывать,
Въ каменной Москвы,
40. Не дѣтямъ моимъ не внучатамъ».

78.

Голубинная книга.

- Подымалась туця темно-грозная,
Какъ со той страны со восточнойей,
Да заблѣкъ-де батюшко свѣтѣль мѣсець,
Призатухло-ле вотъ красно солнышко.
5. Да изъ той изъ тучи тѣмно-грозовой,
Выпадала книга голубинная,
Да на ту гору-де на Фаргорскую,
Ко тому-де кресту животворящому,
Ко распятыицу да ко Христовому.
10. Въ долину была книга сорока локоть,
Въ толщину была книга дватцети локоть;
Да про ту про книгу голубинную,
Разселилася славушка немалая,
Да по всимъ землямъ, по всѣмъ разнымъ,
15. Да по всимъ городамъ да по уѣзднымъ.
Да на ту на славу на великую,
Собиралосѧ, да соѣжжалосѧ,
Какъ сорокъ царей, сорокъ царицей,
Да сорокъ королей, сорокъ королевичей;
20. Да изъ тихъ царей, изъ тихъ царицей,
Да изъ тихъ королей, да королевичей;
Выбиралосѧ-то равно три царя,
Равно три царя да всѣ премудрые:
Да первой-отъ царь да Волотóмонъ-царь,
25. Волотóмонъ-царь, сынъ Волотóмовичь,

- Да второй-отъ царь Давыдъ Евсеевичъ,
Да бы трэтей царь—сударь Исай-пророкъ.
Да спроговоришь, да спромóлвилъ нашъ,
Да спромóлвилъ нашъ да Волотóмонъ-царь,
30. Волотóмонъ-царь, сынъ Волотомóновичъ:
«Ужъ ты ой еси, нашъ премудрой царь,
Ты премудрой царь Давыдъ Евсѣевичъ,
Ты бери-ко книгу на бѣлы руки,
На рукахъ держи-ты, на ногахъ стой».
35. Какъ спроговоришь нашъ премудрой царь,
Нашъ премудрой царь Давыдъ Евсѣевичъ:
— На рукахъ держать, да мнѣ не содержать,
На ногахъ стоять, да мнѣ не прóстоять.—
Да спроговоришь да нашъ премудрой царь,
40. Нашъ премудрой царь Давыдъ Евсѣевичъ:
«Ужъ ты ой еси, нашъ премудрой царь,
Нашъ премудрой царь, сударь Исай-пророкъ!
Ты бери-ко книгу на бѣлы руки,
На рукахъ держи ты, на ногахъ стой,
45. Розмыкай ты книгу голубинную,
Ты читай-ко книгу голубинную,
Ты по старой памети, по грамоты,
Ты скажи-ко намъ, ты повѣдай-жо:
Отчего зачалса нашъ нынь вольнѣй свѣтъ?
50. Отчего зачалось нашо сонцо красное?
Отчего зачалса нашъ свѣтѣль месяц?
Отчего зачались зори утренны?
Отчего зачались наши звѣзды частыя?
Отчего зачались наши вѣтры буйныя?
55. Отчего зачались наши дожжи мелкіе?
Да которой Богъ да надъ богами Богъ?
Да которой царь да надъ царями царь?
Да которой звѣрь да надъ звѣрями звѣрь?
Да котора птица всимъ птицамъ мѣти?
60. Да котора рыба всимъ рыбамаъ мати?
Да которо морё всимъ морямаъ море?
Да которо полё всимъ полямаъ полё?»
Кабы бралъ Исай книгу голубинную,
На рукахъ держалъ, да на ногахъ стоялъ,
65. Розмыкаль онъ книгу голубинную,

- Онъ сказалъ-то имъ, да поповѣдалъ-жо,
Онъ по старой по памяти, по грамоты:
— Оттого зачалса нашъ-то вольней свѣтъ:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
70. Самого Христа да отъ оцей его;
Оттого зацялось да сонцо красное:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа да ото лба его;
Оттого-то зацялса свѣтѣль мѣсець:
75. Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа да отъ тыла его,
Отъ тыла его, да отъ верхѣвишша;
Оттого зацялись да зори утренны:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
80. Самого Христа да отъ косиць его;
Оттого зацялись да звѣзды частыя:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа да отъ ушей его;
Оттого зацялись да вѣтры буйныя:
85. Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа-ли отъ здыханьица;
Оттого зацялись да дожди мелкія:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа-ли отъ слезовъ его;
90. Кабы самъ Богъ-Савовъ да надъ богами Богъ,
Да бѣлой-отъ царь да надъ царями царь,
Дабы вѣруемъ вѣру самого Христа,
Самого Христа Царя Небѣснаго;
Однорогой звѣрь да надъ звѣрями звѣрь;
95. Естрепѣль-птица да всѣмъ птицамъ птица,
Естрепѣль-птица да вострепешетца,
Акiенъ-морѣ всё расколыблитця;
Кабы титъ-рыба да всѣмъ рыбамъ рыба,
Да за то рыба, да мать земля стоитъ,
100. Да на трѣхъ титахъ была основана,
Да на трѣхъ титахъ, на трѣхъ подтитышахъ;
Да Ондронъ-полѣ да всиамъ полямъ полѣ,
Да за то полѣ, да война первая,
На Ондронъ-полѣ будѣтъ послѣдняя;
105. Да при первой войны было первое:

- Кабы кривда съ правдой тутъ тягалосе,
Дабы кривда-то сѣрымъ заечомъ,
Кабы правда-то бѣлымъ заечомъ,
Кабы кривда правду издоляла-жо,
110. Кабы правда-то да ушла на небо,
Кабы кривда-то по темнымъ лѣсамъ,
По темнымъ лѣсамъ, да по добрымъ людямъ,
По добрымъ людямъ, да по людскимъ сердцамъ.

79.

Небылица про щуку изъ Бѣлаго озера.

- Да худому-де горѣ да не привяжетса,
Да тому-то-де горюшко нонь привяжитцѣ,
Ищо хто-жо горѣ можотъ измыкати,
Послѣ матери горѣ перемыкати.
5. Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того-то почудне скажу,
Почудне-де скажу, да подиковинне:
Да медвѣдь-отъ летитъ да поподнебесью,
Да короткими лапами помахивать,
10. Да короткимъ хвостикомъ подправливать.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу, да подиковинне:
Да корабль-отъ бѣжитъ да по сырой земли,
15. Да темные лѣсы да бицовой идутъ.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу да подиковинне:
Да во славномъ-то было да Бѣлѣ-озерѣ,
20. Заселилася щука да приогромная,
Да робять-де хватать, да жоробять глотать,
Кабы стали-то думу да они думати:
Ищѣ какъ-то бы щуку да нынѣ добыть еѣ?
Да сковали-то уду нынѣ дѣсать пудовъ,
25. Да надѣли жеребѣнка тутъ кобыльяго,
Да бросили-де во славно Бѣло-озеро.

- Да хваталася щука приогромная,
Да немала, невелика девяносто пудъ.
Потенули-то щуку нынь на вѣшной лёдъ,
30. Да бы вѣшной-отъ лёдъ тутъ изгибаице,
Кабы добыли-то щуку на крутой берегъ,
Да отсѣкли у щуки большу голову,
Положили-то голову на больши сани,
Повезли эту голову во-три коня,
35. Повезли-то-ли голову къ самому царю.
Привозили-то голову къ самому царю,
Сбиралосе народу да много множество,
Удвинулисе они да большой головы,
А отсѣкли у ей да праву ягодицу,
40. Отдавали царю ей на почесень шпръ,
Пировали-столовали тутъ чѣлы суточки,
Кабы вси-то тутъ ягодицей наѣдалисе.

---

18. Дитятевъ Алексѣй Ивановичъ.

Слѣпой старикъ 71 года. Живетъ очень бѣдно на самомъ краю зарѣчной стороны Виски, въ маленькой избушкѣ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ. Когда я пришелъ къ А. И. онъ на берегу рѣчки съ мальчонкомъ, своимъ племянникомъ, пилилъ на дождѣ дрова, а зрячій братъ въ избѣ вязалъ сѣти... Старины знаетъ А. И. прекрасно, поетъ твердо и сильно акаетъ при цѣннѣ, между тѣмъ при разговорѣ аканья совсѣмъ незамѣтно, да и неоткуда ему быть. А. И. прекрасный сказочникъ; и сказки онъ знаетъ твердо, рассказываетъ очень хорошо, складно. Кромѣ спѣтыхъ мнѣ старинъ знаетъ еще: Добрыня и змѣя, Потыкъ, Васька Окуловъ, Сорокъ каликъ, Агрикъ, Егорій храбрый и нѣсколько духовныхъ стиховъ.

80.

Иванъ Горденовъ.

- Во стольноёмъ во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владыміра,
Было пирóваньё-столóваньё,
Да былъ у него, братцы, почесенъ пиръ,
5. Про многихъ князей, да многихъ бояровъ,
Да сильныхъ русскіихъ богатырей;
Да вси на пиру да пьяны веселы,
Да всё на чесномъ потѣшаютца,
Растѣшилса солнышко Владыміръ-князь,
10. Да пагуливать па гриденкѣ по свѣтлой,
Па той-же середи кирпичатой,
Рѣзвыма ногами ёнъ поступывать,
Бѣлыми руками ёнъ розмахивать,
Русыма кудрями принатряхивать,
15. Ясныма оцями на всёхъ згледывать;
Ёнъ завидѣлъ юдала добра молодца,
По имени Ивана всё Горденова:
«Ты ой есь, Иванъ да сынъ Горденовичъ!
Ты што-же сидишь ёчунъ не весело?
20. Повѣся держишь да буйну голову?
Потупя очи ясны во кирпичать польъ?
Али мѣстомъ тебя мы пріюнизили?
Али цыры тибѣ да не доносили?»
— Ажъ ты ой еси, солнышко Владыміръ-князь!
25. Вы мѣстомъ меня да не юнизили,
Да цыры-ти мнѣ-ко-ва донóсили,—
У тя всё на пиру сидятъ паженены,
У тя красныя дѣвичи повыданы,
Единъ я, Иванъ, да, царь, холóстъ хожу,
30. Я холóстъ-отъ хажу, да не женать живу;
Захотелосе-бы мнѣ да поженитисе,
Да во стольнёмъ городѣ въ Черниговѣ,
У ласкова у князя у Черниговска,
На его-же на любимой на дочери,
35. На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлой,

- На той Маривьяны на прекрасной.—
Гаварить-то нашъ солнышко Владиміръ-князь:
«Когда хочешь, Иванъ, дакъ можешь на ей».
— Ажъ ты ой еси, дядушка родимой мой,
40. Ты солнышко батюшко Владиміръ-князь!
Одному-то мнѣ теперь не взять будѣтъ,
Мнѣ надо мнѣ тридцать всё богатырей,
Да сильныхъ русскихъ храбрыхъ воиновъ.—
Гаварить-то нашъ солнышко Владиміръ-князь:
45. «Ты ой есь, Добрынюшка Микитицъ бладь!
Садись-кѣ Добрыня за дубовой столъ,
За дубовой-отъ столъ, да на ремешеть стулъ,
Пиши ерлыки да скоропищеты».
На то-де Добрыня не ёслышалсъ,
50. Да скорѣ садитца за дубовой столъ,
За дубовой-отъ столъ, да на ремешеть стулъ,
Писаль ерлыки да скоропищеты;
Срежаитце Добрыня во чисто полѣ,
Уздаётъ, сѣдлаетъ коня доброго,
55. Да скорѣ садитца на добра коня,
Поѣхаль Добрыня во чисто полѣ,
По тимъ по дорогамъ по широкимъ
Металь ерлыки, да скоры грамотки.
Собжжалисе богатыри во Кіевъ-градъ,
60. Да тридцать-де три ровно богатыря,
Да ко ласкову князю на почесенъ пиръ.
Да пиръ-отъ идѣтъ да о полуширу,
Да столъ-отъ идѣтъ да о полу-стола,
Да князь-отъ Владиміръ о полухмеля,
65. Да день отъ идѣтъ у насъ ко вечеру,
Да солнышко катитце ко западу,
Кнеженевская радость въ полурадости,
Гаворилъ-то Иванъ сударь Гарденовичъ:
«Ты солнышко батюшко Владиміръ-князь».
70. Ты откатывай боцьки сороковоцки,
А сорокъ намъ бочѣкъ зелена вина,
Двадцеть намъ бочѣкъ да пива пьяного
Сорокъ намъ возовъ да харчу хлѣбного,
Давай мнѣ товару на сорокъ тысячей,
75. Заплачу тиѣ сударь деньги полныя».

- На то-же Владиміръ не отслышелсѧ,
Откатываль боцѣки сороковоцѣки,
Сорокъ-де боцѣкъ да зелена вина,
Двадцеть намъ бочѣкъ пива пьяного,
80. Сорокъ намъ воевъ да харчу хлѣбного,
Даваль-же товару на сорокъ тыщицей,
И стали молодцы да нонь срежатисе,
Скаре того да сподобляютсѧ,
Во первыхъ, старъ-казакъ Илья Муромецъ,
85. Со своимъ-же бы онъ да со десяточкѣмъ,
Во вторыхъ, Самсонъ сынъ-Колыбановичъ,
Со своимъ-же бы онъ да со десяточкѣмъ,
Во третьихъ, Борисъ сударь Горденовичъ,
Со своимъ-же бы онъ да со десяточкѣмъ;
90. Уздають, сѣдлають коней добрыхъ,
Да скоро-де скачуть на добрыхъ коней,
Не видали молодцовъ когда на конь сѧли,
Да видять тамъ во полѣ курива стоитъ,
Скопотили пески мелки сыпучіе.
95. Да скорѣ поѣтца, скорѣ скажитца,
Да много-де времени мнуетца,
Подѣѣжжають подъ славной подъ Черниговъ-градъ,
Становилисе ѣни на зелены луга,
Розоставили шатры бѣлополотнены,
100. Отъ Чернигова-града за двенадцеть вѣрстъ,
Да стали пировать, да столовати-же,
Да стали ѣни да думу думати:
«Кому изъ насъ итти во Черниговъ градъ?
Кому-же итти изъ насъ свататцѧ?»
105. Послать намъ Алѣшенькю Поповица,
Второго Добрынюшку Микитица,
Умѣють они да право чесь воздать,
Чесь-ту воздать и слово вымолвить».
На то молодцы да не ѣтслышались,
110. Поѣхаль Добрынюшка Микитицъ-бладъ,
Другія Ёлешинья Поповицъ-бладъ,
Да ѣдутъ во славенъ во Черниговъ градъ.
Ка городу ѣдутъ не дарогою,
Они въ городъ заѣжжають не варотами,
115. Скачуть черезъ стѣну городовую,

- Ка тимъ-же полатамъ княженевскімъ,
Ко тому ко крыльцю ко прекрасному,
Да скацють-де скоро со добрыхъ коней,
Да вяжутъ своихъ да коней добрыхъ,
120. Ка тому-же столбу да ко дубовому,
За то-же колечико серебряно;
Заходятъ они да на красно крыльцо,
Проходятъ они да во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней во гриню во столовую,
125. А молятце ёни да Господу Богу,
Ёни кресъ кладутъ да по писанному,
Паклонъ-отъ ведутъ да по учёному,
Да кланятце на всѣ четыре стороны:
«Здравствуйшъ, князь Ѡедоръ Черниговской!»
130. — Приходите, удалы добры молодцы!
И куда идите, да куды правитесь?—
«Идемъ ка' ё доброёмъ ё дѣлѣ ё сватовсвѣ,
На твоей-же на любимой на дочери,
На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлой,
135. На той Маремьяны на прекрасной,
За того-же за Ивана за Горденова.
Гаварить-то имъ князь-Ѡедоръ Черниговской:
— Не Иванъ-то поставилъ ишшо плѣночку,
Не Гордену попапа въ плѣнку уточка,
140. Поставилъ плѣнку Васинька Окуловичъ,
Да Васинькѣ попапа въ плѣнку уточка;
Да Васинька Окуловичъ весьма великъ:
Промежду-де плецми его коса сажень,
Промежду-де глазами его цѣлой аршинъ,
145. Да ноги его будто кичижига,
Да руки его какъ сильни граблица,
Да очи его какъ пивны чашица,
Да уши его какъ царски блюдица,
Голова ю него будто пивной котѣль,
150. Да тотъ-же котѣль сорока ведѣръ.—
Говориль-то Добрыня не юподываль:
«Ты ой есь, князь-Ѡедоръ Черниговской!
Ты тѣмъ-то-де насъ нынѣ не юстрашпвай,
Самихъ-же насъ здѣсь трицетъ богатырей,
155. Да сильнихъ русскихъ храбрыхъ воиновъ,

- Ты Chesью намъ дашь, дакъ возьмемъ съ радосью,
Ты Chesью не дашь, мы возьмемъ не Chesью».
Пшоль-то-де князь-Оддоръ Черниговской,
Ко своей онъ ко дочери любимой:
160. «Ты душка-Маринка лебедь-блал!
Идешь-ли за Ивана за Горденова?»
— Не Иванъ-де поставилъ ище плёноцкю,
Не Горденору попала въ плёнку уточка,
Да поставилъ плёнку Васинька Окуловичь,
165. Да Васиньки попала въ плёнку уточка.—
А и тутъ-то князь-Оддоръ осержантце,
Хватилъ-то свою да саблю вострую:
«Ссѣку я тибѣ да по плечь голову—
Нейдешь за Ивана за Горденова?»
170. — Ажъ ты ой еси, батюшка родимой мой!
Я не фду типерече на ихъ коняхъ,
Суреди-же ты мнѣ да своего коня.—
Суредили-же еѣ да ворона коня,
Выходила Маримьяна дочь прекрасная,
175. Садилась она на ворона коня,
Пофхала она да на зелѣны луга,
Ко тимъ ко шатрамъ бллополотненымъ,
Стрѣчатъ-то Иванъ да сынъ Горденовичь,
Берѣтъ-то еѣ да за бллы руки,
180. Сымать еѣ да со добра коня,
Чолуетъ еѣ въ уста сахарныѣ,
Заводитъ еѣ да во-блль шатѣрь.
Пировали, столовали трои сутоцки,
Аттуль молодцы да поворотъ дають,
185. Обирали шатры бллополотнены,
Да скорѣ саянца на добрыхъ коней,
Да фдутъ во стольнѣй славной Кіевъ-градъ.
Да фдутъ ѣни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперецная,
190. Поперецна дорожицка, кровавая,
Да тутъ молодцы остановилисе,
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичь:
«Ты ой есь, Борисъ сударь Горденовичь!
Поѣдъ со своимъ да со десяточкѣмъ,
195. Извѣдай дорожечку кровавую».

- На то-де Борисъ не ётслышалсэ,
Поѣхаль со своимъ да со десяточкѣмъ.
Поѣхали ёни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперечная,
200. Поперецна дорожечька, кровавая,
Да тутъ молодцы остановилися,
Говориль Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, Самсонъ сынъ Калыбановичъ!
Ты поѣдь со своимъ да со десяточкѣмъ,
205. Извѣдай дорожечкю кровавую».
На то-де Самсонъ да не ётслышалса,
А уѣхаль со своимъ да со десяточкѣмъ.
Поѣхали ёни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперечная,
210. Поперецна дорожоцька кровавая,
Да тутъ молодцы остановилисе,
Говориль-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, старой да Илья Муромецъ!
Ты поѣдь со своимъ да со десяточкѣмъ,
215. Извѣдай дорожечкю кровавую».
Говориль-то старой да Илья Муромецъ:
— Ты ой есь, Иванъ сударь Горденовичъ!
Ты оставь сибѣ меньшого слугу паробка.—
Говориль-то Иванъ сударь Горденовичъ:
220. «Поѣзжай со своимъ со всѣмъ десяточкѣмъ».
Говориль-то старой да Илья Муромецъ:
— Ты оставь сибѣ меньшого слугу паробка.—
Скрычалъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Говорять поѣзжай со всѣмъ десяточкѣмъ!»
225. На то-де старой да не ётслышелсэ,
Поѣхаль со всимъ своимъ десяточкѣмъ;
Поѣхаль Иванъ сударь Горденовичъ,
Со душкой-Маринкой лебедь-бѣлою.
Заѣхали они да въ лѣсы тѣмныя,
230. Да тутъ-то они остановилисе,
Раскинули шатѣръ да бѣль-полотненой,
Легли они спать, да опочинъ держать.
Какъ о ту было пору и о то времѣ,
Паѣхаль-де Васинька Окуловичъ,
235. Крычитъ-то Васплей во всю голову:

- «Ты блять-ле, ворона пустопёрая!
Ты та-жо сорока огуменная!
Куда полетѣль по чисту полю?
Да полно те спать, право пора ставать».
240. Ото сну тутъ Иванъ пробужаитца,
Въ одной-де рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ-де чулочкахъ безъ чоботовъ,
Выскакивалъ скоро вонъ на улицу.
Бѣжить-то ко Васиеньки на стрѣту-же.
245. Да ѣдетъ Василей на добромъ конѣ,
Махнулъ-то Василей саблей острою,
На то-же Иванъ да былъ ювертливой,
Подвернулса подъ гриву лошадинную,
Промахнулса-то Васиенька Окуловицъ,
250. Хватилъ-то Иванъ да за русы кудри,
Да сдѣрнулъ его да со добра коня,
На ту-же на матушку сыру землю,
Садилса ему да на бѣлы груди,
Растегивалъ пуговики тальячния:
255. «Ай ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Подай-ко синьжалищю булатенъ-ножь,
Распоротъ-то бы мнѣ да груди бѣлыя,
Пасматрѣть-то бы мнѣ да ретиво сэрцо».
У него у собаки у проклятой,
260. Да во ртѣ языкъ право ворочатца:
— Да душка-Маринка лебедь-бѣлая!
За имъ-то те быть, будѣтъ служанкой слыть,
За мной-то те быть, будѣшь царицой слыть.—
Прибѣжала Маремьяна дочь прекрасная,
265. Попутала Ивана всё Горденова,
Да справилса Васиенька Окуловицъ,
Да скакаль-то Василей на рѣзвы поги,
Прижимали Ивана ко сыру дубу,
Да опутали во путинки шелковыя:
270. «Да тебѣ сырой дубъ да молода жена».
Заходили ёни да нынь во бѣль-шатѣрь,
Да не закинули ю шатра да полу правую,
Легли ёни спать, да ёпочинъ держать.
Во ту было пору и во то времѣ,
275. Прилетѣли изъ чиста поля два голуба,

- Садились ёни да на сыро дубѣ,
На самыя ёни да на вершиночкѣ,
Ювидѣль-го Василей ёнѣ двухъ голубовъ,
Хватилъ ю Ивана право тугой лукъ,
280. Хваталъ его стрѣлоцѣку калѣную,
Натегать-го Васильюшко нонѣ тугой лукъ,
Стрѣлять-го Василей въ этихъ голубовъ,
Не дошедши стрѣла нхѣ поворотъ даѣтъ,
Разлеталася Васинькѣ въ бѣлы груди,
285. Распорола его да груди бѣлыя,
Сомѣшалась его да кровь со печѣню,
Да тутъ-го Василью смерть случиласе.
Выходила Маривьяна изъ бѣла шатра,
Ёна кланяйтца Ивану въ ногу правую:
290. «Прости глупу бабу во первой вѣны». —
Спростай-ко меня да отъ сыра дуба,
Прощаю тебя да во первой вины. —
Роспростала опутинки шелковыя,
Спросталса Иванъ сударь Горденовичъ,
295. Одевайтце ' своё да платье чвѣтное,
Да скорѣ садицца на добра коня,
А дупка-Маринка за имъ-же тутъ.
Поѣхали они да лѣсомъ темнымъ,
Доѣхали они да нонѣ до рѣченъки,
300. Да тутъ-то они остановилисе,
Да слезъ-то Иванъ да со добра коня:
«Ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Захотѣлосе бы мнѣ-ка-ва напитоксе,
Ты подай-ко-ся мнѣ воды ключавоюй».
305. Слезоваѣтъ Маривьяна со добра коня,
Берѣтъ-то Иванъ да саблю вострую,
Атсѣкъ онъ у ей да поколѣнъ-ноги:
«А эти мни ноги-ти не надобно,
Со поганымъ татаринномъ оплеталисе».
310. Отсѣкъ онъ у ей да полокѣтъ руки:
«Да ёти мнѣ ручишша не надобно,
Со поганымъ тотаринномъ обнималисе».
Отсѣкъ онъ у ей да носъ-отъ съ губами:
«Эти мнѣ губишша не надобно,
315. Со поганымъ тотаринномъ чѣловалисе».

Умываль-то Иванъ да руки бѣлыя,
Уѣхаль въ пещеры во великія,
Да началъ Иванъ Багу (такъ!) малиттсе.

81.

Скопинъ.

- Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владыміра,
Родилось у его да чадо милоѣ.
Со той-же со радости великоюй,
5. Завѣлся ю князя-то почесенъ пирь,
Пра многихъ князей да многихъ бояровъ,
Пра тихъ-же мѣщанъ 'ся городовыхъ,
Пра тихъ-же купцей людей торговыхъ,
Да всѣ на пире пьяны-веселы,
10. Да всѣ на пире потѣшаютце,
Ростѣшилса солнышко Владыміръ-князь,
Онъ пагуливалъ по гриденки па свѣтлоей,
По той-же по середи кѣрпичатой.
А рѣзвыма ногами ѣнъ постушываль,
15. Бѣлыма руками прирозмахиваль,
Изъ рѣцей-то Владыміръ выговариваль:
«Ты ой есь, княгиня да мать Апраксія!
Намъ каго-же поставити въ кумушки?»
Говорить-то княгиня мать Апраксія:
20. — Надь-бы съѣздитъ во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Позвать удала добра молаца,
А Скопина-ли Михаила сына Ивановича,
Его-же поставити во кумушки.—
25. «Кого-же послати въ Малу Галичу?»
— Послатъ намъ Добрынюшку Микитиця,
А Добрынюшка Микитиць онъ крестовой братъ,
А послушатъ Скопинъ своего крестовушка.—
Говорить-то нашъ солнышко Владыміръ-князь:
30. «Ожъ ты ой есь, Добрынюшка Микитиць бладь!
Ты съѣзди во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,

- Позови-ко юдала добра молоцца,
Ко князю его да всё во кумушки».
35. На то-де доброй молодець не ётслышалсэ,
Да сталь-то Добрынюшка срежатисе,
Скоре-де того онъ сподоблеитце,
Уздаеть, сѣдлаеть коня доброго,
Ёнъ скорé садитца на добра коня,
40. Онъ поѣхаль во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Ко тимъ-же ко теремамъ высокіемъ,
Ко тимъ-же окошечкямъ косявчатымъ,
' тому-же крылечушку прекрасному.
45. Да скоро-де слазить доброй молодець,
Да скоро-де слазить со добра коня,
Да вязкотъ своего коня доброго,
' тому-же столбу да ко дубовому,
За то-же колечушко серебряно,
50. Заходитъ Добрыня на красно крыльцо,
Проходитъ Добрыня во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней во гриню во свѣтлую,
Да молитце Добрыня Господу Богу,
Онъ и крестъ-отъ кладётъ да по писанному,
55. Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
Ёнъ кланятца на всѣ четыре стороны,
Сидить-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопину родна матушка?»
— Я снaju-то его вѣрна служаноцька.—
60. «Да гдѣ-же Скопина родна матушка?»
— Проходи тамъ вперёдъ да во свѣтлу гриню.—
Проходитъ Добрынюшка Микитиць бладь,
А молитца Добрыня Господу Богу,
Ёнъ крестъ-отъ кладётъ по писаному,
65. Поклонъ-отъ ведётъ по учёному,
Ёнъ кланетце на вси четыре стороны,
Сидить-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопина родна матушка?»
— Проходи тамъ вперёдъ да во свѣтлу гриню.—
70. Проходитъ Добрынюшка Микитиць бладь,
Да молитца Добрыня Господу Богу,
Да кланятца на всѣ четыре стороны:

- «Да здравствуй, мой названушко крестовой брать!»
— Да здравствуй, Добрынюшка крестовой брать!—
75. Да скоро скочилъ да на рѣзвы ноги,
Верётъ-то его да за бѣлы руки,
Да хочеть онъ дѣлать пиръ великйя,
Да ради своего онъ крестовушка.
«Отъ ты ой есь, названой мой крестовушко!
80. Скопинъ-ле Михайло сынъ Ивановичъ!
Нельзя мнѣ сидѣти на чесномъ пирѹ,
Я посланъ тебѣ да на ускóрую,
Ётъ ласкова князя отъ Владымира,
Зовуть-го тебя ёни во кумушки».
85. Приходитъ юдалой доброй молодець,
Скопинъ-ле Михайло сынъ Ивановичъ,
Ка сваей ко матушкѣ родимоей,
Ёнъ кланяетца ей да во рѣзвы ноги:
«Ой моя, маменька родимая!
90. Чесная вдова благочестивая,
Спусти мя во стольнѣй славной Кіевъ-градъ,
А мнѣ дай благословенье великое».
— Не дамъ благословенье великое,
Итти тибѣ, ѣхать въ стольнѣй Кіевъ-градъ.
95. А ты-же во хмелю да не сурядиной,
Тамъ злыя бояришка подмолвщники,
Касабрюхиѣ воры, подговорщики.—
Однако-же кланятца въ рѣзвы ноги:
«Ты ой моя, матушка родимая!
100. Чесная вдова благочестивая!
Ожъ не дашъ благословенья великого,
Поѣду-же, поѣду въ стольнѣй Кіевъ-градъ».
Ёднако-же дала благословеньицо,
Съ буйной-де главы и до сырой земли,
105. Да стали молодцы да нынъ срезкатисе,
Скорей-же того да сподобляютце,
Уздаётъ, сѣдлаётъ коня доброго,
Онъ и скоре саница на добра коня,
Да ѣдутъ во стольнѣй славной Кіевъ-градъ,
110. Ко ласкову князю на почесень пиръ.
Окрестили, молитвили бладенея,
Ставаль-то Скопинъ да ёнъ во кумушки,

- Со той-же Скурлатой со Малютиной,
Выходили ёни да изъ Божьей церкви,
115. Ко ласкову князю на почесенъ пирь,
Да всѣ на пиру напивалисе,
Да всѣ на чесномъ да похваляютце,
Изъ ума-де Скопинъ да выпиваитце,
Во хмелю-де Скопинъ да похваляитце:
120. «Да много Скопинъ да по землямъ бываль,
Да много Скопинъ да городовъ бираль,
Не боялся Скопинъ да сорока полковъ,
Сорока-де полковъ, да сорокъ тысяцныхъ,
Я Малюту-царя да во полонъ бираль,
125. Я Малютину дочь держаль парукою,
Парукою держаль я, полюбовницей,
На остаткахъ далъ князю во служеньице».
И та-же Скурлата дочь Малютична,
Спускаетца она да во глубокъ погребъ,
130. Выносила-ле цару зелья лютого,
По краямъ-то-ле цары какъ ключи кнпятъ,
На середка-де цары да огонь горить.
Онъ и пьетъ, Скопинъ, цару за единой духъ,
Скатилося съ плечъ голова какъ пуговица,
135. Сидить-то Скопинъ да не по прежнему.
Подхватили Скопина сына Михайловича,
Да садили его да на добра коня,
Да везли-бы его къ матушкѣ родимой;
Да встрѣчала его матушка, горько плакала,
140. Похоронила она сына своего любимого.
Да та его матушка родимая,
Да зла паленица преудалая,
Выходила ёна да вонъ на улицу,
Суредила ёна да коня доброго,
145. Да скоре садница на добра коня,
Да ѣдетъ во стольней славной Кіевъ-градъ,
Ко тимъ же полатамъ княженевскимъ,
Крычитъ подъ окошечкомъ косявчатымъ:
«Подайте-тка мнѣ да виноватого!»
150. Отвѣчаютъ тамъ-де слуги вѣрныя:
— Виноватого въ домъ не лучилосе,
Отлучилса виноватой во чисто полѣ.—

- Ажъ тутъ Маривьяна поворотъ даётъ,
А ѣдетъ она да во чисто полѣ,
155. Выѣхала на горы на высокія,
Да зрить-то, смотритъ да во вси стороны,
Завидѣла во полѣ шатѣрь стоитъ,
Стоитъ-то шатеръ да чернobarхатной,
Она ѣдетъ ко шатру какъ чернobarхатну,
160. А берѣтъ-то-ле стрѣлочкю каленую,
Откинѣтъ у шатра да полу правую,
Да спитъ тутъ Скурлата дочь Малютична:
«Ставай-ко, Скурлата дочь Малютична!
Да полно те спать, право пора ставать».
165. Ото сну-то Скурлата просыпайтца,
Выходитъ ёна да вонъ на улицу,
Берѣтъ Маревьяна нынъ востро копѣ,
Втыкаѣтъ тупымъ концемъ въ сыру землю,
Берѣтъ-то Скурлату дочь Малютичну,
170. Посадила ей ж. . й на востро копѣ,
Да тутъ-то Скурлаты смерть случилосе,
А оттуль Маривьяна поворотъ даётъ.

20. Безумовъ Степанъ Алексѣевичъ.

Черный, низкорослый, плечистый, истый типъ пустозера; ему 53 года, живетъ бѣдно, кромѣ промысла рыбы занимается еще чеботарствомъ, былъ въ солдатахъ. Знаетъ онъ, по его словамъ: Дуная, бой Добрыни и Дуная, женитьбу Алеши на добрыниной женѣ, Ваську Окулова, но мнѣ согласился пѣть только горе и то послѣ долгихъ упрашиваній; - былъ сильно навеселѣ, почему старина и спѣта не особенно гладко.

82.

Горе.

Ужъ ты зла лиха свекровоцька неласкова,
Не давала снохи она не жить, не быть,
Не давала снохи она не псь, не пить;
Какъ случилось молоцу да ' полѣ ѣхати,

5. Какъ во ту во дорожку во дальнюю,
Да во дальнюю дорожку незнакомую;
Какъ во то-де времѣ, во ту пору,
А какъ зла лиха свекровушка неласкова,
Овернула ей сноху теперь березонькѣй,
10. Прутья-лисъя у березки серебряныя,
А вершинка у березки позолочена.
Какъ послѣ того было, послѣ этого,
Случилось молодцу да туды ѣхати:
«Какъ не горюшко-де мнѣ да показалось,
15. А несчастыицо-ли мнѣ да повстрѣчалосе».
А во ту было пору, во то времичкѣ,
Какъ задумалъ молодецъ ѣхать къ березонькѣ,
Обнажилъ онъ свою да саблю вострую,
Во своемъ умѣ теперь парень раздумывать:
20. «Какъ несчасье видно мнѣ да пострѣчалосе,
Какъ великое горѣ привязалосе,
Отсѣку я у березоньки вершиночку».
Не успѣлъ молодецъ да слово вымолвить,
Какъ-де свиснула его да могуча рука,
25. Какъ отсѣкъ онъ со березоньки вершиночку,
Во своемъ умѣ дѣтинушка раздумывать:
«Какъ несчасье видно мнѣ да повстрѣчалосе,
Видно горюшко велико привязалосе».
Поворачивалъ конѣмъ да какъ лютымъ звѣрѣмъ,
30. Полетѣлъ на конѣ въ чисто въ раздольицо,
Ка ' своему-де прекрасному широку двору,
Не доѣхавши ' крылечку ко прекрасному,
Крычить-ли, зычить да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ въ ой еси, нянюшки, всѣ мамушки!
35. Всѣ придворные мои да вы служаночки!
Выходите-ко теперь да на красно крыльцо».
Услыхали-де мои няньки, мамушки,
Какъ придворные мои да всѣ служаночки,
Выбѣгали-де скоро на красно крыльцо,
40. И стрѣчали удала добра молодца,
Какъ сидить-то удалой на добромъ конѣ,
Говорить очунь смѣлы строковы (такъ!) слова:
«Ужъ вы всѣ-то теперь мои нянюшки
Ужъ-вы всѣ мои придворные служаночки!

45. Какъ-же всё-то теперь меня встрѣчаютъ,
Уже гдѣ-же нынѣ тепере дорога семья?
Дорога моя семья, да дорога жена?
Не встрѣчаетъ меня да добра молодца,
Какъ трудна-ли, больня, да во постель легла?
50. Или отошла она во бгробы (такъ!)?»
Выходила родимая моя маменька,
Говорила она да таково слово:
— Ужъ ты ой еси, моё чадо милое!
А да зла твоя жена да змѣя лютая,
55. Отошла она злодѣйка во чисто полѣ,
Овернулася она да тамъ березонькѣй,
Штобы прутьѣ-де, лисѣ серебреноѣ,
А вершинка у берѣзки позолочена,
Овернулася она да тамъ березонькой,
60. Какъ безъ вѣтру-то ее штобы шататися,
Прутьѣмъ, лисѣмъ по земли да растплатися.—
Говорить на то удалой доброй молодець:
«Ужъ ты ой еси, маминька родимая!
Зла лиха волшебница неласкова!
65. Не сама вѣдь овернулася березонькѣй,
Обернула ты-де зла лиха волшебница,
Ты родимая моя да родна матушка,
Ужъ ты бляти вѣдьма стольнѣ-Кіевска!
Я отсѣкъ на дорожечки березоньку,
70. Отсѣку я у тебя да буйну голову». —
Какъ соскакивалъ удалой доброй молодець,
Со своего коня да онъ со добраго,
Забѣгаѣтъ удалой въ нову горницу,
Онъ садился на крутой да нынѣ ремещать стуль,
75. Онъ-де смотритъ въ окошечкѣ косявчато,
Какъ во ту-же околѣнку стекляннуну,
Во своемъ умѣ дѣтина природзумалса:
«Какъ-де матушку я кончилъ саблей вострою,
Ажъ отсѣкъ я у березоньки вершиночку,
80. Хоша взялъ-бы я теперъ сибѣ другу жену,
Не натти и не купить мнѣ родной матери.—
А несчасѣ видно мнѣ-ка повстрѣчалоса,
А великое видно горе привязалоса.
А умѣлъ молодець да горѣ мыкати,

90. Какъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
А садилса молодецъ да на добра коня,
Полетѣлъ молодецъ да по чисту полю,
А какъ горюшко его да переди бѣжитъ,
Какъ де-лютымъ звѣришкомъ какъ-де львовишкомъ;
95. А хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
А хотѣлъ люта-звѣря онъ конѣмъ стоптатъ,
Онъ хотѣлъ люта-звѣря онъ копьѣмъ сколотъ,
А не могъ люта-звѣря всё избѣгнуть.
Овернулса молодецъ да яснымъ соколомъ,
100. Полетѣлъ молодецъ да по поднебесью,
Какъ-де горюшко лѣтитъ да переди его,
Какъ немудрою птицою сорокою;
Онъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
Онъ хотѣлъ-де молодецъ ее настигнути,
105. Онъ хотѣлъ-де молодецъ схватить въ свой когти,
Да не могъ его, горюшка, избегнути;
Овернулса-де соколъ да рыбой щукою,
Онъ спустился молодецъ да во синѣ морѣ,
Онъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
110. Какъ-де горюшко бѣжитъ да переди его,
Какъ немудрою рыбинкой сорогою,
Онъ хотѣлъ эту рыбинку настигнути,
И хотѣла эта щука всё сглонуть её,
Не могла-де эта щука поймать её,
115. А не могъ молодецъ горя избѣгнуть.
Выходилъ молодецъ да во чисто полѣ,
Выходилъ онъ на прекрасенъ крутой бережокъ,
Овернулса молодецъ да сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ молодецъ да по чисту полю,
120. Какъ-де горюшко бѣжитъ да переди его,
Не добрымъ зверкѣмъ да зачкѣмъ;
Овернулса молодецъ да горносталячникомъ,
Побѣжалъ молодецъ да по подземелью,
Какъ-де горюшко его да переди бѣжитъ,
125. Какъ немудрыми звѣрькѣмъ бѣжитъ гусиною,
Какъ не могъ молодецъ горя избѣгнуть.
Выходилъ молодецъ да изъ подземелья,
Какъ-де горюшко идѣтъ да переди его,
Оно тонко, жидко, да пережѣмисто,

130. Лыкомъ-де горѣ подпоясалось,
А идѣтъ надомной да колыхаитце,
Надомною-де надъ молодцомъ подсмѣхаитце,
И велитъ молодцу да бити-грабити,
Штобы за то молодца штобы повѣсили.
135. Во ту было пору и во то время,
Случилась молодцу да скоро смерточка,
А да горюшко-то взяло топорѣнышко,
Да взяло нынь-де горюшко гробѣнушко,
Хоронило молодца да во сыру землю,
140. Стало горюшко молодчика оплакивать:
«Какъ худому-де горе не привяжитце,
Вѣрно умѣлъ молодець да горѣ мыкати».

21. Дитятева Парасковья Ивановна.

Сестра Алескѣя Ивановича Дитятева, также слѣпая, знаетъ старины: первая поѣздку Ильи Муромца, Фатенко, Потыкъ, Чурило и невѣрная жена, Васька Казиміровъ, 40 каликъ. Поетъ пріятнымъ голосомъ, но не твердо.

83.

Небылица.

- Старину я спою да стародавносью,
Старика я свежу и со старухою;
Ищэ это-ли вамъ братцы, не чудишшо,
Ищэ это-де вамъ, братцы, не диковина,
5. Юже я-то-те вамъ да почудне скажу,
Почудне-де скажу и подиковисьне:
Какъ медвѣдь-отъ летѣлъ да по поднебесью,
Онъ вѣдь ниже летѣлъ облаковъ ходячихъ;
Ищэ это вамъ, братцы не чудницо,
10. Ищэ это-де вамъ, братцы, не диковина,
Уже я то-де вамъ да почудне скажу,
Почудне-де скажу, да подиковисьне:
Какъ завидѣли щуку въ Бѣломъ озерѣ,
Вотъ задумали щуку ей ловити-жо,

15. Вотъ вѣдь вытонули щуку ей на вѣшну льдину,
Какъ-де вѣшна-то льдина отъ ей ломается,
Вся осѣнна вода да сколыбалася,
Со краю-то на край да соравнялася,
Да немала-невелюка щука—девеносто пудъ;
20. Ищѣ это-де вамъ, братцы, не чуднищю,
Ищѣ это-де вамъ, братцы, не диковина,
Ищѣ я то-де вамъ да почудне скажу,
Почудне-то скажу да подиковисъне:
Какъ телятъ она хватать, да жеребятъ глотать,
25. Ищѣ мелкихъ робятъ мечеть за щеку.

ХІ. ДЕРЕВНЯ БѢДОВАЯ.

22. Марковъ Павелъ Григорьевичъ.

Это худенькій, маленькій, тщедушный старичокъ 76 лѣтъ, типичный пустозерь: говоритъ теноркомъ, сладкимъ пѣвчимъ голосомъ. Онъ сирота, т. е. бѣденъ, а также и вдовъ, родомъ изъ деревни Бѣдовой, гдѣ и прожилъ всю жизнь, но я его встрѣтилъ и старины у него списалъ въ селѣ Оксинѣ, гдѣ онъ домовничалъ у родной дочери, которая со своимъ мужемъ отправилась „промышлять“ въ Печорскую губу. Зять такой-же бѣднякъ, и вотъ П. Г. живетъ на краю села въ маленькой избушкѣ, возится съ двумя внучатами, присматриваетъ за коровой, которую и кормитъ и доитъ самъ; за это онъ получаетъ бесплатную квартиру съ дровами и, кажется, хлѣбъ отъ зятя, а на приварокъ зарабатываетъ тѣмъ, что пускаетъ и въ безъ того маленькую хибарку, гдѣ живетъ, еще квартирантовъ, плотниковъ-зырянъ, строящихъ что-то въ Оксинѣ и варитъ имъ пищу. Павелъ Григорьевичъ очень религіозенъ и яро настроенный старообрядецъ, Бѣдовая—единственная деревня въ Пустозерской волости, гдѣ расколъ держится открыто и извѣстенъ оффиціально; потому-то эту, единственную большую овцу въ „православномъ“ пустозерскомъ стадѣ усердно навѣщаетъ миссіонеръ, и потому-то, можетъ быть,

Пав. Григ. такъ яро настроенъ: онъ положительно не можетъ говорить равнодушно о Никонѣ, объ Аввакумѣ; послѣдняго онъ прекрасно знаетъ и называетъ не иначе какъ „Аввакумъ Петровичъ“, и много, подробно и съ жаромъ о немъ рассказываетъ. Старины П. Г. знаетъ прекрасно, и довольно легко и охотно согласился пѣть мнѣ ихъ, совершенно неожиданно найдя въ этой нетрудной для него работѣ кой какой заработокъ. Какъ и многіе изъ моихъ сказителей П. Г. во время пѣнія старинъ, что нибудь дѣлалъ, обыкновенно или ткалъ нитки для сѣти, или вязалъ эту самую сѣть.

П. Г. знаетъ слѣдующія старины: Дунай и женитьба Владиміра; Алеша Поповичъ, Екимъ-паробокъ и Тугарище; Иванъ Горденовъ; Василій Игнатьевъ; Василій Казиміровъ; Василій Турецкій (Окуловъ) и Соломанъ; Василій Буслаевъ—двѣ старины; Садко; Иванъ Грозный и сынъ Ѳедоръ; Кострюкъ; знаетъ П. Г. и стихи: Алексѣй человекъ Божій, Агрикъ, про Святителя Николу, распятіе Христа и др. прекрасно знаетъ кромѣ того пѣсни всяческія, начиная отъ хоропроводныхъ, до величальныхъ (Виноградье) и дѣтскихъ (Коляда).

84.

Вольга Всеславьевичъ.

- Когда на небѣ родился свѣтѣль-мѣсець,
Тогда на Руси родился могучь-богатырь,
Молоды Вольга Всеславьевичъ;
Рыба отступила во морску глубину,
5. Всѣ слышамши на Руси багатыря
Молодого-бы Вольгу Всеславьевича;
Птица солеталась по поднебесью,
Всѣ слышачи на Руси багатыря
Молодого Вольга Всеславьевича;
10. Тонки горностали—во сыру землю,
Всѣ слышачи на Руси багатыря,

- Молодого Вольюю Всеславьевича;
Да буры лесицы по тёмнымъ лѣсамъ,
Всѣ слышачи на Руси багатыря,
15. Молодого Вольюю Всеславьевича.
Да втапоры Волыина матушка,
Ходила она по всимъ церквямъ,
Служила молебны почесныя,
Въ первыхъ просила нынь у Господа:
20. «Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому Волыи Всеславьевичу,
Да тулово ему-бы Светогорого»;
Въ другихъ-бы просила нынь у Господа:
«Да сила Самсона Колыбановиця;
25. Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому Волыи Всеславьевичу,
Да конь-бы Ильи, да Ильи Муромца;
Да' Богъ моему-де чаду милому,
Молодому Волыи Всеславьевичу
30. Кафтанъ-бы ему Дюка Стѣпановиця;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Сапожки Чурила-бы Плѣнковича;
Да' Богъ моему да чаду милому,
35. Молодому-бы Вольиѣ Всеславьевичу,
Шапка Кузѣнка Сибирчаженина;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Рукавичи Казарина Петровиця;
40. Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Смѣтка Олѣши нынь Поповича;
Да' Богъ моему да цяду милому,
Молодому-бы Вольиѣ Всеславьевичу,
45. Вѣшво Добрынюшки Микитиця.
Да втопоры Вольиѣ Всеславьевичѣ,
Училса-бы въ вольнѣмъ морѣ щукой ходить,
Училса-бы по поднебесью птицею летать,
Училса-бы по полю лютымъ звѣремъ рыскати.

85.

Олеша Поповичъ, Екимъ парбокъ и Тугаринъ.

Изъ далече-далече, изъ чиста поля,
Туть ѣдутъ удалы два молодца,
Ѣдутъ конь-о-конь, да сѣдло-о-сѣдло,
Уздѹ-о-узду да тосмянную,

- 5 Да сами межъ собой разговариваютъ:
«Куды намъ вѣдь, братцы, ужъ какъ ѣхать будѣтъ?
Намъ ѣхать, не ѣхать намъ въ Суздаль-градъ?
Да въ Суздаль-градѣ питья много,
Да будѣтъ добрымъ молодцамъ испропитисе,
- 10 Пройдѣтъ про насъ славушка недобрая;
Да ѣхать, не ѣхать въ Черниговъ-градъ?
Въ Черниговѣ градѣ дѣвки хороши,
Съ хорошими дѣвками спознатца будѣтъ,
Пройдѣтъ про насъ славушка недобрая;
- 15 Намъ ѣхать, не ѣхать во Кіевъ-градъ?
Да Кіеву городу на оборону,
Да намъ добрымъ молодцамъ на выхвальбу».
Пріѣзжаютъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому-жо ко князю ко Владиміру,
20. Ко той-жо ко гриденки ко свѣтлой,
Ставаютъ молодцы да со добрыхъ коней,
Да мецютъ коней своихъ невязаныхъ,
Некому-то коней да неприказанныхъ,
Некому-то до коней да право дѣла нѣтъ,
25. Да лязятъ во гриденку во свѣтлую,
Да крестъ-отъ кладутъ-де по-писаному,
Поклонъ-отъ ведутъ да по-учѣному,
Молитву творятъ да всё Ісусову,
Они бьютъ челомъ на вси чотыри стороны,
30. А князю съ княгиней на особинку:
«Ты здраствуй, Владиміръ стольнокіевской!
Ты здраствуй, княгина мать Апраксія!
Говоритъ-то Владиміръ стольнокіевской:
— Вы здраствуй, удалы добры молодцы!
35. Вы какой-жо земли, какого города,
Какого отца, да какой матушки?

- Какъ васъ молодцовъ да именёмъ зовуть?—
Говорить тутъ удалой доброй молодець:
«Миня зовуть Олѣшой нынѣ Поповицёмъ,
40. Попа-бы Левонтя сынъ Ростовскаго,
Да другой-отъ Екимъ Олѣшинъ паробокъ».
Говорить тутъ Владимиръ стольнокиевской:
— Давно про ты вѣсточка прохаживала,
Случилосе Олѣшу въ очи видѣти;
45. Да пѣрво те мѣсто да подлѣ меня,
Друго тибѣ мѣсто супротѣвъ меня,
Третье тибѣ мѣсто—куды самъ ты хошь.—
Говорить-то Олѣшинька Поповицъ-отъ:
«Не сѣду я въ мѣсто подлѣ тибя,
50. Не сѣду я въ мѣсто супротѣвъ тибя,
Да сѣду я въ мѣсто куды самъ хоцю,
Да сѣду на пецьку на муравленку,
Подъ красно хорóшо подъ трубно окно».
Немножко поры-де миновалосе,
55. Да на пету гриня отпиралосе,
Да лазать-то цюдо поганое,
Собака Тугаринъ былъ змѣвничъ-отъ;
Да Богу собака не молитче,
Да князю съ княгиной онъ не кланетче,
60. Князьямъ и боярамъ онъ челомъ не бѣтъ;
Вышина у собаки видъ ужъ трѣхъ сажонъ,
Ширина у собаки видъ двухъ охватъ,
Промежу ему глаза да калена стрѣла,
Промежу ему ушей да пядь бумажная;
65. Садилса собака онъ за дубовъ столъ,
По праву руку князя онъ Владимѣра,
По лѣву руку княгины онъ Апраксѣи;
Олѣшка на запечѣ не ўтерпѣлъ:
«Ты ой есь, Владимѣръ стольнокиевской!
70. Али ты съ княгиной не въ любѣ живешь?
Промежу вамп чудо сидитъ поганое,
Собака Тугаринъ-отъ Змѣвничъ-отъ».
Принесли-то на столъ да какъ бѣлу лебедь,
Вынималь-то собака свой булатенъ ножъ,
75. Поддѣль-то собака онъ бѣлу лебедь,
Онъ кинулъ собака ей себѣ въ гортань,

- Со щекн-то на щеку перемётывать.
Лебёжьё косьё да вонъ выплётывать,
Олѣша на запечѣ не ўтерпѣль:
80. «У моего у свѣта у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Быль старо собачишшо дворовоё,
По-подстолью собака волочиласе,
Лебежею косью задавилосе,
85. Собаки Тугарину не минутъ того,
Лежать ему во далечѣ въ чистомъ полѣ».
Принесли-то на столъ да пирогъ столовоѣй,
Вымалъ-то собака свой булатенъ ножъ,
Поддѣль-то пирогъ да на булатенъ ножъ,
90. Онъ кинулъ, собака, себѣ въ гортанъ,
Олѣшка на запечѣ ўтерпѣль:
«У моего у свѣта у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Было старо коровишшо дворовое,
95. По двору-то корова волочиласе,
Дробиной корова задавиласе,
Собаки Тугарину не минутъ того,
Лежать ему во далечемъ чистомъ полѣ».
Говоритъ-то собака нынѣ Тугаринъ-отъ:
100. «Да што у ты на запечѣ за смердъ сидитъ,
За смердъ-отъ сидитъ, да за засельщина?»
Говоритъ-то Владиміръ стольнокиевской:
— Не смердъ-отъ сидитъ, да не засельщина,
Сидитъ руськѣй могучѣй да бѣгатырь,
105. А по имени Олѣшинькя Поповичъ-отъ.—
Вымалъ-то собака свой булатенъ ножъ,
Да кинулъ собака ножъ на запечѣ,
Да кинулъ въ Олѣшиньку Поповицъ;
У Олѣши Екимушко подхвадчивъ былъ,
110. Подхватилъ онъ вѣдъ ножицѣкъ за черешокъ,
У ножа были припѣи нынѣ серебряны,
По вѣсу-то припѣи были двѣнадцеть пудъ.
Да сами они-де похваляютца:
«Здѣсь у насъ дѣло заѣжжое,
115. А хлѣбы у насъ здѣся завозныя,
На винѣ-то пропѣмъ, хотъ на калачѣ проѣдимъ».

- Пошоль-то собака изъ за столъя вонъ,
Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Ты будь-кѣ, Олѣша, со мной на полѣ».
120. Говорить-то Олѣша Поповиць-отъ:
—Да я съ тобой съ собакой хотъ топере готовъ.—
Говорить-то Екимушко да парубокъ:
«Ты ой есь, Олѣшинья названой братъ!
Да самъ-ли пойдѣшь, али миня пошлѣшь?»
125. Говорить-то Олѣша нынъ Поповиць-отъ:
—Да самъ я пойду, да не тибя пошлю,
Да силы у тя дакъ есь вѣдь съ два миня.—
Пошоль-то Олѣша пѣшъ дорогою,
Настрѣту ему идѣтъ названой братъ,
130. Названой-отъ братъ идетъ Гурьюшко,
На ногахъ несѣтъ поршни кабанъ-звѣря,
На главы несѣтъ шелонъ, земли греческой,
Во рукахъ несѣтъ шолыгу подорожную,
По вѣсу была шолыга девеносто пудъ,
135. Да той-же шолыгой подпиратца,
Говорить-то Олѣшинья Поповиць-отъ:
«Ты здравствуй, ты мой ты названой братъ!
Названой ты братъ да вѣдь ужъ Гурьюшко!
Ты дай мнѣ-ка поршни кабанъ звѣря,
140. Ты дай мнѣ шолонъ земли греческой,
Ты дай мнѣ шолыгу подорожную».
Наложилъ Олѣша поршни кабанъ звѣря,
Наложилъ Олѣша шолонъ земли греческой,
Въ руки взялъ шолыгу подорожную,
145. Пошоль-то Олѣша пѣшъ дорогою,
Да этой шолыгай подпиратце,
Онъ смотрѣлъ собаку во чистомъ полѣ,
Летаѣтъ собака по-поднебесью,
Да крылья у коня ноньце бумажноѣ.
150. Онъ втапоры Олѣша сынъ Поповиць-отъ,
Онъ молитця Спасу Вседержителю,
Чудной Мати Божей Богородици:
«Ужъ ты ой еси, Спасъ да Вседержитель нашъ!
Чудная естъ Мать да Богородиця!
155. Пошли Господъ съ неба крупна дожджа,
Подмочи Господъ крыльѣ бумажноѣ,

- Опусти Господь Тугарина на сыру землю». Олёшина мольба Богу доходна была, Послалъ Господь съ неба крупна дожджа,
160. Подмочилось у Тугарина крыльё бумажноё, Опустилъ Господь собаку на сыру землю; Да ѣдѣтъ Тугаринъ по чисту полю, Крычитъ онъ, зычитъ да во всю голову: «Да хошь-ли Олёша я конѣмъ стопчу?»
165. Да хошь-ли Олёша я копьемъ сколю? Да хошь-ли Олёша я живкомъ зглону?» Нато-де Олёшинька вѣдь вѣртокъ быть, Подвернулса подъ гриву лошадиную, Да смотритъ собака по чисту полю,
170. Да гдѣ-де Олёша нынѣ стопталь лежитъ; Да втапоры Олёшинька Поповиць-отъ Выскакивалъ изъ подъ гривы лошадиной, Онъ машотъ шолыгой подорожную По Тугариновой-де по буйной головы,
175. Покатилася голова да ' плецъ какъ пуговиця, Свалилось трупѣ да на сыру землю. Да втапоры Олёша сынъ Поповиць-отъ, Имаѣтъ Тугаринова добра коня, Лѣвой-то рукой да онъ коня дѣржитъ,
180. Правой-то рукой да онъ трупѣ сѣкѣтъ, Россѣкъ-то трупѣ да по мелку часью: Розметаль-то трупѣ да по чисту полю, Поддѣль-то Тугаринову буйну голову, Поддѣль-то Олёша на востро копьѣ,
185. Повѣзь-то ко князю ко Владимиру, Привѣзь-то ко гриденкѣ ко свѣтлой, Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи: «Ты ой есь, Владиміръ стольнѣ-Кіевской! Буди нѣтъ у тя нынѣ пивна котла,
190. Да вотъ-те Тугаринова буйна голова; Буди нѣтъ у тя дакъ пивныхъ большихъ чашъ, Дакъ вотъ те Тугариновы есны оци, Буди нѣтъ у тя да большихъ блюдишшовъ, Дакъ вотъ те Тугариновы больши ушишша».

86.

Дунай *)

- ...Выходили удалы добры молодцы,
Выходили молодцы да вонъ на улицу,
Сѣдлали, уздали-бы добрыхъ коней,
Во ту-же узду да во тосмянную,
5. Во то-же сѣдлышко тоцѣное,
Двенадцеть кладуть-то подпругъ шолковыхъ,
Тринадцету кладуть черезхребѣтную,
Не ради басы, всё ради крѣпости,
Ради прытости лошадиной,
10. Не оставиль-бы доброй конь въ чистомъ полѣ;
Не видѣли поѣзки богатырскойей,
Только видѣли ихъ, какъ въ стремена ступили,
Скопѣтили желты пески сыпучія:
Не видно ходеча красна солнышка.
15. Они долго-ли ѣхали, коротко-ли,
Не дошодъ было города Леховитского,
Становились молодцы да во чисто полѣ,
Говорить-то Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ты ой еси, Добрынюшка Микитиць-бладь!
20. Останся ты этта во чистомъ полѣ,
Оставляю я те да нынъ промѣтоцкю:
Поставлю копя я вверхъ тупымъ кончѣмъ,
Положу на копейчо я копеечку,
Да ту-же копеечку серебряну;
25. Когда это копейчо да зашатаице,
Потемнитъ-бы копеечка серебряна,—
Я буду у казни у смертнойей,
Гони ты Добрыня скоро-наскоро,
Заставай меня живого добра молодца».
30. Да поѣхаль Дунай въ городъ Леховицкія,
Ко тому-же Семѣну Леховитскому,

---

*) Былина записана не съ начала: описаніе пира Владиміра со всѣми рѣ-
чами его и его богатырей о холостой жизни выпущено: тоже самое читатель
можетъ найти въ «Дунаѣ» сѣтомъ мѣ Д. К. Дуркиннмъ.

- Приѣзжаетъ ко городу Леховитскому,
Ко той-же ко гриденки ко свѣтлоей,
Ставаётъ Дунай да со добра коня,
35. Онъ лазитъ во гриденку во свѣтлую,
Да Богу молитце у ихъ некому,
Только бьётъ челомъ на вси чотыри стороны,
Самому-то Семёну на особинку:
«Ты здраствуй, Семёнъ да Леховитскія!»
40. — Ты здраствуй, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Куды-то ты ѣдешь, куды путь держишь?
Кабы мнѣ-ка ты приѣхалъ въ услуженьице?—
Говоритъ-то Дунай-да сынъ Ивановицъ:
«Не тебѣ я приѣхалъ въ услуженьице,
45. Приѣхалъ я къ те да нынъ посвататце,
На той Опросеньи дочь Семёновны,
За того-же-ли князя за Владымира».
Говоритъ-то Семёнъ да Леховитскія:
— Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановицъ!
50. Не стара заслуга твоя прежняя,
Отсѣкъ-бы у тя я по плечь голову.—
Говоритъ-то Дунай и во второй наконъ,
Говоритъ-то Дунай да не съ упадкою,
Онъ топнулъ-то правой ногой во кирпичатъ полъ,
55. Подрожали полаты кнеженевскія,
Да самъ говоритъ-де таковы рѣци:
«Отдашь буди чесью, возьму съ радостью,
Не отдашь буди чесью, возьму нѣчесью:
Мы всё твоё царсво подъ мець выклонимъ,
60. Заморимъ мы тя въ злодѣйскъ земляной тюрьмы».
Да тутъ-бы Семёнъ да осержантце,
Скакаль-бы Семёнъ да на рѣзвы ноги,
Выбѣгалъ-бы Семёнъ да вонъ на улечу,
Играль-бы Семёнъ да онъ во турей рогъ,
65. Нагонилъ силы многимъ множество,
Сохватали удала добра молодца,
Свезали во пѣтенки шелковыя,
Садилы на телѣжку двоеколочю,
Повезли-то ко казни ко смертнющей,
70. Ко смертнющей казни къ позорнющей,
Рѣчистой езыкъ да вынетъ теменѣмъ,

- Да ясны-ти оци-ти косичами,
Регивое сáрцо промежу плецьми,
По праву руку идѣтъ силы сорокъ тысецей,
75. По лѣву руку идѣтъ сорокъ тысецей,
Передѣ-то его да числа смѣту нѣтъ,
Позадѣ-то его да числа смѣту нѣтъ,
Кабы плацѣтъ Дунай да какъ рѣка тецѣтъ.
Немножко поры-де миновалосе,
80. Наѣжжаеъ Добрынюшка Микитиць-бладь,
У ясна сокола да крыльѣ отросло,
У добра молодца вдвоѣ силы прибыло,
Разрываль-то онъ путинки шелковыя,
Скакаль-то Дунай да на рѣзвы ноги,
85. Ухватиль-то телѣжку двоеколочку,
Да впередѣ-де махнѣтъ, дакъ лежитъ улица,
Назатъ отмахнѣтъ—съ переулками,
Добирайтче Дунай-де до добра коня,
Добралса Дунай-де до добра коня,
90. Садилса Дунай-де на добра коня,
Они сѣкли, рубили до единого.
Выходилъ Семѣнь да вонъ на уличу,
Кланетця имъ да понижешенькю:
Вы ой есь, удалы добры молодцы!
95. Вы сильни могуци руськи багатыри,
Умирите-тко серчо своѣ регивоѣ,
Оставьте хотъ малого, либо старого». Умирились удалы добры молодцы,
Пріѣжжають ко гриденки ко свѣтлоей,
100. Срежатча Опросенья дочь Семёновна,
Да плацѣтъ Опросенья какъ рѣка тецѣтъ:
«Кабы мая да нынъ родна сѣстра,
Кабы та-же Настасья дочь Семёновна,
Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичь!»
105. Кабы она-бы съ тобой да поотвѣдалась». Средились удалы добры молодцы,
Посадиль Дунай да позади себя,
Посадиль Опросинью дочь Семёновну,
Поѣхали удалы добры молодцы,
110. Поѣхали они да въ стольнѣ-Кіевъ-градъ.
Они долги-ли ѣхали, коротко-ли,

- Нашли они ископытъ конинную,
Говоритъ-то Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ты ой есь, Добрынюшка Микитиць-бладь!
115. Посажу я те Опросинью нынъ назадь въ сѣдло,
Ты поѣдь-то Добрыня въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,
А назадь то суда да не ворочайся,
Я поѣду по ископоти конинной».
- Онъ поѣхалъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
120. Онъ долго-ли ѣхалъ, нынъ коротко-ли,
Заздрилъ на чистомъ поли стоитъ чѣрнъ-шатѣрь,
Пріѣхалъ ко шатру да нынъ ко чѣрному,
Онъ откинулъ полу іе лѣвую,
Заходитъ Дунай да нынъ во чѣрнъ-шатѣрь,
125. Да спитъ-то Настасья не пробудитце,
Лежилса Дунай ей на праву руку.
Разбужатча Настасья дочь Семёновна,
Схватила Настасья нынъ востру саблю,
Здымала Настасья выше головы,
130. Остоялось рука, да рука правая,
Какъ будитъ Настасья дочь Семёновна,
Разбужаитця Дунай да сынъ Ивановичъ.
Выходили они да вонъ на улечу,
Схватилса Дунай да со Настасьюшкой,
135. Они долго-ли водилисе, коротко-ли,
Сыполнилось времѣ трои сутоцьки,
Какъ мецѣтъ Настасьюшка Дунаюшка,
Какъ метала Настасья на сыру землю,
Садилась ему дакъ на бѣлы груди.
140. Немного поры дакъ мпновалосе,
Наѣжжаеть Добрынюшка Микитиць бладъ,
Да самъ говоритъ-де таковы рѣци:
«Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Намъ не чесь-то, хвала да молодецкая,
145. Не выслуга будѣтъ богатырская:
Лѣжать-де подѣ гузномъ нынъ подѣ бабимъ тимъ;
Да баба-то право нынъ задомъ пухла,
Тресн ей за пельки, пинай подѣ гузно».
- Дунай трясъ ей за пельки, пиналъ подѣ гузно,
150. Слетѣла Настасья со Дунаюшка;
Скочиль-то Дунай да на рѣзвы ноги,

- Садилса Дунай ей на бѣлы груди,
Да хоцѣтъ поротѣ-де груди бѣлыя,
Да хоцѣтъ смотрѣтъ да ретиво серцо;
155. Да плацѣтъ Настасья, какъ рѣка тецѣтъ,
Сама говоритъ таковы рѣчи:
«Ты возьми миня, Дунай, да во супружесво,
Принесу я те два угодыя, два великія,
Два-ти-жо, два сына, два любимыя:
160. Поколѣнь-то ноги да будутъ въ золотѣ,
Полокотѣ-то вѣдь будутъ руки въ серебрѣ,
Во лбу-то вѣдь будѣтъ красно солнышко,
Въ тылу-то вѣдь будѣтъ бладѣ-свѣтѣль-мѣсець,
По косичамъ-то будутъ тутъ есны зори,
165. По верховишшу будутъ часты звѣздочки».
Говоритъ тутъ Добрынюшка Микитиць бладѣ:
— Прости еѣ бабу во первой вины.—
Ставаеъ Дунай дакъ на рѣзвы ноги,
Берѣтъ-то Дунай дакъ за бѣлы руки,
170. Чѣлуѣтъ Настасью въ сахарны уста,
Поѣхали они вси въ стольнѣй Кіевъ-градѣ.
Приѣхали они да въ стольнѣй Кіевъ-градѣ,
Стрѣцяють-то ихъ да кнези-бѣяра,
Да сильны могучія багатыри,
175. Стрецяеъ Владиміръ стольно-кіевской,
Берѣтъ Опросинью за бѣлы руки,
Чѣлуѣтъ Опросинью въ сахарны уста.
Крещона Опросинья—миромъ не мазана,
Заводили во церквю во Божью тутъ,
180. Мазали вить миромъ православнымъ,
Ставаль-то Владиміръ на подножекѣ-отъ,
Со той Опросиньей дочъ Семёновной,
Спринималь-то Владиміръ золоты винчи,
Со той Опросиньей дочъ Семёновной,
185. Выпиваль-то Владиміръ чару заздравную,
Со той Опросиньей дочъ Семёновной;
Пошоль-то Владиміръ онъ изъ церкви вонъ,
Заходили во полаты бѣлокаменны,
Да пиръ-отъ пошоль, пиръ навѣсело.
190. Обвѣнчалса Дунай да сынъ Ивановиць,
Обвѣнчалса Дунай да со Настасьюшкой,

- Да вси на пиру да пьяны веселы,
Да вси на пиру да прирасхвастались,
Какъ хвастать Дунай да сынъ Ивановичь,
195. «Я гораздъ-де Дунай да во примѣтъ стрѣлеть».
Говорить-то Настасья дочь Семёновна:
— Ты не хвастай, Дунай да сынъ Ивановичь!
Сама я, Настасья, не хилé тебя
Да стрѣлеть во примѣтоцьки примѣтныя.—
200. Кабы тутъ-то Дунай да осержантце,
Выходили-то Дунай да вонъ на улицу,
Да самъ говоритъ да таковы рѣчи:
«Выходитко, Настасья дочь Семеновна».
Выходила Настасья вонъ на улицу,
205. Относила примѣтоцьку въ чисто полё,
Да ту-же примѣтоцьку—злаченъ перстень;
Натегивала Настасья свой вѣдь тугой лукъ,
Кабы стрѣлила Настасья во чисто полё,
Да въ ту-же примѣтоцьку злаченъ перстень,
210. Прострѣлила Настасья свой злаченъ перстень.
Осержантце Дунай да сынъ Ивановичь,
Поводить Настасью во чисто полё,
Уговаривать Солнышко Владимерь-князь,
Уговаривать Опросинья дочь Семеновна:
215. «Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичь!
Умири свое сарцо нынь ретивое,
Прости её бабу во первой вины».
Богатырское серцо-то заплывчиво,
Не миритче Дунай да сынъ Ивановичь,
220. Какъ плацётъ Настасья какъ рѣка течётъ,
Сама говорила таковы рѣчи:
«Прости меня, Дунай, да во первой вины,
Не стрѣлай меня, Дунай да сынъ Ивановичь:
Да есь два угодыя во мнѣ великія,
225. Два чада-жо, два чада, нынь два млыя,
Два чада-жо, два сына, два любимыя,
Поколѣнь-то у ихъ ноги въ золотѣ,
Полокогъ-то у ихъ руки въ серебрѣ,
Во лбу-то у ихъ красно солнышко,
230. Въ тылу-то у ихъ свѣтѣль мѣсець,
По косичамъ у ихъ есны зори,

- По верховишшу частыя звѣздочки».
Неслушаётъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Онъ клалъ ей вѣдь на голову золото кольцо,
235. Онъ ей стрѣлилъ Дунай въ золото кольцо,
Прострѣлилъ Дунай ей груди бѣлыя,
Розломилъ-то у ей да грудь онъ бѣлую,
Розрубилъ-то у ей да ретиво сарцо,
Смѣшалъ-то ей да кровь со печенью,
240. Онъ увидѣлъ у ей два угодыча,
Два-ти жо, два чада, нынѣ два милыя,
Два-ти жо, два сына, два любимыя:
Поколѣнь-то у ихъ ноги въ золотѣ,
Полокотъ-то у ихъ руки въ серебри,
245. Во лбу-то у ихъ красно солнышко,
Въ тылу-то у ихъ светѣль мѣсечъ,
По косичамъ у ихъ есны зори,
По верховишшамъ частыя звѣздочки.
Богатырско серцо нынѣ заплывчиво:
250. Изуставилъ Дунай своё остро копьё,
Изуставилъ Дунай да 'сѣ во бѣлу грудь,
Кабы ткнулъ копьёмъ сибѣ въ бѣлу грудь,
Ищѣ поворотитця у Дуная езыкъ въ головы:
«Гдѣ пала-то нынѣце бѣла лебедь,
260. Да пади-ко-сѣ тутъ да и есенъ соколъ».

87.

Василій Игнатьевъ.

(Отрывокъ).

- ...«Вы ой-ли, мои да два гнѣды тура,
Два гнѣды тура, да два милы чада,
Вы гдѣ были, туры, да цего видѣли?»
Говорятъ-то туры да златорогіе:
5. — Ты, свѣтъ государына наша матушка!
Гнѣдал туриця златорогая!
Мы были туры и во Чаховѣ,
Во чаховѣ были мы, во Ляховѣ,
Идемъ нынѣ изъ города изъ Кіева,

10. Да Кіевъ-отъ городъ полночь прошли,
Да такого чуда не видѣли,
Да такого дива мы не слышали:
Среди было города, середь Кіева,
Тутъ столбъ-де стоялъ, да столбъ-бы огненной,
15. Отъ сырой-де земли, столбъ-бы до неба;
Шли мимо церквѣвъ, мимо Божью тутъ,
Отворились ворота нынѣ церквѣвныя,
Выходила дѣвица душа-красная,
Во рукахъ выносила книгу божественну,
20. Божественну книгу евангельѣ,
Она столбки не чтитъ—сама вдвоѣ плачѣтъ.—
Говоритъ-то турица злоторога:
«Вы глупы, туры, да дѣти малыя,
Не столбъ-де стоялъ, да столбъ не огненной,
25. Отъ сырой земли да столбъ-бы до неба:
Подымайтце светыня нынѣ изъ Кіева,
Подымайтце светыня нынѣ на небо,
Всѣ цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Всѣ цюетъ надъ Кіевомъ великую:
30. Подымайтца сабака злодѣй Скурла-царь,
Со зѣтемъ собака онъ со кыршакомъ,
Да съ сыномъ собака со кончальничкѣмъ,
Ихъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Ихъ сорокъ королей, сорокъ королевичей,
35. На всякого царя да силы по три тѣмы,
На царевичей да по три тысячы,
На всякого короля да у ихъ по три тѣмы,
На всякого королевича по три тысячы,
Да всей у ихъ силы нынѣ невѣрной,
40. Да всей у ихъ силы числа смѣту нѣтъ,
Да великимъ-то днѣмъ да нынѣ межоннымъ,
Да горному ворону не облетати,
Осѣнною ночью нынѣ тѣмною,
Осѣнною ночью нынѣ межонною,
45. Да сѣрому волку не обрыскати;
Да глупы туры да дѣти малыя,
Не дѣвица-та ищѣ да душа-красная,
Тутъ шла Прпсвята Мать Богородица,
Во рукахъ несетъ книгу божественну,

50. Она чуётъ надъ городомъ незгодушку,
Она чуётъ надъ Кіевомъ великую:
Какъ Кіевъ-отъ городъ хотятъ въ полонъ-бы взять,
Да церкви-ти Божіи на дымъ спустить,
Иконы-ти Божьи на полавъ рѣки,
55. Православную вѣру облатынить всю,
Да князя Владымира во грезъ втоптать,
Княгиню Апраксію за Кончальничка взять». —
Да втáропы собака злодей Скурлатъ-царь,
Садилса собака на ремещать стуль,
60. Писаль-бы ерлыкъ да скору грамоту,
Ко тому-то князю ко Владымиру,
Выбираль онъ, собака, триста пословъ,
Изъ триста пословъ да онъ тридцеть пословъ,
Изъ тридцеть пословъ да онъ вѣдь трѣхъ пословъ,
65. Изъ трѣхъ-бы пословъ да одного посла,
Онъ выбралъ тотарина немилослива,
Да самъ онъ послу своему наказывать:
«Ты ой, мой посолъ, да скорыи гонечъ!
Ты полѣмъ-то ѣдь, да не дорогою,
70. Да во городъ-отъ лазь-ко не воротами,
Скачи черезъ стѣну городовую,
У дверей не спрашивой придверничкѣвъ,
У воротъ не спрашивой приворотничковъ».

88.

Василій Буслаевъ въ Новгородѣ. *)

- .... Сидѣль Василей сынъ Буслаевичъ,
Они пили-де, ѣли потѣшались,
О полу-де пира да приразепорили;
Ударилса Василей сынъ Буслаевичъ,
5. Ударилса Василей о великъ закладъ,
Битцѣ-бы, дратця съ Новымъ-городомъ,
Опричь Онтоньева монастыря,

*) Начала старины П. Г. М. не вспомнилъ.

Задоръ возьмётъ дакъ и съ Онтоньевымъ.
Говоритъ ему матушка родимая:

10. «Ты ой, моё цядо нынѣе милое,
Ты бладой Василей сынъ Буслаевичъ!
Да жилъ-де Буславъ да девеносто лѣтъ,
Не имѣлъ-де Буславъ девети друговъ,
Имѣлъ Буславъ дакъ онъ три друга,
15. Да три-то друга, да три названныя,
У тя, моё цядо, не единого».
Втапоры Василей сынъ Буслаевичъ,
Устроилъ-то щанъ да среди двора,
Спустилъ онъ вѣдь чашу полтора ведра;
20. Да втапоры Василей сынъ Буслаевичъ,
Садилса Василей на ремещать стулъ,
Писалъ ерлыки, да скоры грамотки,
Металъ по дорогамъ прямоѣжжимъ:
Да шли-бы, брели-бы къ Васькѣ на дворъ,
25. Къ молодому Васькѣ Буслаевичу,
Братчину пить-бы медовую,
Деньги платить-бы единому мнѣ-ка-ва,
Ножники доржать-то перемѣнныя. (Такъ!)
Изъ того изъ Нова-города,
30. Изъ того бою кулачного,
Идутъ-то шильники, мыльники, игольники,
Всякія люди недобрыя,
На пиръ они шли, дакъ ужъ радовались,
Съ пиру пошли, дакъ нынѣ заплакали:
35. «Да у вора у Васьки Буслаева,
Не упито было, не уѣдено,
Красно-хорошо было не ухожено,
Только на вѣкъ увѣчья залезено».
Изъ того изъ Нова-города,
40. Изъ того бою кулацъного,
Идѣтъ-то вѣдь Костя Новоторженинъ,
Да будѣтъ-то Костя среди двора,
Говоритъ Василей сынъ Буслаевичъ:
«Не признеть тибѣ чаша единой рукой,
45. Не выпить тѣ медъ да единымъ духомъ,
Не снести тибѣ удару богатырского».
Верѣтъ-то вѣдь Костя единой рукой,

- Выпиваётъ-то мѣдъ да единымъ духомъ;
Машотъ Василей черлёнымъ везомъ,
50. По его по буйной по головы;
Стоитъ молодецъ да не ворохнетче,
На головы кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ, да вѣдъ вонъ пошолъ:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, назвоной братъ».
55. Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата родимого.—
Изъ того-де изъ Нова-города,
Какъ изъ того бою кулачного,
Да будётъ тутъ нынъ какъ Ома толстой,
60. Ома-то толстой, самъ ремесленной,
Да будётъ Ома и среди двора,
Берётъ-то вѣдъ чашу единой рукой,
Выпиваетъ-то мѣда единымъ духомъ;
Да машотъ Василей черленымъ везомъ,
65. Да по его по буйной по головы;
Стоитъ молодецъ не ворохнетче,
На головы его кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ, самъ и вонъ пошолъ:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, назвоной братъ».
70. Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата мнѣ родимого.—
Изъ того-де изъ Нова-города,
Какъ изъ того бою кулачного
Идѣтъ-то Потанюшка хроминькѣй,
75. На одну ножку Потанюшка припадываётъ,
На другу ножку Потанюшка прихрамываётъ,
Костылёмъ-бы Потаня подпираетца,
Ко двору-то Потаня приближайтца,
Да будётъ Потаня среди двора,
80. Берётъ-то Потаня чашу единой рукой,
Выпиваетъ-то мѣдъ да единымъ духомъ;
Да машотъ Василей черлёнымъ везомъ,
По его по буйной по головы;
Стоитъ молодецъ не ворохнетче,
85. На головы кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ да и вонъ пошолъ:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, назвоной братъ».

Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:

— Да паче ты брата мнѣ родимого.—

90. На томъ-бы пошли да вотъ во Новгородъ,
Пришли-то ко стѣны городской,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Ищѣ хто изъ насъ, братцы, на ножку лежокъ?»
Да Потанюшка у насъ на ножку лежокъ,
95. Скакаль черезъ стѣну городовую,
Роздергиваль рѣшеточки желѣзныя,
Отворилъ ворота да городовыя;
Запустили свою дружинишку хоробрую,
Да Костя прошолъ да тысяцю убилъ,
100. Ома-то прошолъ, дакъ нынѣ другу-ту убилъ,
А Василей сынъ Буслаевичъ
Вперѣдъ-де махнѣтъ, дакъ лежитъ улича,
А назадъ отмахнѣтъ—съ переулками.
Кабы видятъ мужики да новгорожана,
105. Они видятъ сибѣ да неминучую,
Побѣжали къ васильевой матушки:
«Ты ой есь, васильева матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофѣевна!
Уйми своя чада нонѣ любимого,
110. Оставь бы въ Новѣ-городѣ хотъ-бы малого,
Хотъ-бы малого, да хотъ-бы старого».
Пошла-то васильева матушка,
Пошла-то она да на побоищо,
Брала-то Василья за бѣлыя руки,
115. Поводила Василья въ тѣплу ложню-ту,
Привела-то Василья въ ложню тѣплую,
Сковала въ желѣза нынѣ тяжолыя,
Въ ножны и въ руцѣны, нынѣ въ заплечныя;
Да спить-то Василей не пробудитце.
120. Да втапоры дѣвушка чернавушка,
Пошла-то-де по воду на Волхову-рѣку,
Воротила къ Василею Буслаевичу,
Какъ замкнуть Василей нынѣце въ три замка,
Какъ въ три-ти замка да нынѣце крѣпкія;
125. Втапоры дѣвушка чернавушка,
Она пнула-то двери правой ногой,
Отлетѣли-то двери съ ободверинками,

- Заходила-то дѣвка въ ложню тёплую,
Сама говорила таковы рѣци:
130. «Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты спишь-то Василей, не пробудишь,
Какъ вся твоя дружиннушка въ крови ходитъ,
Кушаками у ей головы приверчены».
Пробудилса Василей сынъ Буслаевичъ,
135. Скакаль-то Василей на рѣзвы ноги,
Онъ выломаль желѣза нынь тяжолый,
Ножны и ручны, нынь заплечны,
Побѣжалъ-то Василей на побоищо,
На сильнѣ, грозно, на кровавоѣ;
140. На стрѣгу старикъ идѣтъ Антоній-отъ,
На главы несѣтъ колоколъ девеносто пудъ,
Езыкъ въ колоколѣ петъдисятъ пудовъ,
Самъ говоритъ да таковы рѣци:
«Ты ой, Василей сынъ Буслаевичъ!
145. Да мблодо курѣ—не попархивай,
Не выпить те воды да изъ Волховой-рѣки,
Не выбить те людей да изъ Нова-города.
Сызмалешинькя въ единомъ училищѣ училися,
Тогда мы съ тобой боролисе,
150. Тогда я тебя частенькѣ побрасываль,
А ты меня—тогда-сегды».
То Васьки слово за бѣду стало,
За велику досаду показалосе,
Побѣжалъ-то Васька нынь за Волхову-рѣку,
155. Вырываль-то дубину онъ изъ корени,
Онъ машотъ дубиной нынь съ кокорюю,
По его по буйной по головы,
Покатилась голова съ плечъ какъ пуговица.
Поворотитце у старика еще языкъ въ головы:
160. «Топерь нѣту, Василей, тибѣ старого вожака».
Прибѣжалъ-то Василей на побоищо,
На сильнѣ, грозно на кроволитіе,
Впередъ-то махнулъ, дакъ лежитъ улича,
Назадъ отмахнѣтъ—съ переулками.
165. Дакъ вѣдь видятъ мужики новгорожана,
Побѣжали къ васильевой матушки:
«Ты ой есь, Васильева матушка,

- Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уйми своя чада любимого».
170. Говорить-то Васильева матушка:
— Вы ой есь, мужики новгорожана!
Да што вы надъ чадомъ насмѣхаетесь:
У меня спить-то Василей крѣпко-накрѣпко,
Онъ скованъ въ желѣза во тежолыи,
175. Во ножны, во ручны, во залечныи.—
Пошла-то Васильева нынѣ матушка,
Пошла-то она да въ ложню тѣплую,
Какъ нѣту Василья Буслаевича;
Побѣжала она да на побоищо,
180. На сильно, грозно, на кроволитіе,
Пришла она да на побоищо,
На сильнѣ, грозно на кроволитіе;
Не можоть унѣть цядо родимое,
Схватила его за праву ногу,
185. Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Да што за трепича за ногой волочитче?
Да што за онуча привязаласе?»
Говорять мужики новгорожана:
— Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
190. Уйми свое сѣрце ретивое:
Не трепича за тобой да волочитче,
Не онуча къ тебѣ да привязаласе,
Какъ волочитче матушка родимая,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна.—
195. Умирилсѣ Василей сынъ Буслаевичъ,
Да самъ говорить-де таковы рѣчи:
«Ужъ вы ой есь, мужики да Новгорожана!
На то у насъ былъ да право уговоръ:
Обсыпать-бы мой да нынѣ черленой вязъ,
200. Обсыпать-бы мнѣ да краснымъ золотомъ».

89.

Василій Буслаевъ въ Іерусалимъ ѣздилъ.

Не бѣла березонька къ земли клонитце,
Не бумажноѣ листьѣ ростилася,

- Кабы кланялся Василей своей матушки,
Онъ-бы кланялся іе да во рѣзвы ноги,
5. Да самъ говорилъ да таковы рѣци:
« Ты свѣтъ, государына моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Ужъ ты дай благословенье мнѣ великое,
Мнѣ велико благословенье, вѣковѣчное,
10. Со буйной-то главы, да до сырой земли:
Мнѣ ѣхать Василью въ Ерасалимъ градъ,
Свести положеньичо немалое,
Мнѣ немало положенье—сорокъ тысячей».
Говорить государына его матушка,
15. Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
— Ты, свѣтъ моё цядо ноньце милое,
Ты бладой Василей сынъ Буслаевичъ!
Ерусалимъ-градъ дорожненька не ближное:
Кривой ѣздой ѣхать ровно три-годы,
20. Прямой ѣздой ѣхать нынѣ три мѣсяца,
На прямоѣзжжой дорожкѣ есть субой быстѣрь,
Субой-отъ быстѣрь, дакъ есь розбой великъ,
Говорить государына его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
25. — Кому думно спасатця, дакъ можно здѣсь спастись,
Туда много добрыхъ молодцовъ вѣдь ужъ хаживало.
Назадъ молодцы не ворочались.—
Онъ кланелса, Василей, ей во второй разъ:
«Ты, свѣтъ государына моя матушка,
30. Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Ужъ ты дай благословенье мнѣ великое,
Великое благословеньичо, вѣковѣчное,
Съ буйной главы, да до сырой земли,
Мнѣ ѣхать, Василью, въ Ерасалимъ градъ,
35. Святойей святыни помолитисе,
Ко Господней гробнички приложитисе;
У мя съ молоду было бито-граблено,
Подъ старость-ту надо душа спасти;
Насъ тридесять удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
40. Субой-отъ быстѣрь дакъ мы перегребѣмъ,
Розбой-отъ великъ дакъ мы поклонимсе».
Говорить-то Васильева матушка,

Чесна вдова Омельфа Тимоеевна:

— Кому думно спастися, можно здѣсь спастись.—

45. Онъ кланелся Василей во третей наконъ:
«Ты, свѣтъ государына моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоеевна!
Ужъ ты дашь, я поѣду, и не дашь, я поѣду,
Не отстать мнѣ-ка ' дружинишки хорóброей,
50. Мнѣ ' тридесять удалыхъ добрыхъ молодцовъ».
Говорить государыня его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоеевна:
— Какъ будь благословеньё великоё,
На бладомъ на чадѣ на Василиѣ,
55. Тебѣ ѣхать Василью въ Еросáлимъ градъ,
Святой святыни помолитисе,
Ко Господней гробницы приложитисе,
Свести положенье не малое,
Не мало положеньё—сорокъ тысячей.—
60. Да сталь-то Василей снаряжатисе,
Сынъ Буслаевичъ сталь да сподоблетисе,
Испостроилъ Василей новъ черленъ карапъ,
Да носъ-де корма да по звѣриному,
Да хоботы мѣцётъ по змѣиному,
65. Дерёва были у карабля кипарисныя,
Оснасточья у карабля бѣла-шóлкова,
Не здѣшняго шолку шемашинского,
Паруса были у карабля бѣлополóтнены,
Какъ флюгароцька была на карабли позолочена,
70. Какъ чѣна этой флюгароцькѣ пятьдесятъ рублей,
Якоря были у карабля булатныя,
Мѣсто оцей было у карабля положено
По тому-жо по камешку самоцвѣтному,
Мѣсто бровей было у карабля положено
75. По тому-жо по соболу по чѣрному,
Не по здѣшнему соболу, по сибирскому,
Мѣсто рѣсницъ было у карабля положено
По тому по бобру да нынъ по сизому,
Не по здѣшнему бобру, по закаменьскому.
80. Пошолъ-то Василей на черленъ карапъ,
Со всѣй своей дружинишкой хорóброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,

- Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Вынимали то якоря булатныя,
85. Подымали тонки парусы полотнены;
Оома-то толстой тотъ на кормы стоять,
А Костя Микитиць на носу стоять,
А Потанюшка маленькѣй околь парусовъ,
Потому-де Потаня околь парусовъ,
90. Гораздъ былъ Потаня по снастямъ ходить.
Они долго-ли бѣжали, нынѣ коротко-ли,
Подбѣжали подъ гору Сорочинскую,
Выходилъ-то Василей на черленъ карапъ,
Онъ здрилъ-смотрѣлъ, Вася, на круту гору,
95. Увѣдалъ Василей нынѣ чуденъ крестъ,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ,
Говорить-то Василей таковы рѣци:
«Вы ой есь, дружинушка храбрая,
Вы тридесять удалыхъ добрыхъ молодцевъ!»
100. Опускайте вы парусы полотнены,
Поместите-тко вы якори булатныя,
Кладите-тко сходни коньцѣмъ на берегъ,
Мы выйдемъ-ко, братцы, на круту гору,
Мы чудному кресту Богу помолимся».
105. Кабы вся его дружина не отслышалась,
Опускали-то парусы полотнены,
Пометали-то якори булатныя,
Поклали-то сходни концемъ на берегъ;
Кабы вышоль Василей на кругъ-бережокъ,
110. Пошелъ-то Василей по крутой горы
Не нашель-то Василей нынѣ чудна креста,
Нашель Василей только сухую кость,
Суху голову, кось человѣческу,
Онъ пнулъ ей Василей правою ногой,
115. Говорить голова, кось человѣческа:
«Не попинывай, Василей, меня, сухую кось,
Суху голову, кось человѣческу:
Да былъ молодець я не въ твою пору,
Не въ твою пору, да не въ твою ровню,
120. Какъ убила Сорочина долгополая,
Какъ та-жо-ли Чудъ да двоѣглазая;
Не бывать тибѣ, Василью, на светой Руси,

- Не видать тибѣ Василей, своей матушки,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевны».
125. Онъ вѣдь плюнуль-то Василей, самъ чураетца:
— Сибѣ ты спала, да сибѣ видѣла.—
Онъ пнулъ ей Василей во второй разъ:
«Ужли голова въ тибѣ врагъ мутить?
'тибѣ врагъ-отъ мутить, да въ тибѣ бѣсъ говорить?»
130. Говорить голова-то человѣческа:
— Не врагъ-отъ мутить, мнѣ не бѣсъ говорить,
Я сибѣ-то спала да тибѣ видѣла:
Лежать тибѣ, Василью, со мной въ единомъ гробу,
Во единомъ гробу, да по праву руку.—
135. Пошолъ-то Василей на черлѣнь карапъ
Пришолъ-то Василей на черленъ карапъ,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали-то парусы полотнены,
140. Побѣжали они да въ Еросалимъ-градъ.
Заходили-то въ галанъ карабельнюю,
Опушшали тонки парусы полотнены,
Пометали-то якори булатныя,
Поклали-то сходни концемъ на землю,
145. Пошли-то они да въ Еросалимъ-градъ,
Заходили они во церковь Божію,
Да Господу Богу по молисе,
Ко Господней гробничи приложилисе;
Положилъ Василей положеньичо,
150. Немало положеньѣ—сорокъ тысячей,
Пошолъ-то Василей ко Ёрданъ-рѣки,
Скинывалъ-то Василей чвѣтно платъичо,
Спускался Василей во Ёрданъ-рѣку;
Приходитъ жона да староматера,
155. Говорила сама да таковы рѣчи:
«Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
У насъ во Ёрданъ-рѣки не купаютьче,
Какъ толькѣ въ Ёрданъ-рѣки помогаютче,
Купалса въ Ёрданъ-рѣки Самъ вѣдь Сусъ Христось,
160. Не бывать тибѣ, Василей, на светой Руси,
Не видать тибѣ родимой своей матушки,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевны».

Онъ вѣдь плюитче, Василей, самъ чураитче:
— Сибѣ-же ты спала, да сибѣ видѣла. —

165. Говорить-то жона да староматера:
«Сибѣ я спала, тибѣ видѣла».
Выходили-то Василей изъ Ёрданъ-рѣки,
Надѣваль-то Василей чвѣтно платычю,
Пошоль-то Василей на черленъ карапъ,
170. Зашоль-то Василей на черленъ карапъ,
Со всѣй своей дружинишкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Выздымали-то якори булатныя,
175. Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали-то они да во своѣ царсво.
Они долго-ли бѣжали, нынѣ коротко-ли,
Подбѣгали подѣ гору Сорочинскую,
Выходили-то Василей на черленъ карапъ,
180. Онъ здритъ, смотритъ на вси стороны,
Какъ увидѣлъ Василей нынѣ чуденъ крестъ,
Говорить-то Василей таковы рѣчи:
«Вы ой есь, дружинишка хоробрая!
Ужъ мы выйдѣмъ-ко, братцы, на круту гору,
185. Ужъ мы чудному кресту Богу помолимся».
Кабы вся его дружина не ослушалась,
Опускали тонки парусы полотнены,
Метали якоря они булатныя,
Они вышли нынѣ, братцы, на круту гору;
190. Пошли-то они да по крутой горы,
Подошли-то они да ко крутой горы,
Не нашли-то они да чудна креста,
Нашли-то они да сѣръ-горючь камень,
Въ ширину-то камень тридцеть локоть,
195. Въ долину-то камень да сорокъ локоть,
Вышина его у камешка вѣдь трѣхъ локоть,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ;
«Вы ой, моя дружинишка хоробрая!
Мы станемъ скакать черезъ камешокъ,
200. Впередѣ-отъ мы скочимъ, назадѣ ѳтскочимъ;
Одинъ у насъ Потанюшка есь маленькѣй,
Кабы маленькѣй Потанюшка, хроменькѣй,

- Вперёдъ ему скочить, назадъ не отскочить».
Скакали они-де черезъ камешокъ,
205. Вперёдъ-то скочили, назадъ отскочили,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Не чёсь-то хвала да молодецкая,
Не выслуга будётъ богатырская,
Мы станёмъ скакать да вдоль по камешку,
210. Мы вперёдъ-то скочимъ, назадъ отскочимъ;
Одинъ у насъ Потанюшка есь Хроминькёй,
Вперёдъ ему скочить, назадъ не отскочить».
Скакали они да вдоль по камешку,
Вперёдъ-отъ скочили, назадъ отскочили;
215. Скочилъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Да палъ-то Василей грудью бѣлою,
Да палъ, розломилъ-то да грудь свою бѣлую,
Поворотитце у Василья ищэ языкъ въ головѣ:
Вы ой, моя дружинюшка хороброя!
220. Ужъ вы сдѣлайте гробъ да бѣлодубовой,
Найдите суху кось человѣческу,
Положите-тко кось со мной въ единой гробъ,
Въ единой-отъ гробъ, да по праву руку».
Они сдѣлали гробъ да бѣлодубовой,
225. Нашли кось-голову человѣческу,
Завертѣли во камоцьку бѣлу-хрущату,
Положили ихъ да во бѣлой гробъ,
Закрыли-то ихъ да гробовой доской,
Копали могилу имъ глубокую,
230. Спускали въ могилу во глубокую,
Засыпали желтымъ пескомъ сыпучимъ,
Поставили во рѣзвы ноги имъ чуденъ крестъ,
На крестѣ подписали подпись книжную:
«Лежать два удаля добра молодца,
235. Два сильни могуци руськи богатыря,
Да одинъ-отъ Василей сынъ Игнатъевичъ,
Другой-отъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Ихъ убила Сарочина долгополая
Да-та-же-ли Чудъ да двоєглазая».
240. Пошли-то дружина на черленъ караль,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходни вдоль по караблю,

- Вынимали-то якори булатныя,
Они снели со дерева флюгароцьку,
245. Какъ вынели изъ карабля есны оци,
Какъ взели они да черны брови:
Не стало на караблѣ хозяина.
Того-же Василья Буслаевича;
Подымали тонки парусы полотнены,
250. Побѣжали они да во своё царство,
Да втаропы Васильева матушка,
Честа вдова Омельфа Тимоѳеевна,
Да ждѣтъ-то Василея Буслаевича,
Какъ смотреть она въ трубоцьку подзорную;
255. Какъ бежить изъ зámоря черленъ караль,
Непопрежному карабликъ непостарому,
Да нѣту на караблѣ флюгароцьки,
Какъ нѣту на караблѣ есныхъ оцей,
Какъ нѣту на коробля черныхъ бровей;
260. Какъ плацѣтъ Омельфа Тимоѳеевна,
Она плацѣтъ да горюцьми слезми:
«Видно нѣту на карабликъ хозяина,
Да блада-то Василея Буслаевича».
Пошла она Васильева матушка,
265. Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна,
Пошла-то она да во Божью церковь,
Служить панафиды нынѣ почесныя,
По бладомъ Васильѣ по Буслаевичѣ.

90.

Садкó.

- Во славномъ-то было во Новѣ-городѣ,
У того-то у Садка купца богатого,
Да было пирóваньѣ, почесенъ пирь.
Да пирь-отъ идѣтъ-де о полупиру,
5. Да день-отъ идѣтъ да день ко вечеру,
Да сончѣ катитча ко западу;
Учалъ Садко купецъ богатя,

- Онъ учаль по середи пола похаживать,
Онъ бѣлыми руками прирозмахивать,
10. Изъ рѣчей-бы Садко да выговаривать:
«Ужь кто у насъ товары изъ Нова-города,
Повывозить товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузить товары во черлены карабли?»
Не хто-то бы тѣмъ рѣчамъ не влжотча,
15. Говорить-то вѣдь попъ отецъ духовныя:
— Ты не хвастай Садко, купецъ богатя,
Я быюся съ тобой объ великъ закладъ,
Не купить товары те изъ Нова-города,
Не вывозить товары на край быстрой рѣки.
20. Не выгрузить товары въ черлены карабли,
За синее морё торговать не утти. —
Ударились они съ нимъ о великъ закладъ,
Не о сто рублей, не о тысячѣ,
О своихъ о буйныя о головы.
25. Пошоль-то Садко купецъ богатя,
Да купить Садко да право день поры,
Да купить Садко да другой поры,
Да купить Садко да недѣлю всю,
Да купить Садко да мѣсець поры.
30. Да втапоры попъ, отецъ духовныя,
Садилса-бы попъ да на ремещать стуль,
Писаль ерлыки, да скоры грамотки,
Металь по дорогамъ прямоѣжжимъ —
Везли-бы товары во Новъ-городъ,
35. На ту-жо на зову на великую,
Того-жо товару право шолкова.
Да купить Садко да право день поры,
Да купить Садко на другой поры,
Да купить Садко всю недѣлюшку,
40. Да купить Садко и мѣсець поры;
Въ города товару прибыло,
Пошоль-то Садко въ полату денежну
У Садка-бы казны да мало можотца.
Туть-бы Садко да закручинилса,
45. Весьма-то Садко да запечалилса,
Пошоль-то Садко да во Божью церковь,
Онъ милитца Миколы Всеможойскому:

- «Ты ой есь, Микола Всеможойскія!
Пособи мнѣ выкупить товары изъ Нова-города,
50. Повывозить товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузить товары въ черлены карабли,
За синѣе морѣ торговать идти,
Я построю те церковь обыдѣнную,
Кресты-маковичи да золоченыя».
55. Пошоль-то Садко въ полату денежну,
У Садка-де казны да боле старого;
Да купить Садко да право день поры,
Да купить Садкой да другой поры,
Да купить Садко да и нидѣлю всю,
60. Да купить Садко да и мѣсечь поры.
Повыкупилъ товаръ весь изъ Нова-города,
Повывозилъ товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузилъ товары въ черлены карабли,
Пошоль-то Садко да на черлены карабли,
65. Со всѣй своей дружинишкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то явори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
За синѣе морѣ торговать пошли.
70. Они долго-ли бѣжали, коротко-ли
Среди было моря, середь синѣго,
Остоѣлись у Садка купца богатого,
Остоѣлись у его черлены карабли,
Выходилъ-то Садко да на черленъ карапъ,
75. Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Вы ой-ли, мои да слуги вѣрныя!
Берите шшупы да долгомѣрныя,
Мечите шшупы да во синѣ морѣ,
Да нѣтъ-ли луды, да нѣтъ-ли каменя?»
80. Да нѣтъ-ли кошки-злодѣйки ей подводной,
На чѣмъ мои карабли остоелися?»
Тутъ его слуги не отслышались,
Да брали шшупы да долгомѣрныя,
Метали шшупы да во синѣ морѣ,
85. Не нашли-то луды, нынѣ не каменя,
Не кошки-злодѣйки, ей подводной.
Удумаль Садко да думу крѣпкую:

- «Вы ой, мои слуги нынѣ вѣрныя!
Мы сдѣлаемъ жеребьи таволжены,
90. Кому намъ итти да во синѣ морѣ».
Они дѣлали жеребьи таволжены,
Метали-то жеребьи въ синѣ морѣ,
Вси жеребьи лишъ по верхю плывуть,
Садковъ жеребей—тотъ каменѣмъ ко дну,
95. Поверхъ жеребью лишъ ключи кипятъ;
Говоритъ Садко купецъ богатыя:
«Я этому жеребью не вѣрую,
Мы сдѣлаемъ жеребьи берѣстены».
Они дѣлали жеребьи берестены,
100. Метали-то жеребьи въ синѣ морѣ,
Да вси-то жеребьи поверхю плывуть
Садковъ жеребей—тотъ каменѣмъ ко дну;
Говоритъ Садко купецъ богатыя:
«Я этому жеребью не вѣрую,
105. Мы сдѣлаемъ жеребьи нынѣ хлѣбныя».
Они дѣлали жеребьи нынѣ хлѣбныя,
Метали-то жеребьи въ синѣ морѣ,
Вси жеребьи по верхю плывуть,
Садковъ жеребей—каменѣмъ ко дну.
110. Тутъ-бы Садко да закручинилса,
Весьма-то Садко да запечалилса,
Заплакалса Садко да горючми слезми,
Самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Вы ой-ли, мои да слуги вѣрныя!
115. Посадите меня да на нашѣсточькю,
Вы дайте-ко мнѣ въ руки весѣлышко,
Не столь-бы мнѣ страшно итти въ синѣ морѣ».
Тутъ его слуги не отслышались,
Сажали Садка да на нашестоцькю,
120. Да дали Садку въ руки весѣлышко;
Пришла ко Садку да и перва волна,
Розлучила Садка да со нашестоцькѣй,
Пришла ко Садку да и втора волна,
Розлучила Садка да со весѣлышкомъ,
125. Пришла ко Садку да и третья волна,
Розлучила Садка да со бѣлымъ свѣтомъ.
Подхватывать Садка царишшо-Поддонишшо,

- Да самъ говорилъ да таковы рѣци:
«Ты ой есь, Садко купецъ богатя!»
130. Ты вѣки, Садко, по морю хаживаль,
А мнѣ-то царю да дань не плачиваль,
Да хошь-ли, Садко, я живкомъ зглону?
Да хошь-ли, Садко, тибя огнѣмъ сожгу?
Да хошь-ли, Садко, да я тибя жаню?»
135. Положилъ-то Садка купца богатого,
На ту-жо кроватку на тисовую,
Да спить-то Садко купецъ богатя,
Привидѣлось Садку во сновидѣнницы—
Приходила жона да староматера,
140. Сама говоритъ-де таковы рѣци:
«Приведѣтъ тибѣ царь да перву толпу,
Перву-то толпу да красныхъ дѣвушокъ,
Да въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Говори-ты Садко купецъ богатя:
145. «Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
Приведѣтъ-то тибѣ и втору толпу,
Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Гавори ты Садко купецъ богатя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
150. Приведѣтъ-то тибѣ и третью толпу,
Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Позади идѣтъ дѣвушка чернавушка,
Говори ты Садко купецъ богатя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ»,
155. «Позади идѣтъ дѣвушка чернавушка,
«Вотъ эта моя да богосужона».
Ты легешъ Садко да съ молодой женой,
На ту-то кроватку на тисовую
Не двинся Садко да къ молодой жоны».
160. Пробудилса Садко купецъ богатя,
Привѣлъ ему царь и перву толпу,
Говорить Садко купецъ богатя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
Привелъ ему царь и втору толпу:
165. И во этой толпы мнѣ невѣсты нѣтъ».
Привелъ ему царь и третью толпу,
Третью-ту толпу красныхъ дѣвушокъ,

- Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Позаде идѣтъ дѣвушка чернавушка,
170. Говоритъ-то Садко купецъ богатя:
«Вотъ эта моя да Богосужена!»
Уложили Садко на кроватоцьку тисовую,
Со той-же его да съ молодой женой,
Не двинетце Садко да къ молодой жоны.
175. Пробудилса Садко купецъ богатя,
Лежитъ-то Садко да на крутомъ бережку,
Лежитъ-то Садко на край быстрой рѣки,
Пошоль-то Садко во Новъ-городъ,
Исполнилъ онъ заповѣдь великую,
180. Построилъ-бы церковь обыдѣнную,
Тому-же Миколы Всеможойськѣму,
Кресты маковичи да золоченыя.
Тутъ его слуги нынѣ вѣрныя,
Воротилисе слуги во обратну путь;
185. Тогда-то Садко купецъ богатя
Пошоль-бы Садко да на черлены карабли,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
190. Побѣжалъ-то Садко да за синѣ морѣ.

91.

Кострюкъ.

- Поизволилъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Поизволилъ онъ женитисе,
Не у насъ на светой на Руси,
5. Не у насъ въ каменной Москвы,
У короля въ проклятой Литвы,
Онъ на Марьѣ Темрюковны;
Онъ немного съ собою поѣзду берѣтъ,
Полтора ста татариновъ берѣтъ,
10. Полтретья ста боярскихъ дѣтей,
Петьсотъ стреманныхъ стрѣльчей,

- Собиралосе поѣзду,
Околъ цѣлоей тысеци.
Покатилсѧ нашъ царь государь,
15. Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилса въ прокляту Литву,
Онъ по Марью Темрюковну,
Прикатилса въ прокляту Литву,
Здраво сталъ онъ въ проклятой Литвы,
20. Бралъ онъ Марью Темрюковну.
Какъ втапоры отецъ Темрюкъ,
Онъ немного проважатыхъ кладѣтъ,
Полтараста татариновъ кладѣтъ,
Полтараста татарскихъ дѣтей,
25. Петъсотъ стреманныхъ стрѣльцовъ,
Собиралосъ проважатынхъ гостей
Околъ цѣлоей тысеци;
Да ицѧ онъ проважатога кладѣтъ,
Кострюка сына Темрюковиця.
30. Покатилса нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилса на светую Русь,
На свету Русь, каменну Русь,
Онъ со Марьей Темрюковной.
35. Прикатилса въ каменну Москву,
Заходилъ онъ во божью черкъѣвъ,
Да ставалъ на подножокъ-отъ,
Онъ прималъ золотые вѣнчи
Да со Марьей Темрюковной.
40. Покатилса нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилса изъ божьей церкви
Да со Марьей Темрюковной,
Онъ пошолъ въ ложню тѣплую,
45. Онъ ложилса во теплу ложню.
Дакъ втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ и уцялъ столы становить,
Онъ вѣдъ уцялъ гостей погчивати;
50. Дакъ и хлѣбъ-отъ у царя на столѣ,
Да ѣствы-то у царя на столѣ,

- Да питья-то у царя на столѣ,
Да и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаютче,
55. За царя Богу молятче,
За Иванъ сударь Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;
Да одинъ у насъ не пѣтъ, не ѣсъ,
Онъ не пѣтъ, не ѣсъ, не тешитсе,
60. За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За царицу за Марью Темрюковну;
Онъ вѣдь проситъ борца-молодца,
Поучена добра молодца,
65. Скажотъ: «семь городовъ испрошоль,
Тридцеть борцовъ поборолъ,
Не нашоль по сибѣ борца,
Поучена добра молодца».
Кабы втапоры дядюшка царевъ
70. Старъ Микита Романовичъ,
Приходилъ да къ ложни тѣплой,
Онъ колотитця съ молитвою,
Говоритъ таковы рѣци:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
75. Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Дакъ и хлѣбъ-оть у миня на столѣ,
Да ѣствы-те у миня на столѣ,
Да питья-те у миня на столѣ,
Дакъ и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
80. Пьютъ-ѣдятъ потѣшаютце,
За царя Богу молятце,
За царицу за Марью Темрюковну,
Промежу собой хвастають;
Да одинъ у насъ не пѣтъ, не ѣсъ,
85. Онъ не пѣтъ, не ѣсъ, не хвастаетъ,
За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За Марью Темрюковну,
Да по имени Кострюкъ сынъ Темрюковичъ;
90. Онъ вѣдь проситъ борца молодца,
Поучена добра молодца,

- Скажотъ: «семь городовъ испрошоль»,
Скажотъ: «тридцеть борцовъ побороль»,
«Не нашоль по сибѣ борца,
95. «Почѣна добра молодца».
Говорить Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты ой еси, дядюшка царевъ!
Старъ Микита Романовичъ!
Выходи на крыльцо красное,
100. На прекрасно государево,
Ты крычи-зычи во всю голову,
Штобы чуть было по всѣй Москвы,
Какъ по всѣй Москвы, по Замосквы,
Съ Кострюкомъ поборотисе,
105. Съ Темрюкомъ поотвѣдатце. —
Собиралися богатыри,
Къ государеву ко двору,
Ко прекраснинкѣму ко крыльцу,
Кабы втапоры дядюшка царевъ,
110. Выходилъ на крыльчо-красное,
На прекрасно государево,
Онъ крычалъ-зычалъ во всю голову,
Штобы чуть было по всей Москвы,
По всей Москвы, по Замосквы:
115. Собиралисe богатыри,
Съ Кострюкомъ поборотисе,
Съ Темрюкомъ поотвѣдатце.
Какъ изъ нижняго изъ конца,
Какъ изъ маленькѣго изъ дворца
120. Выходили два богатыря:
Кабы Васинья маленькѣй,
Да Потанюшка хроминькѣй,
Кабы Вася на царевъ кабакъ пошоль,
А Потаня ко дворцу государевому,
125. Ко крылечюшку прекраснинкѣму,
На одну ножку прихрамываётъ,
На другу ножку припадываётъ
Костылѣмъ подпиратце,
Ко дворцу приближайтце.
130. Кабы втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,

- Говориль таковы рѣчи:
«Ужъ ты ой еси, Потанюшка хроминькѣй,
Ужъ ты можошь-ли Кострюка побороть?»
135. Побороть, обезвѣчить его?»
Говорить Потаня хроминькѣй:
— Ужъ вѣдь я Кострюка поборю,
Поборю, обезвѣчу его,
Кабы я-то вчера хмелѣнъ былъ,
140. Кабы нынѣ голова-то болить,
Кабы мнѣ-то приоправитце.—
Кабы втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Наливаетъ цару зелена вина,
145. Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подносить Потанюшкѣ хроменькѣму;
Какъ берѣтъ Потаня единой рукой,
Выпивать единымъ духомъ,
Самъ за чарой поклоняйтца:
150. «Да ищѣ-то я Потаня не оправилсѣ,
Какъ болить у Потани буйна голова».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Наливаетъ-то чару зелена вина,
155. Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подносить Потанѣ хроминькѣму;
Какъ берѣтъ Потаня цару единой рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ,
Самъ за чарой поклоняйтца:
160. «Да ищѣ Потаня не оправилса».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ еще подносить зелена вина;
Какъ берѣтъ Потаня цару единой рукой,
165. Выпиваетъ единымъ духомъ,
Кабы самъ за чарой поклоняйтца:
«Какъ топерь я могу Кострюка побороть,
Побороть обезвѣчить его».
Какъ втапоры дядюшка царевъ,
170. Заходилъ во гриню свѣтлую,
Онъ вѣдь подчоватъ провожатыхъ гостей:

- «Какъ и хлѣбъ-отъ у меня на столѣ,
Да и ѣства у меня на столѣ,
Да и питья-то у меня на столѣ,
175. Да борцы-ти у меня на дворѣ».
Да и втапоры Кострюкъ сынъ Темрюковичъ,
Онъ скочилъ черезъ дубовы столы,
Онъ одной ногой за скамью задѣлъ,
Полтораста татариновъ убилъ,
180. Полтретьяста татарскихъ дѣтей,
Петьсотъ стреманныхъ стрѣльцей,
Онъ убилъ-пригубилъ всѣхъ провожатыхъ гостей,
Выходилъ онъ вонъ на улечу.
Да и втапоры дядюшка царевъ,
185. Старъ Микита Романовичъ,
Приходилъ онъ къ ложни теплой,
Колотилса съ молитвою,
Онъ будилъ-то Ивана Васильевича:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
190. Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Выходи на крыльцо красное,
Какъ смотрѣть борьбу богатырскую».
Дакъ и вышолъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
195. Да со Марьей Темрюковной,
На крылечушко на красное,
На прекрасно государево.
Говоритъ Потаня хроминькѣй:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
200. Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Ужъ мы кой коего поборѣмъ,
Съ виноватого штобы платье снетъ,
Да спустить его нага, да какъ мать родила».
Говоритъ Иванъ Васильевичъ:
205. — Да лишь-бы тибѣ Богъ пособилъ.—
Говоритъ Марья Темрюковна:
«Кабы прежъ борцы боролисе,
Кабы прежъ стрѣльчи стрѣлелисе,
Съ виноватого платье не сымывали».
210. Какъ не двѣ горы скаталисе,
Два богатыря сходилсе,

- Да впервы-ти Кострюкъ поборольт,
Да въ други-ти Кострюкъ поборольт;
Дакъ и втапоры дядюшка царёвъ
215. Старь Микита Романовичь,
Онъ вѣдь рвѣтъ сѣдую голову,
Да и щыплеть сѣдую бороду:
«Ужь ты горькля бѣлая голова!
Ты безчасная сѣдая борода!
220. Доставалась на поруганьѣ,
Злу татарину проклятому;
Самому будѣтъ отвѣдатце,
Съ Кострюкомъ поборотисе».
Да Потанюшка справилса,
225. За рубашенькю сграбилса,
Выздымалъ выше головы,
Опускалъ о сыру землю,
О гумѣнецкѣ мѣдвенно,
Не сорочинькя спархивала,
230. На Кострюкѣ кожа треснула,
Онъ спустиль его нага, да какъ мать родила;
Поволокся Кострюкъ сынъ Темрюковичь,
Поволокся подъ крылечушко,
Онъ долонью прикрываитце.
235. Дакъ и втапоры царь государь,
Царь сударь Иванъ Васильевичь,
Онъ пошолъ во ложню теплую,
Онъ со Марьей Темрюковной,
Онъ ложилса въ ложню теплую,
240. На кроватоцькю тисовую.

Павель Марковъ разказалъ, послѣ того, какъ спѣлъ старину, слѣдующую легенду: Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволилъ Потанѣ посрамить ея родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича «поединщикомъ на полѣ, битця-боротце». При царскомъ дворѣ былъ бояринъ Бѣльской, такъ-же какъ царь лицомъ и возрастомъ; Марья Темрюковна уѣхала впередъ на поле, а Бѣльскаго средили въ царское платье и послали драться съ ней. «Бѣльской выѣхалъ, разѣхалисъ, Бѣльской царицу копьѣмъ шшипъ, она съ лошади пала, а Бѣльской сѣлъ

ей на бѣлы груди, да и распоролъ груди бѣлыя, а царица говоритъ: — Не быть то Ивану Васильевичу, быть собакамъ Бѣльскому».

92.

Царь Иванъ Васильевичъ *).

«Быль въ Москвѣ челоуѣкъ-волшебникъ, писалъ руками и ногами; написалъ грамоту-письмо и положилъ въ церковь за икону, передъ которой государь прикатитца, дакъ стоитъ у службы. Царь Иванъ Васильевичъ прикатилса въ церковь, увидѣлъ письмо, взялъ и положилъ въ корманъ. Прочиталъ послѣ — Новгородъ отказыватца прочь отъ его, и дѣти всѣ прочь отъ его. Царь разсердилса и сталъ казнить людей занапрасно. Когда царь казнить въ Москвѣ, Ѳедоръ царевичъ пожалѣлъ народъ и сказалъ: «Бѣжите въ улицы громлѣныя, туды царь не воротитца». Старшій братъ это услышелъ, да за столомъ на пиру и сказалъ на Ѳедора, что Ѳедоръ измѣнникъ. Когда царь ходилъ по городу и казнилъ, зашелъ въ келью ко старцу, несъ попросилъ. Старецъ принёсъ царю голову шшучью, а царю оказалась голова кобыля: «Што ты, старецъ-гологузъ! Не подобаеъ хрестіанну кобылятину несъ, я вѣдь царь». Старецъ крестомъ оградилъ, евилася голова шшучья, и говоритъ:—лучше-бы тѣбѣ кобылятины найстисе, нечѣмъ неповинную кровь лить.—Изъ Москвы, изъ Нова-города въ то время много бѣжало народу, тогда и на Печору засѣлились изъ Нова-города, наша деревня Бѣдовая, Голубкова тоже и другіе».

Прикатилса нашъ царь государь,
Во свои палаты бѣлокаменны.
И dospѣлъ онъ пиръ,
Сталъ онъ ходить по полу кирпичету,

*) П. Г. Марковъ плохо зналъ эту старину и совсѣмъ отказавшись снѣе ее, согласился передать словами. Началъ онъ простымъ рассказомъ, а затѣмъ перешелъ на стихи. Я счелъ за лучшее сохранить буквально ту именно форму, въ какой „Иванъ Васильевичъ“ выдана у П. Г. Маркова. Н. О.

5. Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Я ходилъ по матушкѣ каменной-Москвы,
Выводилъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы.
Вывелъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы».
Сидитъ сынъ и говоритъ:
10. — Хоть ходилъ ты по матушки каменной-Москвы,
Выводилъ измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Не могъ ты вывести измѣну изъ матушки каменной-
Москвы,
Измѣнщикъ у тебя за столомъ сидитъ.—
Строго приступилъ царь къ нему:
15. «Скажи кто, а не то я казню тебя?»
— Онъ измѣнщикъ*), онъ объ измѣнщикахъ плакался,
Онъ измѣнщикамъ сноровливалъ.—
Втапору грозной царь Иванъ Васильевичъ
Выскакивалъ вонъ на улицу,
20. На прекрасно на крылечушко,
Крычалъ громкимъ голосомъ во всю голову.
Чтобы чуть было по всей Москвы:
«Ужъ вы ой еси, палачи немилостивы!
Вы идите ко дворцу государеву».
25. Все палачи приразбѣгались,
Собака Малютка Скурлатовъ сынъ,
Тотъ собака на дворъ идѣтъ,
Бралъ Ѳедора за бѣлы руки,
За его перси за злаченыи,
30. Повѣлъ на полѣ Куликово,
Ко той ко плахѣ ко липовой,
Казнить Ѳедора смертной кáзенью,
Смертной кáзенью позорною,
Рѣчистой языкъ вынетъ теменѣмъ,
35. Ретивоѣ сэрцо промежѹ плечьми.
Скоро-то вѣска перепáдывала
Ко дядюшки Роману Никитевичу.
Бралъ-то дядюшка любимого конюха,
Ѣдѣтъ по полю по чистому,
40. Крычитъ, зычитъ во всю голову:
«Ты ой есь, собака Скурлатовъ сынъ!

---

*) При этомъ старшій царевичъ показалъ на младшаго—Ѳедора.

- Не поступаи на роды на царскія,
Не казни ты Ѳедора царевича,
Ѳедора царевича Ивановича,
45. Отдамъ я тибѣ любимого конюха,
Казни ты любимого конюха».
Малюта взялъ любимого конюха,
Казнилъ смертной казенью, позорною,
Рѣчистой езыкъ вынелъ теменѣмъ,
50. Ясныя очи вонъ косичами,
Ретиво сэрцо промежду плечми.
Втопоры дядюшка царѣвъ
Старъ Микита Романовичъ,
Пріѣхалъ съ любимъ племенникомъ,
55. Во свои полаты бѣлокаменны,
У дядюшки Микиты Романова,
Пошолъ топере пиръ навесело;
Пошолъ-то нашъ грозной Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ во Божью церковь,
60. Пѣтъ панифиды упокойныя,
По своѣму по сынѣ любимому,
По Ѳедорѣ Ивановичѣ,
Случилось итти мимо дядюшки Романова,
Пиръ идѣтъ у дядюшки на весело,
65. Остоялся нашъ грозной царъ Иванъ Васильевичъ.
«Што у тебя идѣтъ пиръ навесело?
Смѣшалася вѣра—каменна Москва,
Потухла свѣця, свѣця мѣсная,
Подпала звѣзда поднебесная,
70. Не стало у насъ на царствѣ царевича,
Царевича Ѳедора Ивановича!»
Говоритъ старъ Микита Романовичъ:
— Живой нашъ царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ:
Я оддалъ своего любимого конюха,
75. Казнить смертною казнью позорною.—
Воротилса нашъ царъ Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ у царя пиръ навесело.
Топере пошолъ дядюшка царѣвъ въ Божью церковь,
Старъ Микита Романовичъ,
80. Пѣтъ по конюхѣ панафиды упокойныя.

ХІІ. ДЕРЕВІЯ ПЫЛЕМЕЦЪ.

23. Хабаровъ Степанъ Ѳедоровичъ.

Хабаровъ небольшой, коренастый, здоровый старикъ 69 лѣтъ. Обѣ старины, сиѣтыя имъ, записаны на рыболовной тони, въ 6—7 верстахъ ниже родной его деревушки Пылемца; записывались старины въ невозможныхъ условіяхъ: на берегу рѣки, на пескѣ, между двумя лодками, у костра; съ Печоры дулъ сильный вѣтеръ и руки коченели отъ холода, а когда я садился у костра дымъ невыносимо ѣлъ глаза. Кругомъ сидѣли рыболовы и своими замѣчаніями все время мѣшали и мнѣ и сказателю; кромѣ того дѣло осложнялось еще тѣмъ, что староста рыболовной ватаги, родной братъ С. Ѳ. жадный мужикъ, все время ворчалъ, что С. Ѳ. не работаетъ, а занятъ пустяками; не совсѣмъ нормалень былъ и самъ С. Ѳ. пѣть онъ сталъ послѣ того только, какъ выпилъ водки, а выпилъ онъ лишнее и потому пѣлъ не такъ твердо, какъ бы могъ. С. Ѳ. единственный сказитель въ Пылемцѣ, но слава объ немъ въ Пустозерской волости также велика, какъ о Горенкѣ въ Устьцылемской. С. Ѳ. знаетъ: Первую поѣздку Ильи Муромца, бой Добрыни и Дуная, Ставра-боярина, Дюка, Потыка, Ваську Игнатъева, Добрыню и Маринку, Фатенка, Ивана Горденова, Чурила, двѣ старины про Василя Буслаева, Ваську Окулова, Дуная, Кострюка, Луку Игнатъева, слыхалъ про Святогора. Къ большому сожаленію, его ни за что не хотѣли отпустить въ деревню пѣть мнѣ старины, и я списалъ у С. Ѳ. только двѣ; во всякомъ случаѣ для меня была большая потеря, что я его не засталъ дома, въ деревнѣ.

93.

Михайло Карамышевъ.

- Ай во славномъ во городѣ Карамышовѣ,
У того-то было Петра купца богатого,
У того-то была молода жона.
Да во ту-то было пору, да во то время,
5. Ай во то-то было время нонь беременна,
Родила-то, принисла да чада много,
Ай любимого-бы сына да одинакого;
Созывали-бы отцовъ-поповъ, причятниковъ,
А крестити-бы его, сына, молитвити,
10. Приходили-бы пошы, отцы духовныи,
Нарѣкли-бы свето имѣ ему Михайлушкой.
Заводилса у Петра тогда почесѣнь пирь,
Какъ на тихъ-бы на радощахъ великихъ,
Пирь-отъ у нихъ шолъ да о полушира,
15. Кабы столъ-отъ вѣлса о полустола,
А и всѣ-бы на пиру были пьяны-веселы,
Да весьма-то бы нонь вси да веселѣпиньки,
Говорить-то бы Петръ купецъ богатяя:
«Ужъ ты ой еси, моя да молода жона!
20. У насъ хто будѣтъ теперь тѣшитъ-нѣжити?
Отдадимъ-ко мы вѣдь бабушки задворенки,
А кормити-то поить да чадо милое,
До того-бы ума, до крѣпка разума».
Посылали-то за бабушкой скоро посла,
25. Приходила тутъ-бы бабушка задворенка,
А примають тутъ старушку съ чесью, съ радосью,
Говорить тутъ его молода жона:
«Ужъ ты ой еси, бабушка задворенка!
Ты возьми-тко у насъ да чада много,
30. Да любимого-бы сына одинакого,
Да кормити-бы, поить его до возраста,
До того-бы ума, до крѣпка разума».
А на то бы тутъ старушка да соглашантца,
Да берѣтъ-то кормить-поить до возраста,
35. До того-бы ума, до крѣпка разума.
Какъ-бы отдали старушки этой, бабушки,

- Понесла въ свою-бы келью нонь во малую,
Да кормити-бы, поить да добра молодца,
Принесла-бы его да дитя малого,
40. Она кормитъ кусочками всё сборныма,
Да поить молочкѣмъ сладкимъ козловыимъ.
Какъ-бы сталъ Михайлушко лѣтъ пяти-шести,
Какъ-бы сталъ Михайлушко лѣтъ семи-восьми,
Приучать-то стала въ грамоту всё руськую,
45. Кабы въ ти-жо науки протчи мудрыи,
А Михайлу грамота давалосе,
Хитры-мудрыя науки открывалисе;
Кабы сталъ Михайло тогда на возрастѣ,
Да во томъ-бы умѣ, во крѣикомъ разумѣ,
50. Онъ-бы сталъ-бы Михайло лѣтъ двѣнадцати,
Говоритъ-то Михайло своей бабушки:
«Ужъ ты ой еси, нонь бабушка задворенка!
А не та видно мать, кой спородила
А та видно мать, кой воскормила,
55. Ужъ ты ой еси, нынѣ бабушка задворенка!—
Онъ-бы падалъ-то ей да во рѣзвы ноги—
Ужъ ты дай благословеньица мнѣ сходить, сгулять
Посмотрѣть-то охвота людей добрыихъ,
Показать себя удала добра молодца,
60. Ты не знашь-ле гдѣ коня какъ лошадь добрую?
По чисту мнѣ-ка-ли полю прогулятисе».
Говоритъ-то тогда бабушка задворенка:
— Ужъ ты глуно ты дитя, да малолѣтноё,
Ты поѣдешь-то топерь да во чисто полѣ,
65. А бывать, найдешь удала добра молодца,
Ай бы сильняго могучаго богатыря,
Потеряешь ты свою да буйну голову,
Заневидѣ ты потеряешь, не за денежку.—
«Ужъ ты ой, еси нонь бабушка родимая!
70. Ты спусти-тко меня да прогулятисе,
Да не знашь-ле ты мнѣ-ка лошадь добрую,
Посмотрѣть мнѣ-ка охвота людей добрыихъ,
Показать себя удала добра молодца».
Говоритъ-то ему бабушка родимая:
75. — Я бы знаю-то далѣко въ полѣ чистаёмъ,
У сыра-то бы дуба да есь глубока погребъ,

- А во погребѣ стоять-бы доброй конь,
А закрыть-бы доской-плитой желѣзной,
Да засыпанъ-бы пескомъ-хрещомъ сыпучимъ,
80. Да закладенъ-бы онъ плитемъ-каменьемъ.—
А тогда-де Михайло осержаитце,
А размѣтываль-бы всё да плитѣ-каменьѣ,
А розрыль-бы хрящи-пески сыпучи,
Да была-то бы плита да тутъ желѣзная,
85. Да тонула-бы плита нонь да сорокъ пудовъ,
Онъ пиналь-бы доску-плиту своей ногой,
Улетѣла-бы доска-плита во чисто поле;
Услыхаль-то бы тогда да теперь доброй конь,
Обрываль-то-бы чѣпи вси желѣзные,
90. Онъ выскакиваль-то конь теперь изъ погреба,
Схватилъ тогда Михайло во бѣлы руки:
«Ужъ ты конь-ле мой, конь, да лошадь добрая!
Ужъ ты какъ-ле служилъ прежну хозяину,
Ужъ ты также послужи мнѣ вѣрой-правдою,
95. Ужъ-бы правдой-ле, вѣрой, не измѣною,
Также сноси меня по чисту полю,
Да удалого дородня добра молодца».
Становилса-бы конь у добра молодца,
Онъ пошоль-бы молодець да ко сыру дубу,
100. На дубу-ту-бы было всё написано,
Глубоко-то-бы было всё подрѣзано:
«Есь-то-бы тутъ да ю сыра дуба,
Тутъ положено-бы есь у добра молодца,
Да у сильнаго могучаго-бы богатыря,
105. Положена-бы тутъ сбруя лошадиная,
Тутъ-бы вся-то есь приправа багатырская».
Разрываль тогда матушку сыру землю,
Да наполь-бы нонь сбрую лошадиную,
Какъ-бы всю нонь приправу богатырскую,
110. Надѣваль-бы узду на коня тосмянную,
Послѣ того-то бы клалъ да мякки войлочки,
А подъ войлочки клалъ подсѣдльничекъ,
А на верхъ-то клалъ сѣдлышко черкасское,
Ай двенадцеть-то-бы подпругъ шолковыхъ,
115. А тринадцету кладѣть черезъ хребтну степь,
А не ради-бы басы, да ради крѣпости,

- Кабы ради-то поѣзки молодецкой;
Онъ берётъ съ собой матёръ бѣлой-полотъ-шатёръ,
Онъ берётъ съ собой лукъ тугой разрывчатой,
120. Ицѣ три берётъ стрѣлы съ собой калёныи,
Ай калёныи-бы стрѣлоцъки, перёныи,
Не простымъ-то бы перыцомъ, орловымъ,
Не того-то бы орла, што россійского,
Дорогого-бы орла славна камчужского;
125. А берётъ-бы съ собой да саблю вострую,
Да берётъ съ собой палицу буёвую,
Да берётъ-то копъё востроё проперомъ,
Да берётъ-то бы ножицо нонь кинжалицо,
А берётъ съ собой арканъ да бѣлошолковой,
130. Да берётъ съ собой латы всё булатныи,
Какъ которы-бы были съ крѣпкимъ панцырёмъ,
Онъ берётъ съ собой шапоцъку булатную,
Какъ котора-бы была да съ крѣпкимъ панцырёмъ,
Не брала-то-ее бы сабля вострая,
135. Не ломила-бы ей палица буёвая;
Ицѣ бралъ съ собой скатерку-хлѣбосолочку,
Какъ-бы бралъ съ собой шатёръ бѣлополотненой,
Кабы падалъ-то бабушки въ рѣзвы ноги:
«Ты прости-то бы бабушка родимая!
140. Да не та-то-ли нонь мать, коя спорóдила,
Да та винно мать, коя воскрóмила».
Да тогды-то бы старушка приросплакалась;
А скочилъ молодецъ да на добра коня,
Толькѣ видѣла старушка какъ ' коня посѣлъ,
145. Не видала у его поѣзки молодецкой,
Прижималъ-то бы коня во стропы булатныи,
Заходилъ-то подъ нимъ коницёкъ какъ лютой звѣрь;
Онъ-бы скацётъ-то на кони да съ горы на горы,
Онъ-бы скацётъ-то съ шóлома на мѣлема окáтисты,
150. Отъ его-то поѣзки молодецкой,
Молодецкой поѣзки богатырской,
Да камышъ-то бы трава да растилаетца
А сыро-то дубѣ всё шатаетсѣ.
Выѣжжалъ тогда Миханло на круту гору,
155. Вынималъ-то трубоцъку подзорную,
А смотрѣлъ-то, гледѣлъ да во вси стороны,

- А во перву-то згленуль во сторону во сѣверну,
А во сѣверной сторонушкѣ есь сини моря,
Да сини-то-бы моря тутъ ледовитыя;
160. Во вторыхъ, згленуль ' стороночку во лѣтнюю,
Да во лѣтной стороны тѣмны лѣса,
А темны-то бы лѣса весьма дремучія;
Да згленуль-то бы въ стороночку во вѣсточную,
Да во вѣсточной сторонкѣ есь круты горы,
165. Да круты-то-бы горы, да превысокіи;
А гленуль бы ' сторонку тутъ во западну,
Да подъ позападной сторонки, подъ крутой горы,
А стояль-то-бы въ полѣ тутъ-бы чѣрнѣ шатѣрь,
Кругъ шатра-то бы ходять три добрыхъ коня,
170. А тогда то-бы Михайло нынѣ раздумалса:
«А нельзя-то бы шатра протти-проѣхати,
А надъ во шатрѣ людей провѣдати,
Миѣ не честь будѣтъ, хвала да молодецкая,
Да не выслуга будѣтъ богатырская».
175. Поворачиваль коня тутъ ко черну шатру,
Ищѣ самъ-то въ уми тутъ природумалса:
«Я слыхаль отъ своей бабушки родимоей,
Што-бы чѣрнѣ-отъ шатѣрь будѣтъ невѣрныи,
А-бы бѣлой-отъ шатѣрь да нашъ русскіи,
180. Кабы нечѣ молодцу страшитця-боятнсе».
Поворачиваль коня да ко черну шатру,
Онъ-бы гналъ кабы круто по чисту полю,
Пріѣжжалъ тогда Михайлушко ко черну шатру,
Во шатрѣ-то бы Михайло самъ послушивать,
185. Кабы злы-то разговоры ихъ татарскіи,
Кабы есь тутъ три тотарина поганыи,
А поганыи собаки, нечестивыи,
А четверта-то съ имá сидитъ красна дѣвушка;
А ограбили-они-то золоту казну,
190. Огроміли они церкви вси соборныи,
Розорили-бы монастыри причесныи.
Да между-то-бы собой собаки дѣль дѣлятъ,
На одинъ-отъ-бы пай кладутъ собаки сорокъ тысецей,
На другой-отъ-бы пай кладутъ собаки сорокъ тысецей,
195. На третѣй-отъ пай нонѣ кладутъ красну дѣвицу.
Тутъ-бы плацѣтъ-то дѣвица, какъ рѣка текѣтъ,

- Она ронить-бы слезы всё горючи,
А трепить-то-бы, щиплётъ трубчату косу:
«Ужь ты ой еси, моя трубчата коса!
200. Ты досталася не кнезю, не боярину,
Не удалому дородню добру молодцу,
А не сильному могую храбру вонну,
А досталася тотарамъ на поруганье».
Акъ одинъ-отъ говоритъ да таково слово:
205. — Ты не плачь-ко, дѣвица, душа красная!
Если ты-то въ моёмъ пою достанишсе,
Я возьму-то вѣдь тебя да за себя въ жены,
Я те дамъ поученье нонь великое:
Да на каждой день по раны по кровавоей.—
210. А другой-отъ говоритъ да таково слово:
— Ты не плачь-кѣ дѣвица да душа красная!
У меня-то бы есь теперь любимой сынъ,
Да любимое-бы сынъ, да одинокой былъ,
А возьму я нонь тибя за его въ жены,
215. Ужь ты будешь у меня въ домѣ хозяйкою,
Онъ бы, будеть-же, дѣвица, нонь строжити те:
А на каждой день бить будеть, стегать будеть,
А по три раны давать тибѣ кровавыя.—
А третей-отъ говоритъ да таково слово:
220. — Ты не плачь-кѣ, дѣвица душа красная!
Ужь въ моёмъ ты пою если достанешсе,
Про тибя-то у меня есь сабля вострая,
Кабы востра, нова, некрововлена,
Я сѣжу у тя, срублю да по плечь голову.—
225. Ай бы плацётъ-то дѣвица нуще старого,
Да не видигъ она свѣту бѣлого.
А тогда-то-бы Михайлу за бѣду стало,
За большу ему досаду показалося,
Онъ скакаль-бы тогда да со добра коня,
230. Оставляль-бы коня да не привязана,
Какъ-бы шоль-то тотарамъ во чернъ-шатѣрь,
Онъ не спрашиваль не роду ихъ, не племени,
А хватилъ-то ихъ, тотаръ, тогда за черны кудри,
Да тащилъ-то ихъ, собакъ, да вонъ на улицу,
235. Какъ одного-то-бы браль онъ подъ праву руку,
А другого-то бы браль самъ подъ лѣву руку,

- А третьёго прижималъ на груди бѣлоей,
Выздымалъ-то-бы выше буйной головы,
Да хвосталь-мѣталъ о матушку сыру землю,
240. А тогда-то-бы тотарамъ смерть случилася,
Розрывалъ-то бы татаръ ихъ по мелку чesью,
Розметалъ-бы собакъ да по чисту полю.
Заходилъ тогда Михайло во чёрнъ-шатёръ:
«Ужъ ты, здраствуёшь дѣвица душа-красная!
245. Во первыхъ, ты мнѣ невѣста обручѣнная,
Во вторыхъ, мнѣ княгина первобрачная,
А по руськѣму назвать—жона вѣнчанная».
Не спрашивалъ у ей не роду онъ, не племени,
А ложилса съ ей бы спать да ' едино мѣсто,
250. Онъ бы спалъ съ ею-же времени трои сутоцки,
На четвертыи сутки разбужаитце:
«Ужъ ты ой еси, дѣвица душа-красная!
Ты коёго теперь города, коей земли?
Коего видъ ты отца, да родной матушки?»
255. Ищэ какъ ты назвать будётъ по имени?
Ищэ какъ звеличать по отечеству?»
Отвѣчатъ ему дѣвица да душа красная:
— Я изъ славного города Карамышова,
Я того вѣдь нонъ Петра купца богатого,
260. Я ему-то вѣдь буду всё любима дочь.—
А тогда-бы говорилъ Михайло таково слово:
«Ужъ ты ой есь, дѣвица да душа красная!
Ищэ ты мнѣ не невѣста обручѣнная,
Ищэ ты мнѣ не княгина первобрачная,
265. Ищэ ты мнѣ не жона будёшь вѣнчанная,
Ище будёшь ты мнѣ, дѣвушка, родна сестра».
А тогда они съ ею да думу думали:
Роздѣлили пополамъ съ имъ золоту казну,
Какъ удумали они съ имъ Богу молитисе,
270. За свои-ти грѣхи тежки прощатисе,
Какъ пошли они въ монастыри пречесныи;
Роспростилисе тогда да со родной сестрой,
Онъ-бы бралъ половину золотой казны,
Онъ поѣхалъ къ своей бабушки родимоей,
275. Да на вѣки-то проститсе съ родной бабушкой,

Онъ-бы отдалъ ей двадцеть тысяць золотой казны,
А остатки-то-бы взялъ онъ съ собой тогда.

94.

Василій Буслаевъ.

- ...А во томъ-то было во Новѣ-городѣ,
Кабы былъ, заводилса тутъ почесенъ пирь,
А тогда-то бы вси весьма придумали,
Какъ позвать-то дородня добра молодца,
5. А сильнѣго могуця храбра война,
Какъ по имени Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружиннушкой хороброей;
Какъ послали они тогда скоро посла,
А просить его со матушкой съ родимоей,
10. А просить-то во Новѣ-городѣ на почесенъ пирь.†
Кабы скоро послы теперъ поѣхали,
Попросили Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружиной со хороброю;
А на то-бы Василей не ѣтлышенъ былъ,
15. Со матушкой Василей снаряжаетца,
Со своей-бы дружиной сподобляйтце,
А поѣхалъ Василей въ славной Новгородѣ,
Кабы въ той-бы каретѣ золоченоей,
Кучеровъ молодцовъ очунь хорошихъ,
20. Какъ стрѣцяють-то ихъ да съ чesью, съ радосью,
Какъ проводятъ-то ихъ да въ грини свѣтлыя;
Они всѣ на пиру да наливалисе,
Они всѣ на чесномъ да пьяны-веселы,
На пиру-бы молодцы да приросхвастались,
25. А одинъ-отъ бы хвастать золотой казной,
А иной-отъ-бы удачей молодецкоей,
А иной-отъ-бы силой богатырскоей,
А иной-отъ-бы несчатнымъ скатнымъ жемчугомъ,
Кабы умной-бы хвастать старой матерью,
30. А безумной похвалятца молодой женой,

- А тогда-то Василей не ётступчивъ былъ:
«Ужъ вы ой, молодцы новгороджаны!
Ищѣ хто со мной бѣтца о великъ закладъ:
Я возьму-бы, побью да славной Новгородъ,
35. Не кому со мной во городѣ не выстоять».
Мужики новгородчана не отступцивы;
Унимала-то дружина его хоробрая:
«Ужъ ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
Не серди ты удалыхъ добрыхъ молодецовъ,
40. Намъ не чесь-то, хвала будѣтъ молодецкая,
На пиру сидѣть—спорить, теперь, здѣритця».
Унимала его матушка родимая:
— Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Полно-те спорить, полно здѣрити.—
45. А Василей не на чѣ да не здавайтце,
Не уступать имъ удалой доброй молодець;
Они бились тогда да о великъ закладъ,
Они сдѣлали условьѣ промежу собой,
Ай когда открыть войну да на чистомъ поли,
50. А въ коѣ-бы-то время, въ кой часы,
Кабы вся его дружина подписалася,
Какъ подъ ту бы бумагу, подъ условьѣ всё.
Отходилъ-бы крутѣнько тутъ почесенъ пиръ,
Со пиру-то бы всё да расходилисе,
55. По домамъ-то бы всё да разбѣжалисе;
Поѣжжаты-бы Василей сынъ Буслаевичъ,
Со своей-то со матушкой родимой,
Со своей-бы дружинишкой хороброей,
Приѣжжалъ-бы въ полаты бѣлокаменны.
60. Она тутъ-то тогда да думу думала,
Какъ-бы какъ-то скротить да сына много?
Она удумала-бы сдѣлать почесенъ пиръ,
Напоила-бы его тутъ зеленымъ виномъ;
Онъ-бы пьетъ, гостить со матушкой родимой,
65. А то матери-то самъ не оберегайтца,
Не берегайтце-бы матери, не опасантце;
Онъ напилса до пьяна зелена вина,
Кабы гдѣ-ка-бы палъ, да тутъ-бы спать-бы лёгъ.
То-то думала матушка родимая,
70. Созвала-бы кузнечей да крѣпкихъ мастеровъ,

- Заковала-бы вокругъ окошечка косявчаты,
Заковала у его да руки бѣлыи,
Заковала у его да ноги рѣзвыи,
Заналпцны желѣза сдѣлала десить пудъ,
75. Кабы на руки желѣза были пять пудовъ,
Повалила на кроватоцьку тисовую,
А на ту-бы перинушку пуховую,
Одевальницей закрыла чѣрныхъ соболей,
Ясны очи закрыла камкой хрущатой,
80. Какъ замкнула она тогда за три замка,
Ай за три-бы замка, крѣпки вѣсучии,
Тутъ поставило сторожовъ да караульниихъ.
Онъ-бы спить молодець, да просыпантце,
Ото сну время дѣтинѣ розбужатисе.
85. Какъ во ту-го бы пору, да во то время,
Тогда шла-то дѣвушка изъ Нова города,
Подбѣгали ко его высокому терему,
Ко тому-бы ко окошечкю косявцету,
Ко его-то бы нонь да ложни тѣплойе,
90. Говоритъ-бы дѣвушка таково слово:
«Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты хорошъ былъ во славномъ Новѣ-городѣ,
Ты удалъ былъ, боѣкъ битце, ратитце,
Съ мужиками новгородскими о великъ закладъ,
95. А тепере ты, Василей, самъ запряталса.
Да твоей-то дружины мало можетца,
Не можетъ стоять да со Новымъ городомъ,
А у ихъ-то вси головы приломаны,
Кушаками ихны головы поверчены».
100. Ото сну тогда Василей пробужантце,
Отъ великой хмелины просыпантце,
Онъ учуюль на сѣ желѣзы злы-тежолые,
Его ясны-ти очи помутилисе,
Какъ горечи его слезы прокатилисе,
105. А могучии плечи расходилисе:
Онъ срывалъ тогда желѣзы да со бѣлыхъ рукъ,
А спихаль-то желѣзы да со рѣзвыхъ ногъ,
Они лопнули желѣзы, разлетѣлися,
Потенулса-то онъ да могуцьми плецьми,
110. Кабы сорвалъ желѣза заналпцныи,

- Тогда сталъ молодецъ на своей воли,
Кабы сталъ со кроватоцьки тисовойей.
Онъ бѣлешинькѣ Василей умываитце,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утираитце,
115. А накладывалъ на ся тогда кунью шубу,
Надевалъ сапоги тогда сафьянныи,
Опояску опоясывалъ онъ шолкову,
Не того видно шолку, што російскаго,
Дорогого славна шолку шематинскаго,
120. Приходилъ ко дверямъ нонъ ко желѣзнымъ:
«Ужъ вы ой еси, стражи каравульныя!
Отмыкайте замки скоро вѣсучія,
Выпускайте меня удала добра молодца,
Мнѣ не времѣ-то жить теперъ во комнаты,
125. Мнѣ-ка времѣ-то итти на свою волю,
Какъ итти-то бѣжать во славной Новъ-городъ».
Отъ стражей-то Василью нынѣ отвѣту нѣтъ;
Какъ тогда-то Василью за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
130. Его ясныи оци помутилисе,
Какъ могучи-то плечи расходилисе,
Богатырско его сэрцо разъярилосе,
Онъ пиналъ-то бы двери всё желѣзныя,
Розлетелися двери на середь двора,
135. Кабы сорвалъ замки всё вѣсучія,
А стражи-то бы всё усторонилисе;
Выходилъ-то бы Василей вонъ изъ комнаты,
Да не хто-бы не смѣтъ слова вымолвить,
Говориль-то дѣвицѣ душѣ красной:
140. «Когда буду я, Василей, на своей воли,
Надѣлю-то тебя я золотой казной,
Я обсыплю тебя скатнымъ жемчугомъ».
Не берѣтъ-то Василей золотой казны,
А берѣтъ толькѣ Василей свой черленой вязъ,
145. По вѣсу коя палица буѣвая,
По вѣсу она-бы тенѣтъ—девеносто пудъ;
Побѣжалъ-то Василей ' славной Новъ-городъ,
Ко своей-то дружинишкѣ хороброей,
Онъ бѣжалъ-то Василей по чисту полю,
150. Ай не есенъ-то соколъ перелѣтъ летѣль,

Ай то бѣль-то-бы кречеть перенурхъ пустиль.
Ой не много поры да миновалосе.
Туть-бы стрѣгилася имъ женщина снарядная,
Говорить-то она да таково слово:

155. «Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты гораздъ бѣль гостить да во Новѣ-городѣ,
А гораздъ ты бѣль битца о великѣ закладъ,
А теперъ-то молодець да приопряталсе,
Ужъ ты выдалъ дружинишку хороброю;
160. Какъ твоей-то дружинѣ мало можетца.
А не можетъ стоять да съ Новымъ городомъ.
У ихъ вси-то бы головы испроломаны,
Кушаками ихны головы поверчены».
Ай Василью это слово за бѣду стало.
165. За великую досаду показалосе.
Онъ срываль-то-бы съ женщины платѣ цвѣтное,
Обнажилъ-то женщину всю дѣнага,
Отдаваль-то-бы платѣ дѣвицѣ душѣ-красной:
— Ты прими-тко дѣвица душа красная!
170. Когда буду-то я да на своей волн.
Награжу я тебя да золотой казной.—
Онъ бѣжитъ-то бы Васька по чисту полю.
Ай не есенъ-то соколь перелѣтъ летить,
Акъ бѣлой-то-бы кречеть перенурхъ пустиль,
175. Онъ-бы столь скоро бѣжитъ по чисту полю;
Повстрѣчалса ему казика переходжа
Кабы тотъ старичице Перегримице,
Ай несѣтъ-бы колоколь да девеносто пудъ,
На своей-то несѣтъ да буйной головы:
180. «Ужъ ты молодо курѣ не попархивай,
Молодыя Василей не похвастьвай:
Я вѣдь бѣль богатырь да не въ твою пору,
Не въ твою-то-бы пору, не тибѣ ровня:
Ужъ ты выдалъ всю дружину хороброю,
185. А твоей-то-бы дружины мало можетца,
Всѣ у ихъ головы проломаны.
Кушаками ихъ головы поверчены».
А Василью тогда да за бѣду стало.
За большу ему досаду показалосе,
190. Его ясны-ти очи помутилосе.

- Какъ горяци его слёзы покатилисе,
Онъ выхватываль-бы скоро свой червеной вязъ,
Онъ махнулъ старику по буйной головы,
По тому колоколу всё великому;
200. А и стоитъ старичонко не ворохнетце,
Какъ на головы-то кудри всё не тряхнутця;
А тогды-то Василью за бѣду стало,
За большу-бы досаду показалося,
Побѣжалъ-то-бы Васька къ рѣчки Волховой,
205. А стоялъ подъ горой тутъ да сырой дубъ,
О двенатцети онъ сажень былъ печатныхъ,
Вырываль-то-бы сырой дубъ изъ кореню,
Онъ хвосталь-бы о матушку сыру землю,
Розлетелси-бы дубъ да на три жеребья;
210. Онъ схватиль-бы-то жеребей съ кокорюю,
Онъ бѣжалъ-бы тогда да на круту гору,
Онъ махнулъ старика Перегримища,
Какъ изъ той-бы изъ силы богатырской,
Розломилъ колоколь да на три жеребья,
215. Онъ-бы сорвалъ-же голову съ могуцихъ плечъ.
А ищѣ у старика языкъ воротитцѣ:
«Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ай не будѣтъ тибѣ да поединщика».
А тогды шоль-бы Васинька во Новъ-городъ.
220. Прибѣжалъ-то Василей въ славной Новъ-городъ,
А дружины-то стало да мало можитця,
Ищѣ всѣ ихъ-бы головы проломаны,
Кушаками ихъ головы всѣ поверчены,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
225. «Ужъ вы ой, моя дружинушка хоробрая!
Вы отдальтесь-ко прочь да во чисто полѣ,
Ужъ вы дайте-ко мнѣ-ка розгулятисе,
Съ новгородцами мнѣ-ка поотвѣдатца,
Поотвѣдатца нонь, да поправитце».
230. Отшанула вся дружинушка хоробрая,
Онъ-бы взялъ-то-бы круто свой червеной вязъ,
Онъ-бы сталъ вязомъ Васька помахивать,
Какъ не хто-то не можоть битця-ратитця;
Ай леталь онъ по силы, силы армін,
235. Кабы бѣгать Василей какъ-бы лютой звѣрь;

- Ай увидѣли во городи какъ страсть такую,
Они думали-бы думу промежду собой:
«Не стоять видно съ удалымъ добрымъ молодцомъ».
Посылали они теперь скоро посла,
240. Ко его-то-бы матушки родимой,
Уняла штобы своего чада милого.
Кабы скоро-де послы тогда поѣхали,
Пріѣзжали они тогда къ Омельфѣ Тимоѣевны,
Кабы просятъ они тогда нижающе,
245. Какъ нижающе просятъ, со покорносью,
Уняла штобы своего чада милого,
Ай-бы милого-бы сына, всё любимого;
Отвѣчатъ-то имъ она да таково слово:
«Ужъ вы ой, нонь еси да люди добрыя!
250. Ужъ вы што надо мной да посмѣхаетесь?
У мя спитъ-то бы чадо не пробудитце,
Въ крѣпкихъ-то желѣзахъ, во тяжелыхъ».
— Ужъ ты ой еси, Омельфа Тимоѣевна!
Ты подлегчи, сходи да въ гриню свѣтлую.—
255. Ай пошла-бы она да въ гриню свѣтлую,
Его нѣту во гринѣ, не случилосе,
Ай во гринѣ лежитъ всё приломоно,
Ай назадъ-бы тогда да поворотъ даѣтъ.
Отъ стражей, караульщиковъ она спрашивать:
260. «Ай куды у мя ушло: да любимой сынъ?»
Отъ стражей-то тогда да отвѣту нѣтъ,
А слезами-то стражи да уливаютце,
А не хто-то-бы не смѣтъ да слово вымолвить;
Ай пошла тогда Омельфа Тимоѣевна,
265. Какъ пошла-то въ свои да новы комнаты,
Призывала своихъ да добрыхъ молодцовъ,
Ищѣ тѣхъ-бы нонь слугъ да придворныхъ,
Приказала запречь тогда добра коня,
Ищѣ въ ту-бы карету золочѣную,
270. Ай провѣдать своего чада милого,
Ай любимого-бы сына одинакого;
А на это слуги не отслышились,
Запрегали-бы въ карету золоченую,
Повезли-то іе да въ славной Новъ-городъ,
275. Привозили-то её да въ славной Новъ-городъ,

- Какъ на то-бы побонцо великое,
Какъ на то-бы кроволитьё непомѣрное;
Какъ кричить она, зычнть да громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты ой есь, ты мой ясенъ соколъ!»
280. Ужъ ты ой еси, моё ты чадо милоё!
Ай любимое дитя ты одинокоё!
Умири ты свое да ретиво сэрцо,
Опусти ты свои да руки бѣлыя».
- А кричить вся дружиннушка хоробряя,
285. Какъ ревутъ всё, зычатъ да громкимъ голосомъ,
Не чому-то-бы Василей тутъ не бардуётъ;
Побѣжала она къ ему добру молодцу,
Захватилася ему да за праву ногу,
Волочилась-бы она да по чисту полю,
290. Какъ кричить-то, зычнть дружиннушка хоробряя:
«Ужъ ты ой есь, удалой доброй молодець!
Умири свое сэрцо багатырское,
Опусти ты свои да руки бѣлыя».
- Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
295. — Ицэ што это да онуча привязалося?—
Говорить-то дружина всё хоробряя:
«Привязалася-то къ те да родна матушка».
- Какъ тогда-то бы удалой доброй молодець,
Опустилъ свои да руки бѣлыя,
300. А поставилъ-то-бы онъ свой черленой вязъ,
Какъ во славну во матушку сыру землю.
А на то-бы мужики были догадливы,
Да таскали тогда золото со всёхъ сторонъ,
А осыпали-бы вязъ-отъ золотой казной,
305. Нонь не видно стало палицы боѣвоей;
Покорилса-то весь да славный Пове-городъ,
Выдавали, отдавали золоты ключи.

ХШ. СЕЛО КУЯ.

24. Шевелева Парасковья Ивановна.

Шевелева, извѣстная подъ прозвищемъ Пойловчанки (родомъ изъ д. Пойловой), мать той замѣчатель-

ной старищицы-дѣвицы 21 года, которая поеть по словамъ матери 22 старины. П. И. совѣтъ не поеть старинъ и спѣла мнѣ женитьбу Олени послѣ усиленной моей просьбы, спѣла, кажется, въ первый разъ въ жизни, и потому очень плохо. Но прекрасно знаетъ старины ея дочь Аксинья, выучившаяся пѣть отъ деверя матери и своего дяди, еще въ то время, когда они жили въ деревнѣ Пойловой, теперь уже не существующей. Деревня стояла въ 7 верстахъ ниже Куи по Печорѣ, но каждый годъ полая вода рвала берегъ деревни такъ, что въ кониѣ концовъ жители должны были выселиться изъ Пойловой. П. И. Говорила мнѣ, что знаетъ старины и сынъ ея Яковъ, 13 лѣтъ! Сама Пойловчанка съ Мезени родомъ, но съ 17 лѣтъ живетъ на Печорѣ.

95.

Алеша Поповичъ женится.

- Отправился Добрыня во чисто полѣ,
Не на много вѣдь поры, да на двадцеть-два года,
Оставляѣтъ онъ свою да любиму симью,
Любиму свою симью, да молоду жону:
5. «Если сполнится мнѣ да двадцеть-два года,
Не сиди-то ты моя да молода жона,
Не сиди-то ты вдовой горькою,
Ты поди-ко-ся да за инá замужъ,
Хошь за барина поди, хошь за буйрина,
10. Не ходи толькѣ за Олѣшненьку Поповица,
Олѣшненька мнѣ будѣтъ престовой братъ». Заводилое у князя пированьѣ-столованьѣ,
Сидѣли они да на чесномъ пиру,
Какъ запала-то вѣдь мысль въ ретиво серчо,
15. Какъ задумаль-ыть Олѣшненька женится,
Какъ на той-то вдовы да на добрышней:
«Ужъ ты, батюшко Владиміръ стольнокіевской!
Ты позволъ мнѣ-ка женится на добрышней вдовы». Отвѣчатъ ему Владиміръ стольнѣкіевской:

20. — Можотъ быть Добрыня еще самъ живой.—
Говорить Олешинько Поповицъ-блатъ:
«Я давно вить-то ѣздилъ во чисто полѣ,
Сквозь Добрынюшка трава растѣтъ,
Сквозь Микитица цвѣты цвѣтутъ;
25. Ты позволь мнѣ на ней жениться,
Ты-же самъ будѣшь мнѣ-ка батюшкомъ,
А княгина-то Апраксія мѣсто матушки,
Какъ ты, старой да Илья Муромецъ!
Ты-же мнѣ быть ты тысяцкимъ;
30. Какъ Цюрило Голошапишко,
Ты будѣшь мнѣ ходить да мѣсто дружки-то». Срежались они да со князѣмъ-то,
Какъ попли-то вѣдь да со княземъ поѣздомъ,
Ише къ той-то вѣдь добрыниной родной матушкѣ;
35. Шли-то вѣдь они да ночьюмъ временѣмъ,
Какъ колотятся они у добрыниной у матушки,
Какъ у тѣхъ-же вѣдь воротъ да у крылецныхъ;
Выходила-то добрынина родна матушка:
«Ише хто-же тутъ колотитце ночьюмъ временѣмъ?
40. Ише воры-то или разбойники?»
Отвѣцать на то Владиміръ стольнѣкѣвской:
— Запускай насъ, добрынина родна матушка,
Мы идѣмъ вѣдь къ Добрыни на почесенъ пирь.—
Запускала ихъ добрынина родна матушка,
45. Не воротятъ они въ ложню теплую,
Ищѣ прямо всё идутъ да въ лѣжню спальную,
Гдѣ-то спитъ его да молода жона;
Заходилъ Владиміръ стольнѣкѣвской,
Какъ со тѣмъ-же вѣдь Олешинькой Поповицомъ,
50. Какъ со тѣмъ-же вѣдь стары да Илья Муромцомъ,
Говорятъ они добрыниной молодой жоны:
«Ты ставай-ко-се, вдова со кроватоцьки,
Ты ставайко-се съ постелюшки пуховой,
Со кроватоцьки ставай-ко со тисовой,
55. Надѣвайся ты во платьицо во цвѣтное,
Ты поди-ко-се съ Олѣшой ко Божьей церкви,
Принимай-ко-ся съ Олѣшой золоты винчи». Тутъ не бѣлая лебедушка восклыкала,
У Добрыни молода вдова заплакала,

60. Какъ ставала вѣдь она да со кроватоцьки,
Какъ брала она въ руки да золоты ключи,
Отмыкала она ящички окованны,
Вынимала она умываньицо румянное,
Вынимала она своё да платье цвѣтноё,
65. Надѣвала она своё да платье цвѣтноё;
Еще бралъ-то ей Олѣша да праву руку,
Какъ повѣль-то ей Олѣша во Божью церкву,
Принимали они винчи да золотые съ имъ.
Были у Добрыни три утѣхи,
70. Были три ворона кормлёныи,
Полетѣли эти вороны кормлёныи,
Гдѣ вѣдь спить-то вѣдь Добрыня во чистомъ поли,
Ище спить-то вѣдь Добрыня во бѣломъ шатрѣ;
Какъ одинъ-отъ вѣдь садилса на сырой дубъ,
75. Какъ другой-отъ вѣдь садилса на бѣль-шатёръ,
Какъ третей-отъ вѣдь садилса на сыру-землю,
Какъ первой-отъ воронъ-отъ воскуркаётъ,—
Какъ удрогла вѣдь матушка сыра земля;
Какъ второй-отъ вѣдь воронъ-отъ воскуркаётъ,—
80. Какъ сухое-то пенъе поломалося;
Ищэ третей-отъ вѣдь воронъ-отъ воскуркаётъ,—
Какъ нашъ-то вѣдь доброй молодець пробужаитце,
Отъ великою хмелинки просышаитце:
«Видно есь у насъ надъ городомъ незгодушка».
85. Какъ сряжалса вѣдь Добрынюшка Микитьевичъ,
Какъ собиралъ-то вѣдь Добрыня свой бѣлой шатёръ,
Поворотъ дѣржитъ Добрынюшка во свой городъ.
Приѣжжалъ-то Добрынюшка ноцнымъ временёмъ,
Какъ колотитце Добрыня у своихъ воротъ,
90. Выходила вѣдь Добрынюшкина родна матушка:
«Ищэ хто-же тутъ колотитце ноцнымъ временёмъ,
Ищэ воры-ли вы ходите, розбойники?»
— Ётпирай-ко-ся ты матушка родимая!
Запусти-ко ты меня удада добра молодца.—
95. Какъ заходитъ вѣдь Добрыня да въ гриню свѣтлую,
Какъ заходитъ вѣдь Добрыня въ спальну ложную,
Какъ вѣдь нѣтъ-то его да молодой жоны,
Ищэ спрашивать свою да родну матушку:
«Ищэ гдѣ моя да любима жена?»

- «Те подай Боже, Олѣша, во совѣтѣ жить!»
140. Наливаѣтъ-то вѣдь чару молода жона,
Ищѣ пьѣтъ-то вѣдь Добрыня съ едина духу:
«Те подай Боже, молодушка, согласно жить!»
Какъ сымаѣтъ-то Добрынюшка съ правой руки,
Какъ съ правой-то руки да злачѣной перстень,
145. Роздвигала-то вѣдь она дубовы столы,
Да падала ему да во рѣзвы ноги:
— Ты прости меня, Добрыня, во первой вины:
Какъ мое-то вѣдь дѣло подневольнѣе.—
Какъ онъ бралъ свою жену да за праву руку:
150. «Проздравляю тебя Олѣша съ молодой женой!
Благодарю тебя вѣдь князь да стольнокиевской!
Ты нашто надѣлса Илья Муромецъ?
Вы ужъ взяли жену да отъ жива мужа».

XIV. ДЕРЕВНЯ НАРЫГА.

25. Никоновъ Василій Артамоновичъ,

Никоновъ пустозерскій старшина, родомъ изъ Нарыги, а двѣ Нарыги большая и малая славятся на Печорѣ обиліемъ старинъ и мастерствомъ пѣть ихъ. Въ Нарыгахъ я, по случаю наступленія времени промысла, не былъ, но В. А. какъ волостного старшину встрѣтилъ въ Пустозерскѣ, гдѣ онъ въ волостномъ правленѣ и рассказалъ мнѣ, что зналъ. Это тоже типичный пустозеръ: маленькій, толстенькій, съ тихими, немного лъстивыми рѣчами. Старины свои сообщалъ мнѣ какъ-то таинственно, послѣ усиленныхъ просьбъ, точно рассказывалъ какую-то тайну, которая только-что случилась у него въ сосѣдяхъ.

96.

Потапъ Ивановичъ 12-ти лѣтъ.

- Подходилъ Шкурлакъ царь подъ Новгородъ,
Хочётъ Шкурлакъ царь взять Новгородъ,
Самолучшую-то силу повыгонить,
Худолучшую силу-то подъ пень склонить.
5. Богатырей во городѣ не лучилосе,
Быль одинъ Потапъ сынъ Ивановичъ,
Отъ роду Потапъ двѣнадцать лѣтъ;
Приходилъ Потапъ къ отцу, къ матерѣ,
Падаеть Потапъ въ ноги рѣзвые:
10. «Благослови меня отецъ, да нынѣ матушка,
Выѣхать мнѣ да на чисто полѣ».
Не спускаеть его да отецъ, съ матерью:
— Ты не ѣзди ты чадо малолѣтної.—
«Дайте благословеньицо поѣду я,
15. Не дайте благословеньицо поѣду-жо».
Сталь-то Потапъ да снаряжатися,
Онъ уздалъ-то, сѣдлалъ да коня доброго,
Заскакивалъ Потапъ да на добра коня,
И не видѣли его посадку молодецкую,
20. Тольки видять-то ' поли курива стоять.
Наѣхаль-то Потапъ на рать великую,
На ту-жо Литву, да на поганую:
Праву руку махнётъ, дакъ лежитъ улича,
Во лѣву отведётъ, дакъ переулками.
25. Отѣѣхаль тутъ Потапъ да во чисто полѣ,
Роскинулъ-то Потапъ да бѣль полотненъ шатѣръ,
Заснулъ Потапъ съ тяжкой работы.
Розоспалса Потапъ да тяжкимъ сномъ,
Взели собаки во полонъ Потапа,
30. Сковали Потапа въ чѣпи-оковы,
Повалили Потапа на телѣгу двоекольщету,
Потенули Потапа ' царю Шкурлаку;
Притенули Потапа ' царю Шкурлаку,
Говорить-то Потапу Шкурлакъ царь:
35. «Склонься мнѣ, Потапъ сынъ Ивановичъ!
Дамъ-то я тибѣ да золотой казны».

- Отвѣчатъ Потапъ сынъ Ивановичь:
— Кабы былъ-то я, жилъ да на своей воли,
Ссѣкъ-бы у тебя да поплець голову.—
40. Говорить-то Потапу Скурлакъ царь:
Молодой ты, дѣтина, серцомъ заплываишься,
Мнѣ царю да въ рѣчи не давайше,
Склонься мнѣ, Потапъ да сынъ Ивановичь,
Дамъ тебѣ доцерь я въ супружесво).
45. Говорить-то Потапъ да сынъ Ивановичь:
— Кабы былъ-то я, жилъ да на своей воли,
Ссѣкъ бы у тебя голову со дочерью.—
Отвѣчатъ ему нынѣ да Шкурлакъ царь:
«Молодой ты, серцемъ заплываишься,
Мнѣ царю да въ рѣчи не вдавайше».
50. Потенули Потапа во чисто полѣ,
Ко той ко плахѣ кровавой,
Отрубить у Потапа поплець голову;
Туть Потапъ и расплакался,
55. Въ умѣ-то Потапъ туть и взмолился:
«О, присвята мать Богородица!
Я стоялъ-то за Спаса Вседержителя,
Я стоялъ за Присвяту Мать Богородицу,
Я сталъ за чесны монастыри,
60. Я стоялъ за отца, за матеръ свою,
Я стоялъ за вѣру православную».
Бѣжитъ по чисту полю калика перехожая,
Крычить калика громкимъ голосомъ:
«Не бейте Потапа Ивановичя,
65. Дайте съ Потапомъ проститисе».
Съ рукъ-то, съ ногъ у Потапа жалѣза обвалилисе,
Съ шеи оковы да окатилисе,
Соскочилъ-то Потапъ туть на рѣзвы ноги;
Нечѣмъ у Потапа боронитисе,
70. Отъ рукъ отъ татарскихъ да нечестивыхъ,
Схватилъ-то Потапъ телѣгу двоеколычету,
Биль-то, ломилъ Потапъ многочисленно;
Побѣжалъ туть Потапъ ко добру коню,
Заскочилъ-то Потапъ туть на добра коня,
75. Бросилса Потапъ къ царю Шкурлаку:
«Ужь ты здравстуй, шкурлакъ нечестивой царь!

- Не ты-ли мнѣ давалъ царь золотой казны?
Не ты-ли-то давалъ царь супружесво?»
Сѣбѣ онъ у сабаки по плечь голову,
80. Сѣбѣ онъ голову и у дочери.

97.

Василій Буслаевъ въ Новгородѣ.

(Отрывокъ).

- Быль жить Буславей девеносто лѣтъ,
Не съ кѣмъ Буславей не ссаривалса,
Не съ кѣмъ-то Буславей не здаривалса,
Ноньце Буславей преставилса;
5. Оставайтце его да чадо милое,
По имени Василей сынъ Буславевичъ.
Поступки, пошпанка не отцовскія:
Выйдетъ съ малыма робятами играть на улицу,
Коего за руку схватить, рука вырвится,
10. Коего за ногу схватить, нога изломитце,
По середочки хватить—жизни кончаитце,
Стали къ матушки ходить, жалобу творить:
«Своѣ чадо уйм, либо насъ удали».
Туть-го Васиньки за бѣду стало,
15. За великую досаду показалося.
По городу онъ да погуливать.
На колѣнѣхъ ерлыцки-грамоты росписывать,
По дороженькамъ грамоты размѣтывать:
«Хто хоцѣтъ нсѣ-нить готового,
20. Носить хто хоцѣтъ припасѣного
Идите ко Васиньки ко Буслаеву».
Тѣ-же находятъ нѣтъ не нить, не нсѣ.
Идутъ-то, грѣдутъ ко Васинькѣ Буслаеву,
25. Васинька Буславевичъ того вязомъ,
Кой ударъ унесѣтъ, того къ себѣ берѣтъ,
Кой ударъ не унесѣтъ того проць пошлѣтъ.
У вора у Васьки у Буславѣева,
Не убито было не уѣдено,
30. Васко-хорошо было не ухожено,

- Великого увѣчья получено,
Собираль-то Буславьевъ на почесень пиръ,
Во первыхъ, на обѣдѣ былъ Оома толстой,
Оома толстой самъ ремесленной,
35. Во вторыхъ-то, былъ Кости повоторженниъ,
Во третьихъ-то, былъ Потаня хроменькѣй.

98.

Кострюкъ.

- Задумаль грозной царь Иванъ Васильевичъ пиръ
собрать,
Собираль онъ многихъ князей,
Собираль онъ многихъ купцей,
Собираль многихъ бояръ къ себѣ,
5. Изъумыльную рѣчь выговаривать:
«Я задумаль, братцы, женитисе,
Не у насъ на Москвѣ, въ проклятой Литвѣ». .
До петисотъ побѣжканъ наметалосе,
До трехсотъ провожатыхъ собиралосе;
10. Всѣ на пиру да напивалися,
Всѣ на чесномъ да наѣдалися,
Только одинъ проважатою не пьеть, не ѣсь,
Не пьеть онъ, не ѣсь, нечѣмъ не тѣшитя,
Именѣмъ его зовуть нынѣ Кострюкъ-Мострюкъ
Степановичъ.
15. Подходилъ-то дядошка Микита Романовичъ:
«Што-же ты, Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ,
Што-же ты не пьешь, не ѣшь, не тѣшишисе?
Съ хорошимя людьми ты не нежишисе?» .
Отвѣчать-то ему да Кострюкъ-Мострюкъ:
20. — Я прошоль-то семь городовъ.
Побороль я семь борцовъ,
Пострѣлилъ-то я семь стрѣльцовъ,
Посрамилъ я всѣхъ стрѣльцовъ,
Я желаю-бы со рускима борцами поборотисе.—
25. Выходилъ-то дядошка Микита Романовичъ,
На то крыльцѣ на прекрасное,
На то кружало государево.

- Зычить-то кричить громкимъ голосомъ:
«Нѣтъ-ли у насъ въ городѣ боротисе?»
30. Зычить-то дядюшка во втѣрой разѣ,
Самъ-то рвѣтъ свою сѣду броду,
Самъ-то брады приговаривать:
«Ужъ ты, сѣда моя брада!
Ты достанешся рвать видно рукамъ тотарскимъ,
35. Видно будѣтъ пріотвѣдатца самому старику».
Крычить-то, зычить Никитушка во третей разѣ.
Съ того-же славна царева кабака,
Идутъ-то два названные два брателка,
Одного именѣмъ зовутъ Васинька маленькѣй,
40. Другого зовутъ Потанюшка хроменькѣй,
Костылѣмъ-то Цотаня подпираетца,
Впередъ-то Потаня подаваетца,
Васинька маленькѣй мастеръ стрѣлетисе,
Потанюшка хроминькѣй мастеръ боротисе.
45. Приходятъ 'ны къ тому-же кружалу государеву:
«Ужъ ты здраствуешь, дядюшка Микита Романовичь!
Для чѣ-то тебѣ да люди скоро надобны?»
— Желать-то провожатой съ рускими борцями
поборотисе,
- Желать-то съ рускими стрѣльцами пострѣлетиса,
50. Тотъ-же Кострюкъ-Мастрюкъ Степановичь;
Онъ вѣдь по полу идѣтъ, колѣнки жмѣтъ,
На лавицу садицца куну берегѣтъ,
Это не быть, братцы, мущина, быть женщина.—
«Ужъ ты ой еси, дядюшка Микита Романовичь!
55. Доложся-косъ Ивану Васильевичу,
Ивану Васильевичу царю грозному:
Велитъ-ли онъ мнѣ да побороть Кострюка,
Побороть его, съ его платѣ снетъ,
Платѣ снетъ, нагогѣ спустить».
60. Отвѣтилъ тутъ имъ Иванъ Васильевичъ,
Иванъ Васильевичъ, самъ грозной царь:
— Лишь-бы Богъ помогъ.—
Подходилъ нынѣ дядюшка къ дубову столу,
Говоритъ-то нынѣ дядюшка таково слово:
65. «Што братцы, бояра, господа!
Што братцы, господа, провожатый!

Што-же Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ!

Не пѣшь, ты не ѣшь, не тѣшишься?

Ты съ почётными людьми ты не нежишься?

70. А питья-то и ѣствы у насъ на столѣ,
А борцы у насъ на дворѣ». Соскочилъ тутъ Кострюкъ-Мострюковичъ на рѣзвы ноги
У Кострюка тутъ сэрцо зрадоваласе,
Скоцилъ-то Кострюкъ черезъ дубовой столъ,
75. Стопталъ-то онъ трѣхъ Степановыхъ, трѣхъ, Юлановыхъ.
Выходили они да вонъ на улицу,
А хватилисе съ Потанюшкой боротисе;
Во первыхъ-то Потанюшку бросили,
Во вторыхъ-то Потанюшку бросили,
80. Во третьихъ-то Потанюшка справилса,
За рубашаньку Потанюшка зграбилса,
Металь Кострюка-Мострюка сына Степановича,
Металь его выше народа стоечего,
Бросилъ его о сыру землю,
85. Платье снялъ, да нагобó спустилъ.
Соскочилъ-то Кострюкъ на рѣзвы ноги,
За углы Кострюкъ забирайтца,
Долонью пирогъ прикрываётъ;
Туть-то Потаня пострамилъ её.
90. Выговаривалъ имъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Пойте удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Зеленымъ виномъ да базденежно,
Богъ пособилъ да пострамити имъ». Понесла-то гнѣвъ царица на царя Грозного
95. Руку накинётъ, дакъ пышитъ одва́,
Ногу накинётъ, дакъ дышитъ одва́;
Выходилъ Грозной царь за ворота вонъ,
Переложилъ-то платье его дядюшка Микитушка,
Снялъ онъ съ ней роту—дубьёмъ отодралъ.

Кострюкъ рассказанный Василиемъ Арт. Никоновымъ оканчивается такъ: царица Марья хотѣла задушить Ивана Васильевича за то, что тотъ позволилъ Потанѣ осрамить ея родную сестру. Узнавъ о покушеніи, дядя царя Никита Романовичъ «снялъ съ ней роту—дубьемъ отодралъ».

Князь Гогаринъ.

- Милъ сидишь возлѣ меня,
Гледишь радость на меня,
Чѣлуешь и милуешь,
Крѣпко къ сѣрцу прижимаешь,
5. Разлапушкой называешь:
Разлапушка дѣвушка.
Бѣлая лебѣдушка.
Твоя русая коса
До шолкова пояса,
10. До шолкова пояса
Твои кудрявы волоса.
Понизъ воды плывутъ стружки,
На стружкахъ сидятъ дружки,
Они играютъ въ тварожки, (такъ!)
15. Хорошо дружки играютъ, выговариваютъ,
Выговариваютъ, сами Гогарина бранятъ:
«Заѣдаетъ воръ Гогаринъ наше жалованье,
Харчево и годово, наше денежно».
На эти воръ на денѣги онъ полаты становить,
20. Полаты становить да бѣлокаменные,
Онъ и своды-те сводить, своды серебряные,
Онъ вѣдь трубы-те трубиль, трубы мѣденны,
Какъ не хуже и не лучше государѣва дворца,
Только тѣмъ однимъ похуже—золотого ерба нѣтъ.
25. «Еруславъ-бы городъ спобывать,
Да царя-бы увидать,
Золотой-бы ерлыкъ купить
Да верхъ-ѣтъ вызолотить».
За тѣ-же словеса опредѣлили молодца:
30. Его на лёгку работку—на каторгу,
На вѣчно житье-бытье—на вѣселицу.

100.

14-е декабря 1825 г.

- Молодой солдатъ да на чесахъ стоять,
Стоячись-то солдатъ да расплакался,
Зинуль ружьёмъ солдатъ въ сыру землю:
«Ты роздвинся, раздвинся мать сыра земля,
Ты откройся, откройся гробова доска,
Розорвись-кѣ, рѣзорвися рущата камка,
Ты возстань-кѣ, возстань нашъ благовѣрной царь,
Благовѣрной царь Алексанть Павловичъ!
25. У насъ всё-то нынче не попречному,
Придумали, братцы, бояришка думу крѣпкую:
«Кому, братцы, изъ насъ да государёмъ быть?
«Государёмъ быть, да акитантомъ слыть?
«Государёмъ-то быть князю Вильянскому,
30. «Акитантомъ слыть князю Волхонскому».
Воспрошлышело его да ухо правоё,
Разсадили ихъ по тѣмнымъ кибиточкамъ,
Розвозили-то ихъ да по тѣмнымъ тюрьмамъ.

101.

Жена разбойника *).

- Изъ подъ кустышка было ракитова,
Изъ подъ камешка было сѣрого,
Протекала-то-де рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, вода холодная.
5. Во этой рѣчки быстрой, въ водѣ холодной,
Красна дѣвушка она мылася,
Бѣдна бѣлилася,
Она мылась, слезно плакала,
Красоты она своей дивилася:
10. «Красотали ты моя, красоточка!
Охъ ты счастье-ли мое, счастьеце!
Талану-участи доля горькая!
На роду-ли то да мнѣ написано,
На дѣлу-ли то да мнѣ досталосе,

---

*) Пѣсня эта взята изъ переданной мнѣ тетрадки, заключающей 18 пѣсень.
Пѣсни записалъ съ голоса мѣстный крестьянинъ Егоръ Ивановичъ Дитятевъ, про-
шедшій курсъ сельской школы.

15. Въ жеребьи-ли мнѣ сповыпала:
Жениховъ-ли про меня не было?
Сватовья-ли на мнѣ не сватались?
Изъ бояръ-то-ли да сватались бояра,
Изъ купцовъ-то-ли сватались на мнѣ купцы,
20. Изъ крестьянъ-то-ли сватались молодчики;
Какъ нынѣ отдалъ меня родной батюшко,
Просватала родна матушка,
Какъ за вора, да за разбойника,
За ночного да подорожника;
25. Со вечера да онъ коня сѣдлалъ,
Со полуночи въ розбой сѣѣзжалъ,
Къ утру-свѣтичку домой вѣѣзжалъ;
Онъ кричитъ-зычитъ собачьимъ голосомъ:
«Ты ставай-ко-ся, жена немилая!
30. «Немилая жена, постылая,
«Добывай огня скорѣхонько,
«Затопляй-ко печь крутѣхонько,
«Ужъ ты грѣй-ко-ся воду ключавую,
«Ужъ ты мой-ко-ся платьѣ кровавое,
35. «Кровавое платьѣ, разбойницкое».
Я ставала млада скорѣшинько,
Тошила печку крутѣшинько,
Я нагрѣла воды ключавой,
Я стирала платьѣ кровавое;
40. Перву вымыла я, не раздѣрнула,
Втору вымыла, да развѣрнула,
Нашла эту рубашеньку, знакомую,
Знакомую рубашечку, примѣтную;
Закричала я громкимъ голосомъ,
45. Закричала я, сама заплакала:
«Ожъ ты гой еси, ладо немилое,
Немилый и постылый!
Ты пошто убилъ моего брата любимого?
Своего шурина постылаго?»
50. — Не я убилъ твоего брата любимого,
Своего шурина постылого,
Не я убилъ—убила темна ноченька,
Подстрѣлила калена стрѣла.—

Словарь мѣстныхъ словъ *).

Ажъ 21, 10—ужь, уже? см. Ожъ.

А к и т а н т ь, 100, 30—адъютантъ.

Алабышъ 47, 197—въ смыслѣ тѣпышъ. Первоначальное значеніе см. Алябышъ.

Алавіна или Улавіна 64, 63—жесткая трава, растеть у воды.

А-и ле, Але 21, 30—или.

Алябышъ, чаще Алабышъ 1, 181—особаго рода блинъ; отсюда Алады, Алашки напр. въ Вятской губ.

Бадья 7, 51—деревянное ведро съ узкимъ дномъ и широкимъ верхомъ, привязанное къ веревкѣ; достаютъ воду изъ колодезь.

Балбанъ 24, 99—болванъ, деревянный обрубокъ.

Банкетовать или еще Панкетовать 37, 72—пировать.

Бардовать 94, 286—слушать, понимать.

Баса 1, 146—красота, прелесть.

Баско-хорошо 4, 8—прекрасно, красиво.

Безчесьё 1, 285—несчастье.

Бершатыя сумки 46, 9—узорчатые.

Бершатыя скобки у сапогъ, 27, 18—м. б. отъ берчать—бренчать, по «олонецкому нарѣчію» Куликъ.

Бладень 40, 13—младенецъ.

Бладой, бладъ 12, 33—молодой.

---

*) Первая цифра обозначаетъ № былинны, вторая цифра— ся стихъ, гдѣ находится слово; сокращеніе „см “, значить с м о т р и; сокращеніе „въ см.“— что приводимое слово употреблено пѣвцомъ въ данномъ мѣстѣ были *съ* *смыслъ* *такимъ-то*. 26*

- Блевáть, вы́блевать 59, 143—вырвать.
Бой 1, 270—въ смыслѣ оружіе.
Бóльнѣ, больно 2, 171—въ смыслѣ очень.
Брáтаться 1, 261 — дѣлаться братьями, мѣняться крестами.
Брáтчина. 88, 26—напитокъ.
Браты́ня 12, 11—металл. сосудъ, изъ котор. пьютъ пиво и квасъ—(Подв. Архн. Кулик. Олон.).
Буёвая палица 19, 113—боёвая, для боя, для битвы.
Буржумѣцкое 19, 117 — Бурзомѣцкое копьё 6, 136—мурзамецкое, мурзинское.
Бурзумѣнтъ 30, 6—извращенное слово позументъ.
Вáровать 7, 103—слушаться; 2, 31—вѣрить.
Варово 21, 35—быстро, проворно.
Варóвой 63, 8—проворный, быстрый.
Валья́жный 24, 180—красивый.
Взáбыль 2, 149—на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно.
Взрадовáться 19, 54—обрадоваться.
Верхóвишшо, Верхóвище, 86, 165—темя.
Внóго 12, 10—много.
Водíться при борьбѣ 86, 135—схватившись другъ съ другомъ руками ходить, до момента когда роняютъ другъ друга.
Вóжлокъ или Вы́жлокъ 1, 66—собака.
Возгра́ивать 54, 47—см. граять.
Волочáжная сѹка 21, 163—безпризорная, бездомовая см. волочиться.
Волочíться 20, 304—бродить безъ призору, также: валяться безъ вниманья.
Ворóхнуться 88, 51—шевелиться.
Ворошíть стр. 256—трóгать.
Воскѹрканье 20, 334—кѹркать—каркать.
Востáрзанье 20, 335—растерзанье.
Врáндовать, не врáндовать 53, 114 — слушать, не слушать.
Въ любы придуть 24, 73 — будутъ въ пору, полюбятся.
Вы́жилъ 7, 118—въ см. выслужилъ, заработалъ.
Вы́знять 1, 382—поднять высоко.
Вы́крошить, повы́крошить 18, 243—перебить.

- Вы́пнуть двери 2, 51—сломать ногами.
Вышиба́ться изъ рѣчей, 14, 10, шибовиту жить 14,
63—говорить то, что не слѣдуетъ, лишнее.
Вы́чихнуть 37, 222—выскочить внезапно.
Вѣ́шво 84, 45—вѣжливость.
Га́лань 27, 110—гавань.
Гнѣ́ла, Гнѣ́лка 24, 142—глина, глинка.
Гну́си́на 82, 125—мышь. Гну́сь—общее наз. кома-
ровъ, мошекъ, оводовъ.
Годовъ петі́шта-же» 63, 43—годовъ пяти.
Горáздъ 94, 156—ловокъ.
Горáзна играть 11, 157—хорошо играть.
Гортáнь 85, 76—въ см. горло.
Гра́ять 37, 111—каркать.
Греду́тъ 97, 24—идутъ.
Гри́ня 3, 132—комната для собранія дружины.
Громѣ́тъ 25, 10—въ смыслѣ стучить.
Громѣ́тъ 1, 92—гремѣть, производить грохотъ, шумъ,
говорить громко.
Гру́бый ручей 51, 3—сильный, бурливый.
Грядка 25, 24—полка у стѣны въ избѣ.
Гузно́ 86, 146—сѣдалищная часть тѣла.
Гума́га 26, 47—бумага.
Давáице въ принеты 66, 114—дается, идетъ въ
принятые въ домъ.
Даръ божій 19, 20—въ см. хлѣбъ.
Де́рнуть, Оде́рнуть 66, 59—внезапно ударить.
Дице́-де всѣхъ 27, 384—дичѣе всѣхъ, всѣхъ глупѣе,
дураковатѣе.
Дозво́ль 17, 103—позволенье.
Докуча́ться 49, 81—добиваться.
Доло́нь 77, 30—ладонь.
Доспѣ́тъ 20, 157—случиться, сдѣлаться, но и сдѣлать.
Дре́безги 11, 130—разбить въ мелки дребезги—на
мелкія части.
Дроби́на 85, 96—гуща.
Другáстольки 42, 31—въ другой разъ столько-же.
Другі́жды 25, 87—въ другой разъ.
Думучі́сь 7, 18—думая.
Дыбу́нь, дыбучее болото, 19, 170—зыбунъ, зыбучее

б., тряси́на; поросшее мохомъ и болотн. растеніями земля, на которой выступаетъ изъ подъ ногъ вода. «Арх. Нар. Подв.»

Дѣитце 37, 197—дѣлается.

Дѣльнѣ 2, 120—правильно, справедливо.

Е 22, 404—есть.

Ёбзадѡрюсь 20, 196—см. обзадорюсь.

Ёбѣння 10, 10 обѣдня.

Едрѣной 63, 10—крѣпкій, сильный.

Ёжъ 23, 223—ожъ,

Ёкой 22; 413—экой.

Ёммѣнимсе 20, 40—обмѣнимся.

Ёрдá 26, 13—орда.

Ётоя 39, 27—эта.

Ефицѣрь 15, 26—офицеръ.

Ёхвота 7, 130—охота.

Ёчсливой, Очсливой, 3, 47—относящійся къ кому ниб. сообразно его чести, вѣжливый.

Ёчунь 9, 84—очень.

Жáлится, Нажáлится 23, 81—жаловаться, На-жаловаться.

Жáребцы 22, 206—жеребцы.

Жѣребей 94, 209—въ см. часть.

Живѡтъ 17, 57—имущество.

Забавлятьсѧ 2, 84—развлекатьсѧ.

Забѣдú стало 22, 200—обидно, оскорбительно показалось.

Завѣдú руки 1, 325—сочлененіе между кистью и предплечьемъ.

Загрѣзить, Грѣзить 17, 20—шалить, проказничать, бѣдокурить.

Зáлѣзной 23, 350—желѣзный.

Замѣнѧтьсѧ людьми 9, 13—см. засылатьсѧ.

За невѣдú, 1, 115—не изъ за чего, изъ за пустяковъ.

Запихáть 12, 66—затолкать, всунуть.

Заплывчивой родъ 24, 213—гнѣвливы́й, вспльчивы́й. Заплывчивое сердце—обидчивое, завистливое.

Засѣльщина 85, 101—въ см. деревенщина, необразованный.

Заспáть 20, 138—заснуть; заспаль—уснуть.

Засыла́ться людьми 9, 12—посылать людей вмѣсто себя.

Захлѹпывать 37, 220—захлѹпывать, накрывать чѣмъ нибудь.

Заю́тренья 22, 28—заутреня.

Здохъ, 26, 267—отдыхъ.

Здря, зря 2, 175—напрасно.

Звора́чивать 20, 274—поврачивается.

Згра́биться 98, 81—схватиться крѣпко, вцѣпиться.

Зеле нѣшинѣкъ 6, 118—въ см. очень молодой.

Злачные перстни 3, 32—золотые.

Знаменѹется гора 6, 18—видится, показывается.

Зревѣть, взревѣть 20, 240—вскричать, закричать.

Зрять 81, 156—глядить.

Зрыдова́ласе 54, 103—возрадовалась.

Зрѣть 1, 43—смотре́ть.

Зы́кнуть 17, 46—въ см. ударить изъ всей силы; обыкновенно-же—крикнуть громко;

Зыча́ть—кричать; зычный голосъ 2, 192—громкій.

Извихну́лись 1, 281—вывихнулись, выскочили изъ своихъ мѣсть.

Изгиля́ться 45, 296—издѣваться, глумиться.

Има́льникъ, има́льники 22, 397—ловцы.

Има́ть 19, 194—ловить.

Изорва́нчать 30, 5—въ см. узорчать, узорчатый.

Ись, по́йсь 26, 7—ѣсть, поѣсть.

Искита́ться 45, 296—см. изгиляться.

Ископы́ть 37, 134—слѣды отъ копытъ по дорогѣ.

Исподній 24, 132—нижній.

Исщербѣ́ться 1, 269—зазубриться.

Кака́ эка 4, 181—какая этакая.

Кали́ка, 20, 1—нищій, который поетъ духовные стихи.

Киски́ 57, 260—тиски.

Кичи́га, кичи́ги 4, 82—палка аршинъ двухъ величиной, на концѣ утолщенная и загнутая; кичигами молотятъ на Печорѣ хлѣбъ.

Клюка́ 5, 106—палка, посохъ.

Коври́га 19, 20—чистый ржаной, безъ примѣси ячменной муки хлѣбъ.

- Кокбра 88, 156—утолщѣніе дерева въ корнѣ.
Кольцѹжина 23, 116—кольчуга.
Колыхаться 82, 131—смѣяться.
Конаться 59, 136—просить, упрашивать, добиваться.
Копоть 1, 60—пыль.
Корысть 19, 162 — польза; чужа корысть — чужая польза.
Косица 78, 80—високъ.
Косявчато, косящато 3, 102—обшитое досками.
Кобшка подводная 90, 86—песчаная или каменистая мель на взморѣ.
Коя 1, 330—какого.
Красно-трубно-окно 4, 148—окно въ черной, курной избѣ, куда выходитъ дымъ, когда топятъ печь.
Крестоваться 26, 342 — обмѣняться крестами, въ знакъ братскихъ отношеній; равнозначуще — брата ть ся.
Крестовушко 81, 28—крестовый братъ.
Кровавиться 1, 267—запачкиваться кровью.
Кружало государево 4, 136—казенный кабакъ.
Круто, крутенько 94, 53—скоро, скоренько.
Кунá 23, 302—въ см. женск. половыхъ органовъ.
Куривá, Куревá 1, 151—дымъ, пыль.
Куропать, жен. р. 23, 361—куропатка.
Кычкó, кычки 21, 164—собака, кобель; на Печорѣ собака кличуть кычó-кычó.
Ладятъ 19, 192—хотятъ, намѣреваются.
Лесни 37, 160—ясли.
Лѣжня теплая, Лóжня 25, 21—спальня.
Лудá 90, 85—каменистая прибрежная мель.
Маниться 14, 40—годить, ждать.
Мáтица 26, 340—въ см. середина.
Мйса 65, 38—чаша.
Молѣбна 49, 123—молежня.
Муравленка-печь 16, 26—покрытая глазурью.
Набъ 16, 2—надо; не набъ—не надо.
Надѣрнуть 25, 55 — надѣть на скорую руку; надѣрнуласъ—надѣла наскоро.
На дымъ спустить 1, 93—сжечь.
Надѣвайся 95, 55—одѣвайся.

- Накида́ть, накинывать платье 35, 28—надѣвать.
Нако́нъ 1, 243—разъ; во первой ко́нъ — въ первый
разъ.
На опóръ 2, 17—на споръ.
На поплáвъ воды 1, 96—бросить въ воду плыть.
Напрокúчить 14, 56 — надо́сть, разсердить, набѣдо-
курить.
Напу́скъ 1, 164—нападеніе, наѣздъ.
Нару́шить 4, 248—убить.
Наса́дка у копыя 1, 280—мѣсто, гдѣ желѣзный конецъ
копыя прикрѣпляется къ пикѣ.
Наше́сточка 90, 115—нашесть — скамейка для греб-
цовъ въ промысловомъ суднѣ.
Не ётслышенъ быль 94, 14 — не ослышался, послу-
шался.
Не поклёпной сынъ 6, 109—на самомъ дѣлѣ сынъ,
дѣйствительно.
Нелáдичка 37, 92—безпорядокъ.
Непокуль 50, 37—не какъ.
Непоцѣ 20, 199—незачѣмъ.
Несурядливой во хмелю 81, 95—задорный, спор-
ливый.
Не упáдывать говорить 3, 86—не падать духомъ.
Нецѣ 4, 182—ничего.
Нни 19, 11—дни.
Ночёсь 2, 127—прошлою ночью.
Обзадóрился на цѣ 20, 52—прельстился чѣмъ.
Обѣщáться 19, 77—въ см. дать обѣтъ.
Оболокáть 24, 167—надѣвать.
Обрю́шиться 24, 203—обрушиться, свалиться.
Овернúть, обернúть 21, 152 — волшебное дѣйствіе,
сдѣлать, напр., изъ человѣка звѣря; Отвернúть 21, 154—
дѣйствіе обратное,—опять изъ звѣря человѣка.
Огумѣнны й 80, 236—живущій на гумнѣ.
Одвá 1, 186—едва.
Одѣвáльница 94, 78—одѣяло.
Ожъ 22, 135—ужъ?
Окарачъ 19, 238—«паль на óкарачъ», положеніе тѣла
въ согнутомъ состояніи, когда человѣкъ стоитъ, упираясь
въ землю руками и ногами.

Окользділась нога 1,287—подскользнулась, покати-
лась, оступилась.

Опочінутце 4, 255—отдохнуть, оправиться.

Отдальтесь 94, 226—отойдите.

Отпружилъ 2, 157—опрокинулъ.

Отъ ся 22, 52—отъ себя.

Оттуль 11, 131—оттуда.

Отшанула 94, 230—отшатнулась, отошла.

Отяпышь, Тяпышь 1, 180—шлепокъ, ударъ по тѣлу,
отъ слова тѣпнуть—ударить.

Очѣсливый, 1, 129—вѣжливый.

Пагубокъ, 19, 230—поддубокъ.

Пажобная тюрьма, 42, 5—гнилая, сгнившая.

Пай 17, 58—часть.

Панзырь 20, 60—панцырь.

Пельки, 86, 148—женскія груди.

Переваръ 26, 106—напитки, сваренные на праздникъ:
квасъ, пиво, брага и пр.

Переньнѣй 27, 54—передній.

Перепались 37, 67—испугались.

Перепѣхнула вѣтру полоска 1, 301—про-
неслась.

Перстѣнки 24, 50—перчатки.

Перѣчитъся 21, 5—спорить.

Перещепать 24, 149—взять верхъ, превзойти.

Пилькать, распилькивать, прироспильки-
вать 29, 8—глядѣть, разглядывать, подслѣповатыми гла-
зами, насмѣшливое выраженіе.

Пластаться 17, 83—дѣлать что-нибудь усиленно,
изо всѣхъ силъ.

Племѣденка, племѣненка 37, 65—племянница.

Плѣнка 80, 138—сѣтка для ловли птицъ.

Плестъ, Наплестъ стр. 59—врать, придумывать.

Плѣтныи сонъ 1, 394—крѣпкій, восстанавлиющій
силы.

Повальня 75, 106—сильная буря на морѣ.

Поварѣночка, поварѣнка 5, 8—большая дере-
вянная или жестяная разливательная ложка.

Поворотъ давать 8, 62—въ см. идти обратно.

Подмѣтывать, 1, 86—подбрасывать.

Подопнѹлась нога, 21, 70—запнѹлась.

Подпасть подѣ что-нибудь 26, 236—навалиться всѣмъ тѣломъ, чтобы уронить или пошевелить.

Подпинаться 19, 258—запинаться.

Подутóманье 1, 13—подъатамань.

Погалиться, Галиться 11, 164—смѣяться зло, издѣваться.

Поизыть 2, 181—выйди.

Пойсь 47, 164—поѣсть.

Поленица 3, 7—богатырша.

Положенье 89, 58—даръ по обѣту.

Покатилась съ плечъ голова 5, 49—въ см. опустилась.

Помѣшкать 73, 149—подождать.

Понафйда 49—128—панихида.

Поносить, 27, 106—нести.

Понять стр. 3,—въ см. выучить наизусть, напр., понять старины.

Порáто 4, 180—очень, сильно.

Порипкивать 75, 99—помигивать, рипать—часто мигать глазами.

Порозное мѣсто 64, 39—свободное мѣсто.

Порóть груди 1, 294—рѣзать.

Пóрскнуть 77, 35—отъ слова пóрскъ,—звукъ при разрывѣ ткани; пóрскнула—разорвалась издавая звукъ.

Послать на ускóрую 81, 82—наскоро.

Послѣнни-жь 22, 221—въ послѣдній разъ.

Поспровѣдать, провѣдать 47, 246—узнать, разузнать.

Потóпнить очи 1, 200—опустить глаза въ землю.

Потребиль 5, 108—въ см. извелъ, умориль.

Пóршни 85, 131—кожанная обувь безъ голенищъ, нѣчто вродѣ туфель, только для хожденія не дома, а на работѣ.

Потянуть телѣгу 96, 32—повезти.

Походить 27, 105—идти.

Преставился 59, 6—умеръ.

Пригибають съ клятвой 2, 25—наговаривають, лжесвидѣтельствують.

Пригодиться 1, 399—быть гдѣ-нибудь въ извѣстное время кстати.

- Прижнѣть 1, 226—признать.
Прилучилось 1, 347—пришлось.
Припадѣть на ногу 11, 95—хромать.
Приразляпаться 3, 13—разболтаться.
Приправа богатырская 1, 221 — вооруженіе богатыря.
Приставиться 21, 6—преставиться, умереть.
Проклаждаться 9, 8—проводить время пріятно.
Просвистала рѣка 4, 1—протекла быстро.
Проститься 4, 257—въ см. извиниться.
Протолмачивать 26, 58 — говорить, переводить съ
съ одного языка на другой.
Пуинки 2, 191—привязь коня.
Пурга-падера 70, 34—снѣжный буранъ въ морѣ.
Пѣшехонь 58, 10—пѣшеходъ.
Разрушивать залогъ 19, 174 — нарушать обѣтъ.
Раниться 1, 267 — получать раны.
Растулить 20, 172 — вынять втулку, тулку, деревян-
ный гвоздь изъ бочки, замѣняющій кранъ.
Ратиться 5, 127 — драться, воевать.
Ревѣть, заревѣть 1, 203 — въ см. кричать.
Релѣ, рѣлѣ 12, 54 — горка, холмъ, возвышенность въ
Олон. г. по Жулик.; въ былинѣ употребляет. въ смыслѣ
висѣлица.
Робить, сробить 51, 20, 21 — работать, сдѣлать.
Ровно-неровно 1, 217 — какъ будто, подобно тому,
какъ.
Рогозина 18, 130 — рогожа.
Родъ свесті 9, 17 — породниться.
Разсвистать 1, 418—разбросать.
Розволочать 22, 208 — розволокутъ, растащатъ въ
разныя стороны.
Роздубанить 62, 54 — раскупорить.
Размыкать книгу 78, 45 — раскрывать.
Росколыбаться 37, 112 — расшататься.
Росполубить 74, 40 — раскупорить.
Ростань 19, 148 — рѣстанъ, перекрестокъ, пересѣченіе
дорогъ.
Ростарзаньё 1, 421 — растерзанье, расхищенье.
Ростолочать 22, 207 — растолкутъ, растопчутъ.

- Рѹшатъ хлѣбъ 64, 53 — рѣзать.
Сáрцо 86, 73 — сердце.
Сбру́ня 1, 220 — сбруя.
Сбѣдетсе 2, 144 — сбудется.
Свѣснулъ 1, 303 — сбросилъ, бросилъ.
Сѣдни 2, 135 — сегодня.
Сенóтъ 15, 6 — сенать.
Сѣреда, 3, 78 — поль въ избѣ.
Силѣменка 40, 24 — соломенка.
Скóлькero 51, 47 — сколько; употр. крайне рѣдко.
Скопотѣтъ пески 80, 94 — поднять пыль.
Смердъ 85, 100 — въ см. мужикъ, человѣкъ низкаго происхожденія.
Сметья 20, 305 — помѣи, соръ.
Содѣлось 20, 198 — сдѣлалось.
«Спасáли князя» 47, 99 — говорили спасибо, благодарили.
Спѣчка, спѣца 25, 25 — деревянный гвоздь, вбитый въ стѣну, на которомъ вѣшаютъ платье.
Сподобля́ться 1, 136 — приготовляться къ чему нибудь серьезному.
Способствовать 18, 96 — пособлять, помогать.
Состѣгъ 47, 238 — настѣгъ.
Состоялось 20, 189 — сдѣлалось.
Срѣньней 27, 52 — среднѣй.
Степъ лошадиная, 1, 145 — спина у лошади.
Столѣшенка, столѣшница, 4, 216 — доска на столѣ.
Стрóсь 28, 101 — трость.
Ступáтъ 23, 241 — при игрѣ въ пѣшки, ходѣть.
Субóй 11, 52 — быстрое мѣсто на рѣкѣ или въ морѣ, гдѣ вода бѣтъ.
Сугóнь 5, 120 — погоня.
Суредѣтъ 80, 172 — снарядить.
Сыспóлнилось 86, 136 — исполнилось.
Тóщится казна 23, 113 — тратиться.
Трепѣтъ 93, 198 — рветъ, треплетъ.
Трупье 9, 101 — въ см. мертвое человѣческое тѣло.
Тыль 78, 76 — затылокъ.
Тюни 38, 8 — салоги изъ оленьяго мѣха.

- Тя, 22, 407—тебя.
Тяшыпъ 47, 196—ударъ ладонью по тѣлу, отъ слова
тяпнуть, ударить.
У дѣлѹ 4, 234—при дѣлежѣ.
Удрогнуть 95, 78—дрогнуть, задрожать.
Укѣтиста, Окѣтиста гора 22, 143—крутая, обры-
вистая.
Увалѣста гора 22, 143—противоположная крутой.
Уливѣться слезами 49, 133 — обливаться, горько
плакать.
Улыскѣться 49, 140—насмѣхаться.
Умылка 45, 31—улыбка; умылѣться—улыбаться.
Умыльная поглядочка 27, 40—умильная, веселая.
Умыльные слезы 49, 130—умильные.
Умылѣться 49, 134—улыбаться, усмѣхаться.
Уножь 11, 55—поль подъ ногами, въ данномъ случаѣ
палуба; упасть подъ уножь—подъ палубу, въ трюмъ; на
уножь—на палубу.
Усторонѣлись 94, 136—отошли въ сторону.
Учалъ 90, 8—началь.
Учуль 94, 102—почувствовалъ.
Учуть, учуять 1, 133—услышать.
Ушинка 57, 268—заноза.
Флюгаръ 4, 23—флюгеръ.
Хвостать, похвостывать 94, 208—хлестать, похле-
стывать.
Хилѣ 86, 198—хуже.
Хребѣтница 22, 352—хребѣтъ, спина.
Хромина посторонная 19, 8—отдѣльное помѣще-
нѣ; хоромина.
Хруцатá камкá 8, 43—шелковая цвѣтная ткань съ
узорами.
Чеблѣты 4, 42—штилеты.
Чѣрево 12, 42—въ см. женск. половыя органы.
Черкальчето сѣдло 19, 129—черкасское.
Чѣ или цѣ 3, 104—чего, что.
Чѣботы 80—242—сапоги.
Чумакъ 16, 13—цѣловальникъ, кабатчикъ.
Чуять 19, 263—слышать.

Чѣлко́мъ пехну́ль 20, 279—всуну́ль цѣликомъ, все, безъ остатка.

Шаба́шить 4, 225—кончатъ какое нибудь дѣло.

Шалабо́лка 23, 379—неважная, незначительная вещь бесполезная вещь.

Ши́шка стр. 37—передній, наиболѣе опытный бурлакъ.

Шо́лонь окатистая 24, 6—холмъ.

Шо́лыга 85, 133—дубина.

Шти 1, 228—щипки.

Што́фъ 30, 10—въ смыслѣ штабъ-офицеръ.

Шурмо́вать 1, 93—ударять, бросать.

Ща́нь 88, 18—чанъ.

Ще́лья 50, 51—гора на берегу рѣки или моря.

Шикъ 41, 14—штыкъ.

Щу́палы 10, 63—шесты для опредѣленія дна.

Ыщѣ́ 22, 167—еще.

Э́тамъ 2, 133—здѣсь.

Э́тта 22, 437—здѣсь.

Я́годица 79, 39—щека.

Яса́къ стр. 37—напѣвъ пѣсни или былины.

Указатель именъ *).

- Абатуй Абатѹевъ царь, 264—9.
Авдотья Микулисна, жена Данила Староильевича 166—8.
Авдотья дочь Облудишна 47—8; Авдотья Блудова вдова 193—4.
Авдотья Семеновна, дочь Семена Лиховитова 186—191.
Акіёнъ-море 310.
Алатьрь-камешокъ 132, 136; онъ-же Латырь.
Александръ Павловичъ, царь 158, 183, 401.
Александръ II, царь 62—64.
Алѣша Полувѣренинъ, сынъ Марьюшки Салтановны и Луки Даниловича 213, 282.
Алеша Поповичъ, поваръ на заставѣ богатырской, 5, 8; ѣздитъ съ Ильей Муромцемъ 43; на пиру у князя Владиміра 24—6; 140, 163—8 187, 191; 201—2—ѣдетъ за калкками; 260—3; 315, 332—7, 389—393.
Анна, племянница Владиміра-князя кіевскаго 293—7.
Аннушка, дочь Марины Чусовой-вдовы 193—6.
Аннушка Путятишна, живетъ въ Литовской землѣ 46—7.
Анастасья Петровична, сестра братьевъ Долгополыхъ 23—5.
Анастасія Семеновна, дочь Лиховитого царя 186.
Андронъ-поле 310.
Анисимъ Захаровъ 175.
Антоніевъ монастырь, 346—7.
Антоній старикъ, 350.
Апράксія-княгиня, жена князя Владиміра Кіевскаго 17—21; 29, 71, 115, 118—121; 198—200, 203, 228, 239, 263; 333—7; 346, 390—2.
Апросенья Семеновна, дочь Лиховитскаго царя 186—192; 339—341, 343.
Артемьевъ монастырь 196—7.
Архангельскъ, 157.
Астрахань 26, 45, 155 275.

*) Цифры означаютъ страницы.

Бабушка-задворенка, воспитательница Михайла Карамышева 100, 374—380.

Базыкова корова 14.

Батуишшо, онъ-же Абатуйишшо царишшо 54—6.

Блудно-Блудищо, отецъ Фатенка 193.

Бобръ осистой, 26; бобръ закаменской 353.

Богъ Саваовъ 310.

Богородица 171—2, 266—8, 231—4, 336, 345, 395.

Борисъ Горденовичъ 315, 17, 318.

Бранско́й-городъ 230—3.

Брюнской-король 182.

Буславей, онъ-же Буславьюшко 297 — 8; Буславъ 347, 396.

Бутманъ Колыбановичъ 59—62; 64—5

Буянъ-островъ 6, 163—5.

Бѣдовая деревня 370.

Бѣлое озеро 311, 329.

Бѣльской, бояринъ при дворѣ Ивана Грознаго 369, 370.

Варальское море 44.

Василій Буслаевъ 5, 38, 53—6; 151—5; 204, 298—301, 346—358; 381—8; 396—7.

Васька Захаровъ 155, 175.

Василей Ивановичъ, переряженая мужчиной жена Ставра Годинова 117—123.

Василій Игнатъевичъ 5, 29—32, 62—9, 73—6.

Василій Казимировъ 264—9.

Васинька маленькій 299, 307, 366, 398.

Василиса Микулицьна, жена Ставра Годиновича 115, 116.

Васинька Окуловъ, онъ-же Васька Прекрасной-царь 142—4, 149—150, 316—20.

Васинька Ханавовъ 175.

Визя Лазуревичъ 163—8; онъ-же Визя.

Вильянской-князь 401.

Владимиръ-князь, стольнокиевскій 16—25, 28; 33, 53, 68, 71—6; 80, 89, 93, 97—8; 102, 106—122; 124, 126, 129, 133—9; 166—8; 192—203; 222, 228—30; 233; 237—244; 251—4; 263—4; 268—9; 287, 293—7; 313—333—7; 342—3; 346, 389—393.

- Владиміръ-князь, Черниговскій 260—3.
Волга рѣка, матушка 26, 45, 234—5, 275, 301—2, 305.
Вольга Всеславьевичъ 331—2.
Волкъ рысучій 26.
Ворона пустоѣрая 11.
Волотóманъ Волотомоновичъ, царь 308—9.
Волховъ рѣка 50—1, 152—4, 349—50, 386.
Волхóнской-князь 401.
Галица Малая, Нижняя 123, 129, 321—2.
Гогáринъ-князь 400.
Голубинная книга 235—6.
Голубкова деревня 370.
Господь, Царь, Небѣсной-свѣтъ 236.
Госпожа Мать Богородица 70.
Граничники 223—4.
Гремитъ Манойловичъ, король Турецкій 292.
Греческая земля 81.
Гурьюшко, названой братъ Олеша Поповича 336.
Давыдъ Евсѣевичъ, царь 309.
Давыдъ-пророкъ 236.
Данило Борисовичъ, атаманъ казацкій 209, 213—18.
Данилко Денисьевичъ атаманъ казацкій 305—7.
Данило Игнатьевичъ 269, 272—4.
Данило Староильевичъ 162—8, 280.
Демрюкъ 307, 364.
Добрынина жена 389—393.
Добрыня Никитичъ 5, 8—10, 37, 41—5, 70, 98—101, 138—40, 191, 203, 232, 247—51, 253, 259—60, 314—16, 321—23, 338—40, 389—93.
Долгорукова княгиня 219—221.
Долгорукой-князь 57—8, 218—20.
Долгополые братья 38, 39, 232.
Донъ рѣка 156—7, 213—17, 305.
Дунай Ивановичъ, 338 5, 8, 16, 43—5, 186—192.
Дунай-рѣка 241.
Дѣвушка-черनावушка 130—1, 276—8, 383.
Дюкъ Степановичъ 5, 123—9, 332.
Егорей-князь 180—1.
Екимъ-паробокъ 260—3, 334—7.
Елесѣй-рѣка 132, 133, 136.

- Ерака Большебородой 175.
Ёрданъ-рѣка 154, 298, 300, 355.
Ерусалимъ-градъ 151—4, 298, 300, 352—3, 355.
Еруславъ-городъ 184, 400.
Естрѣпель, птица 310.
Жена разбойника 401—2.
Женщина снарядная 385.
Жена сторомáтера 362.
Зáмосква 366.
Застава татарская 75.
Златыгорка 13, 40.
Змѣй Горыцькой, любовникъ Маринки 99.
Змѣя лютая троеглавая 281.
Иванъ Горденовъ 313—321.
Иванъ Гостиновичъ 102—112.
Иванъ Васильевичъ Грозный царь 204—9, 307.
363—8, 370—3, 397—9.
Иванъ Великій 158.
Иванъ Тимоѣевичъ, отецъ Ильи Муромца 78, 80, 88.
Идолъ Жидойловичъ 293—7.
Идолище поганое 40, 89.
Илья Муромецъ 5—15, 16—21, 37—45, 124—129,
134—142, 168, 191, 221—230, 253, 256—8, 315—18, 332, 390—3.
Имбаль, король Литовскій 330—1, 333.
Исай пророкъ 236, 309—10.
Исусъ Христосъ 236, 355.
Казакъ Донскіе, Гребенскіе, Запорожные 156—7.
Казань городъ 26, 45, 155, 275.
Казаринъ Петровичъ 332.
Калика переходящая 395.
Кама-рѣка 156.
Камчужскій орелъ 377.
Кандрокъ-городъ 183.
Карамышовъ-городъ 374, 380.
Карачагово село 78, 88; Карчагово жили 228.
Карела пребогатая 123, 321—2.
Карчага рѣка 221.
Катерина, жена Егоря-князя 180.
Кашинъ-городъ 59.
Киршакъ, племянникъ Скурлы царя 66—7, 70.

- Киршикъ, зять Кудреванка-царя 133.
Киселиковъ-градъ. въ царствѣ Салтана Турецкаго 271—4, 282.
Кіевъ 11, 14, 17, 18, 27, 31, 35—6, 42, 70—3, 82—6, 89—90, 102, 106, 113, 123—4, 133, 137, 139, 183, 185, 191—2, 197, 205, 222—5, 230—9, 242, 251, 260, 263, 275—9, 285—7, 293—7, 313—7, 321—4, 333, 340—6.
Ключникъ, приемышъ князя Долгорукова 57, 58, 218—221.
Книги старопечатныя 18.
Ковшей Безсмѣртный 18—21.
Кончальникъ, 345—6.
Коньшакъ, зять Скурла царя, 70.
Копейщата-земля 240—1.
Король Литовской земли 45—46.
Костринскій городъ 182.
Кострюкъ Темрюковичъ 364—8. Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ 397—9. Кострюкъ Демрюковичъ 307—8.
Костя Новоторженинъ 299, 347—9, 354, 397.
Костя, братъ царя Александра, 63—4.
Кощѣй Трипѣтовъ 115.
Красна дѣвица, сестра Михаила Карамышева 378—81.
Красота-Касьянъ сынъ Степановичъ 199, 200, 203, 204.
Кремль-городъ 218.
Кривда 311.
Кудреванко-царь 133—7.
Кузенко Сибирчаженинъ 332.
Куликово поле 6, 70, 133, 371.
Куршакъ, свать Скурлы-царя 27, 70, 345.
Латырь-камешокъ 13, 40.
Левонтей, попъ Ростовскій 301—2, 334—5.
Леховитской-городъ, 338—9.
Лимбаль-король, Литовскій 169.
Лисица Берёзовка 45.
Лисица бурнастая 26.
Литва проклятая 288—291, 363, 397—9; Литва поганая 394; Литовская земля 45.
Лука Даниловичъ 209—213 269—273, 274 280—2.
Лука Петровичъ Долгополый 6, 8, 23—5, 141—2, 177.
Ляхово 27, 69, 87.

- Ма́ево побоище 142.
Макарьевскіе пески 20, 249.
Малюта Скурлатовъ, палачъ московскій 371 — 2
205—7.
Малюта-царь 324; Малюта-король 252; Малютинъ-
князь 33.
Малюта Скурлатьевна 33.
Малютисна, дочь Малюты короля 252—3.
Маривьяна 325, мать Скопина.
Ма́ринка 159, 160.
Маринка-душка лебедь бѣлая 241—4.
Маринка, волшебница подруга змѣя Горыцькаго
99—101.
Маринка-душка лебедь бѣлая, дочь Черниговск. кня-
зя, она-же Маримьяна прекрасная 313, 316—321.
Маринка Чусова вдова 47—9, 193—6.
Марія, царица, сестра Кострюка 307, 363—8, 399.
Марьюшка, дочь Салтана, короля турецкаго 212—213.
Матвѣй Петровичъ Долгополый 6, 8, 23—5, 141—2, 177.
Медвѣжина рѣка 81.
Миршакъ, зять Скурлы - царя 27; Миршикъ, сынъ
Кудреванка-царя 113.
Михайло Карамышевъ, 374—381. см. Казаринецъ.
Михайлушко Казаринецъ 177—180.
Мишка Торопанишко, конюхъ на заставѣ богатыр-
ской 58.
Монастырь вселенскій, Микола светителя 158.
Морско́й-царь 303—4.
Москва городъ 97, 158, 183, 205, 218, 245, 308, 370—1,
363—6, 397.
Муромъ-городъ 78, 88, 221—8.
Мыслеево озеро 196—7.
Настасья дочь Колашница, жена Пермьты Ива-
новича 276—8.
Настасья Салтановна, дочь салтана Турецкаго
271—4, 282.
Настасья Семеновна, дочь Леховитскаго царя 340—4.
Нева-рѣка 69.
Несѣй-рѣка 42.
Никита преширокій 5, 53 5; 265—9.

Никита Романовичъ, дядя царя Ивана Грознаго 160, 206—9, 307, 372—3, 364—8, 397—9.

Никитушка высокой 153.

Никитушка Романовичъ, отецъ Добрыни 97, 247, 258—9.

Никола святитель 52, 79, 139, 156—8, 179—80, 266—8, 302—4, 359—60, 363.

Новгородъ 50—1, 151, 260, 301—4, 346—350, 358, 360, 363, 370, 381—8, 394.

Новгородяны-мужики 349, 351, 382—8.

Новгородскій перевозъ 275.

Новотокмяны мужики 83, 152—3; они-же станичники и коробочники.

Новые города 97.

Нѣпръ-рѣка 128; Нѣпровскіе омуты 275.

Панкó русый 175.

Перегримищо-старичище 385—6.

Пермя Васильевичъ 5; Пермята Ивановичъ 130—2, 276—8.

Петръ Алексѣевичъ, царь. 60—2.

Петровъ день 276.

Петръ Карамышевъ, купецъ 374, 380.

Печора рѣка 370.

Питеръ городъ 183, 205, 245.

Племянники Лимбала, короля Литовскаго 169—175, 230—233.

Подобьская земля 242—3.

Потанюшка Хромой 5, 53—4, 153, 265—9, 299, 307—8, 348—9, 354—7, 366—8, 397—9.

Потапъ Артамоновичъ 286—292; см. Потапъ Ивановичъ.

Потапъ Ивановичъ, богатырь 394—6.

Подсушина 29.

Потыкъ Михайло Ивановичъ 5, 237—245.

Почевъ-рѣка 18, 20; Пучевъ-рѣка 27.

Правда 311.

Разбойникъ-воръ, ночной подорожникъ 402.

Резань, слобода и городъ 204, 247, 258.

Родивонъ превысокій 5.

Россія 62; Русская земля 158, 354, 363—4.

- Россійскій орель 377.
Ростовъ, городъ 216.
Саворъ-гора 235.
Садкó, купецъ новгородскій 234—5, 278—9, 301—4,
358—363. Садокъ, 50—2.
Салтанъ Лукоперенинъ, царь 282.
Салтанъ Турецкій 212, 271—4.
Самсонъ Колыбановичъ 5, 8, 315, 318, 332.
Саратовы-горы 6.
Святогоръ 256, 332.
Семень Лиховитыи-царь 44, 186—191, 338—340.
Сибирскій соболь 353.
Сивокамскій орель 7. 81.
Синиморя ледовитыя 378.
Скопинъ Михаилъ Ивановичъ 6, 33, 191, 252—4, 321—4.
Скурла-царь, 27, 28, 32, 66—70, 75, 287—291, 345—6, 394—6.
Скурлата Малютична, кума Скопина 324—5, см. Малюта
Скурлатьевна.
Смородина-рѣка 26, 45.
Сокольникъ 12—15, 40.
Соловей Будимировичъ 45—7.
Соловей Рахматовичъ 84—88, 223, 226—230.
Солóманъ, Премудрый царь 144—151, 236.
Сорока-бѣлобока 11.
Сорочина долгополая 354, 357.
Сорочинскія горы 270, 300—1, 354—6.
Сорочинское поле 6, 27, 70.
Спасъ Вседержитель 262, 266—8, 336 395.
Ставѣръ сынъ Гоудиновичъ 114—123.
Старець-гологузь, волшебникъ 370.
Старикъ бѣлый какъ куропать 278.
Стенька Разинъ 156, 182.
Степáновы, царскіе гости 399.
Сторона Западная, Сѣверная, Лѣтная, Полу-
ночная 6, 378.
Студѣное море 136.
Суздалъ-градъ 233.
Оглицѣнина, народъ 62.
Омельфа Тимошеевна 34--6, 123—9, 349—353, 355,
358, 382—8.

- Орда проклятая и Земля поганая 61.
Офимья Константиновна, жена Никиты Романова 259.
Тараканъ Заморенинъ 144—7, 150.
Татары трое, везуть дочь Петра Карамышева 378—80.
Татаринъ 9.
Тить-рыба 310.
Тугаринъ Змѣвъ 95—7, 134—8, 261—3, 334—7; онъ-же Угарище, Югарище, Идолище.
Туесь-городъ 181, 274.
Турецкая земля 292.
Турка, народъ 62.
Турзы-урзы 223—5.
Фатѣнко, 47—9, 193—6; онъ-же чудно-чудишно.
Федоръ, попъ Ростовскій 261 2.
Федоръ Черниговскій, князь, 316, 317.
Холщевская земля и городъ 238—9.
Христось Царь Небесный 310.
Царевичъ, старшій сынъ Ивана Грознаго 370—1.
Царищо-Поддопищо 361—2.
Церковь Свѣтлаго Христова Благовѣщенія 275.
Чахово 344.
Черниговъ-градъ 102—3, 105, 197, 203, 260, 313, 315, 333.
Черное море 231.
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ 182—3.
Чивудельскія плѣса 275.
Чудъ бѣлоглазая 354—7.
Чурило Пленковичъ 5, 125—132, 276—8, 332; онъ-же голошанишко 390.
Шахъ Персицкій 215.
Шахово 27, 69.
Шолкъ Россійскій и Шолкъ Шематинскій 384.
Фаргорская гора 308.
Федоръ-царевичъ, сынъ Ивана Грознаго 370—3, 205—9.
Ома толстой 348—9, 354, 397.
Ома широкой 153.
Французъ, народъ 62.
Юлановы (Улановы), царскіе гости 399.

4.500.100.3 # 2.17.1

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
по Отдѣленію Этнографіи.
т. XXX.

RECEIVED

APR 21 1933

LIBRARY OF
PEBAYU MUSEUM

ПЕЧОРСКІЯ БЫЛИНЫ.

Записалъ Н. Ончуковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Н. Соколова и В. Пасторъ, Фонтанка 58.
1904.

at H 51
e

L.SOC.100.54.2.14.1 (30)

Pechorskina bylina

Tozzer Library

AXE9399

3 2044 043 341 262

**This book should be returned
to the Library on or before the
last date stamped below.**

Please return promptly.

